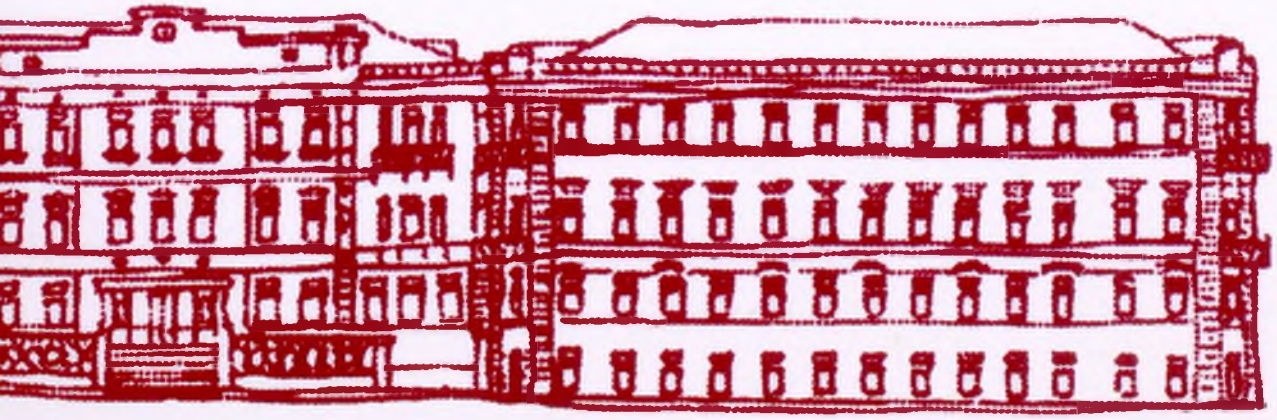
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ РОССИИ

БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)

18

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ РОССИИ

БЮЛЛЕТЕНЬ

Выпуск 18

К VIII Съезду российских востоковедов

ТРУДЫ

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА
2012

УДК 008(1-11)(06)
ББК 78.37
Б 98

Издание осуществлено при поддержке гранта РГНФ
№ 12-01-14034 г

Составители: К. В. Бабаев, Д. Д. Васильев, М. С. Мейер,
А. А. Столяров

Утверждено к печати Институтом востоковедения
Российской академии наук

Бюллетень Общества востоковедов. – Вып. 18 : К VIII
Б 98 Съезду российских востоковедов : Труды / Сост. К. В. Бабаев, Д. Д. Васильев, М. С. Мейер, А. А. Столяров. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – 312 с.

ISBN 978-5-9551-0587-1

ББК 78.37

В издание включены материалы докладов участников VII Съезда российских востоковедов, проведённого в сентябре 2010 г. в г. Звенигороде.

ISBN 978-5-9551-0587-1
© Общество востоковедов России, 2012

Содержание

Авидзба В. Ш.

Состояние и перспективы абхазоведческой науки 7

Бесолов В. Б.
(Владикавказ)

Вымирание или оживление и преемственное продолжение славных научных традиций отечественного кавказоведения 12

Бойко В. С.
(лаборатория «Россия и Восток»,
Алтайская государственная педагогическая академия)

Большая Центральная Азия как научно-образовательный объект периферийного востоковедения (опыт Российского Алтая)

Политология Востока или политическое востоковедение? О перспективах формирования нового предметного поля на стыке политологии и классического востоковедения 19

Воскресенский А. Д., Стрельцов Д. В., Лунев С. И., Колдунова Е. В.
(МГИМО-Университет МИД России)

Политология Востока и современные исследования мировой политики 26

Ерекешева Л. Г.
(Институт востоковедения
Республика Казахстан, Алматы)

«Сирия и Ливан накануне распада Османской империи в донесениях российских консулов» на VII Всероссийском съезде востоковедов к.и.н. Н. М. Горбуновой 39

Иванова И. И.

Кипрская проблема на современном этапе 52

Кадырбаев А. Ш.
(Институт востоковедения Российской Академии наук Москва)
Россия и тюркские народы в концепции ранних и современных евразийцев 65

Кальянова Т. П.
(Иркутский государственный университет)

Три десятилетия деятельности Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Иркутского государственного университета: опыт и перспективы востоковедения в провинциальном университете 79

Лавыш К. А., Щукина Н. В.
(Минск)

Изучение культуры и искусства Востока в Беларуси: проблемы исследователей 83

Ланда Р. Г.

Глобализация и политический ислам 101

Лещенко Н. Ф.

Эпоха Токугава(1603—1867) как феномен японской истории 115

Лушников О. В.
(Пермь)

Проблема геополитического, культурного и идейного наследия Монгольской империи в современной российской историографии 133

Мишкинене Г.
(Вильнюсский университет
Филологический факультет
Центр по изучению турецкого языка)

Востоковедение в Вильнюсском университете 153

Мухаметзянова-Дуггал Р. М.
(Уфа)

Государственные институты, реализующие политику в сфере свободы совести в России и Индии 165

Николаев В. П.
(ИВ РАН)

Об изучении российской диаспоры в странах Востока в Институте востоковедения РАН 14

Салакая С. Ш.
(Сухум)

Присоединение Абхазии к России в абхазской историографии 178

Сафаргалеев И. Ф.

Институт стран СНГ (диаспоры и интеграции)
и актуальные вопросы востоковедения 183

Синецкая Э.
(ИВ РАН, Москва)

Эффективный источник по новой социальной истории —
литературное произведение 215

Тимохин Д. М.
(ИВ РАН)

Монгольское завоевание Центральной Азии: современное
состояние и перспективы историографических исследований 233

Филоник А. О.

Проблемы Арабского Востока
в зеркале российского востоковедения 241

Хаматова А. А.
(ДВГУ)

О компетенциях востоковедов, необходимых им
в переводческой деятельности 246

Хохлов А. Н.
(Институт востоковедения РАН)

Торговля России с цинским Китаем в XVII—XX вв. —
актуальная проблема современной историографии России и КНР . . . 258

Худяков Ю. С.

Изучение процессов взаимодействия
и взаимного влияния
в военном деле русского, тюркских и монгольских народов
в Северной и Центральной Азии
в эпоху позднего Средневековья
и начале Нового времени 262

Чудодеев Ю. В.
(ИВ РАН)

Некоторые идеологические проблемы
во взаимоотношениях РФ и КНР (1878—2008 гг.) 280

Шаумян Т. Л.
(Центр индийских исследований
Институт востоковедения РАН)
Из истории установления советско-индийских
дипломатических отношений: роль личности в истории 290

Состояние и перспективы абхазоведческой науки

Когда мы говорим о современном состоянии абхазоведения, в определенном смысле являющегося частью сложносоставной и объемной востоковедной науки, то точкой отсчета служит распад Советского Союза — явление, которое оценивается неоднозначно не только представителями различных политических элит, но и учеными-гуманитариями — историками, обществоведами, экономистами, юристами и т. д. Оценки его диаметрально противоположны: от восторженных до резко негативных, и вряд ли имеет смысл сейчас заниматься анализом этих суждений.

Распад некогда общей для нас страны имел неодинаковые последствия для разных народов и государств. На Южном Кавказе он привел к известным региональным конфликтам, в том числе к открытому военному противостоянию Грузии и Абхазии. Несмотря на одержанную победу в этой неравной схватке, Абхазия оказалась потерпевшей стороной. Поскольку она отражала агрессию и, стало быть, на её территории проходили боевые действия, Абхазия подверглась большим разрушениям. Временно оккупированные грузинскими войсками территории подверглись тотальному разграблению. Экономический ущерб никто не собирался и не собирается возмещать. Но ситуация усугубляется ещё и тем, что были уничтожены очаги культуры и образования. Так, в частности, 22 октября 1992 г. без всякой военной необходимости были сожжены Абхазский институт гуманитарных исследований и Государственный архив. Тем самым Абхазии, наряду с людскими потерями, был нанесен тяжелый, невосполнимый культурный урон. В огне пожарищ сгорели практически все материалы по истории и культуре абхазского (и не только) народа. Собственно эта варварская акция и преследовала единственную цель — лишить абхазский народ исторической памяти.

Несмотря на тяжелейшее послевоенное положение, когда страна оказалась в экономической и информационной изоляции, мы начали предпринимать определенные шаги к восстановлению утраченного. Первым президентом Республики Абхазия В. Г. Ардзинба было принято решение о создании Академии наук Абхазии. И 30

октября 1997 г. был избран первый состав действительных членов Академии наук Абхазии»[1].

Главной целью созданной Академии первоначально являлось организационное укрепление и координация деятельности научно-исследовательских институтов Абхазии, а затем — разработка фундаментальных и прикладных тем в области гуманитарных и естественных наук. В настоящее время в республике функционируют семь академических институтов, в числе которых и Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа — единственное научное учреждение гуманитарного профиля, которое, собственно, и занимается исследованиями абхазоведческой проблематики. В Институте в настоящее время функционирует одиннадцать отделов и две лаборатории.

Тяжелые послевоенные годы для научной интеллигенции, и в особенности для абхазоведов-гуманитариев, стали своеобразной проверкой их преданности своей профессии. Бедность исследовательской базы, отсутствие архивных материалов, научной библиотеки и даже здания, а также потеря собственных библиотек и рукописей не сломили их, они выдержали все испытания и приступили к работе. Шаг за шагом шел тяжелый восстановительный процесс: приступили к проведению комплексных фольклорно-этнографических и археологических экспедиций, к изданию книг, начал выходить печатный орган института «Абхазоведение». Стали налаживаться контакты с коллегами из Российской Федерации.

На начальном восстановительном этапе серьезную помощь оказали нам коллективы научных учреждений и учебных заведений Северного Кавказа, Ростова, Москвы, Санкт-Петербурга, которые передавали в дар книги для научной библиотеки. Нельзя не вспомнить и о том, что наш институт получил в дар по завещанию личные библиотеки этнолога Н. Г. Волковой (Москва) и археолога А. Х. Халикова. Итальянский ученый, профессор Джео Пистарино также подарил нам 160 томов сборников исторических материалов[2]. Несмотря на бюрократические препоны все эти книги были доставлены в Сухум.

---

[1] *Салакая Ш. Х.* Наука // Абхазы. Серия «Народы и культуры». М., 2007. С. 444.

[2] О этом подробнее см.: *Авидзба В. Ш.* Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа: история, проблемы, перспективы // Кавказ: история, культура, традиции, языки.

Поначалу сотрудничество с научными центрами РФ носило эпизодический характер, но с 2001 г. оно стало более системным и взаимовыгодным. По результатам многолетних экспедиций по районам Абхазии А.Б.Крыловым в Институте востоковедения РАН была защищена докторская диссертация на тему «Религия и традиции абхазов. (По материалам полевых исследований 1994—2000 гг.)». Проведенная в Сухуме в 2001 г. международная научная конференция, посвященная 75-летнему юбилею института, стала заметным явлением, дав мощный импульс по налаживанию контактов с академическими учреждениями и вузами России. Были заключены договора о сотрудничестве с Институтом востоковедения, Институтом мировой литературы им. А.М.Горького, Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая, с Северо-Кавказским научным центром высшей школы Южного Федерального университета (Ростов-на-Дону), Институтом материальной культуры (Санкт-Петербург), с рядом республиканских научно-исследовательских институтов гуманитарного профиля Северокавказского региона, Магнитогорским государственным университетом, а совсем недавно — с Институтом антропологии им. Д.Н.Анучина Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

В большинстве случаев эти договоры не остались на бумаге, а явились основой для совместной плодотворной исследовательской работы. На территории Абхазии начались регулярные археологические раскопки памятников, принадлежащих различным историческим эпохам. Эти экспедиции проводятся совместно с учеными из Института археологии РАН, Музея Востока, Института востоковедения РАН. Их результаты публиковались в солидных журналах и сборниках. Ряд лет мы организовывали совместные экспедиции по Абхазии с учеными из Института этнологии и антропологии. В результате этого сотрудничества издан сборник статей «Послевоенное абхазское село» и капитальный труд «Абхазы» в серии «Народы и культуры». Имеется еще несколько совместных сборников, которые находятся в производстве.

В последние годы в Сухуме, на базе нашего Института были проведены такие научные форумы как: конференции археологов, посвященные памяти Ю.Н.Воронова и М.М.Трапш, конференции, посвященные З.В.Анчабадзе и В.Г.Ардзинба, Иналиповские чтения и ряд других. Практика этих конференций показывает,

что, несмотря на все сложности организационного и материального порядка, они открывают возможности для обмена опытом, для поиска новых исследовательских направлений, способствуют налаживанию нормальных человеческих и профессиональных взаимоотношений.

Важным объективным показателем развития гуманитарной мысли в нашей стране является тот факт, что за послевоенное время сотрудниками АбИГИ им. Д. И. Гулиа издано около 250 книг, в числе которых монографии, сборники статей, учебники и учебные пособия для школ и вузов Абхазии, сборники различных материалов и т. д.

Конечно, в силу сложившей ситуации, о которой уже говорилось, особое внимание уделяется нами переизданию абхазоведческих, ставших библиографической редкостью сборников архивных, фольклорных и этнографических материалов. Естественно, работаем и в плане создания обобщающих работ. Занимаемся написанием фундаментальных трудов — «Грамматики абхазского языка», «Истории Абхазии», «Истории абхазской литературы», 12-томного свода текстов «Абхазского народного поэтического творчества». Приступили к осуществлению проекта «Абхазской энциклопедии», для которой на первых порах готовим отраслевые энциклопедические словари.

Новые политические реалии обязывают абхазоведов ко многому. Если совсем недавно Абхазию называли не иначе как самопровозглашенной республикой, то сейчас она, благодаря прежде всего России, вышла на путь признания. Это обстоятельство повышает ответственность абхазских ученых-гуманитариев и требует от их работ соответствующего мировым стандартам качественного наполнения.

Сделано немало, но это ни в коей мере не должно давать повода для самоуспокоения. Наоборот, необходимо наращивать взятый темп и укрепляться организационно, количественно и качественно, преодолевая давние и вновь возникающие перед нами сложные проблемы. Прежде всего это относится к подготовке кадров высшей квалификации практически по всем дисциплинам абхазоведения. Частично эту проблему решает открытая при Академии наук Абхазии аспирантура, но о требуемых объеме и качестве, к сожалению, пока говорить не приходится. Практически полное отсутствие кни-

гообмена, слабая техническая оснащенность и труднодоступность Интернета, ограниченные возможности посещения библиотек и архивов не позволяют молодым (да и не только молодым) ученым надлежащим образом заниматься избранной специальностью.

В решении этих задач на помощь нам приходят коллеги из указанных выше и других институтов и вузов. Помогают нам в обеспечении книгами, подготовке кадров, своим участием в работе диссертационных советов, оппонированием защищаемых диссертаций. В этой связи хотелось бы особые слова благодарности сказать в адрес Института востоковедения, в котором и раньше и сейчас с особой теплотой и пониманием относятся к нашим проблемам, оказывая помощь в решении практически всех указанных выше проблем. Это и сбор научной литературы и обучение студентов в Восточном университете и аспирантуре. Особую теплоту нашим отношениям придаёт и тот факт, что в стенах Института востоковедения 20 лет проработал видный учёный-хеттолог В. Г. Ардзинба, ставший основателем современного абхазского государства и первым его президентом.

Решение проблем науки, стоящих перед Абхазией, я вижу, прежде всего, в сотрудничестве, а не в затворничестве. А. П. Чехову принадлежит известная фраза, несущая, казалось бы, несложную, но глубокую мысль: «Национальной науки не бывает, как не бывает национальной таблицы умножения». Неангажированный подход даже к самым сложным и спорным историческим событиям позволяет учёным разных стран найти пути для выработки концепции реальной, а не мифологизированной или ущербной истории.

Мне хочется верить в то, что VII Конгресс востоковедов России даст возможность выйти на новые рубежи обновления гуманитарной востоковедной мысли и послужит делу долгого и плодотворного сотрудничества.

Бесолов В. Б.
(Владикавказ)

Вымирание или оживление и преемственное продолжение славных научных традиций отечественного кавказоведения

Кавказский этнический, антропологический, лингвистический и культурный мир в свете дилеммы Запад или Восток как научная проблема представляет первостепенный интерес для учёных гуманитарных отраслей знания. На протяжении многих десятилетий не утихает полемический накал отечественных и иностранных исследователей вокруг проблемы этногенеза народов Кавказа, постижения их антропотипа и языка, мифологии и эпоса, музыки и песни, мелодии и танца, самобытной материально-художественной и духовной культуры, осмысления длительности и значимости индоевропейского и тюркского присутствия на Кавказе в древнейшую, древнюю и средневековую эпохи.

Неисчерпаемые природные богатства, динамика естественно-исторических, этногенетических и культурно-бытовых процессов, непрерывно происходящие на Кавказе, привлекали пристальное внимание к этому горному краю дивной красоты не только военных, промышленников и политиков, но и поэтов и писателей, зодчих и художников, ученых — представителей естественных, гуманитарных и социальных наук из стран Европы и Азии. Многочисленные путевые заметки, записки и зарисовки античных, древневосточных и средневековых авторов, труды исследователей нового времени стимулировали формирование в недрах классической ориенталистики совершенно оригинального научного направления, именуемого «Кавказоведение».

Кавказоведение, к а в к а з о л о г и я — это исторически сложившаяся в лоне мирового востоковедения наука, важный раздел, отдельная отрасль или самостоятельная ветвь ориенталистики, то есть комплексная наука о кавказцах, объединяющая ряд гуманитарных научных дисциплин, изучающих антропотип и язык, миф и эпос, фольклор и литературу, историю, географию, этнологию и

другие общие для народов Кавказского региона этнокультурные явления и художественно-исторические процессы, идентичные социокультурные проявления общественной жизни, а также современную этнодемографическую ситуацию, экологический, социальный, экономический и политический потенциал стран и народов Кавказа. Кавказоведение зарождалось в Европе и Азии в связи с пробуждением интереса к кавказским народам и странам, культурному наследию и природному достоянию Кавказа. Однако, в каждой республике Северного и Южного Кавказа научная проблематика, относящаяся к постижению истории, культуры, языка своего народа, в самой республике в понятие кавказоведения условно не включается (ибо она исследуется в рамках отечественной истории, филологии, мифологии, фольклористики и других отраслей гуманитарных и социальных наук того или иного субъекта Кавказского региона), но, вместе с тем, итоги исследования, научные труды представителей этих республик являются ценнейшим и значительным вкладом в развитие кавказоведения.

Первоначально, до середины, в некоторой степени и до конца XIX века, кавказоведение формировалось преимущественно как филологическая, главным образом лингвистическая, дисциплина и культурно-историческая область знания, основной целью которых было постижение общих явлений в языке и культуре кавказских народов. В лингвистике — это изучение живых (современных) и мертвых (урартский, киммерийский, скифский, сарматский, аланский, агванский, меотский, синдский, сиракский, аорский и др.) кавказских языков и памятников письменности (кавказская филология), процесса формирования и взаимодействия языков кавказского региона с целью выявления в их развитии черт общности и тенденций сходства. В культурно-историческом аспекте исследуется общность фольклорных циклов (в мифе, эпосе, сказке), сходство в песенном, музыкальном и танцевальном искусстве, традиционной повседневной одежде и парадном национальном костюме, в художественном ремесле и некоторых старинных обычаях, обрядах и ритуалах. Однако в дальнейшем кавказоведение охватило и другие области гуманитарных наук, включая и историю искусства (сходство в монументальной живописи, рельефной пластике, декоративно-прикладном искусстве и орнаментальном мотиве), историю градостроительства (идентичные принципы планировки и приемы застройки горных по-

селений), историю архитектуры и строительной техники (сходство в древней и средневековой фортификационной, гражданской, мемориальной и сакральной архитектуре, в строительных материалах и конструкциях), заняв самостоятельное место в тесном ряду аналогичных комплексных дисциплин, как, например: востоковедение, индоевропеистика, памироведение, балканистика, карпатоведение и др.

В нашем представлении Кавказской естественно-исторической среды, этногенетических процессов и культурно-бытовой общности и осмыслении универсального, всеобъемлющего понятия «Кавказоведение» — это неотъемлемая и органически составная часть классической ориенталистики и, одновременно, вполне самостоятельная отрасль востоковедного знания, определяемая как комплексная наука о биосфере Кавказа и всех его коренных этносах, независимо от антропологического типа, расовой, языковой, религиозной, национальной и социальной принадлежности. Отсюда следует, что кроме изучения живых и мертвых кавказских языков и памятников письменности, исследовательскую лабораторию кавказоведения составляют также научные дисциплины: историческая география и картография, историческая ботаника и историческая зоология, историческая антропология и расоведение, лингвистика и ономастика, мифология и религиеведение, фольклористика и литературоведение, древняя и средневековая история и источниковедение, археология и эпиграфика, историческая этнология и этногенез, история монументального и декоративно-прикладного искусства, история градостроительства, архитектуры и строительной техники, история музыки, песни и танца исконных кавказских этносов, говорящих как на кавказских, так и на индоевропейских (армянском и иранском) и тюркских языках.

В связи с прогрессом гуманитарной науки внутри кавказоведения постепенно сложились и продолжают формироваться самостоятельные этноареальные отрасли: *урартология, арменистика, картвелистика, сванистика, агванистика, азербайджановедение, абхазоведение, абазиноведение, адыговедение, карачаевоведение, балкаристика, аланистика, осетиноведение, вейнаховедение, дагестановедение, кумыковедение, ногайеведение, курдоведение, татоведение, талышеведение и др.* Вместе с тем неравномерный процесс развития кавказоведения во второй половине XX — начале XXI века стал основной причиной специализации некоторых его

проблемно-тематических разделов — история (древняя и средневековая), лингвистика (языкознание), филология (фольклористика и литературоведение). Непоколебимость устоявшейся традиции и достаточно высокая степень лингвистической изученности Кавказа, все же способствовала целостному выделению из кавказоведения в самостоятельную научную дисциплину кавказской филологии, и в первую очередь, кавказского языкознания, а точнее, лингвистики кавказоязычных народов. Также стала очевидной тенденция к дальнейшей научно-дисциплинарной филиации и к вычленению отдельных научных отраслей, исследующих монументальное и декоративно-прикладное искусство, архитектуру и градостроительство, религию стран и народов Кавказа. Тем не менее, кавказоведение продолжает развиваться как комплексная наука.

Истоки кавказоведения уходят в глубь веков, ко времени возникновения и укрепления первых царств и государств на Кавказе, и к периоду раннего средневековья, когда был создан алфавит, была осознана письменность и началась фиксация повседневных событий, мероприятий и церемониалов. Источниковедческой основой для развития кавказоведения были памятники эпиграфики, памятники письменности, сочинения античных авторов. Интерес к кавказским странам и народам проявляется и в более поздних исторических хрониках, географических описаниях и литературных памятниках эпохи средневековья: персоязычных, арабоязычных, тюркоязычных и монголоязычных авторов, начиная с IX—XI веков, сочинениях сирийских, византийских, древнеармянских и древнегрузинских авторов IV—XVIII веков и русских летописцев, являющихся ценными источниками для кавказоведения.

В новое время пристальный интерес к Кавказу и ее обитателям, их культуре и быту отразился в многочисленных мемуарах отечественных и иностранных путешественников, странствующих монахов, ученых-натуралистов и социологов, купцов, наместников и дипломатов, исследователей материально-художественной и духовной культуры, посетивших страны Кавказа. Инициаторами разработки многоаспектной кавказоведческой проблематики в XIX веке выступили петербургские ученые: А. М. Шёгрен, М. И. Броссе, А. А. Шифнер, П. К. Услар, А. М. Дирр, Д. З. Бакрадзе, К. П. Патканов, А. А. Цагарели, Л. З. Мсерьянц, В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский, Ф. И. Леонтович и другие, а также 25-летний Н. Я. Марр.

Затем, с конца XIX по начало XX века, кавказоведение вошло в иной, совершенно новый, подлинно научный уровень поступательного развития. Столичный город Петербург стал колыбелью формирования новых поколений ученых-кавказоведов и общепризнанным в мировой интеллектуальной среде центром интенсивного развития университетского и академического кавказоведения. Основоположником и лидером научного кавказоведения и, прежде всего, арменистики, картвелологии и абхазоведения, был неутомимый российский археолог, этнолог, историк и филолог академик Н. Я. Марр (1864—1934).

В те славные годы проблемы кавказоведения разрабатывались в трудах таких талантливых ученых, в том числе и учеников Н. Я. Марра, как: В. В. Бартольд, И. А. Орбели, Н. А. Адонц, Я. А. Манандян, И. А. Джавахишвили, И. В. Мегрелидзе, А. А. Фрейман, И. И. Мещанинов, В. Ф. Минорский, Б. Е. Деген-Ковалевский, М. О. Косвен, К. Д. Дондуа, М. А. Мисиков, Г. Ф. Чурсин, и другие, которые, начав свою деятельность в дореволюционной России, успешно продолжили ее в последующее время. Это был закономерный и плодотворный путь преумножения экспедиционных успехов и научных достижений в мировом кавказоведении, путь беспрецедентных научных открытий на территории Южного Кавказа, в исторической Армении.

В дальнейшем, в 1917—1972 годах в столичных городах России и ряда стран Кавказа преемственно продолжалась учебная и научная деятельность в прежних, классических центрах и были созданы новые замечательные очаги кавказоведения: кабинеты и лаборатории при Восточных факультетах ведущих университетов, отделы и сектора при академических институтах и крупнейших музеях и библиотеках. Это был период целенаправленного развития кавказоведения, стартовой платформой которого, несомненно, являлась научная школа Н. Я. Марра, период, когда движение кавказоведческой мысли искусно направляли по образовательному и исследовательскому руслу его талантливые ученики и соратники, а впоследствии выдающиеся ориенталисты-кавказоведы, достойно прославившие отечественную науку о странах и народах Востока.

Российское кавказоведение 30—70-х годов XX века, отличаясь от дореволюционной новой методологической основой, новыми идеями и целями его развития, в то же время сохраняет лучшие традиции старой школы отечественного востоковедения.

Большую роль в продолжении этих традиций сыграло активное участие в создании нового отечественного кавказоведения таких ученых, как Н. Ф. Яковлев, Е. М. Шиллинг, К. В. Тревер, Р. Р. Орбели, А. А. Иессен, А. А. Миллер, Г. А. Кокиев, Г. А. Капанцян, Г. В. Церетели, В. И. Абаев, Г. Ф. Турчанинов и многие другие, воспитанные на блестящих традициях дореволюционного русского кавказоведения.

Как ни парадоксально, но с редением когорты передовой, старой гвардии кавказоведов и нескольких рядов последующих поколений, постепенно движение кавказоведческой мысли пошло по нисходящему вектору. С последней трети XX века наблюдается заметное угасание научной деятельности университетских и академических кавказоведческих школ и наступление состояния кризиса в отечественном кавказоведении. По причине отмирания ученых-кавказоведов (уход, репрессии, смерть) в столичных городах России развитие кавказоведения словно замирает. Вопреки логике научного прогресса уже образовался значительный по хронологической протяженности вакуум, между уже одинокими и последними из могикан опытными кавказоведами и столь же единичными молодыми специалистами, как ни досадно, теперь существует непреодолимая опасность: может произойти разрыв научных традиций.

По вине некоторых координаторов настоящего и последующего развития отраслевых направлений востоковедения в последней трети XX века, кавказоведение постепенно пришло в упадок. Ныне в Москве и Петербурге в главных научных центрах кавказоведения остались доживающие свой век единичные специалисты, сохранившие трезвый ум и работоспособность.

Думая о ныне здравствующих и вспоминая об уже ушедших в мир иной кавказоведах, важно отметить весомый и нетленный вклад отечественных ученых и педагогов — представителей старой гвардии кавказоведов и их учеников, последователей и продолжателей в исследование древней и средневековой истории, материальной, художественной и духовной культуры стран и народов Кавказа, являющийся основополагающей платформой преемственного развития славных научных традиций отечественного кавказоведения. Невозможно дальнейшее исследование различных аспектов и проблем древней и средневековой истории и культуры стран и народов Кавказа без обращения к основополагающим трудам ведущих

представителей столичных школ отечественного кавказоведения. Надо заметить, что по сей день, еще не дана аналитическая оценка фундаментальным научным трудам маститых кавказоведов, полностью не раскрыто их потенциальное значение, не определено подобающее им историческое место в мировой востоковедной науке, в преемственном развитии кавказоведческой мысли.

Автор этих строк ясно осознает, что до сей поры не уделяется должное внимание таким важным и актуальным аспектам, как исследование методологических, источниковедческих, историографических, библиогра- фических, персонологических проблем истории развития российского и зарубежного кавказоведения. В связи со сложившейся ситуацией крайне важно начать планомерную научную деятельность над подготовкой следующих изданий: 1) исчерпывающего библиографического пособия отечественной и иностранной литературы по истории кавказоведения; 2) всеобъемлющего источниковедения и историографии отдельных научных отраслей кавказоведения; 3) фундаментальной истории кавказоведения в целом и по отдельным отраслям гуманитарных наук; 4) обстоятельного биобиблиографического словаря российских и зарубежных кавказоведов; 5) серии «Научное наследие корифеев российского и зарубежного кавказоведения»; 6) серии «Развитие кавказоведения в академических институтах, государственных университетах, крупнейших музеях и библиотеках России и зарубежных стран»; 7) серии «Проблемы кавказоведения на всемирных, международных, всесоюзных, всероссийских, региональных и национальных научных форумах».

Как ни досадно, вызывает беспокойство незаметное, казалось бы, исчезновение центров кавказоведческих исследований и резкое сокращение деятелей кавказоведческой мысли в России, прежде всего, в Москве и Петербурге. Вследствие чего издание кавказоведческих исследований неуклонно идет на спад. Ученые-кавказоведы — специалисты широкого профиля, владеющие громадным запасом гуманитарных знаний, теоретическими основами и исследовательской методологией ряда смежных наук, уже стали непростительной редкостью в интеллектуальном мире.

Ныне как никогда важно и весьма актуально приступить к возрождению научной деятельности столичных школ отечественного кавказоведения, прежде всего в центрах ориенталистики городов

Петербург и Москва. Ибо промедление, смерти подобно. Помимо несомненной научной значимости, акт возрождения и преемственного продолжения развития кавказоведения на новом витке динамичного востоковедного процесса, имеет огромное национально-государственное, социальное и политическое значение. Нельзя упускать из внимания существенный факт интернационального развития кавказоведения как ведущего аргумента в положительном исходе обоюдосторонних социальных, экономических и политических интересов между Россией и странами Южного Кавказа. В равной степени так же недопустимо и непозволительно лишать кавказоведение имманентного семантического смысла и благородного символического значения его роли как дипломатической миссии во благо дружбы и процветания славянских и кавказских народов, во имя прогресса всего человечества.

❁

Бойко В. С.
(лаборатория «Россия и Восток»,
Алтайская государственная педагогическая академия)

Большая Центральная Азия как научно-образовательный объект периферийного востоковедения (опыт Российского Алтая)

Алтай (Алтайский край и Республика Алтай) — не только одна из административных территорий азиатского приграничья России, но и часть культурно-исторического пространства, именуемого Большой Центральной Азией. Согласно классической научно-пространственной формуле этого региона, предложенной выдающимся американским востоковедом, профессором Гарвардского университета Р. Фраем, в него исторически входили «восточная Персия, Хорезм, Согдиана, Бактрия, Гиндукуш, Китайский Туркестан и Алтай» как зоны «фронтирных» культур между главными областями

оседлости Китая, Индии, семитского Ближнего Востока и лесами Восточной Европы[1].

Несмотря на попытки некоторых авторов ограничить Центральную Азию пятью пост-советскими республиками («минималистский» подход), исследователи, не уповающие на политическую коньюнктуру, придерживаются именно классической формулы, которая позволяет учесть как исторические, так и современные, а также прогнозируемые тенденции социально-политического и этно-культурного развития территорий и государств, образующих регион, расположенный между славянско-христианским, конфуцианско-буддийским и индуистским мирами.

В результате российской колонизации Сибири и среднеазиатских ханств (включая территории со слабооформленной государственностью, населенными казахскими и киргизскими кочевыми группами) в XVII—XIX вв. северный рубеж Центральной Азии стал более размытым в этно-культурном отношении и политически сдвинулся на юг. Это обстоятельство, однако не отменяло многосторонней ассоциированности южного пояса Российской империи, а потом СССР и России с прочими «полями» Большой Центральной Азии, которые, в свою очередь, тоже подвергались в той или иной степени ассимиляции или этно-культурному и государственно-политическому переформатированию (преимущественно тюрко-мусульманский северо-восток Китая, тюрко-таджикский север Афганистана и др.).

Проблемы исследования исторического прошлого, настоящего и будущего Центральной Азии приобрели особую актуальность в конце XX — начале XXI вв. — отчасти в силу особой энергетической и сырьевой привлекательности этого региона на рубеже столетий, но не в меньшей степени и благодаря политическим/геополитическим изменениям — появлению целой группы новых суверенных государств (Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркменистана). Именно в силу этого геополитического «землетрясения» в научно-экспертной среде, особенно на Западе и

[1] *Frye R.* The Meaning of Central Asia Conference on the Study of Central Asia, March 10—11 1983, Woodrow Wilson International Center for Scholars. Washington, 1983. P. 11—13; Pre-Islamic and early Islamic cultures in Central Asia // Turko-Persia in historical perspective / Ed. by Robert L. Canfield. Columbia University, 1991. P. 35—52

на местах, в последние два десятилетия сложился проблемно-тематический перекос в сторону этой группы государств и их предшественников, в ущерб исследованию широкого спектра проблем Большой (но отнюдь не «расширенной» в угоду каким-то политическим и прочим обстоятельствам) Центральной Азии — особого цивилизационного и межцивилизационного феномена, имеющего определенные историко-географические, этно-культурные и иные координаты, с тенденцией их динамики.

Изучение проблематики Центральной (в имперское и советское время — в основном Средней) Азии — давняя традиция отечественной науки, аналитики и публицистики, возникшая одновременно с практическим освоением ее территорий, а также борьбой с конкурентами — Британской и — по уменьшающейся тенденции — Османской империями, имперским и республиканским Китаем. Она поддерживалась на протяжении многих лет целыми коллективами и отдельными авторами, главным образом в российских столицах и самих колониальных окраинах (Ташкент, Самарканд и др.), и в гораздо меньшей степени — в Азиатской России, хотя и здесь велась научно-поисковая работа по изучению «инородцев», а также сопредельных территорий, других тем и сюжетов, составляющих предметно-объектное поле *центральноазиатики* в ее классическом понимании. Характерно, что начало этой традиции было положено выдающимся немецким ученым и естествоиспытателем А. Гумбольдтом, посетившим целый ряд территорий и населенных пунктов Азиатской России (в том числе Барнаул, Семипалатинск, Омск, Тобольск) в 1829 г. — в его трудах, посвященных Центральной Азии, рассматривались и различные проблемы Зауралья. Собственно местную традицию *центральноазиатики* укрепил его соотечественник В. Радлов, — учительствуя в Барнауле в 1860-е гг., он приступил к изучению аборигенных (в основном тюркских) культур и языков — его основные труды, подготовленные позднее в Санкт-Петербурге, составили славу российского востоковедения.

После значительной паузы, заполненной неустанной работой нескольких поколений краеведов и политически ангажированными разработками советской истории (преимущественно в рамках сибиреведения), возрождается интерес к историческому прошлому азиатского приграничья России. Его изучение было бы невозможно без усилий представителей целого ряда дисциплин — археоло-

гов, историков, географов, культурологов и пр., но далеко не все работы специалистов указанного профиля способствовали пониманию прошлого и настоящего Азиатской России в контексте ее ассоциированности с Центральной Азией. Безусловным вкладом в исследование истории международных отношений в Центральной Азии стали труды А. П. Уманского (1923—2005)[2] и В. А. Моисеева (1948—2007)[3], — и если первый из них был ученым-«одиночкой», то по инициативе второго, выходца из Алтайского края, сложившегося как востоковед в академических центрах Москвы и Алматы, в 1996 г. в Барнаульском государственном педагогическом университете было создано первое научно-учебное подразделение — лаборатория «Россия и Восток», — сфокусированное на проблемах исторической и современной Центральной Азии, а в 2000 г. в Алтайском государственном университете — кафедра востоковедения (основная специализация — китаеведение). Ныне на кафедре востоковедения АГУ разрабатываются преимущественно проблемы торгово-экономических и миграционных связей Сибири и сопредельных стран Центральной Азии в XIX — начале XX вв.[4] — представляется, что эти сюжеты недостаточны для полноценного учебно-воспитательного процесса и выполнения других функций специализированного вузовского подразделения — научно-экспертного участия в процессах разработки и принятия решений властными структурами, международных связей и пр. Кадровая корпоративность, характерная для этой кафедры, является реальной

---

[2] *Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII—XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980. — 290 с.; *Уманский А. П.* Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII веков. Ч. I — 171 с.; Ч. II. — 221 с. Барнаул, 1995.

[3] *Моисеев В. А.* Россия и Китай в Центральной Азии (Вторая половина XIX в. — 1917 г.). Барнаул: Аз Бука, 2003. — 346 с.

[4] См., например: Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: материалы международной конференции. Барнаул, 2008. Среди новейших инициатив такого профиля — проект 2009 г., поддержанный РГНФ: *Старцев А. В.* Сибирские предприниматели в Монголии во второй половине XIX — начале XX вв.

Своеобразным и важным исключением являются исследования по социально-культурной истории Казахстана (в рамках Российской империи) Ю. А. Лысенко, поддержанные грантом Американского совета исследовательских обществ (ACLS).

угрозой для дальнейшей подготовки специалистов чрезвычайно нужного для Алтая профиля.

Между тем, помимо китаеведения, для которого требуется наличие уникальной материальной и кадровой базы, перспективным направлением представляется и тюркский мир (не только Северо-Западный Китай, но и бывшие республики СССР, северные территориии Афганистана, Ирана, Индии), а также и другие территории/государства Большой Центральной Азии. Особого внимания и переоценки исторических, современных и предстоящих процессов заслуживают собственно российские анклавы Центральной Азии — Алтайский край, Республика Алтай, Тыва и др. Эти задачи довольно успешно решаются в рамках лаборатории «Россия и Восток» Алтайской государственной педагогической академии — располагая малочисленными ресурсами и силами, она за минувшие полтора десятилетия превратилась в один из наиболее активных центров научной и прикладной *центральноазиатики* в России и за ее пределами. В активе лаборатории — целый ряд международных конференций «Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур» (1997, 1999, 2001, 2003, 2005), Востоковедческих чтений памяти С. Г. Лившица (1996, 1998, 2000, 2002, 2004, 2007), научно-практических семинаров по этническим, релингиозным, миграционным проблемам азиатского приграничья России.

В формате индивидуального научного творчества сотрудниками лаборатории «Россия и Восток» выполнен целый ряд проектов, получивших грантовую поддержку в России и за рубежом. Монографии В. А. Бармина о политике СССР в Синьцзяне в 1919—1945 гг., подготовленные при поддержке Фонда Цзян Цзинго (Тайвань) утвердили изучение истории международных отношений в Центральной Азии,[5] исследования Ю. Н. Гужвенко этно-социальных отношений в Восточном Казахстане обозначили новое направление исследований на рубежах истории и этнологии[6] — эта новация не

---

[5] *Бармин В. А.* СССР и Синьцзян 1918—1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул, 1998. — 190 с.; *Бармин В. А.* Синьцзян в советско-китайских отношениях, 1941—1949 гг. Барнаул, 1999. — 198 с.

[6] *Guzhvenko Yu.* National Identity in Frontier Area: Case of Eastern Kazakhstan//ASIA ANNUAL 2007. ENVISAGING REGIONS. Ed.-in-Chief H. S. Vasudevan. Manohar, 2008. P. 209—222; *Гужвенко Ю. Н.* Восточный

состоялась бы без целой серии ее побед на престижных российских и международных грантовых конкурсах (РГНФ, РФФИ, Еврокомиссия и др.), многочисленных стажировок в ведущих учебно-научных центрах России и Европы.

Существенные результаты достигнуты В. С. Бойко — в сотрудничестве с Гарвардским (США), Кембриджским (Великобритания) и другими зарубежными университетами и научными центрами Европы, Азии и США, а также ИВ РАН он осуществил множество научных проектов по проблемам истории и современного развития Центральной Азии, завершившихся рядом коллективных и индивидуальных монографий[7]. В. С. Бойко регулярно представляет алтайскую и в целом российскую науку на международных форумах по азиатской тематике, он — член ряда редакционных советов зарубежных востоковедческих журналов (Индия, Иран, Пакистан). Начиная с 1990-х гг., В. С. Бойко проводит исследования по истории и современному положению азиатских общин в Сибири (корейцев, китайцев, афганцев и др.), сходные сюжеты, но другой этнической направленности — о русских в Центральной Азии — стали предметом изучения Ю. Н. Гужвенко (на материале Казахстана и Узбекистана) и Е. Н. Наземцевой (на примере Синьцзяна). Экономические связи Западной Сибири с Синьцзяном в раннесоветский период — фокус многолетних поисков Т. А. Шеметовой. Следует отметить, что одной из форм работы лаборатории «Россия и Восток» является участие в учебном процессе — ее сотрудники разработали и читают ряд спецкурсов («Большая Центральная Азия в мировой и региональной политтике», «Постсоветская Центральная Азия»).

Помимо лаборатории «Россия и Восток», проблемами, в той или иной степени связанными с Центральной Азией, в АлтГПА занима-

---

Казахстан: этносоциальные отношения в 1990-е — начале 2000-х годов. М.: Восточная литература, 2009. — 199 с.

[7] The New Silk Roads: Transport and Trade in Greater Central Asia. / Ed. by Frederick Starr. Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, Washington, 2007. — 512 p.; Boyko V. Endangered Heartland. Russian Central Asia between Domestic and External Geopolitics // Eurasian Perspectives. // Search of Alternatives / Eds. A. Sengupta and S. Chatterjee. Maulana Abul Alam Azad Institute of Asian Studies. Kolkata, 2010. P. 1—14; *Бойко В. С.* Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919—1953 гг. Москва — Барнаул, 2010. — 391 с.

ются и другие подразделения — кафедры, лаборатории. Так, в лаборатории исторического краеведения в русле указанной проблематики наиболее интенсивные усилия предпринимаются Т. К. Щегловой и некоторыми ее учениками — она подготовила фундаментальное исследование о торгово-экономических связях Западной Сибири и Степи (исторического Казахстана) в XIX — начале XX вв.[8] и инициировала разработку этно-культурных особенностей населения Алтая и сопредельных территорий — в рамках этого направления проведен ряд международных конференций «Этнография Алтая и сопредельных территорий»[9].

Уникальных результатов на перекрестках нескольких научных дисциплин достиг тандем А. В. Контев—В. Б. Бородаев (лаборатория исторического краведения АлтГПА) — их постепенный дрейф от краеведения к востоковедения воплотился в многие проекты и публикации различного жанра — учебные пособия по истории Барнаула, исследования по истории формирования государственных границ России по ее южному поясу, историко-картографические работы мирового уровня[10].

Краткий обзор состояния исследований по проблематике зарубежного Востока в вузах Алтайского края позволяет заключить, что на протяжении 1990-х и первого десятилетия 2000-х гг. на Алтае формируется оригинальное и междисциплинарное направление исследования Большой Центральной Азии, не обретшее, однако, должных научно-организационных форм и поддержки как местных, так и центральных — вузовских и административно-управленче-

---

[8] *Щеглова Т. К.* Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века : из истории российско-азиатской торговли. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. — 234 с.

[9] *Щеглова Т. К.* Телеутское население Нижнего и Среднего Причумышья Алтайского края по устным историческим источникам 1996-2002 гг.: идентификация и интерпретация // Центральная Азия и Сибирь : Первые научные чтения памяти Е. М. Залкинда. Барнаул, 2003. С. 258—267; См., например: Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы международной научной конференции. Вып. 7. Барнаул, 2008. — 503с.

[10] См., например: *Бородаев В. Б., Контев А. В.* Исторический атлас Алтайского края : картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI века). Барнаул : Азбука, 2006. — 136 с.

ских — структур. Между тем, развитие исследований по данной проблематике и подготовка кадров широкого профиля (предпочтительно в рамках регионоведения) — насущное требование и науки, и практики, связанное с особой ролью Российского Алтая как форпоста России в Центральной Азии. Формулой решения этого вопроса могло бы стать создание научно- и учебно-исследовательского института соответствующего профиля — предпочтительно межвузовского или как подразделения системы РАН (ее Сибирского отделения или отдела/сектора/центра ИВ РАН).

Политология Востока или политическое востоковедение? О перспективах формирования нового предметного поля на стыке политологии и классического востоковедения

Воскресенский А. Д.,
Стрельцов Д. В.,
Лунев С. И.,
Колдунова Е. В.
(МГИМО-Университет МИД России)

Политология Востока и современные исследования мировой политики

Исторически сложилось так, что в теоретических и практических исследованиях международных отношений и мирового политического развития научная мысль Запада, заложив основы данного направления, долгое время удерживала ведущие позиции, рассматривая другие страны и регионы мира в качестве объекта своих концептуальных построений. Примеры подобного подхода подробно проанализированы и наглядно проиллюстрированы в известном исследовании Эдварда Вади Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока» (1978 г.), рассматривавшего понятие «Восток» как конструкт, созданный западной политической, академической и

культурологической мыслью, в том числе с целью достижения собственных политических целей.

Нельзя не отметить также отдельные попытки учесть незападные реалии в рамках западных политологических исследований, предпринимавшиеся рядом ученых в 1970—80-е гг. В данном контексте отдельную группу составляют работы, в которых анализировалось внутреннее политическое устройство и политическое развитие восточных стран, а также с позиций западной теории концептуализировались особенности восприятия понятия «государства» и международных отношений странами Востока. К этому тематическому блоку относятся работы Дж. Фэрбэнка, Л. Пая, Ф. Риггза, К. Гирца, О. Уолтерса и ряда других авторов. Благодаря этим работам исследования международных отношений приобрели новый ракурс, высвечивающий совершенно иное отношение к взаимодействию государств на международной арене.

Политические и социально-экономические трансформации конца XX — начала XXI века привели к тому, что современный мир вступил в такой этап своей эволюции, когда уже отнюдь не исключительно западные страны стали определять не только сами параметры этой эволюции, но и научные рамки ее осмысления. Этот факт нашел отражение в современной академической мысли, что позволяет проследить достаточно четкую линию трансформации роли и места Востока в мировой, а также отечественной политической науке.

В данном контексте следует особо отметить ряд исследований последних десятилетий. В данном случае речь идет, например, о политэкономическом направлении, анализирующем новую экономическую роль Востока. Так, в работе А. Г. Франка «Ре-Ориент: глобальная экономика в век Азии» (1998 г.) основное внимание фокусируется на исследовании структуры и динамики мировой экономики с точки зрения всей системы (включая азиатскую подсистему), а не только ее европейской части.

Еще одна интересная группа исследований анализирует роль Востока в международных отношениях с точки зрения международно-исторического подхода. В данном случае следует отметить работы К. Бейли, Б. Бузана и Р. Литтла, которые приходят к интересному выводу о том, что на данном этапе необходима не переориен-

тация истории международных отношений (с Запада на Восток), а ее децентрализация[11].

Безусловно, отмеченные исследования не охватывают полностью всего многообразия трудов, анализирующих изменение роли и места Востока в современных международных политических и социально-экономических отношениях, однако позволяют прийти к однозначному выводу о том, что с течением времени все более весомыми становились голоса тех, кто настаивал на включении незападной проблематики в политический и политэкономический анализ международных отношений.

В то же время, как показывает предшествующий анализ, вплоть до современного момента никогда ранее политические исследования Востока и мировой политики не увязывались напрямую. В связи с этим представляется, что на современном этапе можно выделить два направления трансформации мировых академических исследований:

Первое представляет собой возможность появления и развития незападных концепций международных отношений и мировой политики, разрабатываемых в том числе самими исследователями стран Востока или с их непосредственным участием[12].

Второе акцентирует внимание на расширении незападоцентричных подходов в рамках теоретических построений глобального и промежуточного уровня, находящегося между универсальными и исключительно страновыми подходами. В рамках последнего направления отечественными востоковедами-политологами как раз и ведутся разработки, анализирующие проблематику Востока в контексте и с учетом развития такого явления как мировая политика.

Понимание международным академическим сообществом необходимости и плодотворности слияния классического страноведения (*Area Studies*) и отдельных дисциплинарных исследований в области международных отношений и мировой политики в единый

---

[11] Подробнее см.: *Bayly C. J.* The Birth of the Modern World, 1780—1914: Global Connections and Comparisons / C. J. Bayly. — Oxford: Blackwell, 2004; *Buzan B.* International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations / B. Buzan, R. Little. — Oxford: Oxford University Press, 2000.

[12] См, например: Non-Western International Relations Theory: Perspectives On and Beyond Asia / Ed. by A. Acharya, B. Buzan. — N.Y.: Routledge, 2010.

комплекс и формирование синтетической междисциплинарной области научного и образовательного поля[13] «зарубежное регионоведение»/ «мировое комплексное регионоведение»[14] (*Comprehensive Regional Studies / Global Regional Studies*), с опорой прежде всего на методологическую базу политической науки, привело к созданию в 1992 г. под эгидой Совета Европы общеевропейской информационной сети по международным отношениям и регионоведению (*EINIRAS*), участниками которой в настоящее время являются ведущие научно-исследовательские и образовательные учреждения из 24 стран Европы и Северной Америки. В этом же направлении последние годы начал осмысливать международно-региональную действительность и крупнейший международный форум по данной проблематике — «Международный конгресс по исследованию Азии и Северной Африки» (*ICANAS*).

В России уже сделан существенный шаг в разработке этого направления как на научном, так и на образовательном уровне. Так, за последние несколько лет в МГИМО-Университете МИД России была подготовлена целая серия изданий, посвященных комплексному анализу социально-политических проблем в современных регионах Азии и Африки с особым акцентом на сравнительные политологические методы исследования и взаимосвязь проблематики мировой политики и Востока. Обобщающий взгляд на эту группу работ позволяет говорить о том, что рассмотрение специфики функционирования региональных подсистем на Востоке в контексте проблем глобального политического развития стало солидной

---

[13] О проблеме продуцирования новых знаний в междисциплинарных областях см., в частности: *Торкунов А. В.* Фундаментальность в общественных науках // Независимая Газета, 7.12.2007.

[14] В России учебное направление получило название «зарубежное регионоведение», в то время как исследовательское направление, находящееся на стадии трансформации в синтетическое научное направление со своим кругом дисциплинарных методологий и исследовательских методик получило наименование «мировое комплексное регионоведение» (МКР), пока еще не являющееся общепринятым. Подробнее см.: *Воскресенский А. Д., Ефремова К. А., Лунев С. И., Лузянин С. Г.* Модульный принцип обучения востоковеда в условиях Болонского процесса / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 9—11.

основой как собственно исследовательского направления, так и, в частности, его учебно-практической составляющей.

В настоящее время, ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что любое теоретическое объяснение современных международных политических и экономических процессов не может считаться полным без анализа их специфики в незападных регионах мира, поскольку именно к этой части земного шара относится большинство участников международной системы. Вместе с тем на протяжении достаточно длительного времени теоретическое осмысление особенностей азиатских и африканских регионов с точки зрения комплексного сравнительного политического анализа заметно отставало от рассмотрения аналогичных процессов в западном мире. Подобная ситуация зачастую приводила к тому, что теоретические подходы, основанные на западных реалиях, автоматически считались применимыми ко всем остальным частям земного шара, что в конечном итоге вызывало существенные искажения в понимании политических процессов в Азии и Африке, а искажения на уровне понимания вели к просчетам на уровне практики международного взаимодействия. В этом контексте суть более широкой научной проблемы, вскрытой в анализируемых нами политологических работах, заключается в разработке и применении в конкретном практическом анализе научных принципов определения соотношения общих (общеполитических) и специфических (региональных/страновых) закономерностей в русле развития мировой политики.

Эти дискуссионные вопросы были обозначены в коллективной монографии преподавателей МГИМО-Университета *«Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений»* и задали вектор дальнейших исследований в данной области.

За последние десятилетия процессы регионализации стали важным аспектом политической и экономической трансформации мировой системы, что подчеркивает значимость востоковедной политологии. Если рассматривать глобализацию как «возникновение новой системы мирового хозяйствования», а регионализацию — как «формирование экономических связей в регионе на основе географической расположенности государств», то эмпирический материал двух последних десятилетий показывает, что экономические связи всех видов развивались преимущественно между стра-

нами относительно сопоставимого уровня развития и во многом на региональном уровне. В интеграционных группировках наблюдается выход воспроизводства за национальные границы, но поскольку внутри каждой из них государства-члены обладают определенными преимуществами при перемещении капиталов, товаров и услуг, то происходит выход не на мировой, а на региональный рынок. Эффективность такого рода экономических группировок нередко привлекает новых членов тем самым, пространственно расширяя этот сегмент мирового хозяйства. Но большая выгодность, а зачастую и большая безопасность операций внутри объединения из-за ослабления внешней конкуренции и усиления переговорных позиций ведут к опережающему росту внутрирегиональных связей по сравнению с международными. По достижении определенного момента («критической массы») регионализация может начать сдерживать глобализацию, так как последняя может оказаться менее выгодной и более рискованной, либо бросать ей своеобразный «региональный» вызов, корректируя направление ее развития.

Отечественные исследователи уделили большое внимание деятельности различных региональных интеграционных группировок, представляющих собой добровольное объединение ряда стран конкретного региона, основанное на международных соглашениях для достижения какой-либо общей провозглашенной цели, как правило, в сфере экономики. Возникновение региональных объединений в целом накладывает определенные ограничения на мирового лидера, поскольку они, как правило, выступают против «унилатерализма» США.

Проведенный анализ четко продемонстрировал, что существуют различные типы региональных интеграционных группировок. Первый тип (ЕС, МЕРКОСУР) с самого начала преследовал, главным образом, достижение экономических целей. Политическое же взаимодействие лишь способствовало осуществлению этих задач, хотя на дальнейшем этапе развития стало приобретать и самостоятельное значение. Второй тип (ОЭС) ставит во главу угла политические цели, и результативность подобной региональной интеграции весьма сомнительна. В то же время очевидно, что за общим понятием «регионализм» могут скрываться самые различные процессы и явления, а следовательно, от типа (открытый/закрытый) и характера регионализма зависит и его влияние на международные отношения.

Необходимо отметить, что рост межгосударственного взаимодействия на региональном уровне в качестве значимой тенденции мирового развития определяют не только экономические, но также *политические* и *культурно-цивилизационные факторы*. В связи с этим весьма вероятен переход мировой системы именно к многополярному и многоцивилизационному миру, с усилением интеграции внутри регионов и проявлением противоречий между ними — культурными, экономическими, политическими и иными. Существует достаточно фактов, чтобы рассматривать регионализацию не как промежуточный этап на пути глобализации, а как конечную цель на данном историческом этапе развития человечества, — то есть она может стать (но может и не стать) препятствием на пути дальнейшего развития этого комплексного макропроцесса. В рамках такого концептуального объяснения, макрорегиональные комплексы (Восточная Азия, ЕС и др.) могут выступать в качестве прообразов полюсов новой полицентричной мировой системы.

В данном контексте особую актуальность приобретает вопрос о том, какие политические принципы определяют на современном этапе функционирование восточных обществ в отдельности и восточных регионов в целом, как эти общества реагируют на глобальные политические процессы, что определяет тенденции политической модернизации в странах Азии и Африки, как эти страны воспринимают политическую модель «экстралиберальной демократии американского типа», продвигаемую США по всему миру и какие альтернативные модели политического развития, и, в частности, модели демократии, формируются на Востоке[15]. Этот комплекс проблем был рассмотрен в двух книгах коллективной монографии *«Политические системы и политические культуры Востока»*. Раскрытый и глубоко проанализированный материал органично восполнил пробел, связанный с недостатком мировой и отечественной исследовательской политологической литературы, посвященной особенностям политических систем и политических процессов на Востоке.

---

[15] Детальная классификация с развернутыми сущностными объяснениями представлена в авторской версии в книге: *Воскресенский А.Д.* Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 166—168.

Поскольку данная монография выступает в первую очередь как компративистское исследование, существенную часть работы занимает обоснование методологических основ классификации политических систем стран Востока по формам правления, типам политической культуры и т. д. Особенности политической культуры стран Востока предстают прежде всего в виде «переплетения черт и элементов, институтов, стереотипов мышления, норм и обычаев, традиционных для афро-азиатских народов, с заимствованиями из теории и практики западного мира» [16].

В то же время анализ политической жизни современных стран Востока не мог бы считаться полным без ее международно-политической составляющей. Существенное внимание исследователями МГИМО было уделено генезису и закономерностям развития региональных подсистем. Значимость данного исследовательского направления напрямую обусловлена необходимостью дать сущностную оценку нового этапа международных отношений, а также проанализировать проблемы глобального лидерства с учетом региональных тенденций. Данный комплекс проблем рассматривается отечественными специалистами в коллективных монографиях *«Китай в мировой политике», «Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия: контуры безопасности», «Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий», «Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации»,* а также в исследования В. Я. Белокреницкого *«Восток в международных отношениях и мировой политике».*

Подход, в рамках которого основное внимание было привлечено к Северо-Восточной и Центральной Азии, в целом представляется достаточно обоснованным. Китай — крупнейшая полупериферийная страна и региональная держава, которая в настоящее время превращается в центр отдельной подсистемы международных отношений (Большая или Расширенная Восточная Азия и «Большой Китай»)[17], постепенно становясь основным (хотя и гипотетическим) кандидатом на статус второй сверхдержавы. Отечественными ис-

[16] Политические системы и политические культуры Востока М.: АСТ: Восток — Запад, 2007. С.118.

[17] Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет, 2010.

следователями справедливо отмечается, что «именно Китай скорее всего способен бросить вызов Западу, и прежде всего США»[18]. По объему ВВП (в расчете по паритету покупательной способности) КНР вышла на второе место в мире, Япония переместилась на третье, хотя экономический кризис ставит под сомнение простые количественные параметры развития стран и регионов. Азиатско-Тихоокеанский регион является наиболее динамично развивающимся районом земного шара, и Дальний Восток России — ворота страны в эту бурно развивающуюся макрозону, переформатирование которой после экономического кризиса повлияет на всю мировую систему отношений. Экономический потенциал Сибири и Дальнего Востока огромен, именно здесь лежит возможность для Российской Федерации стать действительно мощной евразийской державой, но и вызовы для России, исходящие из этого макрорегиона также нельзя сбрасывать со счетов.

Особую сферу востоковедной политологии образует оформившееся недавно исследовательское направление, связанное с рассмотрением специфики развития центральноазиатских обществ. Сложности анализа процессов, происходящих в данном регионе, в немалой степени проистекают из несформированности данной проблематики в советский период. Вплоть до конца 1980-х — начала 1990-х годов центральноазиатские общества рассматривались в основном как часть общесоветского экономического, политического и культурного пространства, внутри которого особенности национального социально-исторического опыта жестко ограничивались общими «закономерностями» эволюции советского социума. Однако возникновение пяти независимых центральноазиатских государств, фактически образовавших новый субрегион на евразийском пространстве, привело к существенным изменениям в международно-политической ситуации и закономерной потребности в адекватном анализе данных процессов, особенно в связи с появлением новой международной региональной организации ШОС (Шанхайская Организация Сотрудничества).

Пристальное внимание авторов привлекли контуры безопасности и динамика взаимодействий в регионе. За 1990-е годы республики Центральной Азии стали сильно различаться по самым

[18] Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001. С. 481

разнообразным параметрам, включая политические, социально-экономические и культурно-цивилизационные. В этих условиях, как отмечают авторы, на формирование системы региональной безопасности «определенное позитивное воздействие может оказать и в целом стабилизирующий на сегодня внешний фактор: это — и влияние многостороннего сотрудничества в рамках ШОС, и определенная активизация России и Китая в Центральной Азии, ... и в целом, пусть и не вполне однозначная, роль американского присутствия в регионе»[19].

Наращивание темпов глобализации и обострение связанных с нею проблем, с одной стороны, и усиление региональной составляющей мировых экономических процессов, с другой, актуализирует задачу проведения региональных срезов мировых проблем, к числу которых, бесспорно, относится и проблема энергетической безопасности. Как стоят эти проблемы в региональном измерении? Способствуют ли эти проблемы центростремительным тенденциям в отдельных регионах и субрегионах или, наоборот, ведут к разобщению и дальнейшему разделению по «национальным квартирам»? И если интеграционное начало превалирует на региональном уровне, а глобалистские антикризисные механизмы пробуксовывают, то смогут ли ответить на новые вызовы региональные структуры политической и экономической безопасности? Все эти вопросы, по сути относящиеся к мирополитической области, стали стержневыми для еще одного проблемно-тематического блока отечественных востоковедных исследований.

Пожалуй, одним из центральных концептов монографии «*Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии*», «стягивающим» воедино достаточно разнонаправленный и многоплановый комплекс затронутой в ней проблематики, можно назвать идею о новой роли геоэкономической составляющей в международных отношениях постбиполярного периода. Как отмечал один из авторов книги А. Ф. Клименко, «эволюция военной стратегии в условиях глобализации во многом обусловлена

---

[19] Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: РОССПЭН, 2004. С. 447

сменой геополитической парадигмы на геоэкономическую»[20]. Иными словами, основным источником противоречий между акторами международных отношений выступают в первую очередь геоэкономические факторы, то есть экономическая составляющая во многих случаях начинает превалировать над военными и политическими интересами. Что же касается геополитических трендов, то в свете «новых угроз» (к числу которых относятся наркотраффик, исламский терроризм и т. д.), как было подмечено А. Д. Богатуровым, они парадоксальным образом выступают, скорее, объединяющим, гармонизирующим фактором[21].

Новая роль геоэкономической повестки дня проявляется, в частности, в переосмыслении ключевых для теории международных отношений концептов. Например, в контексте ключевой для данной работы проблемы энергетической безопасности понятие «сферы влияния» получает трактовку как «гарантированный доступ к ресурсам», обеспеченный прежде всего экономическими и дипломатическими средствами.

Естественным для подобного рода исследования является «россиецентричный» взгляд на проблему энергетической безопасности, предполагающий выбор в качестве точки отсчета сферы национальных интересов России как страны-поставщика энергетических ресурсов на мировые рынки. И это выглядит естественным. Именно благодаря положению «мировой углеводородной державы», обладающей ядерными ракетами, Россия де-факто восстановила свой мировой статус, сырьевое и ядерное «качество» которого, впрочем, явно не устраивает значительную часть российской политической элиты[22]. Вместе с тем сам характер внешнеэкономических связей России, отражающий сырьевую однобокость ее экономической специализации, диктует ее заинтересованность в нахождении максимально кооперационных подходов к решению проблемы, в обеспечении прозрачности, открытости и предсказуемости энергетических

---

[20] Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / Под руковод. и с предисл. А. В. Торкунова, научн. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2007. С. 201

[21] Там же. С. 108

[22] Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии Под руковод. и с предисл. А. В. Торкунова, научн. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2007. — с. 46

рынков, становлении справедливых и равноправных механизмов региональной интеграции. Важно закрепить эти механизмы на многостороннем уровне, обеспечив на их основе стратегию «энергетического соразвития» (термин В. В. Михеева,)[23]. С этой точки зрения пристального внимания заслуживают содержащиеся в монографии конкретные предложения по развёртыванию такого сотрудничества, например, по созданию коллективных стратегических запасов нефти, защите окружающей среды и использованию механизмов Киотского протокола, предотвращению конфликтов на базе энергетического сотрудничества и проч.[24]

Еще одному важному аспекту социально-политической ситуации в странах современного Востока в контексте развития современных международных отношений посвящена коллективная монография *«Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные»*. Ценность данной работы заключается в том, что анализ природы конфликтов и специфики их манифестаций помогают понять многие явления внутриполитической жизни и межстрановых отношений стран современного Востока.

Другое перспективное направление исследований в рамках «востоковедной» политологии — анализ мирополитического взаимодействия и макрорегиональных трансформаций в регионах мира, предложенный вниманию читателя в книге *«Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации»*[25], посвященной анализу актуальных международно-политических и экономических тенденций развития этого одного из самых перспективных макрорегионов мира. В ней комплексно освящаются проблемы политических и экономических изменений, геополитических рисков, аспекты энергетической безопасности, вопросы военно-технического сотрудничества, вопросов, связанных с появлением новых угроз и вызовов безопасности, интеграционных трендов, которые позволяют говорить о процессах «стяжения» субрегионов Северо-Восточной, Юго-Восточной, Южной и Цен-

---

[23] Там же. С. 66

[24] Там же. С. 187—190

[25] Белокреницкий В. Я., *Воскресенский А. Д.*, *Денисов В. И.*, *Ефимова Л. М.*, *Ефремова К. А.*, *Колдунова Е. В.* и др. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / Под ред. А. Д. Воскресенского, М.: Издательство МГИМО-Университет, 2010.

тральной Азии в единый макрорегиональный комплекс «Большой Восточной Азии». Также подробно анализируются центробежные и центростремительные тенденции в Восточной Азии, освещается роль многосторонних диалоговых структур. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с возможностями интеграции России в формирующийся макрорегион. Рассматриваются перспективы выстраивания эффективной российской внешней политики на восточно-азиатском направлении.

Подводя итог, можно отметить следующее. Упоминаемые в настоящем кратком обзоре работы отечественных политологов-востоковедов, не только являются весьма значимыми и полезными для учебного процесса, хотя бы только потому, что им просто очень трудно найти аналоги на рынке исследовательской и образовательной литературы России, они также вносят существенный вклад в теоретическое осмысление процессов, проходящих в многообразном постбиполярном мире, формируя тем самым целый комплекс учебной литературы нового типа, со значительным, а в большинстве случаев и превалирующим исследовательским компонентом, открывающем новое, не только для российской, но и мировой академической мысли, научное направление, посвященное анализу мирополитической проблематики с учетом трансформировавшейся роли Востока в международных отношениях.

Ерекешева Л. Г.
(Институт востоковедения
Республика Казахстан, Алматы)

Сирия и Ливан накануне распада османской империи в донесениях российских консулов

I. Состояние дел в области востоковедения

События последних двух десятилетий показывают, что мир находится в процессе структурных изменений, что соответственно, предполагает необходимость трансформаций во всех системах — культурных, социальных, личностных, органических. Если на уровне органических систем качественные изменения происходят наиболее медленно и постепенно, то на уровне культурных и, в большей степени, социальных систем данные процессы можно наблюдать и ощущать уже сейчас. Наука как определенная система знаний также подвержена данным трансформациям. Одной из ключевых задач, стоящих перед наукой сегодня, поэтому должны стать ее внутренняя реструктуризация и адаптация к вызревающему новому внешнему контексту. Иными словами, сегодня необходимо грамотное встраивание научного знания в новую парадигму развития.

Отдельные проявления происходящих изменений можно наблюдать в сфере науки уже сейчас. Речь идет о все большем сближении естественно-научного и гуманитарного знания, использовании нарративности в структуре естественных наук и междисциплинарности в гуманитарных, о более четко выраженном влиянии культурного контекста на развитие науки и др. [Более подробно см.: Пригожин 1991; Романовский 2009].

Современная ситуация в области востоковедения такова, что позволяет говорить о его частичном реагировании на происходящие изменения. Показателями вызревания новых парадигм, своеобразными маркерами можно было бы назвать следующие, как структурообразующие, так и внутренние «наполняющие» концептуальные моменты:

1. Акцентировка на комплексном междисциплинарном подходе.

Эволюция развития востоковедения показывает, что оно в большей степени должно являть собой квинтэссенцию, объединение ши-

рокого спектра смежных и не только дисциплин — источниковедения, языкознания, этнографии (антропологии), культурологии, истории, социологии, международных отношений, политологии и др.

2. От частично- и общеприкладных исследований очевиден поворот к большей актуализации теоретических исследований.

Как известно, классическое востоковедение изначально развивалось в русле преимущественно антропологического, источниковедческого, лингвистического, исторического изучения народов Азии и Африки и носило четко выраженный геостратегический характер, связанный с деятельностью крупнейших империй и держав (особенно XVIII—XIX вв.), которые встраивали афро-азиатский контекст в канву собственных геополитических и иных интересов.

На сегодняшний день, отвечая на современные вызовы, связанные со структурными изменениями (как внутренними, в области науки), так и внешними, необходимо искать и разрабатывать новые парадигмы, в которых особенно актуальной становится методологическая составляющая. Иными словами, для того, чтобы понять новое, необходимо его осмыслить, что возможно лишь при проведении методологических исследований и разработке соответствующего категориального аппарата.

Таким образом, императивом развития современного востоковедения должно стать органическое сочетание прикладных и теоретических исследований.

3. Интенсификация уже существующих и поиск новых форм научного, исследовательско-учебного взаимодействия.

В условиях повышения роли экономик, основанных на знании, а также необходимости воспроизводства научной сферы, связке «ВУЗ-наука» автоматически придается приоритетный характер. Органическое взаимодействие по данной линии будет способствовать, в том числе, формированию грамотного специалиста.

Интенсификация связей между учеными (как отдельными исследователями, так и институциональными структурами) в новых условиях должна соответствовать «духу» происходящих изменений, что должно получить большее отражение в распространении т. н. горизонтального сетевого сообщества, более широкого использования виртуального пространства в собственно научной, консультационной, издательской, иных сферах.

Таким образом, отмеченные моменты позволяют говорить о том, что рамки, структура, внутренняя среда и, соответственно, предметные поля востоковедения становятся исключительно подвижными, неустойчивыми, имеют тенденцию к расширению и, порой, к размыванию.

Все это приводит к постановке вопросов, в той или иной мере озвученных в научном сообществе, в том числе и в ходе работы седьмого съезда российских востоковедов. Таковы, в частности, вопросы о соотношении узкого предметного и широкого знания (В. В. Наумкин, Н. Е. Боревская, Т. Л. Шаумян), о сетевом межколлективном сотрудничестве (А. Д. Богатуров), о развитии теоретических, междисциплинарных исследований (В. В. Наумкин, А. К. Аликберов, А. Д. Воскресенский, В. Я. Белокреницкий)[1] и др.

В целом можно выделить следующие предметные поля, которые, как представляется, могут оказывать влияние на развитие востоковедения:

1. Проблемы ценностей, морали в межкультурном взаимодействии;
2. Вопросы смены культурных парадигм;
3. Всесторонние аспекты, связанные с понятием идентичности — религиозной, этнической, гражданской, культурной;
4. Структуризация социальных, политических, экономических отношений в контексте происходящих двуединых процессов глобализации-регионализации;
5. Вопросы образования и знания в целом в условиях экономик, основанных на знании;
6. Углубление диалога между наукой и религией;
7. Вопросы «традиция-модернизация» в разрезе не дихотомного, а органического прочтения, что особенно актуально для стран «догоняющего» развития, в частности, пост-советского пространства;
8. Проблемы выстраивания новой линии отношений «Юг-Юг», наряду с уже существующей и ставшей традиционной горизонтальной линией «Восток-Запад». Актуальность данной

[1] Из выступлений данных участников, прозвучавших в ходе работы VII съезда российских востоковедов (секции 1), г. Звенигород, 13—16 сентября 2010 г.

проблемы можно рассматривать в контексте изучения стратегий Индии и Китая в отношении стран Азии и Африки и второго «издания», в новых условиях, движения афро-азиатской солидарности; и др.

II. Функции и механизмы развития востоковедения

С точки зрения системного анализа основными функциями развития науки в целом, и востоковедения в частности, являются следующие: сохранение, накопление, воспроизводство (развитие).

Очевидно, что применительно к востоковедному знанию на пост-советском пространстве не все из данных функций представлены в полной мере. Объективные причины развития (распад СССР, трансформация международной системы координат, цифровая революция) в значительной мере повлияли на данный процесс. Однако, их же можно обратить во благо и считать также своеобразными катализаторами или триггер-факторами для выстраивания новых системных процессов в научном знании.

Функция сохранения в области востоковедения должна реализовываться путем актуализации уже существующей традиции как русского и западного, так и советского классического и прикладного востоковедения. С этим же тесно связана и функция накопления, приводящая к тому, что современные исследования должны получать широкое распространение путем публикаций, обмена, семинаров, коллективных (в том числе международных) исследований. В то же время более широкое использование теоретических исследований в востоковедении позволяет активно использовать прогностическую составляющую и способствовать его развитию.

С учетом вышеизложенного, можно отметить следующие ключевые научно-информационные механизмы:

— межбиблиотечный обмен, доступ к электронной базе данных библиотек
— обмен студентами, стажерами, аспирантами, исследователями
— обмен научной информацией
— совместное участие в научно-исследовательских проектах и полевых исследованиях и др.

Одним из необходимых механизмов на институциональном уровне на пост-советском пространстве могло бы стать создание *Научной ассамблеи востоковедов Евразии*, которая бы в своей ор-

ганизационной структуре отражала бы главные задачи, стоящие перед востоковедением на современном этапе.

Использованная литература:

Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46—57.

Романовский Н. В. Историческая социология. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. — 320 с.

Ерекешева Л. Г.

(Институт востоковедения,
Республика Казахстан, Алматы)

«Сирия и Ливан накануне распада Османской империи в донесениях российских консулов» на VII Всероссийском съезде востоковедов к. и. н. Н. М. Горбуновой

В 2008 году отмечалось 100-летие Младотурецкой революции. Многочисленные публикации, посвященные этой дате, не исчерпывают, конечно, всех сторон этого крупнейшего исторического события начала XX века, сопровождавшего развал Османской империи. Споры о предпосылках, причинах, степени вины тех или иных социальных и политических групп, приведших к взрыву национального и религиозного фанатизма, имевшего самые тяжелые последствия при рождении новой Турции, продолжаются до сих пор.

Для нас эта проблема интересна, прежде всего, с исторической точки зрения. Она требует постоянных исследований и введения в научный оборот новых архивных материалов и документов, проливающих свет на те далекие события. Интерес этот связан не только с прошлым. Очень многие проблемы с легкостью перешагнули столетний рубеж и дошли до наших дней.

Донесения российских консулов начала XX в. из региона Ближнего Востока касаются самых различных сторон жизни — политики, экономики, социальных проблем, отношений с западными державами, но, в целом, они дают, хотя и мозаичную, противоречивую, но интересную и живую картину мироустройства в этой части Османской империи. Интерес к этим материалам не в последнюю очередь обусловлен высокой образованностью и профессионализмом российских дипломатов, стремившихся выявлять подлинные причины тех или иных событий.

Важнейшей составляющей донесений консулов, конечно, являлись политические вопросы, включавшие разные стороны взаимоотношений с Россией и доклады о внутриполитической обстановке в османской Сирии. Особый интерес для консулов представлял г. Алеппо как место ссылки политически неблагонадежных подданных. Так, в секретном донесении консула Круглова послу России в Турции Гартвигу от 24 декабря 1903 г. говорилось, что Алеппо отличается обилием ссыльных из Константинополя. «Это тем более удивительно, — пишет Круглов, что турецкое правительство, так ревниво относящееся ко всякого рода скоплениям ненадежных, с точки зрения, элементов, в данном случае само толкает их на соединение». И далее отмечает, что среди них происходит некоторого рода брожение. Группа их обратилась к иностранным консулам за поддержкой, они хотят добиться от султана свободы и права возвратиться к своим семьям. Эти лица занимали заметные посты в османской администрации и были сосланы за малейшие подозрения в критике и «сношениях с редакциями запрещенных газет»[2].

Другой серьезной проблемой для правительства были практически неуправляемые друзы. Отличаясь независимым нравом, они не желали признавать власть турецкой администрации. Чтобы както избавиться от этой головной боли, Порта стала приглашать горцев Кавказа переселяться в Сирию и другие провинции империи. По сообщениям российских консулов, в 1900 г. в Сирию прибыло 26 чеченских семейств, всего 152 человека, эмигрировавших из-под Новороссийска. Затем сюда перебрались 260 кабардинцев. Всем им был оказан хороший прием и выделены земли для их поселения. «По словам здешних газет, — писал консул в донесении российско-

[2] АВПРИ, ф. Политархив, 1903 г., ед.хр. 234, Алеппо, л. 27.

му послу, — сюда должны прибыть до 60 тыс. черкесов с Кавказа, турецкое правительство займется раздачей им земли. Оно намерено расселить их в Хауране, близ Джебель Друз, дабы противопоставить непокорных друзов и мусульман и верных султанских слуг, и в случае надобности воспользоваться ими для усмирения друзов»[3].

Земельный вопрос порождал большое количество конфликтов. Они обострились после 1908 г., когда новые власти попытались ввести кадастровое землеустройство и четко определить, кому принадлежит та или иная земля, на каких условиях и основаниях. Северная Сирия и другие земледельческие районы время от времени страдали от засухи, усугубляемой довольно примитивными способами обработки земли. Это порождало нехватку зерна и другого продовольствия. Сообщения о голодных волнениях часто встречаются в консульских донесениях из Алеппо. Так, в марте 1901 г. консул Григорович писал послу Зиновьеву об угрозе голода в Алеппском вилайете, «вследствие незначительного количества выпавшего... дождя и последовавшей затем непомерной засухи. Дороговизна жизни приняла размеры настоящего бедствия и Алепп наводнился массою нищих всех возрастов. Вместе с тем, со стороны властей вилаета были задержаны за последние месяцы пенсионные деньги, следовавшие вдовам и семьям мелких чиновников и солдат, павших на войне с Грецию, что поставило этих несчастных в отчаянное положение. Доведенные до крайности вдовы эти, увлекши за собою толпу голодных мусульманских женщин и стариков, всего до тысячи человек, собрались рано утром 16 сего февраля перед домом валия и громко стали требовать уплаты своей пенсии и вообще помощи со стороны правительства изнуренному народу в настоящем бедствии. Отчаяние толпы дошло до того, что многие из этих женщин, по словам очевидцев, открыто поносили самую мусульманскую религию и даже выражали свою враждебность лично против валия, приписывая, по суеверию, все постигшие их несчастья его присутствию в Алеппо»[4].

Даже хорошие урожаи последующих лет не смогли исправить ситуацию в Сирии. Цены на хлеб продолжали расти, а его качество

---

[3] АВПРИ, ф. Политархив, ед.хр. 756, л. 203. Донесение Тухолки от 29 декабря 1900 г., № 445.

[4] АВПРИ, ф. Посольство в Константинополе, 1902 г., ед.хр. 1148, Алеппо, л. 12—13. Донесение Генерального консула в Алеппо Григоровича послу Зиновьеву от 28 февраля 1902 г.

ухудшалось. Волнения на этой почве не прекращались. Грабежи магазинов и лавок вызывали панику в городе. Спокойствие удавалось установить благодаря действиям военных.

Консульские донесения тех лет пестрят описанием конфликтов между мусульманами и христианами. Эти межрелигиозные столкновения, как правило, происходили на почве споров из-за владения землей, кражи продовольствия, скота или другого имущества. Консул Лишин сообщал, что в Триполийском санджаке «жертвами нападений являются почти всегда христиане, жизнь и имущество которых ничем не обеспечены против насилия и произвола местных мусульманских беев»[5].

1901 год был отмечен также серьезными солдатскими волнениями в Бейруте. Солдатские подразделения, усмирявшие йеменских повстанцев и возвращавшиеся из Аравии, став на карантин в Бейруте, требовали выплаты положенного им за несколько лет службы жалованья. Денег на всех не хватало, и солдаты отказывались сдавать оружие. В конце концов, по распоряжению султана, деньги стали выплачивать. Следующие воинские контингенты с кораблей не высаживали на сушу или выпускали в город небольшими группами. Голодные солдаты устраивали грабежи продовольственных лавок и даже совершили нападение на экипаж валия, который чудом избежал расправы[6].

Из года в год кризисное состояние османской армии лишь усугублялось. Единичные меры властей ни к чему не приводили, а о коренных реформах власти не помышляли. Набор солдат-призывников (редифов) производился с трудом. Консулы об этом писали регулярно в своих донесениях в посольство и в МИД. Возрастало сопротивление солдат посылке в мятежный Йемен, а также в Македонию и другие районы неспокойных Балкан. В донесениях читаем об «уныло настроенных и павших духом войсках»[7]. Но бунтовали не только солдаты. В 1903 г. произошли волнения чиновников и

---

[5] АВПРИ, ф. Посольство в Константинополе, 1901 г., оп. 517, д. 1249, Бейрут, л. 34. Донесение Лишина от 21 апреля 1901 г.

[6] АВПРИ, ф. Посольство в Константинополе, 1901 г., оп. 517, д. 1349, Бейрут, л. 74, 137—139. Донесения Лишина от 30 августа и 19 декабря 1901 г.

[7] АВПРИ, ф. Политархив, 1905 г., ед.хр. 236, Алеппо, л. 33 об. —34. Донесение Лыткина от 18 июля 1905 г.; ф. Политархив, 1907 г., № 238, Алеппо, л. 6. Донесение Круглова от 5 марта 1907 г.

даже жандармов, недовольных прекращением денежных выплат[8]. В 1904 г. произошли волнения офицеров из-за задержки жалованья[9]. Все эти волнения из-за хронических задержек в выплате жалованья ясно свидетельствовали о тяжелом положении султанской казны. Однако священная обязанность султана ежегодно отправлять богатый и многочисленный караван в Мекку выполнялась вне зависимости от любых обстоятельств. Огромные траты, связанные со снаряжением роскошного каравана, перекладывались на казну Сирийского вилайета.

При этом, по свидетельству консула Беляева, 250-тысячный Дамаск представлял собой удручающее зрелище. Он отмечает здесь большую скученность жилых домов, большинство которых построены из дерева и крыты земляными крышами. В городе часты пожары, а городское хозяйство «ведется как бог на душу положит»[10].

Общее неблагополучие в вилайете требовало от властей принятия срочных мер. Особое беспокойство у них вызывало армянское население, недовольное притеснениями и неравноправным положением по сравнению с мусульманами. Постоянным рефреном консульских донесений из района Ближнего Востока была тема христиано-мусульманских столкновений, нередко приводящих к многочисленным жертвам. Причины столкновений были самыми разными, для массовых конфликтов было достаточно любого повода. Консул Лишин писал, что жители Бейрута испытывали беспокойство «вследствие частых покушений, вызванных фанатизмом, которым отличаются здешние христиане и мусульмане, с тою одною разницею, что зажиточные мусульмане, втайне покровительствуемые местной администрацией,.. поощряют и при случаях укрывают наемных убийц, вербуемых среди буйной молодежи, занимающейся контрабандой, дающей большой доход как участникам, так и покровителям этой широко распространенной отрасли местной промышленности. Тогда как высший класс мусульман склонен к фанатизму, богатые христиане довольно безучастно относятся к

[8] АВПРИ, ф. Посольство в Константинополе, ед.хр. 1149, 1903 г., г. Алеппо, л. 17—17 об. Донесение Лыткина Зиновьеву от 29 апреля 1903 г.

[9] АВПРИ, ф. Политархив, ед.хр. 235, 1904 г., Алеппо, л. 33—33 об. Донесение Круглова Гартвигу от 22 июля 1904 г.

[10] АВПРИ, ф. Политархив, ед.хр. 757, 1901 г., Дамаск, л. 80 об-81. Донесение Беляева от 19 июня 1901 г.

вере и заботятся исключительно о своем обогащении. Эта забота создает им приниженное положение относительно богатых мусульман, более склонных к грабежу, нежели к обману или ростовщичеству. В противоположность к богатым, бедные христиане Бейрута очень фанатичны, и из их среды, без всякого участия богатых, являются бескорыстные мстители за пролитую христианскую кровь, делающиеся народными героями, находящими подражателей среди христианской молодежи, занимающейся тоже, хотя реже, чем мусульмане, — контрабандой. При таких условиях всякое убийство или покушение на него раздражает страсти»[11].

Пытаясь исправить положение дел в Ливанской провинции, турецкое правительство назначило туда нового генерал-губернатора — Музаффер-пашу. Выступая перед местными нотаблями, Музаффер-паша зачитал фирман и ознакомил их со своей программой, главным тезисом которой была беспощадная война взяточничеству. Российский консул Демерик отметил также, что его проект реформ включал, в частности, фиксацию границ Ливана, включая морские порты; принятие мер против азартных игр; создание карт всех деревень Ливана, частной земельной собственности; меры против контрабанды; меры по улучшению финансов; запрещение эмиграции за границу; реформу избирательной системы; реформу жандармерии, суда; развитие ремесла и индустрии и т. д.[12] Излишне говорить, что почти все эти намерения остались на бумаге.

В начале XX века эмиграция христиан из Ливана и Сирии приобрела широкий масштаб и исчислялась десятками тысяч человек. Они уезжали в Америку, Австралию, Египет. «Выселение христиан, — писал наш консул в Дамаске в 1900 г., — объясняется отсутствием здесь фабричной промышленности и бедностью заработков». Многие уезжают тайно, чтобы избежать проволочек. Далее он высказывает предположение, что турецкие власти, по-видимому, способствуют эмиграции из Сирии христиан с тем, чтобы сделать ее центром мусульманства, и для этого переселяют туда курдов, алжирцев, критян. Эмиграция сопровождалась большими поборами с отъезжающих. Генеральный консул в Бейруте Демерик сообщал

---

[11] Там же, л. 102—103. Донесение Лишина от 17 октября 1901 г.

[12] АВПРИ, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., Бейрут, оп. 517, д. 1351, л. 110. Донесение Демерика от 5 сентября 1903 г.

в посольство, что в порту лодочники, полицейские, комиссионеры сдирают с каждого по нескольку лир, «часть коих, по общераспространенным слухам, переходит в карман бейрутского вали»[13].

Внутренней политике турецкого правительства была присуща противоречивость, когда провозглашались одни цели, а на практике осуществлялись совсем другие. Одной рукой преследуя, например, подозреваемых в контрабанде оружия в страну или в содействии эмиграции армян, другой рукой власти мешали проведению этих мер в жизнь и давали широкую возможность чиновникам наживаться на том и на другом.

В донесениях нашего консула в Бейруте за 1904 г. сквозит тревога. Он пишет, что в Северном Ливане «продолжается состояние, близкое к анархии, и население обнаруживает полное презрение к власти... Авторитет каймакамов... сводится к нулю. Население чинит им всяческие затруднения и даже оказывает открытое неповиновение...»[14]. Постоянно происходят стычки между друзами и христианами.

В 1907 г. князь Гагарин сообщал об антитурецких настроениях в Сирии и Ливане: «Многие сирийцы бывали в Египте и личным опытом могли убедиться в превосходстве правильно организованной администрации над турецким безначалием и произволом. Они были свидетелями необычайного экономического подъема Египта с тех пор, как англичане водворили в нем порядок. Все разговоры бейрутинцев и сирийцев вообще посвящены сравнению египетских порядков с турецкими, а главное — богатству Египта и возможности под охраной справедливых законов быстро разбогатеть, что составляет единственную цель жизни сирийца,.. никто не уверен в завтрашнем дне, в торговле застой... Все поэтому заняты изысканиями средств к коренному изменению положения, которое гарантировало бы мирное развитие промышленности и богатства и давало бы возможность населению спокойно заниматься своими делами»[15].

---

[13] АВПРИ, ф. Политархив, ед.хр. 756, л. 173 об., 203 об. Донесение Тухолки от 3 ноября 1900 г.; ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., Бейрут, оп. 517, д. 1351. Донесение генерального консула Демерика от 3 января 1903 г., л. 3.

[14] АВПРИ, ф. Посольство в Константинополе, д. 1352, 1904 г., Бейрут, л. 51—52. Донесение от 20 октября 1904 г.

[15] АВПРИ, ф. Политархив, ед.хр. 408, 1907 г., Бейрут, л. 24.

Летом 1907 г. новым губернатором Ливана был назначен Юсуф-паша, который заявил о намерении назначать на должности тех людей, которых он найдет наиболее достойными. Однако он также оказался бессилен против сложившейся и укоренившейся системы взяточничества, коррупции и неправосудия, когда богатый и влиятельный бей или ага путем подкупа и подделки документов мог отобрать у крестьян земли, дома и постройки и зарегистрировать их на себя. Такого рода случаи не были редкостью в начале XX века и время от времени встречаются в описаниях очевидцев[16].

Из консульских донесений можно понять, что по мере ослабления султанской власти в арабских провинциях империи год от года нарастали националистические настроения. Арабское национальное самосознание принимало все более четкие формы. Население жадно черпало информацию из разных источников, в первую очередь, из египетских, английских, французских газет, журналов и книг. Введение цензуры в отношении этой литературы не давало нужного результата. Вот как об этом написал Гагарин: «...издания, которые правительство, несомненно, желает уничтожить, получают лишь большее распространение, так как друзьям полицейских чиновников не возбраняется читать книги, интересующие всех без исключения сирийцев, и во дворец [генерал-губернатора Халиль-паши] предоставляется лишь часть выписываемых книг...»[17].

С ростом ввоза на Ближний Восток запрещенной литературы увеличилась и контрабанда оружия. Консул Шелковников отмечает: «...процветает контрабанда оружием, на которой наживается Халиль-паша и еще группа чиновников»[18]. В результате, например, ружьями Мартини, по его сведениям, было вооружено все мусульманское и христианское население Ливана. Он указывает при этом на заинтересованность и содействие такой контрабанде со стороны западных держав, и в первую очередь, Англии, которые использовали всплеск националистических настроений среди местного арабского

---

[16] АВПРИ, ф.Политархив, 1907 г., ед.хр. 408, Бейрут, л. 202—203. Донесение Гагарина от 21 июня 1907 г.; л. 335—396. Копия донесения Гагарина от 23 октября 1907 г.

[17] АВПРИ, ф.Политархив, 1907 г., ед.хр. 408, Бейрут, л. 202—203. Донесение Гагарина от 21 июня 1907 г.; л. 335—396. Копия донесения Гагарина от 23 октября 1907 г., л. 357.

[18] Там же, л. 470. Записки Шелковникова, ноябрь 1907 г.

населения, а также национальных меньшинств. Наиболее заметным было оживление армянского движения. Этому было много причин, и главным образом сильное давление на армян-христиан местных мусульманских кругов, — арабских, курдских, турецких, — испытывавших по отношению к ним религиозный антагонизм и рассматривавших армян как опасных конкурентов в торговле, ремесле, сельском хозяйстве.

В июле 1908 г. произошло ключевое событие в жизни Османской империи — провозглашение султаном Абдул-Гамидом конституции. Это событие привело в движение все население империи.

Активизация разного рода политических движений в очередной раз обострила обстановку в Алеппском вилайете в 1909 г. Об этом подробно писал один из самых образованных и широко мыслящих русских консулов В.В.фон Циммерман. «С недавнего времени в Алеппо возникло национальное общество «Тереккиль-Араби». Оно приобрело уже значительное число членов, поскольку требует для арабов возможно широкой доли и даже преобладания над другими расами в управлении страною и в парламенте, мотивируя свою претензию тем, что магометанская культура дана арабами и что потому-то им именно и должно принадлежать первенство среди других магометанских народностей. Общество это, созданное в пику местному турецкому комитету «Иттихад ве Тереккие Османи», отказавшемуся принимать арабов в свою среду, с большою торжественностью празднует свое открытие сегодня... Здесь существуют, кроме того, отделения сирийских сепаратистов, которые требуют полной автономии Сирии и Палестины»[19]. Мусульманское население Марраша создало Мусульманскую лигу, цель которой — восстановление единовластия султана, ислама, шариата и сохранение христиан в зависимом положении. В программе лиги звучал призыв к избиению христиан. В ответ христиане, в первую очередь армяне, стали вооружаться.

Погромы христиан не заставили себя ждать. Фон Циммерман подробно описывает, что происходило в Адане, Александретте, Марраше, Мерсине, о панике в Алеппо и т.д. В погромах участвовали турецкие солдаты. Ряд богатых мусульман, активно участвовавших в событиях, были арестованы. «Все сколько-нибудь зажи-

[19] АВПРИ, ф. Политархив, 1909 г., ед.хр. 240, Алеппо, л. 2—2 об., 5. Донесение фон Циммермана от 8 февраля 1909 г.

точные дома были разграблены и сожжены». Тысячи армян были убиты. Закрылись лавки и мастерские[20].

В Алеппо паника среди христиан начиналась несколько раз. Многие уехали в Бейрут, на ливанскую территорию, другие в массовом порядке эмигрировали в США. Однако, как только были получены известия о низложении султана Абдул-Гамида, паника утихла.

О существовании глубокой связи между всеми этими явлениями: агонией османской власти, ростом арабского национализма и религиозного фанатизма, стремлением армянского населения организоваться в целях самообороны, и это все на фоне обострения борьбы между сторонниками и противниками старых османских порядков — можно прочесть в разрозненных консульских донесениях начала XX века.

❋

Иванова И. И.

Кипрская проблема на современном этапе

Кипрская проблема является одной из наиболее сложных конфликтов двадцатого — начала двадцать первого века, в разрешении которого стараются принимать участие (естественно, в разных аспектах) не только греческая и турецкая общины острова, но и Турция, Греция, ООН, а в последние годы ЕС и Россия.

В чем же суть столь запутанного на первый взгляд кипрского вопроса? Дело в том, что с 16 века Кипр находился под властью Османской империи. В 1878 г. после поражения в очередной русско-турецкой войне, турецкий султан Абдул-Хамид II заключает оборонительный союз с Великобританией, по которому Кипр переходит под ее протекторат, формально оставаясь частью Османской империи. В начале 1914 года, когда Турция выступила на стороне Германии в Первой мировой войне, Кипр был официально аннекси-

[20] Там же, л. 9—30.

рован Великобританией. В 1925 году остров получил статус колонии. С момента перехода Кипра под управление Великобритании, на острове началось движение греков-киприотов за эносис, то есть присоединение Кипра к Греции. Английское правительство, использовавшее остров в качестве "непотопляемого авианосца", не хотело выпускать его из своих рук, но под давлением кипрской общественности было вынуждено постепенно сдавать власть. Так в 1943 г. на острове были проведены муниципальные выборы.

После окончания Второй мировой войны, требования о предоставлении Кипру самоуправления продолжились с новой силой. В 1954 году к решению вопроса подключилась Греция, подав на рассмотрение ООН требование о предоставлении права самоопределения для Кипра. Великобритания, понимая, что потери острова не избежать, созвала в августе 1955 года конференцию по этому вопросу, на которую для того, чтобы создать противовес Греции, была приглашена и Турция. Турция на начальных этапах развития кипрского вопроса на переговорах занимала пробританскую позицию[21].

В итоге длительного переговорного процесса в феврале 1959 г. было подписано соглашение между Грецией, Турцией, Великобританией и представителями греческой и турецкой общин Кипра. Оно предусматривало предоставление Кипру независимости, исключало передачу острова Греции, а также предусматривало предоставление Великобритании двух военных баз на острове. Греция, Турция и Англия выступили в качестве стран-гарантов нового государства.

Кипр был провозглашен независимым государством 16 августа 1960 г.[22]. Для того, чтобы соблюсти права обеих общин Кипра, вся властная структура на острове была построена так, чтобы по идее обе общины были представлены в ней пропорционально. Однако этот строй, при котором соотношение турок-киприотов и греков-киприотов в органах власти на острове должно было составлять 30:70 соответственно, не разрешил имевшихся противоречий между общинами, а скорее, наоборот, усилил их. Деятельность органов власти фактически зашла в тупик.

Первым шагом к разделению острова стали беспорядки и обострение межобщинных отношений, начавшиеся в 1963 году. Для

---

[21] Fuat Aksu, Kibris sorunu, www.turkishgreek.org.

[22] «Республика Кипр». Справочник. Москва, 1992. С. 58.

недопущения обострения обстановки, на остров были введены английские войска, и остров разделила, так называемая, «зеленая линия». Кипр был разделен на северную часть, большинство населения которой составляли турки, и южную, население которой состояло, в основном, из греко-киприотов. В 1964 году было принято решение о введении на остров миротворческого контингента ООН[23].

Разделение Кипра «зеленой линией» стало серьезной предпосылкой для размежевания общин и создания самостоятельных анклавов. В создавшейся обстановке Турция заняла позицию по одобрению территориального размежевания общин.

В 1967 году размежевание пошло еще дальше — турецкая община Кипра объявила о создании «временной администрации республики Кипр»[24].

В 1974 году на Кипре произошло новое обострение обстановки. Президент Кипра Макариос был свергнут национальной гвардией греков-киприотов по приказу военной диктатуры, правившей в Греции. Турция, опасаясь того, что в результате переворота Кипр будет присоединен к Греции, начала планировать проведение военной операции. Первоначально Турция предложила Англии как одной из стран-гарантов провести военную операцию для наведения порядка на Кипре совместно. Англия ответила отказом, и Турция 20 июля 1974 года в одностороннем порядке ввела свои войска на Кипр[25]. Операция продлилась два дня, турецкие войска закрепились на Кипре. В августе турецкие войска снова были задействованы на острове. В результате двух операций, турецкие войска заняли 37% территории Кипра. Линия, на которой они остановились, стала границей между двумя общинами. 13 февраля 1975 года было объявлено о создании «Турецкой федеративной республики Кипр». В этой республике было создано свое выборное правительство. Таким образом, произошло окончательное размежевание общин.

Введение турецких войск на Кипр вызвало резко отрицательную реакцию мировой общественности. ООН отреагировала резолюцией, призывавшей уважать суверенитет, территори-

---

[23] «Республика Кипр». Справочник. Москва, 1992. С. 63.

[24] Там же. С. 67.

[25] http://www.trncpresidency.org.

альную целостность и политику неприсоединения Кипра. Однако Турция проигнорировала эту резолюцию.

Негативная реакция последовала не только со стороны ООН. Западные союзники Турции также осудили операцию, причем США ввели против Турции санкции.

Вплоть до 1983 года положение на Кипре не претерпело серьезных изменений. Был проведен ряд переговоров в попытке урегулировать статус кипрских общин, однако все они оказались безрезультатными. В 1981 году на Кипре прошли выборы в парламент, сначала в греческой части, а затем и в турецкой. В турецкой части также прошли выборы президента. Раздел острова закреплялся все сильней.

15 ноября 1983 года руководство турецкой общины Кипра заявило о создании «Турецкой республики Северного Кипра». Турецкое руководство не было готово к такому шагу турок-киприотов, но признало это государство[26]. В то же время ООН отреагировала резолюцией от 18 ноября 1983 года, в которой потребовала отмены одностороннего решения турок-киприотов.

Реакцией греческой части Кипра стало обращение в ООН с просьбой принять на себя ответственность за мир и спокойствие на острове. ООН призвала все государства не признавать ТРСК.

В то же время в самопровозглашенной республике налаживалась самостоятельная политическая жизнь. Был проведен референдум, одобривший конституцию, состоялись президентские и парламентские выборы. Турция же, в свою очередь способствовала укреплению ТРСК путем отправки на остров турецких переселенцев. По данным западных источников, к середине 80-х годов на Кипр перебралось 50 тысяч человек[27]. Требования греческой стороны по их отправке назад не были удовлетворены.

С начала 90-х годов в процессе урегулирования кипрского вопроса все активнее принимает участие ООН. Теперь ООН уже не ограничивалась просто посредничеством в организации переговоров со сторонами. С 1992 года основой для переговоров становится пакет предложений, разработанных лично Генеральным секретарем

---

[26] «Республика Кипр». Справочник. Москва, 1992. С. 79.

[27] Fuat Aksu, Kibris sorunu, www.turkishgreek.org.

ООН. Однако дальнейшие переговоры не принесли желаемых результатов из-за непримиримости обеих сторон.

В свою очередь, в марте 1995 года ЕС принимает программу политики по развитию отношений с Кипром. Причем, поскольку признанным мировым сообществом был только греческий Кипр, во всех контактах с ЕС от имени всего кипрского народа выступали именно власти южного Кипра. С середины 90-х активно начинается процесс диалога между Кипром и ЕС. В июне 1995 года Ассоциативным советом ЕС были проведены переговоры по вопросу перспективы вступления Кипра в ЕС. А в июле 1995 было принято решение начать конструктивный диалог по вопросу сближения Кипра с ЕС[28].

Активное участие ЕС в переговорном процессе начинается на рубеже 1997—1998 годов. 13 декабря 1997 года в Люксембурге прошла конференция стран ЕС, на которой было принято решение о возможном вступлении Кипра в ЕС. Однако Европейский Союз под правительством Кипра признавал только правительство его греческой части, а представителям турецко-греческой общины Кипра предлагал войти в состав делегации от этого правительства. Логическим продолжением подхода ЕС к решению кипрской проблемы стала резолюция от 10 марта 1998 года, в которой говорилось, что Турецкая республика Северного Кипра является «фактом, который невозможно признать»[29], и что ее признание как государства является препятствием к достижению мирного решения вопроса. Кроме того, было принято решение о том, что переговоры между представителями обеих общин могут проходить только на территории Южного Кипра.

Ответом на это стала совместная декларация президентов Турции и ТРСК, в которой они заявили, что такое решение ЕС подрывает все усилия по мирному разрешению вопроса, а существование Турецкой республики Северного Кипра является необходимым.

31 августа 1998 года турецко-кипрская сторона выступила с предложением по урегулированию вопроса. Это было предложение о создании конфедерации. Оно основывалось на равенстве двух

[28] The status of the two peoples in Cyprus. Legal opinions. 2nd edition. Tyrkish Republic of Northern Cyprus Ministry of foreign affairs and defense, Public relations department. P. 158.

[29] http://www.trncpresidency.org.

сторон, призывало провести конструктивные переговоры, нацеленные на достижение окончательного решения вопроса. Однако греческо-кипрская сторона, обнадеженная перспективой вступления в Евросоюз, сразу отвергла этот план[30]. Возобновить переговоры удалось только в 1999 году.

Новой попыткой решения вопроса стал план Генерального секретаря ООН Кофи Аннана. Он предполагал создание единого государства Кипр, включая весь остров Кипр (за исключением британских военных баз). Объединенный Кипр по своему государственному устройству должен был напоминать модель конфедерации Швейцарии, т. е. стать свободной конфедерацией двух государств — греков-киприотов и турок-киприотов — соединенных вместе минимальным аппаратом федерального правительства. Представители греческой и турецкой общин поочередно становились бы президентами страны.

План включал федеральную конституцию, конституции для каждого государства, ряд конституционных и федеральных законов и предложений о флаге Объединенной республики Кипр и национальный гимн. Он также предлагал создание комиссии по примирению для сближения двух общин и разрешения споров прошлого. План устанавливал ограниченное право возврата беженцев между территориями обеих общин, а также позволил бы Греции и Турции сохранить постоянное военное присутствие на острове, правда, при значительном снижении числа войск.

План Аннана был представлен сторонам в ноябре 2002 г. и являлся основой переговоров до 2004 г. За это время он неоднократно претерпевал изменения, в него включались всевозможные поправки.

Последние переговоры по нему начались 19 февраля 2004 г. Все противоречия надо было уладить до 1 мая, поскольку на этот день была назначена дата официального вступления Кипра в ЕС. 24—31 марта в Швейцарии прошли новые переговоры, по результатам которых было принято решение о дате референдума на острове — 24 апреля 2004 г.[31] В апреле 2004 года «план Аннана» был представлен на референдум. Его итоги оказались достаточно неожиданными:

---

[30] http://www.trncpresidency.org.

[31] Там же.

более трех четвертей греков-киприотов отказались от создания единой модели государства по плану Аннана (за — 24%, против 75,8% при 88% явке). Турки-киприоты проголосовали за (64,9%, против 35,1% при 87%, участвовавших в голосовании)[32].

Греко-киприотов в данном документе не устроили следующие пункты: 1) недостаточные гарантии безопасности общин; 2) отсутствие четкого механизма применения плана; 3) сохранение турецкого военного присутствия на острове; 4) предоставление права проживания на острове всем переселенцам из Турции; 5) квоты, ограничивающие количество греко-киприотов, которым позволено вернуться на север острова и вернуть собственность, потерянную после ввода турецких войск[33].

1 мая, как и планировалось, Кипр вошел в состав ЕС. Однако, поскольку руководство Европейского Союза не сменило своих позиций относительно ТРСК, получилась весьма деликатная ситуация. Так как ЕС отрицало существование ТРСК, а правительство греческой части Кипра претендует на то, чтобы представлять все население Кипра, включая турецко-кипрскую общину, формально в состав ЕС вошла вся территория Кипра. Однако так как турецкая община не желает подчиняться решениям правительства Южного Кипра, и на севере острова находятся турецкие войска, законы ЕС не распространяются на эту территорию. Фактически, с 1 мая 2004 года, Турция оккупирует часть территории ЕС.

В то же время, попытки прийти к окончательному решению вопроса не прекращаются. В конце мая 2004 года Генеральный секретарь ООН сделал доклад о результатах переговоров по Кипру и его миссии доброй воли. В своем докладе он заявил, что вина за столь медленный прогресс в переговорном процессе лежит на представителях Южного Кипра, которые должны проявлять свою приверженность принципам партнерства и равенства не только на словах, но и на деле[34].

На данный момент разделение острова сохраняется. Попытки воссоединения общин остаются безрезультатными. Турецкая сторона настаивает на том, что решение вопроса достаточно прораб-

---

[32] Фонд стратегической культуры. 3.10.2005 (http://fsk.rustrana.ru).

[33] http:greek.ru.

[34] Fuat Aksu, Kibris Konusundaki son gelismeler, www.turkishgreek.org.

тано в плане Аннана, и если Южный Кипр не устраивают какие-либо пункты плана, то надо разрабатывать поправки к ним, а не отклонять весь документ.

Греческая сторона, в целом, готова принять замечания турок-киприотов. Кроме того, наметилось некоторое смягчение позиций Кипра по отношению к ТРСК и Турции. Однако на переговорах о вступлении Турции в ЕС Кипр планирует выдвинуть пять условий, без выполнения которых, он не поддержит ее кандидатуру:

1. Турция должна признать Республику Кипр как суверенное государство.
2. Турция должна прекратить практику наложения вето на членство Кипра в различных международных организациях.
3. Анкара должна прекратить расселение турецких граждан на оккупированных территориях острова.
4. Кипр требует от Турции компенсации за незаконно используемое имущество греко-киприотов на оккупированных территориях, захваченных в 1794 году.
5. Никосия категорически возражает против присутствия на острове турецкого оккупационного корпуса[35].

На момент вступления в Евросоюз (1 мая 2004 г.) Кипр по-прежнему оставался разделенным на две части. Все законы ЕС и льготы от членства в союзе распространились лишь на греческий сектор, а слаборазвитая турецкая часть Кипра осталась за пределами ЕС. Генеральный секретарь ООН опубликовал доклад (S/ 2004/ 437), в котором подчеркнул, что "в результате голосования, положение турок-киприотов требует внимания со стороны мирового сообщества в целом, включая Совет Безопасности" и указал, что "голосование турок-киприотов перечеркнуло все основания для давления на них и их изоляции". Исходя из этого, К. Аннан настоятельно рекомендовал всем государствам сотрудничать как на двусторонней основе, так и в международных организациях в деле устранения ненужных барьеров, которые ведут к изоляции киприотов-турок и препятствуют их развитию.

Вскоре после референдума ЕС, учитывая положительное голосование турок-киприотов, пообещало выделить Северному Кипру 260 млн. евро в качестве экономической помощи, а также ослабить

---

[35] http:greek.ru.

эмбарго на импорт товаров из непризнанной ТРСК. Переговоры по этим вопросам продолжались несколько лет, а желаемые результаты так и не достигнуты. На встрече министров иностранных дел Евросоюза в Брюсселе в ноябре 2005 года некоторые из его участников подчеркивали: «Мы дали слово снять изоляцию, но ничего не смогли сделать. Подобную ситуацию надо менять»[36].

Турецкие дипломатические источники указывают, что обещанные туркам-киприотам евро так и не были даны, что оценивается как «бессилие ЕС перед лицом греков-киприотов». А что касается прямой торговли с Северным Кипром, то «Европейское сообщество демонстрирует свою решимость «пока забыть эту проблему»[37].

Таким образом, ЕС, обещавшее приложить усилия для снятия изоляции турок-киприотов, не держит своих обещаний в том числе, в первую очередь в связи с оказываемым давлением греков-киприотов, и, как представляется, роль Евросоюза в решении кипрской проблемы весьма ограничена.

По мнению многих политических кругов, вопрос Кипра должен решаться в рамках ООН. В этой связи заслуживает внимания статья, появившаяся в английской газете «Файнэншиел Таймс» в конце 2006 г., посвященная Кипру и озаглавленная «Раскол представляется все более стойким». Специалист по Кипру, грек по национальности Филлипос Саввидис пишет, что зеленая линия на Кипре практически превратилась в международную границу, а обе общины острова проживают самостоятельно, отдельно друг от друга. Он подчеркивает следующее: «ЕС — это не организация для разрешения конфликта, необходимо снова передать кипрский вопрос для решения в ООН. Между тем, греки-киприоты потеряли доверие в глазах европейских партнеров»[38]. Комментируя это заявление, известный турецкий политолог Сами Кохен указывает, что оно отражает точку зрения все более распространяющуюся в мировом сообществе. Конечно, по его мнению, под воздействием лидера греков-киприотов Пападопулоса ЕС может выдвигать все новые условия на пути членства Турции в этой организации. Так, например, пока Турция не откроет свои порты для Кипра, вопросы членства не будут обсу-

---

[36] Milliyet. 05.12.2005.

[37] Ibid.

[38] Financial Times. 19.12.2006.

ждаться. И так может продолжаться до 2009 года, при сохранении прежних проблем и напряженности. И даже если предположить, по мнению Кохена, что порты будут открыты, греки-киприоты могут поставить на повестку дня новые вопросы, связанные с признанием ТРСК[39].

Основная цель турецкой дипломатии, указывает Кохен, вновь вывести кипрскую проблему на рассмотрение ООН. Даже греческий эксперт (вышеупомянутый) Ф. Саввидис разделяет эту точку зрения.

Однако включение кипрского вопроса в повестку дня ООН пока осложнено некоторыми моментами. Во-первых, архитектор плана кипрского урегулирования, отдавший ему столько труда, Кофи Аннан больше не Генеральный секретарь ООН. И требуется время, чтобы его южнокорейский преемник включился в данный процесс.

Во-вторых, греки-киприоты считают план Аннана «слабым». И таким образом, будет обсуждаться вопрос, на какой основе будут проводиться переговоры. Кроме того, Пападопулос в пику туркам-киприотам намерен «тянуть к себе план Аннана и получать все более компенсаций».

И, в-третьих, процедуры в ООН проходят не всегда, как того ожидают. Так, доклад Аннана по Кипру, который должен был вынесен на обсуждение Совета Безопасности ООН, из-за противодействия Франции и России, так и не был обсужден. Хотя у греков-киприотов и нет права вето в ООН (как и в ЕС), они могут обеспечить поддержку других стран, обладающих таким вето[40].

Вместе с тем, когда Республика Кипр стала членом ЕС, стало ясно, что для Анкары процесс урегулирования кипрской проблемы будет вписываться уже в широкий контекст её отношений с Брюсселем.

В 11 ежегодном докладе Европейской комиссии, опубликованном 11 октября 2009 г., оценивается выполнение Анкарой своих обязательств по вступлению в Евросоюз. Здесь подчеркивается, что правительство Турции должно создать «приемлемый климат на переговорах» путем начала вывода войск с северной части Кипра. Основная критика авторов доклада направлена на то, что Турция

---

[39] Milliyet. 20.12.2006.

[40] Milliyet. 20.12.2006.

уже четвертый год отказывается соблюдать положения дополнительного протокола о таможенном союзе с ЕС, в соответствие с которым обязалась открыть свои воздушные и морские порты для судов всех стран Евросоюза, включая Республику Кипр. В резолюции подчеркивается, что нежелание выполнять условия протокола в полном объеме «может иметь серьезные последствия для переговоров о вступлении Турции в ЕС»[41].

В начале 2008 г. на Кипре произошли важные события, создавшие возможности для начала конструктивного диалога между общинами острова. 24 февраля президентом Республики Кипр был избран генеральный секретарь Прогрессивной партии трудового народа Кипра (АКЭЛ) Д. Христофиас. Его предшественник на посту президента Пападопулос, отличавшийся крайней неуступчивостью в отношении кипрского урегулирования, «плана Аннана», потерпел поражение еще на первом туре голосования. Опытный политик Христофиас, отвечая на вопрос, почему именно с его именем связывается надежда на новые подходы к решению кипрского вопроса, дал следующий ответ: «Возглавляемая мною партия АКЭЛ всегда выступала за воссоединение острова и гармоничное сосуществование двух общин. Мы ни при каких обстоятельствах не принимали участия в кровавых столкновениях прошлых лет. Напротив, мы всегда разъясняли, что интересы обеих общин требуют взаимопонимания и сотрудничества, а не шовинистских подходов низколобых националистов»[42].

21 марта 2008 г. состоялась встреча Христофиаса и лидера турок-киприотов М. Талата, и таким образом, после четырехлетнего перерыва начались переговоры лидеров двух общин острова.

Всего с сентября 2008 г. по март 2010 г. было проведен 71 раунд переговоров. Процесс выработки общей составляющей шел достаточно трудно, и основное расхождение заключалось в том, что Талат отстаивал идею равноправной федерации двух общин Кипра с единым суверенитетом, представительством и гражданством, а Христофиас выступал за Кипр как единое государство, исключая конфедерацию.

---

[41] www.echo-az.com/zarubej 04 shtml.

[42] Время новостей. 25.03.2008.

18 апреля 2010 г. в самопровозглашенной Турецкой Республике Северного Кипра были проведены президентские выборы, на которых победу одержал лидер Партии национального единства Д. Эроглу, занимавший пост премьер-министра. Набрав более половины голосов в первом туре, новый лидер турецко-кипрской общины, таким образом, опередил действующего президента ТРСК М. Талата, получившего менее 43 % голосов. Проигрыш Талата на этих выборах турецкие эксперты связывают с безрезультатными длительными переговорами с греческой общиной[43].

Д. Эроглу, в отличие от своего предшественника, предлагает решить кипрскую проблему путем создания двух отдельных независимых государств. Ранее в своих выступлениях он заявлял, что неурегулированность кипрской проблемы фактически является ее решением. Однако вскоре после выборов Эроглу заявил, что «продолжит переговорный процесс Талата — Христофиаса» и что первый он не встанет из-за «стола» (имеется в виду, что он не прервет этот процесс в одностороннем порядке). Однако он будет настаивать на новых положениях переговоров[44].

Реакция мировой общественности на результаты выборов в признанной только Анкарой ТРСК была неоднозначной. Так, в английском журнале «Экономист» указывалось, что с избранием Эроглу Кипрская проблема стала еще более сложной. По мнению автора статьи, «ЕС и Греция могли бы оказать давление на администрацию южной части острова по вопросу урегулирования Кипрской проблемы. Однако приход к власти Д. Эроглу сделал эту задачу трудновыполнимой»[45].

Французская газета «Ле Монд» подчеркивала, что существует вероятность того, что переговорный процесс, начавшийся в 2008 г., не будет продолжен, и это отрицательно скажется на отношениях Турции с Евросоюзом[46].

В заявлении 22 апреля 2010 г. официального представителя МИД России А. Нестеренко в связи с выборами на Кипре указывается следующее: «Рассматриваем результаты голосования в турко-кипрской общине острова в качестве вотума доверия новому ру-

[43] www.usakqundem. com/yazar/1533 kktc'de eroglu.html.

[44] Milliyet. 20.04.2010.

[45] The Economist. 22.04.2010.

[46] Bilgesam Bilge Adamlar, Stratejik Arastirmalar Merkezi. 22.04.2010.

ководству общины». Нестеренко отметил, что пока непонятно, на каком основании новый турко-кипрский лидер будет строить свою переговорную стратегию с властями Республики Кипр. «Главное, чтобы она вписывалась в рамки, установленные соответствующими резолюциями Совета безопасности ООН по Кипру, и развивала договоренности, достигнутые ранее. Представитель МИДа также выразил надежду, что действия нового лидера турко-кипрской общины будут способствовать скорейшему возобновлению переговорного процесса»[47].

Вместе с тем, в приветственных посланиях президента Турции А. Гюля, министра иностранных дел Давутоглу, направленных Эроглу, подчеркивается необходимость «продолжения переговорного процесса и продолжения линии Талата»[48].

Влиятельный турецкий политолог С. Кохен указывает следующее: «Опытный политик Эроглу очень хорошо понимает, что, не получив поддержку Турции, невозможно предпринимать каких-либо коренных перемен. И, собственно, уже в качестве президента он подчеркнул, что будет проводить тесное сотрудничество «с родиной-матерью»[49].

В целом, российская позиция по кипрскому вопросу была сформулирована 31 января 2006 г. В. Путиным на пресс-конференции в Кремле, когда он дал развернутые ответы на многие вопросы российской политики. Раскрывая подход России к кипрской проблеме, российский президент сказал следующее: Что касается нашей политики на кипрском направлении, она не изменилась. Но нам бы очень хотелось, чтобы наша политика была сбалансированной и чтобы все участники процесса: и Турецкая Республика, и северная часть Кипра, и Греция, и Кипрская республика — в целом с доверием относились к тому, что делает Россия на международной арене в целом и по кипрскому урегулированию, в частности. Мы будем и дальше работать с Генеральным Секретарем ООН. Мы считаем, что только сами люди, проживающие на острове, могут определить свою собственную судьбу. И мы надеемся, что могут быть найдены приемлемые для севера и для юга Кипра компромиссы. Мы пола-

---

[47] www.rian.ru/politics/ 201000422.

[48] Milliyet. 20.04.2010.

[49] Milliyet. 20.04.2010.

гаем, что северная часть Кипра тоже демонстрирует — демонстрирует достаточно ясно — свое стремление к урегулированию. Это заслуживает поощрения[50].

Таким образом, в кипрском вопросе, сложном не только своим внутриполитическим, этно-культурным содержанием, но и сплетением разновекторных внешнеполитических интересов и цивилизационных различий вовлеченных в него сторон и государств, отразились глобальные международные столкновения XX века. На примере кипрского конфликта просматриваются новые культурно-цивизационные проблемы, встающие на пути интеграционных и миротворческих усилий, предпринимаемых международным сообществом.

Киприотам предстоит сложный путь для достижения единства их родины. Здесь не обойдется без взаимных уступок, терпения и такта, прорыва на новый уровень политического мышления, выхода на новые рубежи политической практики.

Кадырбаев А. Ш.

(Институт востоковедения
Российской Академии наук, Москва)

Россия и тюркские народы в концепции ранних и современных евразийцев

Концепция евразийства как идея возникла между двумя мировыми войнами в среде российской эмиграции на Западе, бежавшей туда после Октябрьской революции 1917 года и прихода к власти на просторах бывшей Российской империи коммунистического режима. Первыми объектами внимания, на чем сосредоточились представители российской концепции евразийства, были почти совершившийся в 1918—1919 гг. распад Российской империи как государства, а затем воссоздание этого государства под красным

[50] www.rian.ru/politics 2006003.

знаменем Великой Утопии — коммунизма и под новым названием Союз Советских Социалистических Республик. Однако, по мнению евразийцев, воссоздание было проведено большевиками на основе их ложной коммунистической идеологии и будет недолговечно. Сегодня мы являемся свидетелями того, что этот прогноз евразийцев оправдался. Исходя из данной посылки, они ставили перед собой задачу осознать и обосновать историческое единство огромных пространств, получивших тогда название СССР. Им казалось важным настойчиво подчеркивать основную идею защищаемого ими исторического единства — органического соединения Востока и Запада, Азии и Европы — «Евразии». Для евразийцев терминологическое определение «Евразия» было началом разносторонних (исторических, географических, этнографических, культурных, экономических) исследований евразийского единства[1].

В годы первой мировой войны, революций и гражданской войны в России и на территориях стран и народов, ранее входивших в состав Российской империи, евразийцы обнаружили слабость старых российских традиций, хрупкость казавшихся вековыми устоев. Идеолог российского евразийства Н. С. Трубецкой писал: «Мы были свидетелями того, как внезапно рухнуло то, что мы называли “русской культурой”. Многих из нас поразила та быстрота и легкость, с которой это свершилось, и многие задумывались над причинами этого явления»[2].

Поэтому евразийцы выдвинули как основополагающую идею — концепцию «России — Евразии», объясняя историческую ситуацию России быть Евразией — целостным единением многих народов, но, в первую очередь славянских и тюркских, населяющих ее «степи и леса». Выразитель евразийских идей П. Н. Савицкий указывал на резкое отличие истории России от истории стран Западной Европы и призывал освободиться от европоцентризма в сознании и противопоставить культуре стран Запада культуру народов России. Евразия, по мысли П. Н. Савицкого, как самодостаточный культурно-исторический мир объединяет славянские, тюркские, кавказские, финно-угорские, монгольские, иранские и другие народы. Евразия является областью равноправия и братства народов, не имеющих аналога в межнациональных соотношениях колониальных империй Запада. А евразийскую культуру можно представить

себе в виде культуры, являющейся в той или иной степени общим созданием и общим достоянием народов Евразии.

Таким образом, именно П. Н. Савицкому принадлежит авторство в применении термина «Евразия» и его обоснование[3]. Самой постановке вопроса «Россия — Евразия», объяснению предназначения России быть Евразией принадлежит важное место в исторических теориях евразийцев, основателей концепции евразийства.

«Становым хребтом истории Евразии» названа евразийцами в их коллективном труде «Евразийство» степная зона, тянущаяся от устьев Дуная до Тихого океана и населенная преимущественно тюркскими народами, львиную долю которой занимают Казахские степи[4].

Евразийцы настаивали на особом значении Евразии, указывая на ее пространственные масштабы и географическую природу. Евразийцы в связи с этим обосновывали ключевое влияние географических и социальных факторов на образование централизованного Российского государства. Учитывая то, что Русь располагалась в основном в лесной зоне и ей постоянно приходилось иметь дело с тюркскими народами степи, евразийцы положили в основу деления на периоды истории России «соотношение между лесом и степью» или славянским и тюркским миром. По этому принципу российская история делится на пять периодов.

Первый — с древности до 972 года — попытка объединения леса и степи. Во время этого периода славяне и тюрки впервые выходят на историческую арену, причем, как свидетельствуют византийские источники, это происходит почти в одно и то же время. Так, византийский хронист Менандр сообщает в 579 г. о «важнейших князьях склавинского (славянского.-Авт.) народа»[5]. А с тюрками, впервые упоминаемыми в китайских хрониках в 542 г., и в 551 г. создавшими степную империю — Тюркский каганат от Кореи до Черного моря с центром на Тянь-Шане, Византия уже в 567 г. обменялась посольствами. С этого времени славяне и тюрки сражаются против общего врага — Византии. В 907 г. князь Древней Руси Олег «прибивает свой щит к вратам Царьграда», как в древнерусских летописях называлась столица Византии Константинополь, ныне Стамбул. В княжение его сына Игоря в 941 и 944 гг., а затем и при его внуке князе Святославе, восточные славяне совершают походы на Византию. В свою очередь, тюрки уже в IX в. сражаются с ви-

зантийцами в Малой Азии, а в X в. волны тюркских кочевников до основания сотрясают "Второй Рим", ставя под вопрос само существование Византии. Тюркские племена печенегов, торков-огузов с северо-запада из причерноморских степей и сельджуков с востока, тревожили Византию. Казалось, из степей Центральной Азии, прародины упомянутых тюркских степных народов, из коренных огузских степей Приаралья протянулись две огромные клешни: на севере печенеги и торки, на востоке — сельджуки, которые грозили, сомкнувшись с восточными славянами раздавить Византию. Это и произошло в 965 г. с союзником Византии — тюркским Хазарским каганатом в Нижнем Поволжье, чья правящая верхушка приняла иудаизм, подданными которого вместе с степными тюрками-хазарами, горскими народами Северного Кавказа была и часть восточнославянских племен, когда обитавшие в прикаспийских степях, где ныне Казахстан, тюрки-огузы (торки древнерусских летописей) в союзе с Древней Русью при правлении князя Святослава сокрушили хазарское государство[6].

Второй период начинается с 972 г. и длится до нашествия монгольского Бату-хана, Батыя древнерусских летописей — внука Чингиз-хана на Русь в 1237 г. Он характеризуется борьбой леса и степи, когда Русь испытала натиск тюркских степных народов — печенегов, половцев древнерусских летописей (кыпчаков мусульманских источников, команов европейских и византийских хроник, цзиньча китайских династийных историй), что нашло отражение как в древнерусских летописях, так и в бессмертном творении древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». Войны древнерусских князей с половцами, как и с их тюркскими предшественниками, сменялись союзами с ними, участием древнерусских князей и половецких ханов в междоусобицах друг друга, династийными браками. Примером последних может служить родословная основавшего в 1147 г. Москву князя Юрия Долгорукого, чья жена была половчанкой. В 1223 г. половцы выступили в поход на монголов в составе объединенного войска древнерусских княжеств и вместе с ними испытали горечь поражения на реке Калке[7].

Третий период длился с 1238 до 1452 г. — года основания Касимовского ханства в составе Российского государства и олицетворяет победу степи над лесом, когда после монгольского завоевания Руси и создания империи Золотая Орда, 250 лет повелевавшей

древнерусскими землями, в которой тюркские степняки со временем растворили в своей среде монгольских пришельцев и унаследовали их традиции государственности, восточные славяне и тюркские степные народы разделили общую историческую судьбу, развиваясь в единой системе связей, что сближало их и при всех ужасах ордынского владычества приводило к взаимообогащению их культур, определяя во многом сходство их жизненного уклада и духовных ценностей. По мнению евразийцев, объединение русских земель в единое государство произошло в эпоху Золотой Орды и осуществлено это было не «русскими славянами, а монголо-туранцами (монголами и тюрками. — *Авт.*)»[8]. Н.С.Трубецкой считал, что подлинное начало России как великого государства было положено не славянами и не варягами — выходцами из Скандинавии, сформировавшими первые древнерусские правящие княжеские династии в Киеве, а степными народами — тюрками и монголами. Евразийцы опровергали распространенное мнение о том, что, оказавшись в составе Золотой Орды, Русь остановилась в своем развитии. По их мнению, были радикально изменены пути этого развития и в итоге они привели страну к принятию от Золотой Орды эстафеты гегемонии в будущей евразийской державе, каковой и стала Россия. Поэтому евразийцы положительно оценивали период, когда Русь находилась в составе Золотой Орды: «Правда, сначала северо-восточная Русь была в этой (золотоордынской.-Авт.) системе вассалом. Но, как известно, к концу XIV в. Русь в лице Московского государства с полной несомненностью стала решающей силой в великом состязании "царств-наследников" Золотой Орды»[9].

Четвертый период — 1452—1696 гг. (от возвышения Москвы и падения Золотой Орды до взятия Петром Великим города Азова, тогда османской крепости) — время побед леса над степью, когда «Русский Север» наступает на монголо-турецкий (монголо-тюркский. — *Авт.*) Восток: завоевание Казанского, Астраханского, Сибирского на Тоболе — ханств, поглощение башкирских владений и Ногайской Орды, а позднее в XVIII—XIX вв. и Казахских жузов, Крымского ханства, ханств Средней Азии — Хивинского, Кокандского, Бухарского, благодаря чему постепенно из Великого княжества Московского образуется великая евразийская держава — Российская империя, включившая в свой состав земли своей предшественницы Золотой Орды, от которой она многое унаследо-

вала. Например, наследие Золотой Орды в области государственной организации стало прообразом в первую очередь российской имперской государственности, где по ордынским образцам функционировала военная организация, фискальная система, посольский обычай, протокольная традиция государственных канцелярий. До конца XVII в. русские цари вели переписку с мусульманскими государями с использованием стиля и формул, свойственных парадно-канцелярскому производству Золотой Орды, а в дальнейшем Крымского ханства. Направлявшиеся правителям мусульманских стран грамоты украшались, во всяком случае, до начала XVIII в., не заимствованным у Византии изображением двуглавого орла как герба России, а особого геральдического знака — тугры, взятого с грамот крымских ханов, с которыми у московских государей была активная переписка. Правители России привычно и органично использовали мусульманскую символику, не воспринимая ее как нечто чуждое. Иначе чем объяснить, что тугра первых Романовых не только была хорошо известна тюркским правителям Бахчисарая и Стамбула, империи Великих Моголов в Индии, но и украшала документы выезжавших на Восток российских купцов. Заметно было золотоордынское и более раннее тюркское влияние на русский язык, что нашло свое отражение в современном русском языке, где пятая-шестая часть словарного запаса — тюркского происхождения.

Золотоордынское наследие проявилось в веротерпимости и в обыкновении не ассимилировать новые, включавшиеся в состав Российской империи территории, не изменять жизнь, религию и язык присоединенных народов, хотя и были заметные отклонения от этих принципов в отдельные периоды истории России. Помимо этого, Русь была вовлечена в находящуюся на более высоком уровне финансовую систему Золотой Орды и унаследовала от нее ямскую систему путей сообщения и сеть почтовых организаций[10].

Трудно переоценить роль в истории России тюркской служилой знати, переходившей в православие, сформировавшую заметную часть российского высшего общества, хотя нередко и сохранявшей мусульманскую веру, что не мешало ей преданно служить русскому престолу, и выходцы из которой становились не только номинальными русскими царями, как тюркские князья Петр Ибрагимович и Симеон Бекбулатович, марионетки в руках первого русского царя Ивана Грозного, чья мать была крещеной татаркой,

но и подлинными властителями России, как потомок ордынца Четмурзы царь Борис Годунов,[11] «татарин, нехристь», — как писал о нем А. С. Пушкин. Хотя и роль Симеона Бекбулатовича, его краткое пребывание на русском троне, вероятно, не столь однозначны, поскольку от был Чингизидом, статус которых как представителей династии, в свое время правящей в Золотой Орде и постордынских государствах, был высок и в России XVI в. Тем более, в правление Ивана Грозного судьба российской государственности оказалась под вопросом из-за войн с Крымским ханством, где правили Чингизиды — ханы Гиреи, поэтому временное пребывание на русском троне Симеона Бекбулатовича в силу указанных обстоятельств, видимо, не случайно.

Пятый период — «распространение Российского государства до естественных пределов Евразии» (1696—1917 гг.) — объединение леса и степи в «отношении хозяйственно-колонизационном». Социальное и политическое развитие евразийской общности определялось борьбой между «лесом» и «степью», где «лес» постепенно брал верх. Однако эта борьба выявила значение тюркских кочевых народов в создании политической, материальной и духовной цивилизации, которая органически охватывала всю территорию Евразии.

Евразийцы стремились связать изучение географического фактора с постановкой исторических проблем, что им в полной мере удалось. Согласно евразийской точке зрения, большие евразийские территории, содержащие в себе колоссальные природные богатства, диктуют необходимость контроля, что неизбежно приводило к жестко централизованной системе управления.

Таким образом, вполне правомерно, что евразийцы начали переосмысливать роль восточных, прежде всего тюркских кочевых народов, в истории России. Их заслуга состоит не только в том, что они включали тюркский степной мир в ее историю, но и в том, что посмотрели на саму эту историю не с Запада, глазами европейцев с позиции европоцентризма, а как бы из другого мира — тюркского, степного, азиатского. Это обогатило российскую науку, позволило осознать некоторые стороны русского исторического процесса, в частности, взаимоотношений России с тюркскими культурами. В связи с этим, приверженцы российской концепции евразийства придавали большое значение географическому фактору, особенно огромным степным пространствам Евразии, (где прародина всех,

а не только степных, тюркских народов, несмотря на современные места их обитания) на формирование русского национального характера. Именно в степной, а не в «лесной» или «речной» зоне, подобно тому, как это было и у тюркских степных народов, по мнению евразийцев, вырабатывались формы властвования, мышления и психологии, не свойственные другим культурам. В русском национальном типе можно обнаружить азиатские мотивы поведения: массовость и довольно часто иррациональность политических акций, наблюдаемые до сегодняшнего дня. Богатство природы и обширность территории повлияли на национальный характер русских, которым свойственны поистине материковый размах (русская широта), осознание органической связи общественной жизни с природной, взгляд на любые формы политической жизни как на нечто относительное. Формирование нации шло одновременно с образованием империи на огромных пространствах двух, и даже, какое-то время, трех материков, (до уступки Северо-Американским Соединенным Штатам Русской Америки в 1860-х годах), что наложило свой отпечаток на ход российской истории.

Исторический миф о «собирании» земель предполагает, что единый народ якобы существовал как бы сам по себе, а затем объединился в едином государстве. На самом деле и на Руси, и в любой другой стране все происходило с точностью до наоборот. Государство, тем более, имперского уровня, объединившее изначально под своей властью разнородные племена и общины, постепенно превращало их в единый народ.

Следовательно, российская концепция евразийства включает в себя ряд исходных позиций: о существовании особого континента Евразии с особыми природными условиями, климатом и ландшафтом; о месте, где развивается народ, как категории, отражающей синтез социально-исторической среды и территории, которую он заселяет; об определенном типе менталитета и нравственности народа, обусловленного местом, где он развивается; об особых условиях жизни и мировоззрении, порождающих и особую социально-политическую организацию общества на территории Евразии.

В евразийской концепции истории впервые в российской историографии поднимается проблема многонационального государства, что и поныне актуально, как для России, так и для стран тюркского мира, особенно Казахстана.

Последователи российской концепции евразийства выделяли туранский (тюркский) тип как оказывающий определяющее влияние на евразийскую культуру вплоть до эпохи Петра Великого. Главная черта психологии тюркских степных народов, по их мнению, стремление к экстенсивности, что обеспечивало относительную культурную устойчивость данному типу, создававшую условия для сбережения национального потенциала. В целом евразийцы положительно оценивали влияние туранцев (тюрков) на развитие русского национального менталитета и государственности, и, вместе с тем, указывали — «мы не славяне и не туранцы (тюрки), хотя в ряду наших предков есть и те, и другие, а — русские»[12].

Политическое и культурное развитие евразийских народов, в первую очередь славянских и тюркских, сроднившихся в течение веков совместного проживания, при всех противоречиях в их непростых взаимоотношениях, обеспечивало им существование в рамках единого евразийского государства — России, название которого в разное время звучало по-разному — Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация. Поэтому «национальным субстратом» Российского государства «может быть только вся совокупность народов, населяющих государство, рассматриваемая как особая многонародная нация»[13].

Ныне славянские и тюркские народы после распада единого государства — СССР, образования новых тюркских государств и Российской Федерации, каждый по-своему осмысливают свое прошлое, увязывая его с современностью. Аппеллируя к историческим связям, они обращаются к идеям евразийства, трактуя их в собственной интерпретации.

В России мы являемся свидетелями формирования новой евразийской идеологии, заключающейся в переосмыслении имперской политической традиции на постсоветском пространстве. Новое российское евразийство предполагает существование между «Западом» и «Востоком» третьего континента — Евразийского. Имеется в виду органичное единство культур, рожденных в этой зоне встречи и синтеза русского и тюрко-мусульманского миров, олицетворением которых в Евразии, в первую очередь, является Россия, а также Казахстан и в определенной степени другие тюркские страны Центральной Азии. Евразийство как идеология и мировоззрение вполне способно узаконить Российскую империю и ее преемника

Советский Союз в историческом пространстве, их континентальное измерение, дать России стойкую идентичность перед лицом Запада, предсказать ей достойное будущее, при этом отражая парадоксы русской идентичности.

Евразийство, заклейменное советской властью, когда в СССР его осмеливались исповедывать только казахский поэт О. О. Сулейменов, автор известной книги на эту тему «Аз и я», и деятель российской культуры Л. Н. Гумилев[14] (1912—1992 гг. жизни), ставший объектом поклонения в России и, особенно в Казахстане, еще при жизни, возрождается и является разработанной идеологией. Но, пока в России евразийство является больше мировоззрением, распространенным в среде научной интеллигенции, и еще не сумело заявить о себе как об организованном политическом движении со своим собственным проектом: социальным, экономическим, политическим. Современное евразийство разделяется на ряд течений, скорее интеллектуальных, нежели политических. Первое течение А. Дугина характеризуется ярым антиамериканизмом и традиционным русским мессианством. Второе — Э. Баграмова главными темами считает: славяно-тюркский симбиоз и союз славянских и тюркских народов, что имеет не только внутрироссийское, но и внешнеполитическое значение, а также имеет прямое отношение к взаимоотношениям России с тюркскими государствами Центральной Азии и Турцией; реабилитацию цивилизационного наследия Золотой Орды и тюрко-мусульманских народов в истории России, сопоставление православной христианской религиозности с суфийским мусульманским мистицизмом. Верность России преподносится как лучший способ защиты национальной идентичности тюркских народов бывшего СССР. Третье современное российское евразийское течение А. Панарина защищает понятие «империя», как модель евразийства на практике, полагая, что империя это не узкий национализм и не агрессивный империализм, а особая форма «государственности», которая покоится на общечеловеческих ценностях и принципах, а не на культе нации в этническом понимании этого слова и поэтому реализует в политическом плане национальное своеобразие Евразии[15]. Следующим направлением в российском евразийстве является тюрко-мусульманская версия, согласно которой олицетворением и стержнем Евразии могут быть только тюркские мусульманские народы. По мнению выразителей этого

евразийского течения, в основном представляющих гуманитарную интеллигенцию тюркских народов России, Россия может быть евразийской державой лишь при условии признания и должной оценки тюркского мусульманского мира в себе самой. Тюрко-мусульманское евразийство вполне лояльно по отношению к целостности России как государства и не выступает как сепаратизм. В трактовке выразителей этого течения российского евразийства тюркские народы евразийского пространства получают достойное место в прошлом и будущем России, поскольку в Российском государстве слились русские и тюркские народы — татары, башкиры, казахи, азербайджанцы, ногайцы, карачаевцы, балкарцы, кумыки, туркмены, а в экспансии Российской империи и СССР в Азии проявилась русско-тюркская природа России. Евразийцы призывают российские тюркские мусульманские народы осознавать свою идентичность, но в рамках союза с Россией[16].

Таким образом, Евразию можно представить как продукт непрерывного диалога между славянскими и тюркскими народами. А значит между православием и исламом. При этом, по мнению современных российских евразийцев, религия должна быть секуляризована и служить залогом истинности идеологии евразийского государства, что и имеет пока место в России, хотя ее светские устои последние два десятилетия испытывают нарастающее давление со стороны официальных кругов Русской православной церкви. Евразийцы высоко оценивают роль ислама, видя в нем гарант социальной стабильности, восхищаются тем, что он дает цельность, какой не достает России. В международном плане, по их мнению, Россия должна сблизиться с мусульманскими странами, в частности с Турцией, тоже евразийской тюркской страной и бывшей империей. Для новых российских евразийцев существуют прежде всего две великие религии, два универсализма, способные объединить Евразию и дать ей идеологическое обоснование — русский православный и тюрко-мусульманский. Именно так, будущая идеология евразийского государства не может ограничиваться православием, она должна соединить православие и ислам. И тогда, рожденная Библией и Кораном, евразийская идея, сделавшись единой и неделимой, поставит интересы государства выше веры.

Евразийство заслуживает того, чтобы его знали лучше. Оно демонстрирует потребность в обобщающих и объясняющих идеях,

в легитимации империй в свое время объявших два континента, к числу прямых наследников которых принадлежит современная Россия. Данная концепция евразийства созидательна и основывается на культурном и экономическом сотрудничестве, без противопоставления народов и религий, без разделения их на «свои» и «чужие», призвана обеспечивать каждому субъекту системы евразийского взаимодействия мирное независимое развитие, рост благосостояния и, в конечном итоге, приобщение к вершинам мировой цивилизации. Относительно России и стран тюркского мира, русского и тюркских народов, их сближение в экономике, политике, культуре, духовной жизни и даже интеграция вытекают из общей истории этих стран и народов.

Современные российские евразийцы выдвигают теорию существования двух Востоков: внешнего, на который Россия должна опираться на международной арене в лице мусульманского мира, частью которого являются и все современные тюркские государства, как бывшие республики СССР — Казахстан, Узбекистан, Азербайджан, Кыргызстан, Туркменистан, так и Турция, а также внутреннего, собственно российского Востока, представленном преимущественно тюркскими народами, в том числе и немусульманскими — чувашами, якутами, тувинцами, алтайцами, хакасами, шорцами, тофаларами, а также монгольскими — бурятами и калмыками, хотя и не только ими, в котором открывается неевропейская идентичность России. Иначе говоря, хотя Россия евразийцев и называется «Евро-Азией», страной она оказывается куда более восточной, чем западной.

В поисках самоутверждения все течения российских евразийцев, ранних и современных, обращались к историческому прошлому. Все они отдавали и отдают приоритет великим цивилизациям древнего Востока перед классическим греко-римским миром, этим символом «западномыслия».

Но если ориентализм ранних евразийцев фокусировался на тюрко-монгольском мире, на номадизме как олицетворении движения и обновления, то современным российским евразийцам больше импонирует современный мир тюркских народов, как российских, так и центральноазиатских.

Евразийство показывает в какой степени тема Востока является основополагающей для русского сознания XIX—XXI вв. Разговор

о Востоке, о его народах, это особый вид разговора о России, один из способов выражения сомнений русских интеллектуалов относительно идентичности России[17].

И последнее. Каковой бы ни была реальная популярность евразийства среди широких слоев населения современной России, равно как и тюркских стран СНГ, оно является одной из основных постсоветских идеологий, разработанной, теоретически обоснованной и направленной на реидентификацию России. Современное евразийство возвращает к наследию — к исканиям ранних евразийцев. Вероятно, ему предстоит новое толкование и распространение среди тюркских элит России и стран Центральной Азии, возможно Турции, а обращение к евразийству и собственная его интерпретация лидером Казахстана Н. С. Назарбаевым, наглядное подтверждение сказанному[18].

Использованная литература

1. *Вилента И. В.* Идея самобытности России в исторической концепции евразийцев. Вестник Московского Университета, серия 8 — история, № 1, 1988. С. 27—40.
2. *Трубецкой Н. С.* Европа и человечество. София, 1920. С.4.
3. *Савицкий П. Н.* Европа и Евразия. Русская мысль. София, 1921, вып.1. С.127, 135; *Он же*. Евразийская концепция русской истории. Государственный архив Российской Федерации, ф.5783, оп.1, ед. хр.28, л. 2.
4. *Савицкий П. Н.* Евразийство. Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С.100—101.
5. *Менандр*. История. Вестник древней истории. 1941, № 1. С. 247.
6. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964; *Зуев Ю. А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. А., 2002; *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т.1, М., 1989. С. 45,118, 126, 191, 272.
7. *Федоров-Давыдов Г. Ф.* Курганы, идолы, монеты. М., 1968. С. 47—48; *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 70—9
8. *Трубецкой Н. С.* О туранском элементе в русской культуре. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С.59.
9. *Савицкий П. Н.* — *Гумилеву Л. Н.* от 13 февраля 1963 г. *Гумилев Л. Н.* Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 1994. С.535.

10. Евразийство. Опыт систематического изложения. Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьба России. М., 1972. С. 381.; *Ланда Р. Г.* Ислам в истории России. М., 1995. С. 66.
11. *Трепавлов В. В.* Тюркская знать в России (ногаи на царской службе). Вестник Евразии — Acta Eurasica. М., 1998, №1—2(4—5). С. 101—112.
12. Евразийство. Опыт систематического изложения... С. 374.
13. *Трубецкой Н. С.* Общероссийский национализм. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993, с.95; *Савицкий П. Н.* Миграция культуры. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. С. 4—7.; *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. ч.1. Прага, 1927, С. 8.; *И. Р. (Трубецкой Н. С.)* // Наследие Чингиз-хана (взгляд на русскую историю не с Запада, а Востока). Вестник Московского университета, серия 9 — филология, № 4,1991. С. 35.
14. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989; Он же. Этногенез и биосфера земли. Л., 1990; Он же. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993; *Он же.* Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 1994.
15. *Дугин А.* Мистерии Евразии. М., 1996; *Он же.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997; *Панарин А. С.* Россия в цивилизационном процессе. М., 1995; Он же. Славяно-тюркское единство. Несущая конструкция российской государственности // Россия и мусульманский мир, 1996, № 1. С. 62; *Он же.* Россия в Евразии: вызовы и ответы // Там же, 1995, № 2. С. 8; *Он же.* Россия на перепутье: расколы западничества и синтезы евразийства // Там же 1995, № 8.; *Панарин А. С., Ильин Б. Б.* Россия: опыт национально-государственной идеологии. М., 1994.
16. Шаймиев М. Татарстан: диалог религий, диалог культур. Россия и мусульманский мир, 1996, №1, с.44—46.; *Саликов Р., Калядин Л.* Во имя возрождения // Евразия, 1996, № 4. С. 23—28.
17. Ларюэль М. Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология // Acta Eurasica, №1(8), М., 2000 // С. 5—19.
18. *Назарбаев Н. А.* Евразийский союз: идеи, практика, перспективы 1994—1997. М., 1997.

Кальянова Т. П.
(Иркутский государственный университет)

Три десятилетия деятельности Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Иркутского государственного университета: опыт и перспективы востоковедения в провинциальном университете

В докладе рассматривается опыт и перспективы востоковедения в провинциальном университете. Исторически сложилось так, что востоковедение в России всегда было столичной наукой. Петербург, Москва, Казань, Улан-Удэ или Владивосток, где изучались восточные языки оказывались столицами. В провинциальные города, каким всегда был Иркутск, ориентализм случайно, спорадически заносился чрезвычайными обстоятельствами наподобие революции или эвакуации. Как правило, глубинка оказывалась не вполне благоприятной средой для этой сферы знаний. Однако и в не вполне благоприятной среде востоковедная традиция сумела возникнуть и сохраняться на протяжении трех десятков лет.

20 ноября 1978 г. приказом ректора Иркутского государственного университета была учреждена Лаборатория востоковедения как постоянно действующее учебное и научно-исследовательское подразделение при кафедре всеобщей истории (ныне — кафедра мировой истории и международных отношений). В 1991 г. лаборатория получила своё нынешнее наименование — Центр азиатско-тихоокеанских исследований (ЦАТИ), куда входили на добровольных началах преподаватели, аспиранты и студенты, работавшие и специализировавшиеся по востоковедной проблематике.

ЦАТИ может считаться продолжателем традиций изучения Востока, складывавшихся в нашем городе. в период активной деятельности ВСОРГО в XIX в. и в первые десятилетия существования Иркутского университета. Создателем современной школы исследований истории международных отношений и зарубежной истории, включавшей и восточную проблематику был профессор Сергей Владимирович Шостакович (1902—1981). Большой

вклад в познание зарубежного Востока внесли Е. М. Даревская и М. А. Бендер.

На протяжении прошедших лет одной из форм работы ЦАТИ была организация научных конференций, которые превратились из региональных в международные. Первая конференция состоялась в апреле 1980 г. В 1981—1983 гг. конференции проводились ежегодно, а начиная с 1986 г. — по четным годам. Со временем у них появилось постоянное, «фирменное» название «Россия и Восток: взгляд из Сибири».

Участниками конференций являлись специалисты из Владивостока, Хабаровска, Читы, Улан-Удэ, Томска, Новосибирска, Красноярска, Тюмени, Барнаула и других городов. Стабильным и полезным было сотрудничество между ЦАТИ и Международным центром азиатских исследований Иркутского государственного педагогического университета (ныне Восточно-Сибирская государственная академия образования), Институтом востоковедения РАН, Институтом стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова, Московским государственным педагогическим университетом, Санкт-Петербургским государственным морским техническим университетом.

В декабре 2008 г. состоялась пятнадцатая конференция, посвященная тридцатилетнему юбилею Центра Азиатско-тихоокеанских исследований.

Публикации Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований

1980 г.

Проблемы востоковедения в трудах ученых Восточной Сибири. Тезисы докладов к региональной конференции 10—12 мая 1980 г. / Под ред. В. В. Свинина — Иркутск, 1980. — 79 с.

1981 г.

Проблемы социально-экономического и политического развития стран Востока. Тезисы докладов к региональной конференции 14—16 мая 1981 г. / Под ред. В. П. Олтаржевского — Иркутск, 1981. — 67 с.

1982 г.

Страны Востока: проблемы социально-экономического и политического развития. Тезисы докладов к региональной конференции. 13—15 мая 1982 г. — Иркутск, 1982. — 88 с.

1983 г.

Социальное и политическое развитие народов Востока: история и современность. Тезисы докладов к региональной конференции. 12—14 мая 1983 г.— Иркутск, 1983. — 110 с.

1986 г.

Народы Востока: тенденции и противоречия социально-экономического и политического развития. Тезисы докладов к региональной конференции 15—17 мая 1986 г. — Иркутск, 1986. — 108 с.

1987 г.

Проблемы истории Океании. Сборник научных трудов. — Иркутск: Иркут. ун-т, 1987. — 150 с.

1988 г.

Страны и народы Востока: пути развития. Тезисы докладов к региональной конференции. 10—12 мая 1988 г.— Иркутск, 1988. — 128 с.

1990 г.

Страны и народы Востока: история, экономика и международные отношения. Тезисы докладов к региональной конференции. 10—13 мая 1990 г.— Иркутск: Иркут. ун-т, 1990. — 174 с.

Проблемы истории Австралии и Океании. Сборник научных трудов. — 192 с.

1992 г.

Восток в прошлом и настоящем. Тезисы докладов к региональной конференции. 14—17 мая 1992 г. — Иркутск, 1992. — 239 с.

1994 г.

Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири. — Тезисы докладов международной научно-практической конференции 6—8 октября 1994 г. — Иркутск, 1994. — 201 с.

1995 г.

Россия — Новая Зеландия: 50 лет дипломатических отношений. Сборник документов. — Иркутск: Иркут. ун-т, 1995. — 325 с.

1996 г.

Восток и Россия: взгляд из Сибири. Материалы и тезисы докладов к научно-практической конференции. Иркутск, 16—18 мая 1996 г. — Иркутск, 1996. — 416 с.

1998 г.

Восток и Россия: взгляд из Сибири: Материалы и тезисы докладов к XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 13—16 мая 1998 г.: в 2 т. / Под ред. В. И. Дятлова и В. П. Олтаржевского. — Иркутск: Изд-во Иркут.ун-та,1998

2000 г.

Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия. Материалы и тезисы докладов к международной научно-практической конференции. Иркутск, 24—27 мая 2000 г.: в 2 т. / под ред. В. И. Дятлова и В. П. Олтаржевского. — Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2000.

2002 г.

Россия и Восток: взгляд из Сибири в начале тысячелетия. Материалы и тезисы докладов к международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора С. В. Шостаковича. Иркутск 17—19 мая 2002 г. — Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2002. — 318 с.

2004 г.

Россия и Восток: взгляд из Сибири в начале тысячелетия. Материалы и тезисы докладов к международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию российско-новозеландских дипломатических отношений и 25-летию Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИГУ. Иркутск, 20—22 мая 2004 г. — Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2004. — 308 с.

2010 г.

Россия и Восток: взгляд из Сибири: Всерос. науч.конф., посвящ. 30-летию Центра Азиатско-Тихоокеанский исследований ИГУ (Иркутск, 19 декабря 2008 г.): материалы. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. — 215 с.

Лавыш К. А., Щукина Н. В.
(Минск)

Изучение культуры и искусства Востока в Беларуси: проблемы исследователей

В Беларуси, без сомнения, есть интерес к Востоку. Об этом свидетельствуют выставки изобразительного искусства, центры восточных культур, курсы изучения восточных языков, восточных единоборств, показы произведений китайского, японского, индийского кинематографа. Что же касается изучения восточной культуры и искусства, проведения научных исследований в этой области, то здесь существуют большие трудности. Исторически сложилось так, что в Беларуси хранится очень мало произведений искусства Востока, и этим фактором в первую очередь обусловлены проблемы в изучении восточной культуры и искусства. Хотя в средневековье и позднее, в XVII—XVIII вв., в так называемую эпоху сарматизма, предметы восточного происхождения были хорошо известны. К сожалению, многие изделия высокого художественного уровня, происходящие из раскопок средневековых городов на территории современной Беларуси, оказались в России, в том числе богатейшая коллекция византийского и сирийского стекла из Новогрудка, а шляхетские коллекции, в том числе и восточные, после разделов Речи Посполитой разошлись в разные стороны.

В X—XIV вв. средневековые города Беларуси поддерживали активные контакты со странами христианского и мусульманского Востока (Византия, Сирия, Иран, Средняя Азия, Кавказ). Из этих стран поступали как предметы массового ввоза (стеклянные и каменные бусы, амфоры с вином и маслом, благовония, фрукты, орехи), так и художественные изделия (стеклянная, фаянсовая и поливная посуда, шелковые ткани, изделия из металла и кости).

Одной из самых интересных статей византийского и восточного импорта в средневековых городах Беларуси является стеклянная посуда. Расписанная золотом и эмалью или украшенная резьбой и гравировкой, она являлась предметом роскоши и ценилась очень высоко. Встречаются и более простые сосуды, без росписи, бутыли для бытовых и химических целей, но основная масса импортной

стеклянной посуды предназначалась для пышных застолий. Она поступала из Византии и Сирии и датируется XII—XIII вв. Наиболее многочисленную коллекцию стеклянных сосудов византийского и восточного происхождения, причем самого высокого качества, составляют находки из Новогрудка. Ф. Д. Гуревич, проводившая раскопки в Новогорудке, утверждала, что ни один из древнерусских и западноевропейских городов не дал столько материала по стеклу Востока, сколько Новогрудок. В Новогрудке найдено более 340 фрагментов стеклянной посуды византийского и восточного происхождения. Примерно 70 из них относятся к восьми сосудам, изготовленным в мастерских Сирии (Ракка, Алеппо), остальные фрагменты принадлежат более 40 сосудам из Византии[1]. Фрагменты византийской и восточной стеклянной посуды найдены также в Турове, Мстиславле, Витебске, Гродно, Волковыске, Слониме, Друцке[2].

Другой важной статьей восточного импорта была поливная керамика. Особенно выделяется иранская керамика с люстровой росписью (Новогрудок, Волковыск, Мстиславль)[3] и керамика «минаи»

---

[1] *Гуревич Ф. Д.* Византийский импорт в городах Западной Руси в XII—XIII вв. // Византийский временник. 1986. Т. 47. С. 70; *Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В.* Восточное стекло в древней Руси. Л., 1968.

[2] *Полубояринова М. Д.* Стеклянная посуда древнего Турова // Советская археология. 1963. № 4. С. 235, 238, рис. 2, 1—8, 12; *Алексеев Л. В.* Древний Мстиславль в свете археологии // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1995, № 6. С.137, 142;Он же. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980. С. 89, рис.12; *Гуревич Ф. Д.* Византийский импорт в городах Западной Руси в XII—XIII вв. // Византийский временник. 1986. Т. 47. С.70; *Пех Г. И.* Раскопки древнего Слонима // Древности Белоруссии: Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий. Мн., 1966. С.279; *Ляўко В. М.* Новыя археалагічныя даследаванні Друцка і яго акругі // Друцк старажытны. Мн., 2000. С.97; *Асташова Н. И.* Торговые связи средневекового Смоленска // Труды VI международного конгресса славянской археологии. Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство древних славян. М., 1998. С.162—163.

[3] *Гуревич Ф. Д.* Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии // Славяне и Русь. М., 1968. С.35, рис. 1; *Коваль В. Ю.* Керамика Востока и Византии на Руси (конец IX—XVII вв.): Автореферат дисс. канд. истор. наук. М., 1997. С.10; Волковысский военно-исторический музей им. П. И. Багратиона, Национальный музей истории и культуры Беларуси.

(Гродно),[4] употреблявшаяся в быту средневековой элиты. Эти техники росписи требуют двойного обжига и дорогих ингредиентов. Кроме того, в средневековых городах Беларуси (Новогрудок) представлена керамика типа «лакаби» (полуфаянсы с плоской резьбой, гравировкой и полихромной росписью), которая производилась в XII в. Находки византийской поливной керамики на территории Беларуси немногочисленны. Они представлены как первоклассной белоглиняной керамикой с подглазурной пятицветной росписью (Полоцк), так и более простыми образцами с декором в технике «сграффито» (Туров, Минск), а также красноглиняной керамикой с белым ангобом под зеленой или бирюзовой поливой (Новогрудок, Волковыск). Еще одна категория восточной импортной керамики в средневековых городах Беларуси — золотоордынская керамика. Основная масса находок — фрагменты самой распространенной ее группы — кашинной керамики с рельефной моделировкой поверхности и полихромной подглазурной росписью (Новогрудок, Лукомль, Слоним, Друцк, Гродно). Скорее всего, золотоордынская керамика проникала на территорию Беларуси не столько по торговым путям, сколько в качестве личного имущества татар[5].

Еще одна значительная статья византийского и восточного импорта в средневековых городах Беларуси — шелковые ткани. Они являлись одним из важнейших объектов вой, на территории Беларуси фрагменты шелковых тканей выявлены в шестнадцати археологических памятниках: Лисно, Путилковичи, Полеевка, Вирков, Азаряны, Новый Быхов, Мстиславль, Влазовичи, Минск, минские курганы, Новогрудок, Гродно, Гарожи, Давид-Городок, Мозырь, Брест. Большинство шелковых тканей — византийского производства, они найдены в двенадцати пунктах из шестнадцати учтенных[6]. На территории Беларуси находки шелковых тканей сосредоточены в бассейне Днепра и его притоков, что указывает на путь их движения[7].

---

[4] *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно / Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1954. № 41. С.60.

[5] *Коваль В. Ю.* Керамика Востока и Византии на Руси (конец IX—XVII вв.): Автореферат дисс. канд. истор. наук. М., 1997. С.17.

[6] *Сергеева З. М.* О распространении шелковых тканей в памятниках X—XIII вв. Беларуси // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1996. № 8. С.194, 197.

[7] Там же. С. 196.

Немногочисленной группой восточного импорта в средневековых городах Беларуси являются изделия из металла и кости (небольшой медный кувшинчик с округлым туловом, узким горлом и расширяющимся венчиком, найденный в Слониме в слоях XI—XIV вв.,[8] бронзовая фигурка птички из Верхнего замка в Полоцке, которая, по всей вероятности, является деталью кувшина восточного происхождения, служившей упором для большого пальца при разливе жидкости (XII в.)[9], костяное изделие в виде барана из кургана вблизи д.Новые Волосовичи, связанное со степным кругом[10], костяная пластинка от византийского ларца из Новогрудка)[11].

Много информации о Ближнем Востоке в средневековье давали паломничества. Преподобная Евфросинья Полоцкая (около 1110—1173), игуменья Спасо-Евфросиньева монастыря, совершила паломничество в Святую землю. В 1173 г. она умерла в Палестине и была похоронена в иерусалимском монастыре Феодосия Великого. Около 1370 г. совершил паломничество в Палестину архимандрит Авраамьевской обители в Смоленске Аграфений и описал его в своем «Хождении». Игнатий Смольнянин, член посольства Смоленского епископа и Московского митрополита Пимена, описал свое путешествие в Византию и паломничество в Иерусалим в 1389—1396 гг. При этом он одним из первых среди славянских путешественников описал в своем «Хождении» малоазийское побережье и дал политическую характеристику стран Востока. В 1583—1584 гг. совершил паломничество в Святую землю (Палестину) несвижский князь Николай Радзивил Сиротка (1549—1616). Его дневник был издан на латыни в 1601 г., а затем переиздавался более двадцати раз на польском, немецком, французском, русском и других языках. В 1623—1626 гг. Палестину, Египет и Константинополь посетил

---

[8] *Зверуго Я. Г.* Археологические работы в Слониме // Беларускія старажытнасці: Матэрыялы канферэнцыі археалогіі БССР і сумежных тэрыторый. Мн., 1972. С. 269, рис. 21.

[9] *Раппопорт П. А., Шолохова Е. В.* Дворец в Полоцке // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. — 1981. — Вып. 164. — С.98.

[10] *Вайцяховіч А. В.* Курганны могільнік каля вёскі Новыя Валосавічы Лепельскага района // Материалы по археологии Беларуси. Вып. 11. С. 95.

[11] *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок. Посад — окольный город. Л., 1981. Рис. 86,5.

архиепископ Полоцкий, епископ Витебский и Мстиславский Мелетиий Смотрицкий.

Шляхтичи Великого княжества Литовского, знавшие латынь и европейские языки, приглашались в качестве переводчиков посольств в страны Востока. Переводчиками посольств и различных экспедиций состояли Мартин Боржевицкий, Богдан Аршинский, Станислав Буткеев, Панфилко Семенов, А. Х. Белобоцкий, Богдан Бойкач, Томило Петров и Иван Куницын, Ян Куча, В. Тюменц и И. Текутьев. Многие из их отчетов переводились на иностранные языки в XVII—XVIII вв. Оршанский шляхтич Адам Каменский, взятый в плен в 1657 г. во время русско-польской войны и отправленный в последствии в Сибирь, является автором одного из ранних дошедших до нас описаний Сибири, где дается краткая характеристика многим народностям Сибири[12].

В XVII—XVIII вв., в эпоху сарматизма, были чрезвычайно популярны восточные ткани и оружие, более того, шляхетский костюм и вооружение сложились под сильным восточным влиянием. С Востока привозили разнообразные ткани (шелковые, бархатные, золототканые), металлические и шелковые пояса, ковры из шерсти и шелка, седла, конскую сбрую, сагайдаки, луки, сабли, кинжалы, огнестрельное оружие, детали оружия, позолоченные и украшенные драгоценными камнями, дамасские клинки, ювелирные изделия, драгоценные камни, особенно жемчуг и бирюзу, а также шкуры леопарда и тигра, юфть. В XIV—XVI вв. восточные товары попадали в Польшу и Великое княжество Литовское через турецких купцов, а также купцов, которые, осев на территории Речи Посполитой, поддерживали торговые отношения со странами Ближнего Востока и оставались подданными султана, что помогало им в путешествиях в Стамбул и Иран. Привезенный оттуда товар они продавали на рынках Львова, Каменца Подольского, Ярослава, Люблина, Варшавы, Торуни и Гданьска или вывозили за границу — от Московской Руси до Англии. В середине XVIII в. самым крупным импортером восточных товаров в Речь Посполитую был торговый

[12] *Захаренко И.* Этапы развития отечественного востоковедения // Беларусь—Япония = Belarus—Japan: Матэрыялы Другіх міжнар. чытанняў, прысвечаных памяці Іосіфа Гашкевіча, Мінск—Астравец, 9—10 кастрычніка 2002 г. / http://www.lingvo.minsk.by/skc/vydanni/japonija/zaharenko.htm#_ftnref4.

дом армян Никоровичей, который имел склады товаров во Львове и Стамбуле. Одновременно с турецкими и персидскими товарами они распространяли ориентализированные изделия львовской мануфактуры. Важную роль в ориентализации вкусов шляхты сыграли ремесленники восточного происхождения, которые осели на территории Речи Посполитой (армяне, персы, греки). Ориентализации вкусов шляхты содействовали и трофеи, которые попадали в ее руки в результате войн с Османской империей. Богатая шляхта и магнаты наряду с западноевропейскими произведениями искусства охотно коллекционировали восточные ковры, шатры, оружие, фарфор, предметы интерьера, украшали ими свой быт.

Индивидуальность и своеобразие мужского шляхетского костюма эпохи сарматизма во многом обусловлены заимствованием из турецкого костюма. Процесс ориентализации шляхетского костюма начался в XVI в. В первой половине XVI в. одежду восточного типа охотно одевали в среде профессиональных военных. В королевских войсках и магнатских отрядах часто служили знатные венгры, сербы, татары. Поэтому нет ничего удивительного, что шляхта, которая называла себя рыцарским сословием, охотно обращалась к гусарскому костюму: таким образом она показывала свою принадлежность к привилегированному слою защитников отечества. Ориентализм мужского шляхетского костюма проявлялся не столько в деталях, сколько в силуэте. Его основу составляли жупан, делия, ферезья, кунтуш. Важной частью костюма являлся пояс, сначала металлический, а с XVII в. — шелковый. Последние привозились в основном из Ирана и Турции, реже из Индии и Китая. Со второй половины XVIII в. их стали производить на мануфактурах Речи Посполитой. Особенного мастерства в этой области достигла Слуцкая мануфактура.

Не менее значительными были восточные влияния и в оружии. С Востока были позаимствованы сабли, кинжалы, чеканы, луки, сагайдаки, знаки воинского отличия (булава, буздыган, бунчук), а также снаряжение коня (чепраки, войлоки, кульбаки). Шляхта охотно использовала щиты восточного типа — калканы, правда, больше в декоративных целях, чем в практических. Много восточных черт имели защитные доспехи: кольчуга, мисюрка, карацена, бехтер, наручи. Это было вызвано борьбой с мусульманским противником

и необходимостью сражаться с ним его же оружием. Кроме этого, шляхта восхищалась эстетическими качествами восточного оружия.

Ориентализирующие мотивы широко распространились в художественном текстиле. Еще к 1620-м гг. относятся сведения о производстве на дворе великого маршалка литовского Кшиштофа Веселовского ковров по восточным образцам. К 1721 г. мануфактура по производству ковров начала работать во владениях Сапегов. Во второй половине XVIII в. ковры и килимы изготавливали на мануфактурах в Белой, Несвиже, Кареличах (Радзивиллов), Гродно (Тизенгауза), Слониме (М.К.Огинского). Самым ярким проявлением ориентализма в декоративно-прикладном искусстве являются шелковые узорчатые пояса. Самым значительным центром их производства был Слуцк (мануфактура возникла в 1730-е гг., к 1743 г. аналогичное предприятие возникло в Несвиже, в 1762 г. они были объединены). Пояса изготавливали также в Гродно (с 1768 г.). В конце XVIII в. мануфактуру шелковых узорчатых поясов открыли Сапеги.

В XVIII — начале XX вв. в Европе возникла сеть различных азиатских обществ (Азиатское общество в Париже, Королевское азиатское общество в Лондоне, Германское востоковедческое общество в Лейпциге), были созданы специальные высшие учебные заведения по изучению восточных языков (Академия восточных языков в Вене, Школа живых восточных языков в Париже). В России университетское преподавание восточных языков было учреждено первым университетским уставом 1804 г. Подготовка российских востоковедов велась в Дерптском, Московском, Казанском, Харьковском, Петербургском университетах, а также в Институте восточных языков при Ришельевском лицее в Одессе, Восточном институте во Владивостоке и ведомствах — Министерстве иностранных дел, Военном министерстве, Святейшем Синоде. Востоковедческие исследования велись и в Виленском университете. Выпускниками Виленского университета были такие крупнейшие востоковеды, как Осип Михайлович Ковалевский (один из основателей монголоведения) и Осип Иванович Сенковский.

В России были созданы многочисленные научные объединения, библиотеки и музеи, занимающиеся изучением Востока: Императорская Академия наук в Петербурге с хранилищем восточных рукописей — Азиатским музеем, Императорское Русское географическое общество, Императорское Русское археологическое обще-

ство, Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, Императорское общество востоковедения, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, Общество русских ориенталистов в Харбине и Петербурге, Императорская публичная библиотека в Петербурге, Научное общество, Публичная библиотека и Кавказский музей в Тифлисе, Научное общество, Публичная библиотека и Музей в Ташкенте, Императорский Эрмитаж, Императорский российский исторический музей. В работе этих центров принимали активное участие и выходцы из Беларуси: Т. М. Августинович, К. И. Богданович, А. И. Вилькицкий, М. П. Вронченко, О. А. Гошкевич, Б. И. Дыбовский, Т. Зан, О. М. Ковалевский, К. А. Коссович, А. О. Мухлинский, В. Е. Недзвецкий, Э. К. Пекарский, О. И. Сенковский, Н. К. Судзиловский, Б. А. Тураев, И. Д. Черский, А. и И. Ходзько, А. Янушкевич[13]. В это время Беларусь не имела своей государственности, поэтому можно говорить лишь о вкладе выходцев из Беларуси в российское и европейское востоковедение, который был весьма значительным. Этой теме посвящена монография И. А. Захаренко «Изучение Востока уроженцами Беларуси».

В XX в. востоковедческие исследования в Беларуси проводились в едином русле советской востоковедческой традиции. К сожалению, в Беларуси так и не было создано специальных востоковедческих институтов. Тем не менее, выходцами из Беларуси было защищено 47 докторских и 44 кандидатских диссертаций. Наибольшее внимание уделялось изучению Японии, Китая, Индии и Египта. Выходцами из Беларуси были такие крупные японоведы как Х. Т. Эйдус (1896—1972) и Э. Я. Файнберг (1908 —), М. Ф. Лепешко (1901—1969), индологи В. В. Балбушевич и Р. А. Улиновский.

После распада Советского Союза существовавшие связи с российским востоковедением значительно ослабли, а собственных научных институтов, специализирующихся на востоковедческих исследованиях, не было, и до сих пор не создано. Однако после обретения Беларусью независимости и в свете объявленного властями

[13] Захаренко И. Этапы развития отечественного востоковедения // Беларусь—Япония = Belarus—Japan: Матэрыялы Другіх міжнар. чытанняў, прысвечаных памяці Іосіфа Гашкевіча, Мінск—Астравец, 9—10 кастрычніка 2002 г. / http://www.lingvo.minsk.by/skc/vydanni/japonija/zaharenko.htm#_ftnref4.

курса на укрепление дружбы и сотрудничества со странами Востока (Индия, Китай, Турция, арабские страны) потребность в таких институтах существует, их работа необходима для становления самостоятельной внешней политики.

На сегодняшний день становление белорусского востоковедения происходит на кафедре восточных языков факультета международных отношений и филологическом факультете Белорусского государственного университета, а также в Минском государственном лингвистическом университете. В 1996 г. была организована кафедра восточных языков на факультете международных отношений Белорусского государственного университета, которую возглавил Андрей Борисович Гойко, работавший в Институте востоковедения Российской Академии наук и много лет посвятивший изучению буддизма. На базе этой кафедры наряду с филологическим направлением развивается и страноведческое. С 2001 г. открыта специальность лингвострановдение (лингвострановедение Ближнего и Среднего Востока и лингвострановедение Дальнего Востока), читается курс истории востоковедения (38 часов, программа курса утверждена в 2008 г.), искусства стран Дальнего и Ближнего Востока. Языкознание — пожалуй, единственная отрасль востоковедения, имеющая реальную поддержку и развитие, впрочем, ограниченная юридическими, торговыми и правовыми переводами. Не смотря на то, что филологическое направление востоковедческих исследований развивается наиболее активно, и здесь существует ряд проблем, например, отсутствие таблиц соответствия белорусской транскрипции и канны (японской слоговой азбуки), что создает проблемы при переводе имен и названий с японского языка на белорусский.

Страноведческое направление развивается в Центре востоковедения как секции Белорусского географического общества, который возглавляет кандидат географических наук Игорь Антонович Захаренко. Страноведческую и просветительскую деятельность осуществляют центры культур стран Востока, некоторые подразделения ВУЗов, общества, созданные носителями восточных культур, большой вклад вносят посольства стран Востока, при поддержке которых организуются выставки восточного искусства и ремесел (Китай, Япония, Индия, Иран). Ряд культурно-просветительских мероприятий организует Дом Дружбы с зарубежными странами (Минск), в рамках которого действуют общества «Индия-Беларусь»,

Китайское народное общество дружбы с зарубежными странами, Шанхайское народное общество дружбы с зарубежными странами, Ассоциация корейско-белорусской дружбы, общество вьетнамско-белорусской дружбы, Общество «Япония — Страны Евразии». К сожалению, деятельность перечисленных выше структур не согласована, зачастую они не имеют информации о проводимых их коллегами мероприятиях, хороших контактов с посольствами, связей с аналогичными организациями в СНГ и за рубежом.

Одним из наиболее активных является Белорусское общество татар-мусульман «Аль-Китаб». Процесс создания этого общества начался в конце 80-х гг., когда происходило этническое, культурное и религиозное возрождение татар Беларуси. В 1989 г. в Минске и Гродно были созданы первые татарские общества, которые летом 1991 г. объединились и образовали Белорусское общество татар-мусульман «Аль-Китаб». Позже, зимой 1994 г. была создана еще одна организация — Мусульманское религиозное объединение в Республике Беларусь под руководством И. Александровича. Эти организации координируют деятельность 26 вновь созданных татарско-мусульманских общин в Беларуси (Минск, Гродно, Новогрудок, Ивье, Сандиковщизна, Острино, Лида, Клецк, Слоним, Смиловичи, Ляховичи, Мир, Витебск, Видзы, Брест, Могилев, Ошмяны, Узда, Докшицы, Скидель, Глубокое, Мядель, Гомель, Барановичи, Молодечно, Орша). В 1991 г. начался выпуск первого печатного издания белорусских татар на белорусском языке — квартального журнала «Байрам» (вышло 30 номеров). С 1994 до 1996 г. выходил ежемесячный мусульманский журнал под разными названиями — «Аль-Джихад», «Аль-Ислам», «Рамазан», «Жизнь». Под управлением главного редактора квартальника «Байрам» Якуба Якубовского (умер в 1998 г.) началась работа над уникальным изданием — энциклопедическим справочником «Татары Беларуси, Литвы и Польши» (около 3000 статей), который планируется подготовить на семи языках.

Белорусское общество татар-мусульман «Аль-Китаб» проводит акции по культурной и религиозной интеграции татар Беларуси, Литвы и Польши, однако свою главную цель белорусские татары видят в сохранении своей этнической самобытности, возрождении культуры и исламской религии. В 1997 г. торжественно отмечалась дата 600-летия поселения татар на землях Беларуси и Литвы. В 1993—1998 гг. в Минске прошли четыре международные научно-

практические конференции, посвященные проблемам изучения и сохранения наследия татарского народа в Беларуси. Одной из важнейших задач является работа по восстановлению и строительству мусульманских мечетей, культурных центров, школ, музеев, библиотек и других учреждений, необходимых для мусульман. Недостаточное количество мечетей — одна из главных проблем татарских религиозных объединений. На сегодняшний день в Беларуси действуют восемь мечетей: в Ивье, Новогрудке (торжественно открыта в 1997 г. во время празднования 600-летия поселения татар на землях Беларуси), Слониме (начала действовать с 1994 г.), Смиловичах (построена в 1996 г.), Видзах (1999 г.), Клецке (2000 г.), Ловчицах (2001 г.) и Молодечно (2002 г.). Все они, кроме последней, были построены до начала XX в., в советское время закрыты, а с 1990-ых гг. возвращены верующим. Строится мечеть в Минске. В 1993 г. городские власти выделили участок под строительство нового здания мечети (старое было разрушено в 1962 г.). В 1995 г. был одобрен рабочий проект строительства мечети и план реконструкции территории мусульманского кладбища. Проект мечети повторяет здание 1901 г., отличаясь по площади (новая мечеть будет в два раза больше своей предшественницы) и немного по планировке. Точной проектной документации здания 1901 г. не сохранилось, поэтому при создании нового проекта пришлось руководствоваться старыми фотографиями. Спонсором минской мечети выступила благотворительная организация из Саудовской Аравии «Rabbita».

Татары появились на белорусских землях в XIV в. Первые свидетельства о татарах на землях Великого княжества Литовского относятся к началу XIV в. (в 1316 и 1319 гг. татары участвовали в битвах Гедемина с Тевтонским Орденом). Возможно, что после окончания походов часть татар осталась на постоянной военной службе в княжестве, где их всегда ценили как отличных воинов. Массовое переселение татар в Великое княжество Литовское началось при Витовте (1392—1430) и было связано с затяжными междоусобными войнами наследников Чингисхана. Переселенцы получали от великого князя землю в вотчину, за которую они несли военную службу. Татары пользовались всеми правами дворянства, кроме права занимать государственные должности, имели гарантированную свободу вероисповедания. Вместе с тем свобода вероисповедания не касалась татарских военнопленных. Основным занятием татар была во-

енная служба, они верой и правдой служили правителям Великого княжества Литовского, Речи Посполитой и Российской империи. В XIX в. среди татар было много чиновников. Татары-мещане занимались огородничеством, обработкой кожи, производством мыла. Они жили отдельными кварталами и улицами, которые назывались татарскими. Татары всегда были немногочисленной этнической группой на территории Беларуси, их численность в настоящее время — около 13 тыс. человек. Возможно, немногочисленность татар была одной из причин веротерпимости по отношению к ним: они не представляли серьезной угрозы христианству, к тому же ислам не распространялся среди местного населения и не выходил за пределы татарских общин.

Расселение белорусских татар преимущественно дисперсное, но есть и компактные поселения — в Ивье, Несвиже, Гродно, Сновe, Копыле, Новогрудке, Клецке. Репрезентативно представлены в Минске (главным образом, интеллигенция). Основная масса татар придерживается мусульманских традиций, что обеспечивает их определенную эндогамию и сохранение этнических особенностей. Происходящие из различных этнических объединений татары уже в конце XVI в. утратили свой родной язык и перешли, главным образом, на белорусский, польский и русский.

Достаточно динамично развивается культурное сотрудничество с Турцией. Сотрудничество в области образования началось с подписания в 1995 г. межправительственного «Соглашения о сотрудничестве в области образования, науки, культуры и спорта». В 1996 году по инициативе Посольства Республики Турция в Республике Беларусь была впервые организована группа по изучению турецкого языка в Минском Государственном Лингвистическом университете. С 2001 г. действует общество дружбы «Беларусь — Турция», которое проводит культурно-образовательные мероприятия. В 2002 г. открыт Центр турецкого языка и культуры в Белорусском государственном Лингвистическом университете. Спонсором Центра выступила Турецкая организация по сотрудничеству и развитию (TİKA). Студенты получили возможность работать с оригинальной литературой по языкознанию, литературоведению, истории, искусству, страноведению, пользоваться аудио и видеоматериалами языкового и страноведческого характера, знакомиться с культурным наследием Турции.

В 2005 г. в Минске было создано Турецкое культурно-образовательное учреждение «Дружба-Достлук». Оно известно своей работой по развитию дружественных и культурных связей между белорусским и турецким народами, занимается организацией курсов изучения турецкого языка, семинаров, конференций, культурно-образовательных мероприятий, торжественных вечеров. В 2006 г. оно организовало Центр турецкого языка и культуры на базе филологического факультета Белорусского Государственного университета.

В феврале 2009 г. в Минске было открыто Белорусское представительство международной Платформы «Диалог Евразия», действующей в двенадцати странах. На официальной церемонии открытия 27 марта 2009 г. присутствовали Уполномоченный Посол Турецкой Республики в Республике Беларусь Века Инал, председатель Союза писателей Беларуси Николай Чергинец, сопредседатель Платформы «Диалог Евразия» Харун Токак, генеральный секретарь Платформы «Диалог Евразия» Исмаил Тас, преподаватели Белорусского государственного университета, представители интеллигенции и средств массовой информации. Директор Объединения — Ихсан Дилекчи, председатель Национального комитета Платформы «Диалог Евразия» в Белоруссии — Сергей Александрович Трахименок, доктор юридических наук, профессор, член союза писателей Российской Федерации и Республики Беларусь. Вдохновителем общественного движения по развитию диалога является Фетхуллах Гюлен — турецкий мыслитель, ученый-богослов, писатель и общественный деятель. Платформа «Диалог Евразия» ставит своей целью распространять идеи диалога и толерантности, развивать культурные, социальные и образовательные связи между странами и народами евразийского региона. Белорусское представительство «Диалог Евразия» выступило организатором трех научных конференций, проводит благотворительные акции, Дни белорусской культуры в Турции. Одна из конференций — международная научно-практическая конференция «Беларусь — Турция: пути сотрудничества» — состоялась на факультете международных отношений БГУ в конце 2009 г.

Большую роль в белорусско-японском сотрудничестве в области культуры и искусства играет центр японской культуры, единственный полноценный центр культуры на сегодняшний день в Беларуси. Он действует с 2008 г., его руководитель — Тацуми Масако. Центр

располагает значительной библиотекой, в которой представлены классическая, современная, детская, справочная литература и энциклопедии на японском и русском языках. Работает клуб любителей японской культуры и языка, основной его профиль — изучение языка и языковая практика. Проводятся конкурсы любительского перевода, а также тематические вечера и выставки. Большой вклад в развитие культурного сотрудничества Беларуси и Японии вносит японское посольство, при его содействии проходят выставки современного японского прикладного искусства в Национальном художественном музее Республики Беларусь.

Культурное сотрудничество с Индией, к сожалению, имеет дискретный характер. Десять лет назад в Минске был центр индийской культуры, аналогичный японскому, однако на данный момент его деятельность остановилась. На сегодняшний день официально действует только Отделение Международного центра Рерихов и один танцевальный коллектив.

Сотрудничество с Китаем в области культуры и лингвистики осуществляется в рамках ВУЗов. Благодаря постоянной помощи посольства КНР в Республике Беларусь в обеспечении учебного процесса педагогическими кадрами и литературой Минский государственный лингвистический университет и Белорусский государственный университет смогли сделать первые шаги в создании научно-лингвистической школы китаистики.

15 февраля 2002 г. в Минском государственном лингвистическом университете состоялось открытие Центра китайского языка и культуры. В церемонии открытия принимала участие Чрезвычайный и Полномочный Посол Китайской Народной Республики в Республике Беларусь госпожа У Сяоцю. Деятельность Центра имеет научно-методический и информационно-аналитический характер. В Центре представлена коллекция литературы по языкознанию, литературоведению, истории, страноведению, искусству, ценные справочные материалы, а также художественная литература на китайском языке. Имеются аудио и видеоматериалы языкового и страноведческого характера.

В Белорусском государственном университете изучение китайского языка и культуры осуществляется на базе кафедры восточных языков факультета международных отношений (заведующий кафедрой Александр Николаевич Гордей). С 2008 г. здесь проводятся

ежегодные международные конференции в рамках двухстороннего сотрудничества. В работе конференции «Беларусь-Китай: история, традиции, опыт, перспективы» в 2008 г. приняли участие более 150 человек, в том числе исследователи из России, Германии, Китая, Болгарии, Финляндии, руководители Национальной академии наук Беларуси, а также дипломаты Китая и Беларуси, что свидетельствует о ее высоком уровне.

В Беларуси действует также Республиканский институт китаеведения имени Конфуция. Первый Институт имени Конфуция был открыт в Сеуле в ноябре 2004 г. В настоящее время открыто около 80 отделений Института Конфуция в 34 странах мира. Институт имени Конфуция в Минске стал третьим на территории СНГ (в 2005 г. такой институт был создан в Санкт-Петербурге и Ташкенте). Во всем мире Институт Конфуция — влиятельная китайская структура, и только в Минске из-за особых отношений между руководством КНР и Беларуси китайская сторона пошла на то, чтобы Институт являлся структурным подразделением Белорусского государственного университета, и руководство назначалось ректором БГУ.

Институт имени Конфуция образован в декабре 2006 г. на базе Республиканского центра БГУ «Иероглиф». Создан он в соответствии с протоколом поручений президента Беларуси А. Г. Лукашенко по итогам визита государственной делегации нашей страны в КНР и соглашением о сотрудничестве между БГУ и Канцелярией КНР по распространению китайского языка за рубежом, подписанного в Минске летом 2006 г. В институте созданы два центра — лингвострановедения и экономики и маркетинга. В период становления Институт финансируется правительством КНР, а также за счет средств, выделяемых в рамках Соглашения между Пекинским университетом языкознания и культуры и БГУ. Институт ставит перед собой следующие задачи: повышение квалификации и переподготовка специалистов в области китайского языка и культуры, организация курсов по китаеведению и востоковедению, обучение китайскому языку. Руководителем Института Конфуция является бывший ректор БГУ В. И. Стражев. В настоящее время сложилась конфликтная ситуация Института Конфуция с Посольством КНР в РБ, которая связана с фотовыставкой, посвященной Тибету (весна 2009 г.), а также с выходом книги заместителя директора И. А. Малевича «Азиат-

ский треугольник драконов», где резко выражена позиция по Тибету и Тайваню, отличная от официальной позиции КНР.

Культурное сотрудничество с Южной Кореей осуществляется при активной поддержке корейского посольства в Беларуси, которое существует с 2007 г. За время его работы основана Ассоциация белорусских корейцев; в 2009 г. в Белорусском государственном университете начал работу кабинет корейской культуры; с 2010г в Институте иностранных языков работает кафедра корейского языка. В 2009 г. Национальный художественный музей РБ при содействии посольства Кореи получил в дар от Национального музея Кореи 35 экспонатов. Кроме того, в Беларуси создано Общество белорусско-корейской дружбы, которое возглавил академик М.С.Высоцкий. Инаугурация Общества состоялось в Сеуле в феврале 2007 г.

Достаточно оптимистично выглядит ситуация с изучением памятников Востока в музеях Республики Беларусь. Крупные коллекции произведений изобразительного искусства хранятся в Национальном художественном музее РБ (самая большая коллекция), в Национальном музее истории и культуры. Положено начало коллекции в музее Спасенных художественных ценностей в Бресте, небольшие коллекции и отдельные предметы находятся и в ряде других музеев страны.

Наиболее значительным собранием памятников культуры и искусства народов Востока располагает Национальный художественный музей Республики Беларусь. Его коллекция восточного искусства насчитывает около полутора тысяч предметов. История этой коллекции начинается с конца 1950-х гг., когда Министерство культуры КНР передало в музей значительное собрание произведений декоративно-прикладного искусства Китая. Основой Восточной коллекции музея стали предметы, переданные Государственным музеем искусства народов Востока в Москве в 1960 г. В дальнейшем Национальный художественный музей РБ неоднократно закупал у коллекционеров и принимал в дар предметы восточного изобразительного искусства. Сегодня в коллекции представлены традиционные виды искусства стран Передней, Средней, Центральной, Южной и Юго-восточной Азии, Кавказа и Дальнего Востока: живопись, скульптура, миниатюра, народная картина, ткачество, художественный металл, керамика и фарфор, расписная и перегородчатая эмаль, резьба по дереву, кости, камню, расписные и резные лаки.

Гордостью восточного собрания Национального художественного музея РБ являются произведения искусства средневекового и современного Китая, особенно китайская керамика и фарфор XV—XX вв. Большая часть памятников культуры и искусства Японии из коллекции музея датируется XIX—XX вв. Собрание японской керамики и фарфора включает произведения мастерских Сацума, Хидзен, Киото, Бидзен и Кутани. В экспозиции музея представлены праздничные кимоно современных японских мастеров, парчовые пояса — оби, нэцкэ. Искусство Индии представлено в музее коллекциями декоративно-прикладного искусства и миниатюры XIX—XX вв. Коллекция декоративно-прикладного искусства включает изделия из металла, дерева и ткани. Ткани музейного собрания связаны с периодом возрождения индийского текстильного ремесла в 1950-е гг. и со временем его расцвета в 1970—1980-е гг. (изготовленные вручную тончайшие шелковые сари, покрывала, шали, платки, украшенные вышивкой, набойкой, а также ковры). Особую ценность представляют уникальные ритуальные завесы-«каламкари», созданные мастерами известных текстильных центров в штатах Андхра-Прадеш и Орисса. Искусство Ирана представлено немногочисленными образцами художественных ремесел — сосудами из керамики, металла и стекла XIX в., предметами из папье-маше и дерева и лаковой росписью XVIII—XIX вв., коврами из Белуджистана и Тебриза XIX—XX вв. В музее имеется коллекция современной керамики Средней Азии. Она представлена работами старейших мастеров и молодого поколения художников самаркандской керамической школы.

В музее ведется работа по перенесению каталогов на электронные носители, продолжается атрибуционная работа, работа по созданию научных каталогов (подготовлен к изданию научный каталог по китайскому фарфору, автор Е.В.Сенькевич). Отсутствие специалистов в других музеях приводит к тому, что полномасштабное научное изучение, создание научных каталогов, экспертные заключения проводятся только в Национальном художественном музее РБ. Помимо исследования и каталогизации восточных коллекций в Национальном художественном музее Республики Беларусь регулярно проходят выставки восточного искусства при организаторской поддержке посольств Китая, Японии, Индии, Ирана. Выставки посвящены различным видам декоративно-прикладного

искусства (ткани, керамика, стекло, изделия из дерева). Часто произведения на этих выставках представляют собой современные вариации традиционных техник декора и форм сосудов.

Проблемы истории, культуры и искусства стран Востока разрабатываются отдельными исследователями в Институте истории (Д. Л. Шевелёв, проблемы истории Ближнего Востока), Институте искусствоведения, этнографии и фольклора НАН Беларуси (К. А. Лавыш, проблема контактов средневековых городов Беларуси с Византией и странами Востока, ориентализм в эпоху сарматизма) БГУ (М. В. Шевелева, история палестино-израильского конфликта).

Серьезной проблемой является отсутствие образовательной базы для подготовки специалистов в области культуры и искусства стран Востока, крайне недостаточное количество квалифицированных преподавателей, очень краткие и ограниченные лишь основными сведениями курсы по искусству (даже в Академии искусств), культуре и истории стран Востока. История искусств стран Востока преподается только в двух белорусских ВУЗах: в Белоруской государственной академии искусств (специальность искусствоведение, два семестра), на историческом факультете и факультете международных отношений Белорусского государственного университета (специализации музееведение, лингвострановедение). Курс истории искусства Востока читался в Европейском гуманитарном университете в Минске до его закрытия (1992—2004). Неудивительно, что при такой ситуации в настоящее время почти нет кандидатских диссертаций, посвященных тем или иным аспектам восточного искусства или культуры. Те немногочисленные диссертации, которые все-таки были написаны и защищены, связаны с проблемами взаимодействия Беларуси со странами Востока, или созданы носителями восточных культур, получающих образование в Беларуси (*Лавыш К. А.* Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X—XIV вв.), 2005; *Цой Су-Бин*, Головные уборы восточных славян, монголоязычных народов и корейцев: взаимодействие и взаимовлияние, 1999).

Несмотря на значительную предысторию, востоковедение в Беларуси как отдельная отрасль науки и изучаемая в высших учебных заведениях совокупность дисциплин, к сожалению, не сформировалась по ряду причин. Основная проблема, не позволяющая пол-

ноценно развиваться востоковедению в Беларуси — это отсутствие интереса к востоковедческим исследованиям у государства, отсутствие квалифицированных специалистов и образовательной базы для их подготовки. Поэтому на данный момент можно говорить лишь об усилиях отдельных исследователей, которые по личной инициативе разрабатывают отдельные вопросы культуры и искусства Востока. В ряде случаев они не имеют специального образования, полного представления друг о друге, посольских программах, работе центров культур, связей с коллегами и организациями в СНГ и за рубежом. Изучение культуры и искусства Востока в Беларуси в сложившейся ситуации имеет практический и познавательный характер, связанный с изучением языков и культурных традиций стран Востока. При этом давно существует необходимость создания научно-исследовательского института, который занимался бы исследованием стран Востока, их истории, культуры, искусства, отношений с нашей страной, анализировал бы перспективы взаимовыгодного сотрудничества. Кроме того, необходимы фундаментальные научно-исследовательские программы, учебные курсы для высшей школы, сотрудничество с учеными других стран.

❁

Ланда Р. Г.
(Института востоковедения РАН)

Глобализация и политический ислам

Понятие «глобализация» толкуется и особенно оценивается поразному. Для одних — это неизбежный и объективный процесс, вполне закономерный результат развития и естественной экспансии мировой экономики, вызванный ростом её производительности и соответствующим совершенствованием международного разделения труда. Этот процесс имеет и свои, вполне логичные политические последствия, т. е. утверждение доминирования тех, кто задает тон самому процессу глобализации и, в сущности, направляет его и руководит им. Но существует и другая точка зрения, согласно

которой глобализация — всего лишь ширма беззастенчивого ограбления более отсталых и слаборазвитых стран мощными грандами мирового капитализма, прежде всего США и связанными с ними транснациональными корпорациями.

За последнее время появилось много других трактовок глобализации. Нас интересуют прежде всего те, что связаны с Востоком. Их много. Но почти все они делают упор на то, что глобализация, хоть и является процессом прежде всего экономическим, вместе с тем, по верному наблюдению Н. Н. Цветковой, «влияет на различные стороны жизни общества» и «затрагивает культуру принимающих обществ», что особенно болезненно для стран Азии и Африки, длительное время боровшихся за возрождение и утверждение своей социокультурной идентичности. «Свойственные глобализации черты (рационализм, приоритет рынка, рыночной экономики, основанной на стремлении к максимальной прибыли, индивидуализм в противоположность коллективизму, сложившейся системе социальных связей и императивов) входят в противоречие с системой ценностей восточных цивилизаций». И если в ареалах Японии, Китая, Индии (и, добавим от себя, всей Юго-Восточной Азии) заимствование элементов западной культуры и технологии реализуется достаточно гибко, с наименьшими опасениями утратить национально-цивилизационное своеобразие, то в мире ислама это вызывает гораздо более резкий и массовый протест «как вестернизация, как насильственная американизация», провоцирующая «реакцию отторжения»[14].

По мнению известного французского исламоведа Франсуа Бюрга, организация «Аль-Каида» является воплощением «транснационализации исламского сопротивления» глобализации, учрежденного Америкой порядка[15]. Для директора Центра русских исследований Московского гуманитарного университета А. И. Фурсова «без и вне феномена глобализации нынешний исламский радикализм трудно себе представить»[16]. Как бы называя причину этого, главный идеолог «Аль-Каиды» Айман аз-Завахири говорил в

[14] Ближний Восток: вызовы XXI века. М., 2009. С. 135—138.

[15] *Burgat F.* Al-Qa'ida or the transnationalization of an "Islamic" resistance to the globalization of the maintenance of an "American" order // Arabia Vitalis. Арабский Восток, ислам, древняя Аравия. М., 2005. С. 64.

[16] Россия — Центральная Азия — радикальный ислам. М., 2009. С. 176.

2005 г. о «крупномасштабной кампании Запада против исламского мира под руководством США в союзе с мировым сионизмом»[17]. Эта ранее небывалая, особенно в первой половине XX в., политизация ислама породила новое явление, суть которого, по определению выдающегося исламоведа Максима Родинсона, в «совокупности глубоких перемен, сотворивших историю мусульманского мира», в том числе — и в XX в., во второй половине которого возникло понятие «политический ислам», как и его синоним — «исламизм»[18].

Политизацию ислама принято в современной литературе чуть ли не напрямую связывать с глобализацией. Некоторые авторы в этой связи даже считают, что глобализация превращается «из в основном экономического процесса в процесс политический», что и привело к тому, что «ялтинский мир», существовавший в 1945—1991 гг., сменился «однополярным миром», лидером которого стали США, так как от них «исходили наиболее сильные импульсы глобализации на первых ее этапах». К. М. Труевцев считает, что после 2006 г. наступил уже следующий этап — этап «многополярности», выдвинувший в качестве глобальных центров, «наряду с США, Евросоюз, Китай, Индию, Японию, Россию и Бразилию». Все это вполне заслуживает внимания, как и следующая фраза: «В качестве восьмого полюса этой многополярной конфигурации нередко можно встретить и упоминание исламского мира»[19].

Далее излагается довольно любопытная концепция взаимодействия перемен в мире ислама с процессами глобализации, рассматриваются самые разные — экономические, политические, военные, идеологические, организационные, финансовые, интеллектуальные — аспекты данного взаимодействия. Вывод автора: «именно исламистские организации и прямо или косвенно связанные с ними хозяйственные, социальные и политические структуры оказались в состоянии в наибольшей степени адаптирования к процессу глобализации и использовать многие его реалии в своих интересах».

---

[17] *Наумкин В. В.* Ислам и мусульмане: культура и политика. М., 2008. С. 567.

[18] Подробнее: *Ланда Р. Г.* Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005. С. 40—46; *Rodinson M.* La fascination de l'Islam. P., 1989. P. 120—121; *Rodinson M.* L'Islam : politique et croyance. P., 1995. P. 25.

[19] Россия и исламский мир. М., 2010. С. 245—246, 253.

Со всем этим можно согласиться с одной, впрочем, весьма серьезной оговоркой: отношения глобализации и исламизма, или политического ислама, гораздо сложнее, многообразнее и, собственно говоря, представляют собой лишь часть сложного комплекса противоречий, контактов, взаимосвязей и взаимоотталкиваний, определяющих противостояние и, одновременно, взаимопритяжение Востока и Запада. Исламисты действительно сумели адаптироваться (хотя и не в «наибольшей степени») к процессу глобализации и «использовать многие его реалии в своих интересах». Но это — не более чем учеба у противника, каковая имеет место во всех войнах. Потому что, как это ни печально, но в мире давно уже идет необъявленная война. Запад и вообще цивилизационный мир делают вид, что этой войны нет. Однако, она — реальность, с которой вынуждены считаться все ее участники, да и вообще все живущие на земном шаре. Ибо никто не знает, когда и где произойдет очередное сражение, между кем и кем и по какому поводу. Эта война — тайная, но периодически вырывающаяся наружу кровавой явью терактов, взрывов, покушений, внешне немотивированных нападений, якобы случайных (а на деле — четко целенаправленных) убийств и т. п. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание только на события последних лет: взрывы в Нью-Йорке, Лондоне, Мадриде, Москве, события в Дагестане, Ингушетии, и вообще на Северном Кавказе, широкомасштабные военные операции в Ираке и Афганистане, периодически возобновляющиеся столкновения армии Израиля с палестинцами Газы и шиитами Ливана, незатухающий мятеж исламистов в Алжире, с 2007 г. открыто поддержанный террористами Аль-Каиды, провоцирующими нестабильность везде, где только возможно. Юридически войны никто не объявлял. А в действительности?[20]

Почему дело дошло до войны, да еще <u>такой</u> войны? И каким образом она связана с глобализацией? Думается, что многое коренится в самом понимании глобализации элитой Запада как простого распространения на Восток западной модели развития, как «вестернизации» не только восточной экономики, но и восточного общества во всех его проявлениях, ибо глобализация — это «мировое ин-

[20] Россия и исламский мир. М., 2010. С. 265; Известия, январь—апрель 2010 г.; Новая газета, 03.03.2010; ISIM Review, 2006, № 17. P. 16—39.

тегрирующее развитие», основанное на приобщении слаборазвитых стран к своего рода «интернациональной» высокотехнологичной цивилизации, созданной людьми Запада[21]. Более того, после краха СССР и мировой социалистической системы «интегрирующее развитие», навязываемое Востоку Западом, стало восприниматься еще и как диктат единственной сверхдержавы — США, уже не раз показавшей полное нежелание считаться с национальными правами и суверенитетом того или иного народа или государства, осмелившегося перечить планам или даже намерениям американцев[22]. Достаточно вспомнить в этой связи агрессию против Югославии, оккупацию Афганистана и Ирака (ранее — вторжения в Ливан и Сомали), постоянные угрозы в адрес Ирана, Сирии, народа Палестины, удары по Йемену и Судану. Эти и другие акции США (например, мало кем у нас замеченный ввод войск в Саудовскую Аравию во время войны 1990—1991 гг. в Персидском заливе) вызывают острое неприятие в арабском мире и соответствующую реакцию во всех странах ислама.

Особо стоит вопрос о всемерной поддержке, получаемой от США Израилем и содействовавшей самым существенным образом победам израильтян в войнах с арабами в 1948—1949 гг., 1956 г., 1967 г., 1973 г. и 1982 г. Неуступчивая позиция Израиля по самым разным аспектам ближневосточного урегулирования также во многом (хотя и не во всем) объясняется общей с США политикой давления на арабские государства с целью их разъединения и ослабления их сопротивления неоколониальным планам консервации статус-кво, сложившегося после июня 1967 г. Стержнем ближневосточного урегулирования

---

[21] Подробнее см. *Володин А. Г., Широков Г. К.* Глобализация: начала, тенденции, перспективы. М., 2002. С. 50; *Ланда Р. Г.* Социология современного Востока. М., 2008. С. 398—399.

[22] США не только своими действиями дают повод трактовать их политику как неоколониалистскую. Заявления американских политологов и идеологов неоконсервативного направления, весьма влиятельных в годы президентства Джорджа Буша (2001—2008 гг.), не оставляли никаких сомнений на этот счет. Достаточно вспомнить имена Р. Пёрла, Д. Фейта и Ч. Краутхаммера, заявившего в 2004 г., что США создали «самую большую империю в мировой истории» (*Наумкин В. В.* Указ.соч. С. 569—576). Это открытое саморазоблачение теоретиков современного «неоимпериализма», на мой взгляд, положило конец спорам по поводу того, чем же является глобализация в понимании элиты США.

остается палестинская проблема, существующая уже почти 100 лет. Палестинцы, после бесплодных усилий в 20—40-е годы прошлого столетия превратившиеся в большинстве своем в апатридов, пережили, как народ, в 50—70-е годы заметную социокультурную и политическую эволюцию. Уже в 1970 г. Комиссия ООН по социальному развитию сочла, что «палестинские беженцы и перемещенные лица» в блоке с интеллигенцией, вышедшей из их среды (в лагерях ООН они обучались в 452 школах и 10 профессионально-учебных центрах), стали силой, «которая постепенно начинает влиять на существующую структуру власти в арабских странах региона»[23]. К этому стоит добавить, что нерешенность палестинской проблемы периодически влияла и на настроения правящих элит прочих государств ислама, в частности, Пакистана, Ирана, Малайзии и других.

Учитывая значение традиций на Востоке вообще и на мусульманском Востоке в частности, следует отметить важность не только современных факторов, но особенно исторических корней исламизма, которые и на Западе, и у нас явно недооцениваются. Конечно, роль ислама на Ближнем востоке, в Африке или Южной и Юго-Восточной Азии далеко не одинакова. Однако, стоит все же напомнить, что цивилизация ислама, привнесенная арабскими завоевателями, впервые столкнулась с христианской цивилизацией Запада около 1400 лет назад в бассейне Средиземноморья, а более конкретно — на Ближнем Востоке, в Северной Африке и южной Европе. В VII—IX вв. мусульмане в этом противоборстве завоевали громадную территорию от Франции до Китая, но с X в. стали утрачивать свои владения в Европе, а с XI в. — и на Ближнем Востоке в результате крестовых походов. Еще тогда была заложена традиция не только кровопролитных сражений, захватов и потерь, но и учебы друг у друга, взаимообмена техническими и культурными достижениями, взаимообогащения науки, производства, искусства, архитектуры и литературы христиан и мусульман. При этом до XIII—XV вв. именно Европа училась у мира ислама, а арабский язык — «латынь Востока» — был тогда языком не только восточной, но и мировой науки и культуры. Уже в то время, несмотря на религиозную вражду и бесконечные войны, обилие экономических, социальных, духовных, политических и прочих связей создавало нечто вроде

[23] Документ ООН E/c № 5/456, Add.4. September 1970. C. 5, 27.

мини-глобализации межконтинентального пространства, которое академик Н. И. Конрад назвал «евро-афро-азиатским центром исторической жизни» (или «кругом земель»)[24].

Ситуация изменилась не столько даже после наступления в Европе эпохи Возрождения (во многом навеянной влиянием Востока и творческой переработкой всего от него полученного), сколько после великих географических открытий XV—XVI вв., положивших начало эре внешней экспансии Европы и втянувших в указанный Конрадом «центр исторической жизни» земли Америки, Южной и Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока и Тропической Африки. Началась эпоха европейского колониализма, на первых порах, в его испано-португальском варианте, крайне беспощадного, сопровождавшегося религиозным фанатизмом, обращением в рабство и геноцидом целых народов. И хотя культурно-историческое лидерство перешло к Западу, военно-политическое противостояние Европы с миром ислама только обострилось. Турки-османы сокрушили в 1453 г. Византию и завоевали юго-восток Европы, доходя до Кракова и Вены. Но в 1492 г. короли Испании захватили Гранаду — последний форпост ислама на Иберийском полуострове. Последовавшая за этим борьба Испании и Османской империи за гегемонию на Средиземном море продолжалась почти два столетия. Она сопровождалась взлетом корсарства, вообще-то существовавшего в регионе всегда, но именно в XV—XVII вв. достигшего апогея. Больше в нем преуспели мусульмане, но их соперники из Генуи, Палермо, Барселоны, как и рыцари Мальтийского ордена (несколько позже — английские пираты, поддерживаемые британской короной) ни в чем им не уступали[25].

Колониальная эпоха, как известно, рассорила с Западом весь Восток. Но на отношения Запада с мусульманами она наложила особый отпечаток. Мир ислама все бедствия колониализма воспринимал и, кстати, воспринимает сейчас сквозь призму тысячелетней традиции войн, политической и религиозной борьбы (когда-то шедшей с переменным успехом), болезненной ностальгии по когда-то

---

[24] *Конрад Н. И.* Запад и Восток. М., 1966. С. 478.

[25] *Архенгольц Ф.* История морских разбойников Средиземного моря и Океана. М., 1991. С. 10—300; *Fisher G.* Barbary, Legend, war, trade and piracy in North Africa (1415—1830). Oxford, 1957; *Monlaü J.* Les Etats Barbaresques. P., 1973. P. 26—75.

одержанным победам и блеску мусульманских империй Дамаска, Багдада, Кордовы, Каира и Стамбула. Жажда мести за не менее многочисленные поражения, утраченные территории, за унижения и оскорбления со стороны колонизаторов копилась веками! Дольше других обитателей Востока встречаясь и сражаясь с христианами Запада, мусульмане и претензий к ним предъявляют больше, нежели буддисты, индуисты и конфуцианцы. Отсюда — сложившаяся еще на заре колониальных времен в мире ислама традиция особенно упорного сопротивления всем проявлениям экспансии Европы, особенно последовательного неприятия всего «западного», непримиримого отстаивания своей этноконфессиональной идентичности, наиболее трепетного отношения к религии и всему, что с ней связано, а также — к охране духовного и культурного наследия прошлого.

Стоит обратить внимание на то, что из всех последователей религий Востока лишь мусульмане пытались объединиться для отпора Западу. В середине XIX в. возник панисламизм, стремившийся сплотить всех мусульман на антиколониальной основе. Его главным идеологом стал известный теолог Джамаль ад-Дин аль-Афгани, выступавший за единство всех мусульман под эгидой османского султана как «Калифа правоверных». Он даже отвергал при этом национализм, заявляя: «Мусульмане не знают иной истинной национальности, кроме своей религии»[26]. При его содействии и под его влиянием в странах ислама стали возникать партии, общества и тайные организации, стоявшие на позициях панисламизма[27].

Однако панисламистам не удалось добиться своей цели, в основном — ввиду краха Османской империи, их поддерживавшей. Во всех странах ислама восторжествовал осуждавшийся панисламистами национализм, который стал как бы второй волной подъема мира ислама. При этом надо иметь в виду, что ни националисты, ни даже их левое крыло, склонявшееся после второй мировой войны к ориентации на идеи социализма, никогда от ислама не отрекались и в чем-то оставались последователями Джамаля ад-Дина аль-Афгани, который противопоставлял «социализм ислама» европейскому социализму. «Мы — говорил уже в наши дни лидер ливийской ре-

[26] *Kerr M. H.* Islamic Reform. The Political and Legal Theories of Muhammad Abduh and Rashid Rida. Berkley-Los Angeles, 1966. P. 138.

[27] *Степанянц М. Т.* Мусульманские концепции в философии и политике (XIX—XX вв.). М., 1982. С. 119.

волюции Муаммар Каддафи — социалисты в рамках, определенных Кораном... Но прежде всего мы — мусульмане»[28].

В конце концов, националисты, почти повсеместно добившиеся независимости своих стран, столкнулись после этого с обилием экономических, социальных, политических и иных проблем, решить которые они были не в силах ввиду общей отсталости их стран, предопределявшей отсутствие у них необходимых капиталов, подготовленных квалифицированных кадров и новейших технологий. Все это было в распоряжении развитых стран Запада, которые и постарались максимально воспользоваться этими преимуществами при определении своих отношений с недавно освободившимися молодыми государствами, в том числе — исламскими, каковые опять оказались на деле в той или иной степени зависимости.

Разумеется, эта новая ситуация никак не устраивала мусульман от Сенегала и Марокко до Индонезии и Филиппин. К тому же, мир ислама после второй мировой войны пытался преодолеть выше упоминавшиеся трудности хозяйственного и социополитического толка привычным путем «закручивания гаек», т. е. установления военных, полицейско-бюрократических и вообще авторитарных режимов. Их опора — чиновничество, армия, буржуазия, нередко сливающиеся воедино и присваивающие десятилетиями 30—40% национального дохода. В некоторых странах с монархическим строем (шахском Иране, арабских королевствах и эмиратах, султанатах Юго-Восточной Азии и других) образовалась особая синкретическая социальная общность «феодально-бюрократический капитал» (ФБК). Сочетая контроль над экономикой и властью, используя все (в том числе — внеэкономические) методы эксплуатации и преимущества знатного происхождения, ФБК правит абсолютно. Это — обычно несколько сот высших бюрократов, богатейших бизнесменов, элита армии и духовенства, принадлежащие к одним и тем же аристократическим кланам и семьям, чей авторитет освящен обычаем и традицией, на деле «претендуя быть неограниченной личной властью»[29].

Этим численно ничтожным властителям-богатеям (как ФБК, так и прочим — военным, гражданским, компрадорским — фракциям

---

[28] *El-Gathafi M.* The Broadlines on the Third Theory. Tripoli, 1972. P. 55.

[29] Социальный облик Востока. М., 1999. С. 251—255. *Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization. London, 1947. P. 37.

бюрократической буржуазии) противостоят постоянно растущие неимущие социальные низы города и деревни, составляющие во многих странах ислама до 40% (кое-где даже 50—60%) населения. Их общественная маргинализация — результат сверхурбанизации, частых стихийных бедствий, засилья персональных диктатур, чудовищной коррупции — основной базы перерастания бюрократии в бюрократическую или паразитическую буржуазию, сверхобогащения всех причастных к власти, ибо на Востоке по-прежнему не столько богатство рождает власть, сколько власть рождает богатство. Прямое следствие этого — перманентная социальная сверхнапряженность, обостряющаяся до предела в условиях общего повышения грамотности (следовательно, также, пусть и относительного, уровня социального и гражданского самосознания), уменьшения различий в уровне культуры мужчины и женщины, определенного прогресса, иногда — это следствие модернизации, обычно проводимой с помощью Запада, но чаще всего — оборачивающейся против него[30].

Мусульмане наших дней воспринимают современный неоколониализм Запада как продолжение его экспансии на Восток со времен крестовых походов, при этом — еще и как вмешательство в их духовную жизнь и повседневный быт, как посягательство на их самобытность и основы их религии, которая давно определяет их поведение, образ жизни, нравы, правила общения и в целом мировоззрение. Внедряемая глобализацией «вестернизация» подрывает монополию ислама в этих сферах жизни мусульманского социума, ведет к болезненной ломке его структур и установок. В глазах мусульман она — непосредственная причина быстрого обнищания горожан, наплыва в города сельских маргиналов, половина которых (а то и больше) остаются безработными, что превращает города мира ислама в социальный пороховой погреб. В них наблюдается невиданный ранее рост политического и прочего, в частности криминального, насилия, в том числе — в ранее довольно благополучных государствах[31].

Отсюда — возникновение в мире ислама «конфронтационного и агрессивного» исламо-экстремизма, который, по мнению датского исламоведа Йоргена Нильсена, представляет «незначительное

[30] Социальный облик Востока. С. 262, 365.

[31] *Филоник А. О., Вавилов А. И.* Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии. М., 2004. С. 194 — 199; Известия, 31.05.2004; The Middle East viewed from the North. Bergen, 1992. P. 73—84.

меньшинство» по сравнению с «преобладающим большинством мусульман, не привлекающим внимание прессы», но все же стал фактором международной жизни. Прежде всего он заметен там, где, по словам арабского политолога Х. А. Джавада, «мусульмане не имеют законных средств для выражения своего недовольства экономической политикой и дипломатией Запада, воспринятой их деспотическими правительствами»[32].

Это напоминает нам о том, что в исламе считается справедливой и обоснованной с религиозной точки зрения борьба против стоящих у власти «плохих мусульман», нарушающих предписания Корана и шариата, тем более — прислуживающим «неверным». При всем стремлении мусульманского социума к стабильности (понятие «революция» в исламе впервые ввел в 1941 г. Абу Ала Маудуди, а узаконил лишь Хомейни в 70-е годы XX в.), о «плохих мусульманах» почти всегда вспоминали во время тех или иных политических конфликтов или антиколониальных восстаний.

Социальная почва для выступлений такого рода на стыке XX—XXI вв. как никогда созрела. Готовые поддержать их маргиналы — это более трети всех мусульман от Марокко до Бангладеш. В Пакистане в начале 80-х годов прошлого столетия к их числу относились примерно 75% горожан, в городах Ирана — около 1,5 млн. чел., в Ливане — приблизительно 35% экономически активных жителей, в Тунисе — 17% населения, в Алжире — 22%, в Марокко — 20%, в Египте только в столице — до 56% жителей. Точно неизвестна (но достаточно высока — не менее трети) доля неимущих в современных Ираке, Палестине, Афганистане[33]. Все эти обездоленные люди искали причины своего бедственного положения и находили их у идеологов исламского фундаментализма, впервые сформулированного в 1928 г. Ассоциацией братьев-мусульман Египта. Его основной принцип — создание подлинно исламского государства, конституцией которого будет Коран. По мнению сторонников этой концепции, только в таком государстве могут быть и будут решены все проблемы, которые не смогли решить их предшественники.

---

[32] Arabs and the West. Amman, 1999. P. 29.

[33] Ближний Восток и современность. М., 2002, № 14. С. 193; 2003, № 18 С. 161—193; *Кепель Ж.* Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004 С. 154—164; The Palestine Question. N.Y., 1980, p. 16 ; Intifada : Facts and Figures. Tunis, 1989. P. 10—12.

Естественно, эта простая идея довольно быстро овладела самыми широкими массами нищих, неимущих и не очень бедных людей в мире ислама. Этому благоприятствовали еще два фактора, которые при желании тоже можно связать с глобализацией.

Спасаясь от голода, нищеты, прочих социальных бедствий, многие жители стран ислама эмигрировали на Запад, используя самые разные возможности. В результате образовались громадные мусульманские диаспоры: около 5 млн. чел. в США к 2000 г. (неофициально — от 7 до 15 млн. чел.), 1,5 млн.чел. в Великобритании к 1997 г. (неофициально 4—5 млн. чел.), более 2 млн.чел. во Франции (на самом деле не менее 6—7 млн.чел.) в 2000 г. В Германии тогда же было 3040 тыс. мусульман, т. е. 3,7% всего населения, в Бельгии — 250 тыс. мусульман, в Нидерландах — до 670 тыс. мусульман (4,3% всего населения)[34]. Все они довольно быстро ознакомились с различными формами организации и управления на Западе, деятельностью партий и профсоюзов, выборных муниципалитетов и различных ассоциаций, органов СМИ, особенно — во время избирательных кампаний, забастовок, манифестаций и митингов. Весь этот опыт передавался ими на родину, но также использовался для собственной деятельности на Западе. Следует подчеркнуть, что хотя мусульмане на Западе живут лучше и зарабатывают больше, чем у себя на родине, они обычно (хотя есть и исключения, например среди алжирцев и вообще магрибинцев во Франции) сохраняют антизападные настроения, так как «демонстрационный эффект» западного процветания воспринимается значительной их частью негативно.

Вторым фактором, стимулировавшим развитие политического ислама, стала позиция «категорий, возникших вследствие модернизации мусульманских обществ», т. е. тех групп интеллигенции, служащих, средних слоёв, студенчества, которые решили сделать ислам знаменем своих политических и социальных требований[35]. Вопрос об искренности их религиозных убеждений в данном случае не стоит. Ислам для этих групп — прежде всего политическое оружие, не столько мировоззрение, сколько воплощение этноконфессиональной идентичности, духовной связи с единоверцами-соо-

---

[34] Независимая газета. 29.09.2001.

[35] *Charnay J.-P.* Sociologie religieuse de l'Islam. P., 1994. P. 339 ; *Roy O.* Généalogie de l'islamisme. P., 1995. P. 61—63.

течественниками, верности народным традициям и антизападному патриотизму, характерному даже для тех, кто учился на Западе. В эпоху глобализации это всё приобретает особое значение, не давая отсечь национальных интеллектуалов от народной почвы.

Помимо укрепления своих позиций и влияния, интеллектуалы заодно выражают таким образом своё недовольство прозападным курсом большинства мусульманских правительств, идущих (или вынужденных идти) в фарватере политики Запада в силу разных причин, о которых уже говорилось. Не без влияния этих оппозиционеров исламисты ставят своей задачей «реисламизацию исламских обществ, впавших в невежество» (т. е. отклонившихся от ислама. — *Р. Л.*). «Для исламистов, — пишет Оливье Руа, — главные виновники этого — нынешние лидеры мира ислама, проявившие слабость, позволившую Западу обосноваться на землях ислама»[36].

Запад своими руками превратил мусульманский Восток в настоящий заповедник исламо-экстремизма. И проблема здесь — не в террористах, которых относительно не так уж много. Проблема — в «молчаливом большинстве» мусульман Востока, которое им сочувствует, думает так же и нередко помогает им и содействует, вследствие чего у террористов, несмотря на большие потери в их рядах и военно-техническое превосходство тех, кто с ними борется, как правило, не возникает трудностей с вооружением и оснащением, с финансированием, базами и укрытиями, а также (что важнее всего!) — с привлечением новых кадров. В такой обстановке даже самый высокообразованный и по-современному мыслящий мусульманский интеллектуал будет думать не об отстаивании ценностей несколько абстрактных в условиях Востока свободы и демократии, а о том, как ему вписаться в контекст настроений, доминирующих среди единоверцев-соотечественников. Но при этом проблемой для него стал «не отказ от модернизации, а исламизация этой модернизации»[37].

Последнее обстоятельство оптимально проясняет суть взаимоотношений политического ислама с глобализацией. По нашему мнению, перемены в мире ислама не связаны напрямую с глобали-

---

[36] *Roy O.* Op.cit. P. 81.

[37] *Roy O.* Op.cit. P. 62—65 ; Islam, Muslims and Modern State. London, 1996 P. 285.

зацией, а идут параллельно и одновременно с ней. Мир ислама и раньше реагировал на внешние вызовы, в том числе — действовавшие в упомянутом выше средневековом «евро-афро-азиатском центре исторической жизни» Н. И. Конрада. Но для него всегда важнее были внутренние процессы и факторы развития, так как мир ислама, громадный и консервативный, плохо поддавался всем внешним попыткам изменить его, тем более насильно. Но именно на это, судя по всему, рассчитывают те, кто возлагает явно утопические надежды на глобализацию.

Глобализация — действительно всемирный и мощный процесс. Но он по-настоящему эффективен лишь в условиях если не полного господства, то хотя бы доминирования рыночной экономики, силы и влиятельности тесно связанных с ней общественных классов и социальных слоев, превалирования соответствующих идеологий, стереотипов сознания и уровня культуры. Но на Востоке этого нет! Вернее, там есть элементы и даже целые регионы вполне рыночного хозяйства, но они тысячью нитей связаны с морем докапиталистических мелких производителей, действующих в рамках натурально-патриархальных, родоплеменных и прочих общинных отношений, а также — отношений феодальной, полуфеодальной и иной исторически сложившейся зависимости. Кроме того, значительная (до 40%) доля маргиналов, как правило, цепляющихся за традиционные социальные связи и ценности, усиливает лагерь «антирыночников» или, по крайней мере, ненавистников обездолившего их капитализма, из системы социальных связей которого они выпали (а многие и не входили в нее).

Поэтому на Востоке не политический ислам адаптируется к глобализации, а, скорее, глобализация отвоевывает у него еще не контролируемые им местности и группы населения. Более того, учитывая наличие миллионных мусульманских диаспор на Западе и десятки тысяч бывших христиан и приверженцев иных религий, принявших ислам[38], сейчас можно говорить о том, что глобализации западной цивилизации в наши дни противостоит более скрытая, но вполне реальная глобализация исламизма. Конечно, на стороне первой — экономическая и финансовая мощь, новейшие технологии, военно-

[38] См. Мусульмане на Западе. М., 2002. С. 15, 38, 42; *Ланда Р. Г.* Политический ислам... С. 259—260.

силовое превосходство (пока) и т. п. Но на стороне второй — умелое наращивание тех же самых преимуществ и, сверх того, все более эффективное использование объективных слабостей и изъянов Запада. Западная цивилизация может привлечь на свою сторону главным образом сытых и благополучных людей Востока, политический ислам — всех неблагополучных, неприкаянных, нуждающихся в социальной справедливости и готовых сражаться за нее. А таких на Востоке явно больше. Сомкнувшись со значительной частью интеллектуальной элиты и получив поддержку определенных фракций имущих слоев, исламисты имеют шансы на успех, если только военно-политическая борьба с ними не будет сопровождаться реальными и радикальными переменами в экономике, культуре, социальном и политическом развитии мира ислама.

Лещенко Н. Ф.
(Отдел Истории Востока ИВ РАН)

Эпоха Токугава (1603—1867) как феномен японской истории

Эпоха Токугава является одной из самых изучаемых в современной исторической науке, интерес к которой объясняется многими причинами. Это был самый длительный период мира в японской истории, когда страна ни с кем не воевала, всецело переключившись на дела внутренние. Наступивший в стране мир после длительного периода междоусобных войн, способствовал экономическому развитию страны, что влияло на уровень жизни японцев, на продолжительность жизни, бытовую культуру, досуг. Об устойчивой демографической ситуации свидетельствовали данные переписи населения, которые стали регулярно проводиться с 1721 г.

Географический фактор сыграл положительную роль в истории Японии, островное положение Японии служило препятствием для набегов с материка. В XШ в. Хубилай предпринял две попытки под-

чинить себе Японию, что стоило огромных средств, а закончилось поражением Победе японцев способствовали и «небесные силы» — тайфун разметал флот Хубилая и как верили японцы, боги спасли Японию. А восточноазиатский мир после этого перестал верить в непобедимость монголов.

XIV—XVI вв. в истории Японии были временем политической нестабильности, шла непрерывная борьба за власть среди могущественных феодалов, которые фактически были независимы .Даймё юго-западных прибрежных районов вели сношения с Кореей и Китаем , ведя выгодную торговлю с ними. Правившие тогда сёгуны из дома Асикага формально считались верховными правителями. В одном из районов Киото, в Муромати, существовало бакуфу, правительство сёгуна, но его власть фактически распространялась лишь на области, расположенные вокруг столицы —Киото. В масштабах страны бакуфу имело значение лишь в той мере, в какой его поддерживали те или иные могущественные даймё. Со своей стороны, сёгуны пытались вмешиваться в борьбу могущественных домов, стремясь использовать распри между ними для усиления собственной власти. В эту борьбу включились средние и мелкие даймё, поскольку последним реально угрожала опасность поглощения со стороны сильных соседей. В ходе этой длительной междоусобной борьбы давно канул в забвение идеальный облик самурая, который должен был быть не только сильным и храбрым, но и чувствительным и милосердным. Война сокрушила все морально-этические нормы, и её участники не останавливались ни перед убийствами, ни перед предательством.

В ходе этих междоусобных войн выдвинулись три фигуры, которых часто называют «объединителями Японии», хотя первый из них, Ода Нобунага, такай задачи в начале своего пути, судя по всему, не ставил. Но так или иначе, именно Ода Нобунага (1534—1582), Тоётоми Хидэёси (1536—1598) и Токугава Иэясу (1542—1616) предприняли целый ряд политико —административных, социальных и экономических начинаний и тем самым начали процесс создания централизованного государства, получивший затем своё завершение в эпоху Токугава.

Поставить точку в длительной борьбе и завершить объединение страны удалось Токугава Иэясу, который в 1600 г. в битве при Сэкигахара разгромил своих соперников и страна постепенно начала

обретать политическую стабильность. Начавшийся новый этап в истории Японии получил название по имени победителя в битве — Токугава Иэясу, который в 1603 г. был провозглашен сёгуном и таким образом положил начало третьему в истории Японии сёгунату Токугава (1603—1867). Это время известно и как эпоха Эдо —по названию города, ставшего резиденцией сёгунов дома Токугава и местом пребывания бакуфу.

Сёгуны дома Токугава правили страной 264 года. В истории Японии это был самый длительный период политического правления представителей одной и той же династии. Причина такой стабильности лежала в продуманности порядка наследования титула сёгуна, введенного Токугава Иэясу. Передав этот титул в 1605 г. своему сыну Хидэтада, Иэясу продемонстрировал всей Японии, что отныне сёгун — наследственная должность дома Токугава. Но оставалась ещё одна проблема — кто из детей должен наследовать это звание, как выбрать наследника из нескольких сыновей, чем при этом руководствоваться? В то время право наследования стало распространяться на старшего сына, однако ещё были свежи в памяти воспоминания о междоусобных войнах, поэтому в вопросах семейного наследования преобладала практика, когда предпочтение отдавалось наиболее способному и подходящему по своим человеческим качествам для этой роли сыну.

Самой подходящей кандидатурой на пост сёгуна был бы старший сын Иэясу Нобуясу, но в результате интриги, затеянной его матерью, его заподозрили в предательстве по отношению к союзнику отца — Нобунага и в 1579 г. ему пришлось покончить с собой. И сёгуном был провозглашен третий сын — Хидэтада. Но в практике произвольного назначения таилась ловушка, которая со временем могла осложнить жизнь дома Токугава и ввергнуть его во внутреннюю борьбу за власть, что не раз имело место в японской истории. Случись такое, последствия были бы непредсказуемыми, а главное, можно было потерять титул сёгуна. Иэясу учел эту возможную опасность, когда решался вопрос о наследовании титула сёгуна среди сыновей Хидэтада. И принял такое решение. По его мнению, стабильность положения дома Токугава можно было обеспечить лишь придерживаясь следующего принципа: при решении вопроса о наследовании титула сёгуна решающим фактором следовало считать не состояние умственного или физического здоровья претендента,

а право старшего сына, который должен обладать абсолютной властью над младшими братьями. Иэясу считал, что даймё смотрят на старшего сына с особым уважением… Корни семейных неурядиц, по его мнению, там, где второй сын имеет большее влияние, нежели его старший брат 1).

Было также предусмотрено, как должно поступить, если у правившего сёгуна не было прямых наследников. Следует иметь в виду, что, кроме основной линии рода Токугава, существовали и боковые ветви. Только представители этих домов, в случае отсутствия прямого наследника, могли стать сёгуном. Таким образом, право наследования титула сёгуна закреплялось только за родом Токугава 2).

Иэясу провел целый ряд мероприятий, которые продемонстрировали его реальную силу и власть, содействовали экономическому процветанию его семьи и стали первыми шагами в становлении новой сословно-политической и экономической системы, которая получила свое дальнейшее развитие при следующих сёгунах. Проделав целенаправленную и кропотливую работу в деле построения вертикали власти, Иэясу полностью изолировал императора от политической жизни, его авторитет сёгуну был больше не нужен. Разницу в их положении отмечали и иностранцы, приезжавшие в то время в Японию, — они называли императора «микадо», а сёгуна — «котэй», чем подчеркивали разницу их роли в жизни Японии. Микадо был главой религиозных отправлений, имел функцию верховного жреца, а сёгун олицетворял собой всю верховную власть в стране 3).Все земные дела вершили сёгуны, чтобы божественная особа-император — не «оскверняла» себя ими. За императором сохранилось право раздавать придворные должности, ранги и награды. Прерогативой императора оставались и религиозные церемонии.

И хотя император уже давно не обладал реальной властью, Иэясу предпринял еще один шаг, чтобы как можно дальше отдалить императора от политических дел — он перенес место пребывание бакуфу из Киото, где жил император, в Эдо.

Японию эпохи Токугава называют обществом системы бакухан-отношения между бакуфу(правительством) и хан (княжествами). Эта система отражала подчиненное положение княжества по отношению к правительству и являлась механизмом господства бакуфу в масштабах всей страны. Бакуфу выступало как политический ор-

ган, обладающий кроме административной, еще и военными функциями. Как административно-хозяйственные единицы, княжества включали в себя территорию и проживающих на ней людей. Княжества имели относительную самостоятельность по отношению к центральному правительству в своей хозяйственной деятельности. В начале XVII в. различия между административными системами бакуфу и княжествами были значительными, поскольку даймё придерживались своих семейных кодексов. Однако, поскольку бакуфу стремилось ограничить их власть и унифицировать налоговую систему и другие административные функции, постепенно различия стирались, и примерно к сер. XVII в. административное устройство княжеств стало в основном повторять в миниатюре структуру бакуфу. Существовал целый ряд мер контроля за даймё, самой существенной была система заложничества (санкин котай).Власти строго следили, чтобы даймё не повышали налоги, для возмещения своих убытков. Если крестьяне по этому поводу обращались с петицией или поднимали восстание, даймё могли обвинить в «несправедливом» управлении, а это грозило потерей княжества.

Интерес к Японии, проявляющийся в современном мире, объясняется многими причинами. Главная из них, скорее всего, заключается в феноменальных успехах Японии в экономическом развитии, что позволило Японии, единственной стране в дальневосточном регионе, уже на рубеже XIX—XX вв. войти в число сильнейших мировых держав. Но настоящее не отгорожено непроходимой стеной от прошлого, и изучение любого явления делает необходимым знания его истоков. Все те стремительные изменения, что начались в Японии с конца XIX в., были бы невозможны без социально-экономической и общественно-политической базы, заложенной в эпоху Токугава.

Установление длительного мира в эпоху Токугава стало положительным фактором для развития сельского хозяйства, которое являлось главной производственной сферой деятельности населения Японии. Благодаря наступившему миру поля не разорялись и крестьяне не отвлекались от сельскохозяйственных работ.

Эпоха Токугава отмечена многими техническими изменениями в области сельскохозяйственной техники. Увеличился спрос на сельскохозяйственные орудия и различный производственный инвентарь. Совершенствовалась система орошения, увеличивались

расходы на удобрения. Мотыга было заменена плугом, использование быков и лошадей в сельском хозяйстве позволило производить более глубокую вспашку, что привело к увеличению производительности крестьянского труда и урожайности культур. Развитие техники дало возможность интенсифицировать осушение заболоченных земель, что стало одной из причин повышения урожайности риса в западной части Японии4).Совершенствование агротехники позволило собирать по два урожая в год. Создавались условия для интенсивного ведения сельского хозяйства, продукты стали выращиваться и на продажу.

Основу богатства сёгуна и даймё, феодальных князей, составлял рисовый налог, поступавший из деревни. Крестьянство, подобно Атланту, держало на своих плечах японское общество, оно составляло 84% от общей численности населения страны .Поэтому сёгуны и даймё строго следили, чтобы сельскохозяйственное производство не сокращалось, и были заинтересованы в расширении площадей под посевы риса. В эпоху Токугава освоение новых земель приобрело систематический характер

Однако постепенно в сельском хозяйстве страны наметились структурные изменения-посевы риса начали сокращаться, его заменил хлопчатник, т. е. происходило вытеснение зерновых культур техническими Площади под посевы хлопчатника год от года расширялись, что свидетельствовало об экономической выгодности этой технической культуры Крестьяне стали покупать продовольствие, поскольку прекратили сеять рис и злаковые культуры.

Распространение хлопчатника имело большие последствия для экономического развития страны. Он постепенно стал культурой, на основе которой интенсивно развивалось товарное производство и которая оказала большое влияние на развитие домашней деревенской промышленности Домашнее текстильное производство, в которое уходит своими корнями развитие текстильной промышленности, существовало в Японии и в мануфактурный, и фабричный периоды её экономической истории Этой живучести способствовали доступность и простота технологии, а также отсутствие необходимости в специальных. Производственных помещениях и в подсобных работниках. Прядение и ткачество производились на дому силами членов семьи. Хлопчатобумажные ткани пользовались массовым спросом. В горных районах с непригодными для земледелия

почвами в XVII—XVIII вв. главной отраслью производства стало шелководство. Крестьяне все больше втягивались в коммерческую деятельность, что приносило им более твердый доход, чем занятие традиционным крестьянским трудом. Некоторые предприимчивые крестьяне начали заниматься изготовлением удобрений, используя для этого различное сырьё — рапсовое или кунжутное семя, рыбу и др. Удобрения пользовались большим спросом, поскольку давали возможность повышать урожайность даже в засушливые годы. Очень выгодным занятием для крестьян стало огородничество, на развитие которого оказало влияние соседство больших городов. Так, крестьяне, жившие вокруг Киото, стали специализироваться на выращивание особого сорта дыни, которая на городских рынках стоила особенно дорого.

Одной из главных причин роста сельскохозяйственной продукции в эпоху Токугава была интенсификация труда крестьянина. Хаями Акира, один из самых авторитетных ученых в области исторической демографии, назвал процессы, происходившие в деревне в эту эпоху, «революцией прилежания»(кимбэн какумэй). По его мнению, именно тогда начал складываться облик современного японского труженика. Японцы высоко ценили землю и стремились с максимальной отдачей использовать каждый её клочок.

О высоком уровне агрономических знаний свидетельствует появление к началу XVII в. книг по ведению сельского хозяйства (носё), в которых обобщался предшествующий опыт с учетом местных условий. Это свидетельствовало о том, что крестьяне в массе были грамотны, иначе было бы невозможно приобщиться к агрономическим знаниям и передавать из поколения в поколение накопленный опыт. Подобных книг в Европе того времени не было 5).

Динамизм эпохи демонстрировала деятельность японского купечества, предприимчивость которого позволило ему достичь значительной экономической мощи даже в условиях закрытости страны , когда оно было лишено возможности заниматься внешней торговлей в широких масштабах. Всю свою энергию и изобретательность оно направило на развитие внутренней торговли и разного рода предпринимательской деятельности, создав свой собственный стиль ведения дел и деловую этику, которые изучаются во всем мире. Этика и экономика в эпоху Токугава составляли единое

целое. Японское купечество по своему происхождению представляло собой довольно пеструю картину. Купечество пополнялось за счет обедневших самураев, ремесленников, оставивших свое ремесло ради торговли. Некоторым крестьянам удавалось разбогатеть, и они, порвав с земледелием, становились купцами. Несмотря на строгую общественную регламентацию, в японском обществе на протяжении длительного периода происходили активные процессы социальной мобильности, что прослеживается на примере истории крупных торгово-предпринимательских домов, таких как Мицуи, Сумитомо, Коноикэ. Особенно сильно сословная система обнаружила свою подвижность в эпоху Токугава, чему способствовал ряд политических и социально-экономических обстоятельств. Сталкиваясь с реальностью повседневной жизни, люди довольно активно меняли свою социальную принадлежность: одни по причине накопления богатства, другие — в силу утраты внутрисословных связей. Четвертое (в японских условиях) сословие, находясь на самой нижней ступеньке социальной иерархии, поскольку согласно конфуцианской этике оно ничего не производило весьма преуспело в искусстве манипулирования деньгами, создав по всей стране сеть ссудных лавок, это были прообразы современных банков, стиль работы которых был таким же как и меняльных контор в Лондоне. Хождение в стране разного вида денег способствовало появлению в крупных городах меняльных контор, а также лиц, профессиональной деятельностью которых стало ведение финансовых операции. К середине XVII в. в торговой практике появились всевозможные векселя. Деятельность меняльных контор помогла их владельцам сколотить значительное состояния . Там можно было взять деньги в кредит, обменять вексель, оставить деньги на хранение. Свидетельством того, какими денежными суммами обладали купеческие дома, занимаясь кредитно-денежными операциями, служит факт быстрого образования банков во второй половине XIX в. Говоря о японском купечестве XVII в., французский историк Ф. Бродель отмечал, что оно рано усвоило, какую выгоду можно извлекать «из манипуляций с деньгами — деньгами приумножающими, необходимым инструментом современного накопления» 7).

Характерной чертой деятельности японского купечество было предпринимательство, а не только торговля. Торговый дом Сумитомо занимался выплавкой меди, дом Накаи — добычей соли и

производством соевого соуса-сёю, дом Коноикэ — производством сакэ. Купцы также вкладывали деньги в освоение новых земель под посевы сельскохозяйственных культур и разными путями становились собственниками земли. Занимались они речными и морскими перевозками, осваивали рыбный промысел на о. Хоккайдо, они же наладили производство сахара в стране. В отношении низших слоев населения купечество выступало в роли работодателей — лодочники, грузчики, носильщики, не говоря уж о многочисленных приказчиках в лавках, обслуживали расширявшуюся торговлю.

Верховные правители Японии пользовались услугами купечества. У Токугава Иэясу советником по финансовым делам был Гото Мицуцугу, который основал монетный двор (гиндза). Торговый дом Мицуи стал банкиром бакуфу. Пятый сёгун Цунаёси (1646—1709) начал привлекать в правительственный аппарат способных людей из купеческого сословия, жалуя им при этом самурайское звание, что вызывало недовольство даймё.

XVIII век в деятельности купечества отмечен появлением уставов, своего рода домашних конституций. Эти уставы , разные по названию, отражали «индивидуальный портрет» дома и законы, которыми регулировалась его деятельность. Во всех уставах поощрялась бережливость, деловая смекалка, тщательное соблюдение отчетности, осуждалось вымогательство , мошенничество и получение взяток. К нововведениям в деятельности купечества относятся бухгалтерские книги (иэаритё). Интересно, что несмотря на то, что японское купечество было оторвано от непосредственных контактов с купечеством вне пределов Японии, техника ведения у них была такой же , как и у европейских купцов. Японцы владели техникой двойной бухгалтерии, которая позволяла в любой момент получить полный баланс между дебетом и кредитом. Что касается Европы, то бухгалтерские книги и система двойной бухгалтерии были изобретением итальянцев, возможно, что основы этого дела они заимствовали от арабских купцов.

Уже в XVIII в. японское купечество осознало свою роль в экономическом развитии страны, необходимость торговой деятельности. Получение прибыли от разного рода торговой и предпринимательской деятельности начало трактоваться как плата за их труд. Осознавая , что знаний полученных в прихрамовой школе (тэракоя) недостаточно для ведения успешной торговли, в 1724 г. в торговом

г. Осака пятью купеческими домами была основана школа Кайтокудо, которая просуществовала до 1869 г. Со временем эта школа получила и поддержку бакуфу.

Успешные предприниматели и банкиры периода Мэйдзи вышли из среды японского купечества эпохи Токугава, использовав накопленный опыт и капиталы.

Эпоха Токугава была временем бурной урбанизации. Возникновение городов в этот период было обусловлено политическим объединением страны, целым рядом мероприятий и указов властей и развитием японской деревни Япония стала одной из самых урбанизированных стран мира с высокой степенью концентрации населения в городах. К большим центральным городам относились Эдо, Осака и Киото, происхождение и социальный состав жителей которых обусловили отличительные особенности каждого из них, определили статус города и его место в социально-экономической и политической структуре японского общества в эпоху Токугава. Эдо был политико-административным центром страны и городом самураев, Осака — городом торговцев, Киото — местом проживания императора и придворной аристократии, творческого люда и искусных ремесленников.

Став резиденцией бакуфу, Эдо превратился в огромный город. К сер. XVII в. в нем проживало 430 тыс. чел., а спустя столетие — 1 млн. 9). Город Эдо постепенно превратился и в культурный центр страны. Токугава Иэясу привлекал туда искусных ремесленников, ученых, художников, писателей, придавая большое значение сбору старинных рукописей, созданию библиотек. По его распоряжению из Канадзава в Эдо была перевезена и помещена в основанную им знаменитую коллекцию рукописей и книг библиотека, собранная домом Ходзё за 300 с лишним лет. Иэясу был щедрым покровителем книгопечатания. Им был утвержден особый департамент, где целый штат монахов занимался переписыванием фамильных историй даймё.

В эпоху Токугава Япония имела достаточно грамотное население, особенно во второй половине эпохи, причем уровень грамотности был не ниже, чем в европейских станах. Япония обладала и довольно разветвленной сетью школ, их число выросло во второй половине и особенно в конце эпохи. К концу XVIII в. в стране насчитывалось 15 тыс. школ разного типа.

Большую роль в этом сыграли власти Японии — центральные и местные. У них была своя выгода — до грамотного населения было легче доводить официальные приказы и распоряжения.

Необходимость открытия школ осознал еще Токугава Иэясу, он же предпринял первые шаги в области обучения даймё и самураев. Еще в 1615 г. он дал понять, что намерен поощрять образование , по его мнению, настало время «поменять меч на кисть». Это было составной частью мероприятий Иэясу, направленных на стабилизацию обстановки в стране. Сёгун осознавал опасность, исходившую от «лишних» людей, действия которых могли бы нарушить мир в стране Можно сказать, что политику правительства и местных властей в области образования определяла жизненная необходимость, хотя не первых порах власти вряд ли были озабочены обучением простолюдинов. Кроме того, Иэясу способствовал открытию библиотек и субсидировал издание книг по вопросам управления государством.

В XVII в. была учреждена высшая правительственная конфуцианская школа — Сёхэйдзака гакумондзё, которая готовила кадры чиновников для правительственных учреждений и подчинялась бакуфу. Кроме лекций по конфуцианству, там преподавали японскую историю и литературу, поэзию, право, военные искусства.

Самым распространенным видом школ были тэракоя — прихрамовые школы. Именно они обеспечивали элементарную грамотность в широких масштабах. Они возникали по всей стране , в деревнях и городах, без помощи официальных властей. Крестьяне, торговцы, горожане осваивали в этих школах азы чтения, письма и арифметики. Не будет преувеличением сказать, что тэракоя сыграли главную роль в распространении грамотности в стране в эпоху Токугава.

То, что Япония имела в эпоху Токугава довольно грамотное население, подтверждается и тем, что в это время страна пережила «книжный бум». Книги разных жанров издавались большими тиражами и широко распространялись по стране, Появление многоцветной печати преобразовало облик книги. Книжный бум оказал большое влияние на распространение образования в стране, а оно, в свою очередь, способствовало увеличению спроса на все виды японской продукции. Популярные книги выходили тиражом в 10 тыс. экз. Коробейники с пачками книг за спиной расхаживали по

улицам городов и дорогам страны. Появилось много специализированных книжных лавок, где книжку можно было взять почитать за четверть или треть ее цены. В стране имелись библиотеки, где книгу можно было взять под денежный залог. К началу XVIII в. в Эдо было 656 библиотек, где желающие могли ознакомиться с книжными новинками, если у них не было возможности их приобрести.

В стране имелось большое количество учителей с опытом работы, образование реально было доступно не только высшим слоям общества, но и простолюдинам. Опыт накопленный в этой области был использован в период Мэйдзи. Решительный поворот в области образования в этот период был бы невозможен без развития школьной системы особенно в первой половине XIX в. В 1870 г. уровень грамотности в Японии был выше, чем в Европе, что послужило одной из основ для успешной индустриализации страны 10).

В XVII в. Япония «закрыла» страну для иностранцев. Но в XVI в. Япония не была затворницей, она поддерживала внешние связи с народами шестнадцати стран. К началу XVII в. на Востоке почти не осталось мест, куда бы не проникали японцы, они были прекрасными мореплавателями и стремились завязывать выгодные торговые связи. Начало XVII в. относится к периоду наивысшего подъема японского мореплавания. В то время японские корабли совершали плавания не только в страны Восточной и Юго-Восточной Азии. Дважды — в 1610 и 1613 гг. — ни пересекали Тихий океан, доставляя посольства сёгуна Иэясу в Новую Испанию, как тогда называли Мексику.

Япония ограничила связи с европейцами, когда почувствовала реальную угрозу с их стороны. Для Японии это была своего рода система национальной безопасности, а изгнание испанцев и португальцев было одной из мер, которая способствовала укреплению стабильности в стране. Япония не закрыла себя для Азии, да и для Европы она не была закрыта полностью.

На первых порах японцы доброжелательно принимали иностранцев, не препятствовали торговле с европейскими странами и распространению христианской религии. Недоверие к деятельности иезуитов была вызвана их вмешательством во внутренние дела страны. К тому же они снабжали мятежные юго-западные княжества огнестрельным оружием. Иэясу увидел в деятельности миссионеров реальную опасность, что угрожала миру и стабильности в стране, Еще живы были в памяти длительные междоусобные вой-

ны. И следует сказать, что опасения Иэясу имели под собой реальную почву Угроза суверенитету Японии была вполне реальной.

Ограничение связей с внешним миром следует рассматривать как часть политики, направленной на стабилизацию внутреннего положения в стране, на упрочение сёгунской власти. Эти меры демонстрировали силу дома Токугава потенциальным противникам внутри страны. Для дома Токугава такая политика являлась средством ещё более повысить свой статус, придать законченность процессу объединения и стабилизации. Вместе с тем, был положен конец и беспорядку в сфере внешних сношений, когда отдельные даймё самостоятельно занимались внешней торговлей. Внешняя политика Иэясу была продолжена и другими сёгунами, и, можно сказать, что она наилучшим образом подходила для общения Японии с внешним миром. Кроме того, бакуфу сознательно проводило политику закрытия внутреннего рынка для иностранных товаров, преследуя цель сохранить природные ресурсы и создать условия для развития собственного производства.

Голландия была единственной страной, которая вела торговлю с Японией. Это право было им даровано за помощь в подавлении Симабарского восстания в 1637—1638 гг. Эта страна выполняла роль своеобразного моста между Европой и Японией более двухсот лет, и каким бы хрупким и узеньким ни был этот мостик, он служил проводником новых веяний, узнать которые стремились передовые люди Японии тех лет. Хотя среди обитателей голландской фактории на о. Дэсима было не много людей по-настоящему образованных и культурных, именно они стали для японцев носителями европейских знаний. Впрочем, японцам повезло, что длительное время они имели дело с Голландией, которая была более развитой страной, чем Испания и Португалия. Голландцы быстро переводили на свой язык все то значительное, что издавалось в Европе, поэтому в переводе на голландский в Японию попадала литература и других европейских авторов.

Более двух столетий голландский язык оставался в Японии единственным европейским языком международного общения. Но постепенно появились японцы, владевшие и другими европейскими языками, но их было чрезвычайно мало.

В 1720 г. сёгун Ёсимунэ разрешил ввоз в Японию европейских книг по прикладным наукам (в 1630 г. было запрещено ввозить в Японию книги на европейских языках, власти опасались, что про-

никновение «вольных идей» может пошатнуть привычный порядок). Ёсимунэ лично встречался с голландцами во время их ежегодных визитов в Эдо и задавал много вопросов, интересуясь тем, какую практическую выгоду можно извлечь из западных наук .Его интересовало все, что происходило на Западе. Он проявлял большой интерес к европейской пище, растениям и особенно к тому , что имело отношение к сельскому хозяйству Сёгун Ёсимунэ был не только покровителем наук и искусств, но и сам считался художником. Он высказывал интерес к западной живописи, что проявилось в его просьбе привезти ему из Европы какую-нибудь картину. В 1726 г. голландцы привезли пять картин, в том числе натюрморт с букетом Виллема Ван Ройена, впоследствии неоднократно копировавшийся японскими художникам 11).

Пробитая европейскими книгами брешь в изоляции страны положила начало школе рангакуся («голландоведов»), представители которых выступали за расширение связей с Западом, за распространение европейских знаний в Японии. Истоки школы рангакуся следует искать в деятельности небольшой группы японцев-переводчиков, которая изо дня в день контактировала с голландцами в Нагасаки и на о.Дэдзима. Они были первыми, кому открывался далекий западный мир, так отличавшийся от японской реальности.

В 1741 г. сёгун Ёсимунэ приказал изучать голландский язык Норо Гэндзё (1693—1761) и Аоки Конъё (1698—1769). Потом Аоки выполнял работу библиотекаря при бафуку, а Норо было поручено хранение получаемых из Голландии книг, их просмотр и отбор наиболее ценных для перевода, Он получил титул «управляющего» голландскими книгами. Сохранился каталог на европейских языках, главным образом на голландском, поступивших в Японию в эпоху Токугава и хранившихся в библиотеке бакуфу.

Наиболее сильным влияние голландской и европейской науки было в медицине, и именно она являлась главным объектом изучения. Появление в XVII в. голландцев в Японии совпало с периодом, когда медицина в Европе достигла большого прогресса. Лейден в то время был крупным медицинским центром, куда стремились попасть студенты из всех европейских стран, и японцы узнавали о новостях в медицинской области или от врачей фактории, или из книг. Следует отдать должное практичности японцев — они всегда

старались заимствовать у иностранцев то, что можно было с пользой применять в повседневной жизни.

В конце XVIII — начале XIX вв. усилился интерес к западным знаниям в отдельных княжествах, главы которых пытались использовать их в чисто практических целях. Европейские знания были нужны им для того, чтобы справиться с экономическими трудностями, решить вопросы обороны и сельского хозяйства, развивать у себя в княжествах промышленные производства.

В XIX в. появилось много частных школ, где изучались западные науки. В эти школы даймё отправляли на учебу способных молодых самураев. как правило, главным предметом в таких школах была медецина, но во многих из них программа обучения была шире, например, изучали химию и баллистику.

Глава княжества Сацума Симадзу Сигэхидэ (1746—1833), тесть сёгуна Иэнари, проявлял интерес ко всему спектру естественных наук. Его очень интересовали пути повышения продуктивности сельского хозяйства. Он создал предприятие по производству стекла, стремился на основе западной техники и технологии наладить производство товаров, используя природные и сельскохозяйственные ресурсы своих владений.

Нельзя сказать, что европейские знания доходили до Японии в систематизированном виде. Часто информация носила отрывочный характер. Но японцы, обладая длительным опытом заимствования и практической смекалкой, смогли извлечь и применить на практике много полезного из европейского опыта. А начиная с XIX в. можно говорить о том, что добывание информации о Западе приняло целенаправленный характер. Эта деятельность приняла такой размах, что есть все основания согласиться с Д. Кином, заметившим, что «грубую ошибку совершают некоторые историки, недооценивая знание Запада в жизни Японии до прибытия Перри» 12). К этому можно добавить и мнение Н. И. Конрада, который отмечал, «что через нагасакскую форточку все время дул свежий ветер, заносивший в Японию семена учений Дж. Бруно, Г. Галилея, И. Кеплера, Н. Коперника. С трудами этих корифеев европейской науки знакомили своих соотечественников приставленные к голландцам люди — именно те, кто пол роду службы должен был знать голландский язык, т. е. переводчики и информаторы» 13).

Эпоха Токугава длилась 264 года, знала свои взлеты и падения, но следует признать, что это была динамичная эпоха в истории страны, подготовившая почву для преобразований в период Мэйдзи. Отрицание этого факта ведет к непониманию причин последующего быстрого развития страны. Япония сумела преодолеть кризисную ситуацию 50—60-х годов XIX в., избежать опасности колониальной зависимости, использовав не только европейский опыт, но и то, что было создано в эпоху Токугава.Лицо периода Мэйдзи (1868—1912) определяли выходцы из купеческого и самурайского сословия эпохи Токугава, из среды которого вышли интеллектуалы, политические деятели и предприниматели.

Япония в эпоху Токугава представляла собой феодальное общество, но больше похожее на европейское. Это был переходный период, который Япония прошла по-своему, выбрав свой вариант развития.

Первый английский посланник Р. Олькок, прибывший в Эдо в 1860 г., так охарактеризовал Японию тех лет: «Феодализм, уже представляющийся нам столь несвоевременным и неуместным, существует здесь в достаточной идентичности, а совпадение его ведущих черт с нашим европейским феодализмом кажется просто поразительным .Но при этом он НЕМАЛО (выделено Н.Л.) отличается от нашего феодализма, что делает изучение его «восточного варианта» чрезвычайно интересным» 14). Далее он отмечает, что « Долгая изоляция подарила японцам такой путь развития, который они имеют право назвать во многом своим собственным. Их внешняя жизнь, их законы, традиции и институты —все имеют что-то своеобразное, некий отпечаток японского следа, который всегда можно заметить. Он НЕ КИТАЙСКИЙ И НЕ ЕВРОПЕЙСКИЙ (выделено Н. Л.). но про него нельзя также сказать, что он просто АЗИАТСКИЙ. Японцы кажутся, скорее, теми, кем были греки для древнего мира, — связующим звеном между Европой и Азией. Если бы меня попросили дать в нескольких словах заключение о том, каков же качественный уровень цивилизации, достигнутый японцами, я бы сказал, что их цивилизация имеет ОЧЕНЬ ВЫСОКИЙ МАТЕРИАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ (выделено Н. Л.)... Но при этом если говорить об их потенциале в деле достижения более высокого уровня цивилизации, чем достигнутого ими до настоящего времени, то должен признать, что этот

потенциал гораздо выше, чем у любой другой восточной нации, включая даже китайцев» 15).

Среди российских востоковедов долгое время велась дискуссия о характере формационного развития стран Востока на рубеже нового времени. И как правило, признавалось, что в Японии сложилась иная модель феодализма. По мнению одного из активных участников этой дискуссии, китаиста О. Е. Непомнина, «две однотипные цивилизации (имеется в виду Китай и Япония. — *Н. Л.*) в период феодализма разошлись по противоположным вариантам эволюции». «В Китае главенствовали подражание древности, традиция, конфуцианская этика и застой, в Японии происходили смена старого новым, ускорение частной собственности и поступательное движение от одной стадии феодализма к другой в русле линейного варианта развития. Уже в период средневековья Япония порвала с общей эволюцией остального Востока и вышла на особый путь. Фундаментальные различия китайского и японского типов феодализма наиболее ярко дали о себе знать в период новой истории (имеется в виду период Мэйдзи — Н. Л), когда обе страны разошлись по совершенно разным путям исторического развития» 16).

Непохожесть и своеобразие в развитии Японии и позволяют говорить о эпохе Токугава как о феномене японской истории. Каждый участник всемирно-исторического процесса обладает своим собственным путем развития, который нелегко уложить в абстрактные схемы. Историческая реальность существует в многообразии. Точка зрения на эпоху Токугава как на период застоя давно пересмотрена в японской историографии.

Использованная литература

1. Tokugawa Japan. Tokyo,1990. P. 20.
2. *Лещенко Н. Ф.* Япония в эпоху Токугава. М., 2010. С. 81.
3. Токугава сёгун рэцудэн (Биографии сёгунов дома Токугава).Токио, 1975. С. 12—13.»Микадо»- древнее обозначение японского императора, «котэй»- император. Эти два термина имеют разное иероглифическое написание. При этом власть сёгуна обозначалась словом «кэнрёку» (буквально «власть силы»), а власть императора — словом «кэнъи» («авторитет»).

4. Нихон кэйдзай си (Экономическая история Японии). Ока Мицуо, Ямасаки Рюдзо хэнтё. Киото, 1983. С. 132—133.
5. *Китадзима Масамото*. Эдо дзидай (Эпоха Эдо).Токио, 1959. С. 85.
6. *Кимура Мотои*. Кинсэй-но мура (Японская деревня периода кинсэй). Токио, 1988. С. 176—177.
7. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. Пер. с фр. М., 1988. С.601.
8. Более подробно см. *Лещенко Н. Ф.* Указ. соч. Гл.4; *Карелова Л. Б.* Учение Исиды Байгана о постижении «сердца» и становление трудовой этики в Японии. М., 2007.
9. Нихон кэйдзай си (История японской экономики). Т. 1. Токио, 1988. С. 228.
10. *Лещенко Н. Ф.* Указ.соч. С. 209—223.
11. *Николаева Н. С.* Япония—Европа. Диалог в искусстве. М., 1996. С.94.
12. *Кин Д.* Японцы открывают Европу. Пер. с англ. М., 1972. С. 85.
13. *Конрад Н. И.* Избранные труды.История. М., 1974. С. 194.
14. *Олькок Р.* Столица Тайкуна: рассказ о трехлетнем пребывании в Японии сэра Ротенфорда Олькока, чрезвычайного и полномочного министра ЕЕ Величества. (Выдержки из книги). Пер. с англ. К. Лещенко. «Знакомьтесь—Япония».М., 2007, № 45. С. 53.
15. *Олькок Р.* Указ. соч. // Знакомьтесь-Япония. М., 2007, № 46. С. 56,72—73.
16. *Непомнин О. Е.* Японская и китайская модели: фундаментальные отличия. // *Непомнин О. Е., Иванов Н. А.* Типология азиатских обществ. М. С. 285—286.

Лушников О. В.
(Пермь)

Проблема геополитического, культурного и идейного наследия Монгольской империи в современной российской историографии

Рубеж нового тысячелетия отмечен «всплеском» интереса отечественных исследователей, как востоковедов, так и специалистов российской истории, к проблеме Монгольской империи. Ее роли в истории Евразии, России, да и всего мира в целом, посвящены многочисленные монографии, сборники статей, материалы научно-практических конференций и «круглых столов», статьи в научных журналах. Это обусловлено как процессами национального возрождения в Евразии, так и пересмотром взглядов господствовавших по отношению к монгольскому фактору в истории в советский период.

В советское время учеными были в основном хорошо разработаны концепция «кочевого феодализма», история монгольских завоеваний, и сформулирована точка зрения о сугубо отрицательном влиянии Монгольской империи на ход исторической эволюции не только покоренных народов, но и на судьбу самого монгольского народа, представление о Монгольской империи и ее Улусах, как о грабительском, искусственном государственном образовании, существовавшем только благодаря военной силе [12; 15; 34; 35; 55].

Однако практически неосвещенными оставались вопросы внутренней жизни империи, сложные политико-экономические и этнокультурные процессы, порожденные Монгольской державой в Евразии. Сегодня эти лакуны начинают понемногу заполняться, но, судя по всему, мы находимся еще в начале пути осмысления монгольского вклада в мировую историю.

Благодаря последним источниковедческим и археологическим открытиям, новым исследовательским подходам, в российской исторической науке представления о роли Монгольской империи в мировой и отечественной истории претерпели определенные изменения. Значительный вклад в разработку многих проблем истории Монгольской империи внесли монголоведческие центры в

Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Иркутске, Улан-Удэ, Элисте, Владивостоке, Кемерово, и др. Ведутся перспективные разработки в области политической истории (Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова, Ш. Б. Чимитдоржиев, З. З. Сажинова, В. Д. Дугаров и др.), военной истории (Ю. С. Худяков, В. Ю. Мясников, А. Н. Басхаев, Р. Храпачевский), этнической истории (Э. Д. Дагбаев, С. Ш. Чагдуров, И. С. Урбанаева, Д. М. Исхаков, И. И. Измайлов), и др. аспектам истории Монгольской империи. Объективное освещение причин генезиса и распада Монгольской империи и специфики кочевой цивилизации нашло свое освещение в работах Б. В. Базарова, С. Г. Кляшторного, Т. И. Султанова, Н. Н. Крадина, Т. Д. Скрынниковой, Е. И. Кычанова, В. В. Трепавлова, Э. С. Кульпина, А. Ш. Кадырбаева, С. А. Васютина, П. О. Рыкина, и др. Отдельное место занимают труды, посвященные исследованию влияния монгольского фактора на становление российского государства (В. В. Трепавлов, А. А. Горский, К. Б. Митупов, Ф. Ф. Мухаметов, С. М. Соколов, и др.). Общей особенностью последних лет является растущая тенденция к кооперации, объединению творческих сил монголистов, как внутри отдельных стран, так и на интернациональной основе. Этому способствуют и регулярные международные конгрессы востоковедов и монголоведов, и коллективные сборники.

Удачным примером современного подхода в российской историографии могут служить коллективные работы ИВ РАН «История Востока» в шести томах, и семитомник ИИ АН Татарстана «История татар с древнейших времен». Информативными также являются многотомные материалы форумов «Международный конгресс монголоведов», «Владимирцовские чтения», «Монголоведные исследования», «Монгольская империя и кочевой мир», «Чингисхан и судьбы народов Евразии», «Евразийский форум “Идель-Алтай”» и др. Результатом этого обмена идей во многом является определенная синхронность взглядов на роль Монгольской империи в мировой истории как представителей западной «цивилизационной» школы монголоведов (С. Эдшед, Т. Оллсен, П. Брент, Т. Холл и др.), так и современных российских исследователей. На смену доминировавшему в советский период формационному подходу сегодня пришел цивилизационный. Т. к. именно в рамках цивилизационного подхода удается объяснить сложные процессы взаимодействия кочевой и оседлой культур в истории Евразии.

Развивая идеи В.В.Бартольда, Н.Ц.Мункуева, Е.И.Кычанова, Л.А.Боровковой, Л.Н.Гумилева [3; 6; 16; 61; 57], опираясь на достижения ученых региональных научных центров Бурятии, Сибири, Поволжья, Кавказа, Средней Азии и Казахстана [53], современные исследователи, стали уделять больше внимания вопросам внутренней жизни Монгольской империи, ее экономике, культуре, градостроительству, торговле, ремеслам, этническим и социальным отношениям, вопросам религии, освещению проблем специфики развития кочевого общества. А при постановке вопросов о причинах монгольских походов, военных успехов монгольской армии, роли личности Чингисхана, и факторов формирования и распада Монгольской империи, возможных альтернатив ее развития, преемственности Монгольской империи и России, а также новых государств Евразии, представлены все современные точки зрения по этим вопросам, как отечественные, так и зарубежные. Это помогает рассмотреть и понять историю Монгольской империи как комплексное явление.

Видное место в исследованиях занимают вопросы становления Монгольской империи, роли в этом военного и политического факторов, и проблема общественно-политического характера монгольского государства.

Анализируя причины монгольских побед, сибирские ученые Д.С.Зенин и Ю.С.Худяков опровергают мифы о том, что «монгольские захватчики стояли на неизмеримо более низком уровне развития, чем противостоящие им стороны», и побеждали «исключительной свирепостью и коварством, а также огромной численностью». Д.С.Зенин доказывает, что сильны монголы были отнюдь не числом, а умелой политикой. Так, вторгаясь на территорию противника, войска Чингисхана часто были приглашаемы частью местного населения как освободители от религиозного, национального и социального гнета. Так как веротерпимость Чингисхана привлекала к нему и его силе взоры всех недовольных и притесняемых — и буддистов, и конфуцианцев, и христиан, и мусульман. И, кроме того, большую роль в сплоченности и высокой организованности в монгольской армии играл институт побратимства, в то время как противостояли, небольшому, но хорошо обученному и оснащенному войску Чингисхана, отряды, состоящие из недисциплинированных и свободолюбивых рыцарей — профессионалов [24; 25].

Ю. С. Худяков отмечает, что в монгольской армии имелись оба вида, как легковооруженные, так и панцирные всадники. Легкая конница, благодаря тактике массированного обстрела сводила к минимуму свои потери, а разгром противника довершала атака «панцирей». Особенно значительным Ю. С. Худяков считает вклад монголов в систему организации и руководства мобильными войсками. А так же существенные нововведения в крепостной войне — появление специальных технических и вспомогательных подразделений («инженерных войск»), интендантской службы. «Массовая, регулярная и профессиональная армия Чингисхана, это прогрессивный скачек, по сравнению с военным ополчением у предшествующих кочевых народов» [78].

Уральский ученый С. А. Нефедов, автор теории культурных кругов и технологических революций как фактора развития мировых цивилизаций, выделяет следующий ряд основополагающих факторов в военном деле способствовавших успеху монголов — рефлексирующий лук, элементы оборонительного вооружения (легкие панцири «хатангу дегель», тяжелые пластинчатые панцири, легкие кавалерийские щиты и др.), а также коннострелковая военная тактика и применение пороха [61, С. 215].

Калмыцкий ученый М. П. Биткеев видит главную причину возникновения Монгольской империи в изменении Чингисханом принципа родовой организации на военно-хозяйственные единицы — тысячи, поменявшем всю психологию монгольского общества. «Каждый стал осознавать себя элементом, частью новой сверхсистемы. Идея государства слилась с идеей общенародного единства» [5].

И. С. Урбанаева, напротив, считает что «Монгольское государство образовалось не в результате разложения родовых отношений, а наоборот, родовые отношения стали созидательным базисом для всей государственной жизни, поскольку они и были социально — экологической основой порядка в степи. Чингисхан не создавал в общественно- политической жизни степи чего-то принципиально нового, а опирался на государственно-политический опыт предыдущих поколений» [75, С.13]. Именно в этике родства, бывшей для монголов моделью формирования внешних связей (например, институт побратимства, отношение к чужим, как к родным), а так же

к государству, как к дому, видит И. С. Урбанаева основы Монгольской империи.

Выдающаяся представительница бурятской науки, Т. Д. Скрынникова, занимающаяся вопросами этнокультурного и религиозного характера, причины создания Монгольской империи находит в особенностях менталитета и традиционной культуры монголов. Вслед за Ц. Жамцарано и Г. В. Вернадским, Т. Д. Скрынникова отмечает большую роль ритуала в монгольском обществе, единство политической и ритуальной власти, веру в божественность монарха, носителя идеи порядка и мироустройства, а также, что харизматическая природа власти в монгольском обществе подразумевала определенные мессианские устремления в установлении божественного порядка во всем мире [69, С. 49].

Н. Н. Крадин, крупный специалист по истории кочевых империй из Владивостока, видит причины кочевых нашествий в необходимости смягчения социальных противоречий, возникавших по каким-либо причинам внутри кочевого общества. Отмечая, что в создании кочевых держав существенную роль играл фактор появления харизматического вождя, подобного Чингисхану. Он также указывает на синхронность процессов подъема и упадка соседствующих кочевых и оседлых территорий [43, С. 24].

Характер монгольского государства Н. Н. Крадин считает двойственным. По его мнению, снаружи "кочевая империя" выглядела как высокоорганизованное, иерархическое, деспотическое государство, так как она создавалась для покорения земледельческо-городских обществ и добывания с них прибавочного продукта данью или налогами, но внутри «кочевая империя» оставались основанной лишь на родоплеменных связях, без установления налогообложения и эксплуатации скотоводов [41, С. 18].

В недавней совместной работе «Империя Чингис-хана», Н. Н. Крадин и т. д. Скрынникова проводят системное исследование социальной структуры и общественной организации монгольского общества, большое внимание уделяя социально-экономическим, геополитическим и культурным предпосылкам рождения Монгольской державы. Авторы приводят несколько современных научных взглядов на уровень сложности общества средневековых монголов (государство, предгосударственное вождество, раннегосударствен-

ное образование, кочевой феодализм, цивилизация, мир-система) [46, С. 44, 53, 507].

Сочетание теорий вождества и кочевого феодализма представлено в работе Р. П. Храпачевского. Он считает, что на базе «чифдома», типичного для кочевников со времён хунну, Чингисхан создал первое центральноазиатское раннефеодальное государство [77, С. 8, 48].

С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов [36] и В. В. Трепавлов [72] рассматривая проблему исторической преемственности корней монгольской государственности в великих державах Евразии, приходят к выводу, что Монгольская империя XIII в. является государством, и возникла в результате распространения тюрко-монгольской государственной традиции, существовавшей с хуннских времён, с III в. до н.э., став вершиной в достижениях евразийских кочевников.

Если ряд авторов не считает Великую Монгольскую империю государством, оставляя ей только статус «сверхсложного вождества», то на другом историографическом полюсе находятся ученые признающие ее «суперполитией», «гипер-империей», «системой империй» [62, С. 19].

Отдельное внимание хотелось бы уделить оригинальным компаративистским работам сибирского ученого С. А. Васютина. В целом, соглашаясь с мнением Н. Н. Крадина о природе кочевых империй, С. А. Васютин считает, что нельзя пренебрегать фактором взаимозависимости между изменениями во взаимоотношениях кочевников с земледельцами и трансформацией политических и социальных институтов у номадов, что в свою очередь формирует различные подтипы и смешанные варианты кочевых империй. В частности, в рамках одного типа кочевой империи С. А. Васютин выделяет в разные промежутки различные формы политических систем. Так в отличие от тюркских каганатов, вписывающихся в разработанные кочевниковедами схемы «суперсложного вождества», С. А. Васютин определяет Монгольскую империю уже в 1210—1240-х гг. как «уникальную номадную суперполитию, максимальный взлет имперских структур кочевников» [11, С. 101].

Главную силу Монгольской империи С. А. Васютин видит в трансформации кочевых политических традиций самим Чингисханом: 1) привлечение талантливых военачальников и администраторов из покоренных народов, а не только из кочевой знати; 2) тран-

сформация этно-племенной структуры кочевого мира, культурный симбиоз тюрок и монголов; 3) объединение мир-империи и кочевой периферии в единую политическую структуру (замена дани на прямое налогообложение в земледельческих районах); 4) постепенное превращение монгольской империи в мир-систему (специализация регионов, многосторонние торговые внутренние и внешние связи, транспортировка товаров по всей Евразии, параллельное развитие торговых и административных структур (крупные торговые центры при военно-административных ставках империи), объединение практически всех кочевников Евразии и большинства земледельческих центров Азии и Восточной Европы, в результате чего накопленный разными цивилизациями технологический и интеллектуальный потенциал смог стать достоянием первой евразийской мир-системы [11, С. 103—105]. По мнению С. А. Васютина, в лице монгольской суперполитии объединились кочевая империя, государство и мир-система.

Характерна работа бурятского ученого Э. Д. Дагбаева «Монгольское государство как особый тип империи». Согласно ему, имперская система представляет такой тип политической системы, которая охватывает большие территории и этнически неоднородные группы, выступающие в качестве политической организации, — способа разрешения конфликтов культурно мотивированных политических ориентаций. Монгольская империя представляет собой тот случай политической организации, когда автономизация политического центра выражена достаточно слабо, а территориальные сегменты имели свой политический центр [17, С. 514]. «Улусные элиты создавали автономные религиозные центры, обособленные от центра, вводили новые системы символов, построенные на этнокультурной однородности периферий. В итоге политическая борьба определялась сосуществованием и противостоянием “больших” традиций, идущих от центра, и “малых”, носителями которых выступали локальные сообщества» [17, С. 520].

Старший научный сотрудник ИВИ РАН А. А. Немировский также считает, что Монгольская империя была не монолитом, а конгломератом монархий разного уровня. «Между частями империи с 1260-х гг. часто шли междоусобные войны. Однако, всеимперское единство, хотя бы и в весьма аморфном виде, было способно восстанавливаться после любых усобиц и имело вполне реальную силу

на всей очерченной выше территории еще спустя век с лишним после воцарения Чингисхана» [60, С. 20].

Маститый санкт-петербургский востоковед Е. И. Кычанов, по сути, предлагает компромиссный вариант, рассматривая Еке Монгол Улус как гипер-державу, преобразовавшуюся из унитарного государства в третьей трети XIII в. в систему империй, находящихся в динамическом взаимодействии, предполагающем и периодические внутренние конфликты, но, тем не менее, объединенных общей династией чингизидов. Формальная зависимость улусов от Великого хана сохранялась до падения Юань. Улусные ханы входили в иерархию властной элиты Юань и получали определенное денежное содержание, периодически отправляли императору Юань подарки в виде символической дани [52, С. 157].

Глубоко исследовав специфику кочевых держав Евразии, большинство специалистов пришли к выводу, что Великая Монгольская империя, несмотря на ряд схожих черт с государствами хунну и тюрок, обладает уникальными характеристиками, что и позволило ей стать поворотным моментом в евразийской и мировой истории.

Важным моментом в современной востоковедной историографии является также проблема вклада Великой Монгольской империи в мировую историю и ее наследия. Прежде всего, это касается культурно-исторических процессов активизированных в эпоху Монгольской империи, активного участия кочевников в создании общих евразийских культурных ценностей, социальных институтов, освоении новых земель, их влияния на темпы и направление развития многих народов и государств, участия в возникновении международных коммуникаций и ретрансляции созданной в культурных центрах информации.

Глубоко исследуя кочевые империи, сибирский ученый Г. Г. Пиков приходит к выводу, что эпоха Монгольской империи сыграла ключевую роль в складывании нового миропорядка, создании новой геополитической конструкции Евразии. «Этот особо ощутимый вклад кочевников практически до сих пор оценивается исключительно негативно, как разрушительный. Между тем, передвижения кочевников являются всего лишь частью огромного евразийского, фактически “второго великого переселения народов”. Для этой первой фазы характерны традиционные методы решения назревших проблем (внешняя экспансия, переселения). Необходимо было сня-

тие прежней структуры общества, которая уже изживала себя сама. Об этом свидетельствует широкое распространение по всей Евразии городов, становящихся не только политическими или военными центрами, но и центрами ремесла и торговли... Передвижения кочевников оказались наиболее эффективным средством окончательного снятия остатков родоплеменной арматуры. В итоге складывается новая, дошедшая до нас, этническая карта Евразии... Появилась и новая культурная карта. Кочевники во всех этих процессах играли не просто роль "дворников", но и участвовали в этническом, политическом и культурном структурировании пространства» [64, С. 10].

А. А. Немировский, сравнивает создание «Еке Монгол улус» с «мировой революцией», попыткой коренного переустройства мира, устранения вражды и междоусобиц, установления существенной гармонизации межчеловеческих отношений по всему миру через механизм тотальной власти, основанный на законах Ясы [60, С. 6].

Н. Н. Крадин и т. д. Скрынникова также приходят к выводу, что Великая Монгольская империя способствовала началу широкомасштабных миграционных процессов, новых культурных контактов и взаимовлияний культур различных регионов Европы и Азии (в том числе распространение и взаимопроникновение различных религий — ислама в Средней Азии и Великой Степи, христианства и буддизма в Иране), зарождению новых вкусов и моды, дизайна, живописи и декоративного искусства [46, С. 482—483]. «Монголы замкнули цепь международной торговли в единый комплекс сухопутных и морских путей. Впервые все крупные региональные ядра (Западная и Восточная Европа, Исламский мир, Индия, Китай) оказались объединенными в первую глобальную мир-систему» [44, С. 21].

Многие современные исследователи приходят к выводу, что Великая Монгольская империя держалась не только на военной силе. Существовал и естественный экономический базис, связанный с исторически необходимым взаимообменом продуктами труда кочевого скотоводческого и оседлого земледельческого хозяйств, а также необходимостью создания благоприятных условий для трансконтинентальной торговли.

Монгольская империя уничтожила внутренние границы на значительной территории Евразии, обеспечила безопасность на дорогах, а также всемерно способствовала развитию караванной торгов-

ли между Поволжьем, Средней Азией, Китаем, Кавказом, Ираном, Восточной и Западной Европой [44, С. 472]. Такая имперская политика, географические условия и исторически сложившаяся специализация регионов неизбежно стимулировали развитие внутреннего рынка, рост товарообмена, расцвет ремесленного производства, развитие городов. Как отмечают исследователи, товарооборот достиг во второй половине XIII и XIV веках доселе невиданной интенсивности [76].

Археологические исследования последних лет свидетельствуют, что с середины XIII в. происходит оживление экономической жизни на территории империи. Идет возрождение городов, восстанавливаются экономические связи в регионах, происходит выход на международную торговлю. Систематизация археологического материала позволила опровергнуть ряд исторических штампов о «паразитическом» характере монгольского государства, неразвитости его городской цивилизации и вторичности его материальной и духовной культуры.

Экономические и политические причины, необходимость управлять огромной территорией со сложным этническим социальным составом и разным экономическим уровнем развития, породили возникновение сети городов по всей территории империи, включая степные регионы, где их раньше не было. Как отмечает В. Л. Егоров, «империя требовала создания стационарных центров для управленческого аппарата, а концентрация высшего чиновничества и аристократии привлекала купечество, формируя постоянные базары и ярмарки, что заметно увеличивало население городов. Города были проводниками политики центральной власти. Более того, существование городов было немыслимо без крепкой власти, ее ослабление стало главной причиной их упадка» [22, С. 56].

И, как свидетельствует С. В. Данилов, монгольские имперские города везде демонстрируют поразительную общность архитектурных стилей, повсеместную унификацию строительного материала [19].

Казанские ученые Д. М. Исхаков и И. И. Измайлов выделяют три фактора способствовавших развитию городов империи: 1) создание сети бесперебойных коммуникаций от Крыма до Ханбалыка, ямской службы, связывавшей важнейшие города и порты, караван-сараи; 2) создание стабильной финансовой системы, использование государственных векселей, участие государства в финансовой под-

держке купеческих корпораций; 3)административно-политическая функция городов, притягивающая знать и ремесла [30].

Несмотря на наличие монгольских имперских городов во всех частях державы Чингизидов, наиболее изученным в археологическом плане на сегодняшний день является западный регион империи — территория Улуса Джучи. Особенно богаты археологическими памятниками зоны сплошной оседлости — Поволжье, Крым, Приаралье, юг и восток Казахстана, Приднепровье, Приднестровье, предгорья Северного Кавказа. Здесь открыты и изучены городища (более 100), селища, некрополи, клады [27].

Исследователи отмечают такие особенности городов Золотой Орды как монументальность и размах архитектуры, высокохудожественные украшения (глазурованная плитка, изразцы, мозаика на многочисленных дворцах с бассейнами и фонтанами, мечетях, минаретах, медрессе, караван-сараях, мавзолеях, банях), быстрота возведения, отсутствие оборонительных стен, четкая планировка, наличие отопления, водопровода, канализации, общественных туалетов, и огромное, по средневековым меркам, население (число жителей городов Золотой Орды было больше, чем в крупных городах Европы того времени). Кроме того, города Золотой Орды были не только торговыми и административными, но и крупными производственными центрами. В них существовали целые кварталы-заводы, где многочисленные ремесленники занимались производством металла, керамики, стекла, ювелирных изделий [21].

В результате тесного союза степи и городов, бурного развития и ремесла, и караванной торговли образовался специфический экономический потенциал, длительное время способствовавший сохранению Pax Mongolica. Оба компонента — кочевая степь и оседлые зоны — дополняли и взаимно поддерживали друг друга, обеспечивая государству важные для его существования условия. Этому способствовали религиозный плюрализм, толерантность, наднациональная и надрелигиозная политика властей. В империи духовенство всех религий, равно как и церковное имущество были освобождены от налогов. Политика веротерпимости сохранялась даже при переходе ханов буддизм в Китае, или в ислам в Иране, Средней Азии и Золотой Орде. Современные исследователи приводят факты мирного сосуществования в империи ислама, христианства разных конфессий, буддизма, конфуцианства и тенгрианства [71, С. 67].

Независимо от национальности и вероисповедания можно было сделать карьеру в монгольской армии или в имперской администрации [31, С. 7; 46, С. 467].

Вклад Монгольской империи в этнокультурные процессы в Евразии это не только торговля, но и межкультурный обмен, синтез кочевой и оседлой цивилизаций, трансляция технологий, и интеллектуальное взаимодействие народов Евразии. В многонациональной империи материальная и духовная культура развивалась как результат синтеза многочисленных частей, привнесенных разными народами Начальный синкретизм перешел в органическое переплетение и соединение самых разнообразных духовных и материальных черт культуры многочисленных народов империи.

Наиболее ярко эти процессы можно было наблюдать в городах. Имперские столицы и крупные торговые центры, (Каракорум, Шанду, Ханбалык, Тебриз, Алмалык, Самарканд, Бухара, Ургенч, Багдад, Марага, Сарай, Булгар и др.), стали местом переплетения культур, языков, нравов, обычаев, архитектурных решений и стилей, сосредоточием ремесла, изящных искусств, храмов, академий, обсерваторий, мавзолеев, шедевров архитектуры [37].

В городах монгольского мира процветали науки — медицина, история, математика, астрология. Причем, при юаньском дворе трудились мусульманские врачи и астрономы из Ирана, а китайские специалисты передавали свой опыт на Ближнем Востоке [33, С. 19]. Развивались история, литература, в том числе и за счет переводов на монгольский язык художественных, исторических, философских, юридических и теологических произведений с китайского, тибетского, персидского, санскрита и других языков [37, С. 271; 18, С. 158].

Важными элементами монгольской имперской культуры можно также назвать персидскую миниатюру и юаньскую живопись (Ни Цзань, У Чжэнь, Хуан Гун-ван, Чжао Мэн-фу), иранскую (Амир Хосров, Джалаладдин Руми, Муслех-ад-дин Саади) и золотоордынскую (Кутб, Хорезми, Хисам Кятиб, Махмуд бин Али, Сайфи Сараи) поэзию, ряд социально престижных изделий (пайцзы, одежда знати, поясная гарнитура, оружие, конская сбруя, аксессуары, стиль мужской и женской прически) [8; 33, С. 27; 47; 48; 49].

По мнению большинства современных исследователей в Великой Монгольской империи создавались существенные предпосыл-

ки для интеграции культур народов Евразии. Пышный имперский стиль впитал в себя традиции культур всех имперских народов, все богатство степных кочевых (монгольских, кипчакских, кимакских и др.), мусульманских (булгарских, хорезмских, иранских), центрально-азиатских и дальневосточных элементов материальной и художественной культуры. И, как отмечают Д. Д. Васильев, М. В. Горелик и С. Г. Кляшторный, раскрывая вклад народов в строительство общеевразийского дома: «Общеимперская культура складывалась в результате творческой активности практически всех народов, входивших в чингизидский культурный круг, расцвечивающих основу, принесенную завоевателями» [9, С. 42].

Еще одной важной проблемой рассматриваемой в современной российской историографии является фактор влияния Монгольской империи на формирование и развитие Российского государства.

Благодаря новым исследованиям археологов и источниковедов, были по-новому осмыслены вопросы «монгольского ига» и преемственности Монгольской и Российской империй [10; 14; 23; 32; 36; 38; 63; 74]. Применение методов математического анализа летописных свидетельств, позволило переосмыслить мнение о «тотальной разрухе русских княжеств и непрерывных набегах татар». Было доказано что монгольские набеги 1237—1480 гг. при кажущейся их плотности не охватывали всю территорию Руси ни географически ни хронологически [54, С. 7]. Многие города или совсем не разорялись, или менее двух раз за 243 года ига [1, С. 554]. Археологические данные свидетельствуют о достаточно быстром востановлении городов подвергшихся штурму, о продолжении функционирования ремесел [80, С. 14]. Таким образом, не отрицая вреда хозяйству страны, причиненного военными столкновениями сторон, не стоит его преувеличивать.

Кроме того, современные исследователи указывают на большую роль мирных, торговых и культурных взаимодействий народов в Золотой Орде. Согласно исследованиям М. Г. Крамаровского и С. А. Нефедова, ордынское влияние в Москве проявилось в моде на одежду, в художественном стиле, орнаментике предметов искусства, в военном деле, вооружении, в предметах обихода, в ремесле (технологии в производстве керамики и плавке чугуна (котлы, сошники для плугов, втулки для колес), печатном деле, усовершенствованнии пахотных орудий) [48; 61].

Филолог Р. Р. Бухараев указывает на значительное монголо-татарское влияние на русский язык, где пятая часть словарного запаса тюркского происхождения [8, С. 31].

Историки церкви отмечают вклад политики ханов Золотой Орды в рост экономического благосостояния церкви, что в свою очередь способствовало расцвету русской православной культуры (создание по заказу церкви шедевров живописи, архитектуры, литературы, церковной музыки и других важнейших элементов русской культуры) [7, С. 82].

Правовед Р. Ю. Почекаев проведя глубокие исследования в области государства и права Улуса Джучи и Московского государства пришел к выводу что «из Орды русские государи позаимствовали элементы системы центральных органов исполнительной власти, принципы ее формирования, структуры, функций» [66].

Наиболее системно ордынское тюрко-монгольское влияние на Россию рассмотрено в работах главного научного сотрудника Института российской истории РАН В. В. Трепавлова. Развивая идеи Г. В. Вернадского, он выводит 4 уровня влияния:

А) В *политике*, в следующих формах: 1) Административной — система управления монарха, без посредничества сословно-представительных органов или церкви, строгая иерархия подчинения Великому князю, принципы территориального деления; а также широкое использование в XVI —XVII веках института соправительства, где в качестве соправителей были потомки чингизидов на русской службе (Иван Федорович Мстиславский, Петр Ибрагимович, Михаил Кайбулович, Симеон Бекбулатович, Борис Годунов); 2) Военной — организация армии, тактическое искусство; 3) Идеологической — статус «Белого царя» правопреемника Золотой Орды.

Б) В *экономике*: организация податной системы с использованием заимствованных форм. В *социальной сфере*: генезис особых сословий и особые формы их управления («служилые татары», казаки и «ясачные народы»).

В) В *менталитете*: формирование комплиментарных отношений к различным этносам и культурам, а так же отношение к верховной власти («Царь-батюшка») [73, С. 50].

Большинство современных исследователей (А. А. Горский, Д. М. Котышев, И. И. Измайлов и др.) приходят к выводам о системообразующем значении монгольского периода в процессе форми-

рования московской государственности. А ведущий научный сотрудник Института Востоковедения РАН А. Ш. Кадырбаев отмечает также влияние монгольского имперского наследия на обретение большей политической устойчивости и среди всех государств на постмонгольском пространстве, культурном сближении тюркских, славянских, монгольских, финно-угорских, иранских, кавказских и других народов Евразии.

В свете вызовов современности народам Евразии, представляется особенно актуальным для отечественного востоковедения исследование интеграционных процессов в истории континента, и роли в этом великих евразийских держав прошлого. Также, в связи с происходящими сегодня процессами национального возрождения народов Евразии, требуется объективный анализ и корректное обращение с наследием этно-культурного и политико-экономического взаимодействия народов Евразии, выявление в нем актуальных аспектов работающих на интеграцию в условиях третьего тысячелетия. И исторический опыт системы управления и государственности Монгольской империи, анализ ее культурной и экономической политики, дают богатый материал в области механизмов интеграции евразийской цивилизационной общности (этническая и конфессиональная толерантность, этнокультурная автономия, сочетание принципов властной вертикали и федерализма, экономическое взаимодействие в транс-евразийском масштабе).

Оценивая современный этап изучения Великой Монгольской империи в российской историографии, можно отметить, что благодаря новым научным открытиям, и пересмотру идеологических мифов, произошли определенные изменения по сравнению с советским периодом. Стало уделяться больше внимания вопросам внутренней жизни империи, ее экономике, культуре, этническим и социальным отношениям, вопросам религии, освещению проблем специфики развития кочевого общества, преемственности Монгольской империи и России, а также новых государств Евразии, возобладал комплексный подход в изучении Монгольской империи и оценка ее эпохи как важной вехи в мировой истории.

Литература

1. *Астайкин А. А.* Опыт сопоставительного исследования // Арабески истории. Т. 3. М., 1996. С. 545—554.
2. *Базаров Б. В.* Кочевая цивилизация Центральной Азии: общественный потенциал истории // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Бурят. науч. центр СО РАН, 2005. Т. 2. С. 254—263.
3. *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 1—9. М. 1963—1973.
4. *Басхаев А. Н.* Монгольская армия XII—XIII в. // Монголоведение. №1. Элиста: Джангар, 2002. С. 145—156.
5. *Биткеев М. П.* Философские проблемы формирования феодального государства как формы общенародного единства у монголов // Международный конгресс монголоведов (VI).Улан-Батор, 1992. С. 17—19.
6. *Боровкова Л. А.* Влияние господства монголов на развитие китайского общества XIII—XIVвв. // Международный конгресс монголоведов (IV). Улан-Батор, 1982.
7. *Булгаков Макарий*, митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Т. 5. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995.
8. *Бухараев Р. Р.* Поэзия Золотой Орды. М.: Классик, 2005.
9. *Васильев Д. Д., Горелик М. В., Кляшторный С. Г.* Формирование имперских культур в государствах созданных кочевниками Евразии // Из Истории Золотой Орды. Казань, 1993. С. 33—44.
10. *Варваровский Ю. Е.* Распад Улуса Джучи. Казань, 1994.
11. *Васютин С. А.* Кочевая империя, государство и мир-система: Монгольская империя и Первый Тюркский каганат в сравнительно-историческом ракурсе // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Т. 2. Улан-Удэ: БГУ, 2007. С. 97—110.
12. *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. М. — Л., 1934.
13. *Говоров Ю. Л.* Распад Монгольской империи // История стран Азии и Африки в средние века. Основы лекционного курса. Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 2007.
14. *Горский А. А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2003.
15. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда. М. — Л. 1937.
16. *Гумилёв Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

17. *Дагбаев Э. Д.* Монгольское государство как особый тип империи // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Т. 1. Улан-Удэ: БГУ, 2002. С. 510—520.
18. *Далай Ч.* Монголия в XIII—XIV вв. М.: Наука, 1983.
19. *Данилов С. В.* К вопросу о появлении городов в Монголии в эпоху империи (XIII—XIV вв.) // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Т. 1. Улан-Удэ: БГУ, 2002. С. 77—84.
20. *Дугаров В. Д. Голых А. В.* Курс лекций по истории Монголии. Улан-Удэ: БГУ. 2009.
21. *Егоров В. Л.* Основные направления развития культуры Золотой Орды // Владимирцовские чтения (III). Спб. 1995. С. 12—24.
22. *Егоров В. Л.* Сарай, Сарайчик, Бахчисарай // Родина. 1997. №3—4. С. 52—60.
23. *Егоров В. Л.* Александр Невский и чингизиды // Отечественная история. 1997. №2. С.48—57.
24. *Зенин Д. С.* Реабилитация чингисханова воинства // Азия и Африка сегодня. 1994. № 5. С. 35—37;
25. *Зенин Д. С.* Секрет Чингисхана // Россияне. 1995. № 1. С. 132—135.
26. *Измайлов И. И.* Улус Джучи взгляд на средневековую империю // Татарстан. 1993. №7. С. 12—24.
27. *Измайлов И. И.* Вещественные источники // История татар с древнейших времен: в 7 т. Казань: Издательство АН Татарстана. Т. 3. Казань: ИИ АНТ, 2010. С. 58—65.
28. История Востока. Т. 2: Средние века. М.: ИВ РАН, 2009.
29. История татар с древнейших времен: в 7 т. Казань: Издательство АН Татарстана Т.1—3. 2006—2010.
30. *Исхаков Д. М. Измайлов И. Л.* Этнополитическая история татар. Казань: Издательство АН Татарстана, 2007. С. 108—110.
31. *Кадырбаев А. Ш.* Тюрки и иранцы в империи Юань. Алматы, 1994.
32. *Кадырбаев А. Ш.* Золотая Орда как предтеча Российской Империи [Электрон. ресурс] // http://www.ca-c.org/datarus/kadirbaev.shtml
33. *Кадырбаев А. Ш.* Хубилай-хан — завоеватель или объединитель Китая? // Общество и государство в Китае. Труды 39 международной научной конференции. М.: ИВ РАН, 2009. С. 15—31.
34. *Капица М. С.* Еще раз о роли Чингисхана в истории // Вопросы истории. 1988. № 7. С. 34—46.
35. *Каргалов В. В.* Монголо-татарское нашествие на Русь XIII в. М., 1966.

36. *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. Спб: ИВ РАН, 2004.
37. *Коновалова И. Г.* Монгольская империя и ее наследники // Средневековый Восток. М: Астрель, 2008. С. 242—305.
38. *Котышев Д. М.* Ордынское иго как фактор политического развития русского государства XIV—XVI вв. // Проблемы социально-политической и этнической истории России. Челябинск, 1995. С. 12—24.
39. *Крадин Н. Н.* Кочевые общества. Владивосток: Дальнаука., 1992.
40. *Крадин Н. Н.* Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. Вып. 3. М., 1995. 164—179.
41. *Крадин Н. Н.* Номады // Родина. 1997. № 3—4.
42. *Крадин Н. Н.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / Под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 317—320.
43. *Крадин Н. Н.* Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток. 2001. № 5. С. 21—32.
44. *Крадин Н. Н.* Кочевничество и теория цивилизаций // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. С.14—23.
45. *Крадин Н. Н.* Чингисхан и создание Монгольской кочевой империи // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Т. 2. Улан-Удэ: БГУ, 2007. С. 19—31.
46. *Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, РАН, 2006.
47. *Крамаровский М. Г.* Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII — первой половины XIII вв. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556. Казань, 2001. С. 43—81.
48. *Крамаровский М. Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. Спб., 2001.
49. *Крамаровский М. Г.* Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры // Тюркологический сборник. М.:ИВ РАН, 2002. С. 212—225.
50. *Кульпин Э. С., Пантин В. И.* Генетические коды цивилизаций. М., 1995.
51. *Кычанов Е. И.* Некоторые суждения о судьбах тангутов // Краткие сообщения ИНАА. Вып. 76. М., 1965. С. 155—164.

52. *Кычанов Е. И.* История династии Юань о золотой Орде // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 19. Спб., 2000. С. 155—160.
53. *Лушников О. В.* Монгольская империя в историографии XVIII—XX вв. Казань: Издательство АН Татарстана, 2009.
54. *Макаров Н. А.* Русь в XIII в.: характер культурных изменений // Русь в XIII в.: древности темного времени. М., 2003. С. 7—13.
55. *Мерперт Н. Я., Пашуто В. Т., Черепин Л. В.* Чингисхан и его наследие // История СССР. 1962. № 5. С. 3—24.
56. *Митупов К. Б.* Империя Чингисхана и современные проблемы истории России // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Т. 1. Улан-Удэ: БГУ, 2002. С. 15—23.
57. *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965.
58. *Мухаметов Ф. Ф.* Отечественная историография монгольского завоевания Руси. Автореферат дисс... доктора ист. наук. М., 2007.
59. *Мясников В. Ю.* Военное дело монголов XIII в. в отечественной исторической литературе // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Т. 1. Улан-Удэ: БГУ, 2002. С. 144—148.
60. *Немировский А. А.* Портрет Монгольской империи [Электрон. ресурс] // http://www.wirade.ru/history/ history_portret_mongol.html.
61. *Нефедов С. А.* Теория культурных кругов (на основе анализа монгольских завоеваний) // Уральский исторический вестник № 5—6. 2000. С. 189—220.
62. *Никитин Н. А.* Идейные основы государственности имперских центров // Улусная система Монгольской империи в памятниках письменности имперских центров чингизидских ханств и Древней Руси. Автореферат дисс....канд. ист. наук. М., 2006.
63. *Пащенко В. Я.* Монгольский фактор в истории России // Евразийская идея сегодня. М.: РУДН, 2001. С. 34—42.
64. *Пиков Г. Г.* О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи» // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Новосибирск, 2009. Том 9. Вып. 1: История. С. 4—10.
65. *Почекаев Р. Ю.* Правовое положение Улуса Джучи в Монгольской империи 1224—1269 гг. [Электрон. ресурс] // http://www.kyrgyz.ru/?page=36
66. *Почекаев Р. Ю.* Ордынские корни российских органов исполнительной власти // Проблемы истории государственного управления: госу-

дарственный аппарат и реформы в России (к 200-летию министерской системы управления в России). Материалы международной научной конференции. 24—25 октября 2002 г. Санкт-Петербург. Часть 1. СПб.: Нестор, 2004. С. 13—16.

67. *Рыкин П. О.* Монгольская средневековая концепция общества. Автореферат дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2004.
68. *Сажинова З. З.* Монгольская дипломатия в эпоху империи // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Т. 1. Улан-Удэ: БГУ, 2002. С. 152—156.
69. *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М., 1997.
70. *Соколов С. М.* Свет с Севера. Евразийская оценка Чингисхана // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Т. 1. Улан-Удэ: БГУ. 2002. С. 161—167.
71. *Сочнев Ю. В.* Характеристика общих принципов религиозной политики монгольских властителей в XIII—XIV вв. // Мининские чтения. Н.-Н., 2003. С. 59—68.
72. *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993.
73. *Трепавлов В. В.* Россия и кочевая степь: проблемы восточных заимствований в российской государственности // Восток. 1994. №2. С. 40—52.
74. *Тузмухамедов Р. А.* Международно-правовые и международные аспекты возникновения и распада Золотой Орды // Московский журнал международного права. 1995. №1. С. 12—23.
75. *Урбанаева И. С.* Монгольский мир: человеческое лицо истории. Улан-Удэ, 1992.
76. Фурсов А. Срединность Срединной Азии: долгосрочный взгляд на место Центральной Азии в макрорегиональной системе Старого Света // Русский исторический журнал. Т. 1, № 4, осень 1998. С. 14—35.
77. *Храпачевский Р. П.* Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, 2005.
78. *Худяков Ю. С.* Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1997.
79. *Чагдуров С. Ш.* «Золотой век» в истории человечества // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Т. 1. Улан-Удэ: БГУ, 2002. С. 35—44.
80. *Чернецов А. В.* К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа // Русь в XIII в.: древности темного времени. М., 2003. С. 14—21.
81. *Чимитдоржиев Ш. Б.* Чингисхан и его эпоха в монголоведной литературе // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Т. 1. Улан-Удэ: БГУ, 2002. С. 115—123.

Мишкинене Г.
(Вильнюсский университет
Филологический факультет
Центр по изучению турецкого языка)

Востоковедение в Вильнюсском университете

Восток давно стал центром притяжения для западного мира. Внимание европейцев привлекали и привлекают не только восточные страны, их обычаи и нравы, но в основном восточная философия, в которой сконцентрирована сильнейшая духовная сила. В нашей статье остановимся конкретно на формировании и развитии востоковедческих студий в Вильнюсском университете. Востоковедение в Литве никогда не было целенаправленным объектом исследования. Можно назвать всего несколько статей, посвященных данной проблематике[1]. С другой стороны есть немало работ как в России, так и в Польше, в которых было уделено внимание тем же самым персоналиям и их трудам (особенно в XIX в.), однако все рассматривалось в ином государственном и национальном контекстах. В нескольких штрихах описав состояние востоковедения в XVI—XVIII вв., более подробно остановимся на развитии востоковедения в Литве в XIX—XX вв.

Зарождение востоковедения

Один из старейших университетов в Восточной Европе — Вильнюсский университет — был открыт в 1579 г. В Вильнюсской академии[2] (1579—1773) заинтересованность восточными языками

---

[1] Valdas Mikalauskas. 'Lietuvos arabistika XIX—XX a.' *Acta Orientalia Vilnensia* 1, Vilniaus universiteto leidykla, 2000, s. 224—247; Galina Miškinienė. 'The Development of Turkish Studies at Vilnius University', *Acta Orientalia Vilnensia*, Vilniaus universiteto leidykla, 2010 (в печати).

[2] На протяжении веков название университета претерпевало изменения: Академия и университет виленского Общества Иисуса (1579—1773), Главная школа Великого княжества Литовского (1773—1803), Императорский Виленский университет (1803—1832), Университет Стефана Батория (1919—1939), Вильнюсский государственный университет (1944—1955),

имела свою давнюю традицию и, как обычно, востоковедение было тесно связано с потребностями экзегезы Библии или классической филологии.

С другой стороны инфильтрация восточных элементов была облегчена тем, что с XIV века на территории Великого княжества Литовского проживали две этнические группы тюркского происхождения: татары и караимы, а на территории Польского Королевства и «армяне, говорящие по-кыпчацки»[3]. Именно эти этнические группы стали теми естественными проводниками восточной культуры на этих территориях. Ни караимы, ни татары на протяжении веков никогда не утратили связи со своими соотечественниками на Востоке. Сохранилось немало информации о путешествиях караимов в Крым и Святую землю — Иерусалим, а татар в Стамбул и Мекку. Благодаря знанию турецкого языка представители этих этнических групп сослужили добрую службу их принявшему государству[4]. Литовских татар можно часто встретить на службе в канцелярии в качестве переводчиков, а так же послами при посольствах в Османской империи и Крымском ханстве. Среди татар-переводчиков следует упомянуть следующих: Тимурчин из рода Юшенских (1475), Хамза из рода Харабурдов (1480), Лехуш из рода Хазбиевичей (1506), Соболь (1571). В 1492, 1501 г. послом от короля Александра к крымскому хану назначен татарин Байраш, в 1668 г. при посольстве в Стамбуле работает татарин Ибрагим, а в 1716 г. король Август II посылает татарского ротмистра Степана Сулькевича к крымскому хану Каплан-Гирею.

Начиная с XIV века контакты Речи Посполитой с Османской империей и Крымским ханством, имеют пропорционально прогрессивный характер. В свою очередь эти многовековые контакты становятся важным стимулом для повышенного интереса к культуре и языкам тюркских народов. С XVII века появляется богатая польская литература, посвященная тюркской проблематике (изда-

---

Вильнюсский государственный университет им. Винцаса Капсукаса (1955—1989), Вильнюсский университет (1990—). В тезисах пользуемся названием Вильнюсский университет во всех случаях.

[3] Ananiasz Zajączkowski. «Orientalistyka polska a Bliski Wschód», *Szkice z dziejów polskiej orientalistyki*. Red. Jan Reychman. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1966, s. 31.

[4] Там же. С. 32.

ются словари, грамматики, описания посольских миссий, подорожные записи, дневники и т. д.)[5].

Много информации об арабских странах (Египте, Палестине, Сирии) находим в воспоминаниях и дневниках пилигримов-христиан. Одним из лучших описаний той поры считается «Путешествие в Иерусалим» Николая Радзивилла Сиротки (1549—1616). Впервые книга на латинском языке *Hierosolymitana illustrissimi domini Nikolai Christophori Radzivili... Ex idiomato Polonio in latinam linguam translata* была издана в 1601 г. в Враунсберге. Книга выдержала не менее 19 изданий на польском, немецком, латинском, русском языках. В своем дневнике путешествия много места уделил не только описанию увиденных мест, но также обычаев и нравов местных жителей.

Существовала возможность обучения языку и у местных мусульман. Например, Вацлав Жевуский (1785—1831) начал обучаться арабскому языку у некоего мусульманского имама, который был мигрантом из Турции и проживал в Казавчине недалеко от родного имения В. Жевуского — Саврани.

Таким образом, XVI—XVIII вв. стали подготовительным этапом для систематических студий над восточными языками и культурой.

Востоковедение в XIX веке

Рост заинтересованности Востоком в начале XIX века во всей Европе связан с возросшим значением Востока в мировой политике и экономике. С развитием торговых и политических отношений с Востоком все больше требуется переводчиков и знатоков этого региона. Потребность в создании востоковедческих центров чувствует и Россия, в которой одна за другой открываются кафедры восточных языков в Харьковском (1805), Казанском (1807), Московском (1811) университетах, в Высшей педагогической школе в Петербурге (1818). В России особенно после 1815 г. сильно было влияние идей иллюминатов, которые способствовали росту исследований, связанных с Библией. Александр I и его окружение проводили время за чтением Библии, император жертвовал на переводы Библии значительные суммы, самолично рассматривал проекты поддержки

[5] Halil Yakar. «Türk Dili Araştırmalarında Polonya Türkoloji'sinin Yeri», *Kazakistan ve Türkiye'nin ortak kültürel değerleri uluslar arası sempozyumu* 21—23 Mayıs 2007. Bildiriler. Almatı, 2007, s. 178.

связей с Палестиной, а кроме того активно поддерживал Библейское общество, влияние которого охватило и Вильно[6].

Начало польского востоковедения также связано с научной средой Вильнюсского университета. Вильнюсский университет, который просуществовал неполных тридцать лет (1803—1832), очень быстро занял ведущее место среди учебных заведений того времени. Некоторые его сравнивали с такими признанными университетами, как Оксфордский или Гетингенский[7]. В 1809 г. впервые поднят вопрос о преподавании восточных языков не на факультете теологии, а на факультете литературном с изящными искусствами. Большое значение для развития востоковедения имела деятельность таких такие преподавателей, как историк Иоахим Лелевель (1786—1861) и филолог Готфрид Эрнст Гроддек (1786—1825). Оба ученых знали арабский язык.

Проекты организации при Вильнюсском университете отдельного Института восточных языков с преподаванием арабского, турецкого, персидского, монгольского и армянского не могли быть реализованы сразу, так как не хватало соответствующих кадров. В 1810 г. в Вильнюсском университете создается кафедра Восточных языков, руководить ею назначен Юлий Генрик Клапрот (Klaproth, 1783—1835). Клапрот неожиданно уезжает и вновь созданная кафедра остается без специалиста, который мог бы ее возглавить. Чтобы таких специалистов вырастить, было принято решение посылать лучших студентов за границу. В 1817 г. был послан Михаил Бобровский (1784—1848), который после пяти лет проведенных в Венском и Парижском университетах, вернувшись в 1822 г. в Вильнюсский университет, предлагает студентам курс арабского языка. Спустя два года после М. Бобровского в 1819 г. за границу был послан Осип Сенковский (1800—1858). Будучи в университете он под влиянием И. Лелевеля и Г. Э. Гроддека проникся интересом к Востоку.

Отделение по изучению восточных языков планировалось открыть в начале XIX века. В 1822 г. Казимирас Контримас подготовил

---

[6] Jan Reychman. 'Zainteresowania orientalistyczne w środowisku Mickiewiczowskim w Wilnie i Petersburgu', *Szkice z dziejów polskiej orientalistyki*. Red. Stefan Strelcyn. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1957, s. 71.

[7] Ananiasz Zajączkowski. 'Orientalistyka polska a Bliski Wschód', *Szkice z dziejów polskiej orientalistyki*. Red. Jan Reychman. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1966, s. 41.

проект создания института Восточных языков. Это был бы первый центр по изучению восточных языков в Восточной Европе, будь проект подтвержден. В 1822 г. в университете на отделении искусств начато преподавание арабского языка. В планах был и турецкий язык. Однако планам не суждено было осуществиться, университет вскоре был закрыт (1832). Некоторые выпускники университета стали известнейшими и ведущими специалистами по восточным языкам. Так, например, Осип Сенковский был заведующим кафедрой арабского и турецкого языков в С.-Петербургском университете.

Список выдающихся востоковедов, бывших выпускников Вильнюсского университета и возглавивших востоковедческие центры в С.-Петербурге, Казани, Кракове, следует пополнить такими именами как Ян Верниковский, Осип Ковалевский, Антон Мухлинский, Александр Ходзько, Людвиг Шпитзнагель и другие. Научная и культурная деятельность каждого из упомянутых ученых неоднократно рассматривалась в литературе предмета. Некоторым персоналиям были посвящены и отдельные биографические работы[8].

Как видим из этого небольшого обзора, востоковедение в Вильно в XIX веке, если бы не царские репрессии и закрытие Вильнюсского университета в 1832 г., смогло бы вырастить свои кадры, которые организовали бы востоковедческие центры на соответствующем уровне. При утрате государственной самостоятельности этим планам не суждено было сбыться. И реализованы они были лишь после обретения независимости в 90-х годах XX века.

Развитие востоковедческого направления в XX—XXI веках

В начале XX века первая востоковедческая кафедра в Восточной Европе создана в Кракове в 1919 году. Ее основателем был Тадеуш Ковальский. Через год усилиями профессоров Анджея Гавронского

---

[8] Kotwicz Wł., Kotwiczówna M. 'Orientalista Antoni Muchliński. Życie i dzieła', *Collectanea Orientalia* 8. Wilno, 1935; Louis Pedrotti. 'Józef Julian Sękowski the genesis of a literary alien', *University of California publications in modern philology*, vol. 73, University of California press Berkeley and Los Angeles, 1965, s. 2—17; В. Каверин, *Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского*, Москва, 1965.

и Владислава Котвича[9] открывается кафедра восточных языков во Львове, а в 30-х годах усилиями профессоров Станислава Шауера (Schauyer) и Ананиаша Зайончковского — в Варшаве.

Несмотря на то, что подобный центр востоковедения не был открыт в Вильнюсском университете и в начале XX века, в Вильно заинтересованность Востоком не уменьшается. Здесь с 1924 г. издается журнал «Myśl Karaimska», ставший предшественником журнала «Przegląd Orientalistyczny»[10]. К этому периоду относится и появление ежемесячников «Życie Tatarskie» (T. I—VI, 1932—1939), «Przegląd Islamski» (1930—1937) и годовика «Rocznik Tatarski» (T. I—III, 1932, 1935, 1938).

1930—1939 гг. в Школе политических наук при Восточноевропейском научно-исследовательском институте (Szkola Nauk Politycznych przy Instytucie Naukowo-Badawczym Europy Wschodnej) С. Шапшал преподавал турецкий язык. Занятия проводились по специально подготовленному учебнику для студентов[11].

В предвоенный период состоялись семь конгрессов польских востоковедов: I (Варшава, 1931), II (Вильно, 1932), III (Краков, 1933), IV (Львов, 1934), V (Варшава, 1935), VI (Вильно, 1937), VII (Краков, 1938)[12]. Как видим два конгресса были организованы в Вильнюсе, а именно II-й и VI-й.

Благодаря начатым Т. Ковальским (1925) и С. Шапшалом (1928) исследованиям по языку, культуре и истории караимов Вильнюса и Тракай, караимская тематика прочно займет место в научных программах Краковского, Варшавского и Вильнюсского университетов (с 1979)[13].

---

[9] Владислав Котвич и Игнатий Крачковский после окончания Вильнюсской гимназии (1900) поступили в Институт востоковедения в Петербурге. Первый стал монголистом, второй арабистом.

[10] Dziekan, Marek M. Od «Myśli Karaimskiej» do «Przeglądu Orientalistycznego» (materiał jubileuszowy), Przegląd Orientalistyczny 1—2 (185—186). Warszawa,. 1998, s. 75—78.

[11] H. S. Szapszał. Wypisy tureckie i słownik turecko-polski. Opracowane do użytku słuchaczy Wyższej Szkoły Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej w Wilnie. Wilno, 1932.

[12] «Zjazdy orjentalistów polskich», *Collectanea Orientalia* 5, 6, 7, 9, 11, 13. Wilno — Lwów, 1934, 1935, 1938.

[13] Dubiński, Aleksandr. Początki zainteresowań językiem i literatūrą karaimską w nauce europejskiej do końca XIX wieku, *Przegląd Orientalistyczny* 1—4 (1959): 135—145.

В независимой Литве (1918—1940) целенаправленно никто востоковедческое направление не развивал. Молодое литовское государство было не в силах продолжать хорошие традиции Вильнюсского университета, да и сама ситуация, по сравнению с XIX в., была совершенно иной. Как пишет молодой исследователь Валдас Микалаускас: «В XIX в. , работая в восточных странах, у востоковедов была возможность сделать дипломатическую карьеру в Российской империи. В молодом литовском государстве таких возможностей не было. Да и связи Литвы с восточными странами были очень слабыми»[14]. Востоковедением интересовались только энтузиасты, путешественники и несколько ученых. В университете им. Витаутаса Великого (Каунас) работали двое ученых египтолог Мария Рудзинскайте-Арцимавичене (1885—1941) и семитолог Нахман Хаим Шапира (1894—1943). Мария Рудзинскайте-Арцимавичене читала курс по истории Востока и вела египтологический семинар. Мария Рудзинскайте-Арцимавичене — единственная в Литве профессиональный востоковед-египтолог принимала участие в мировых востоковедческих симпозиумах в 1923 г. в Берлине и в 1932 г. в Лейдене. Нахман Шапира защитил докторскую диссертацию в Вене и в 1927 г. был назначен лектором Литовского университета на кафедру семитских языков и литературы. Среди читаемых Н. Шапиро курсов был курс арабского языка и Коранические студии.

К этому периоду относятся и дневники двух известных путешественников Матаса Шалчюса (1890—1940) и Антанаса Пошки (1903—1992). Воспоминания М. Шалчюса вошли в книгу «В гостях у 40 народов» (1935). А. Пошка в довоенный период успел опубликовать только две книги «С журавлями на юг» и «У наследников фараонов» (1939). Последняя третья книга «По взгорьям и долинам Иудеи» увидела свет в 1996 году. В довоенный период появляется немало статей и заметок об арабских странах[15].

В начале XX в. с обнаружением китаба[16] в дер. Сорок Татар Вильнюсского района (1915) вновь появляется заинтересованность

---

[14] Valdas Mikalauskas. 'Lietuvos arabistika XIX—XX a.' *Acta Orientalia Vilnensia* 1, Vilniaus universiteto leidykla, 2000, p. 243.

[15] Valdas Mikalauskas. 'Lietuvos arabistika XIX—XX a.' *Acta Orientalia Vilnensia* 1, Vilniaus universiteto leidykla, 2000, p. 244.

[16] Китаб (ар. книга) — одна из жанровых разновидностей рукописного творчества литовских татар. В китабы входят предания о жизни и деятель-

ученых славяноязычной арабоалфавитной письменностью литовских татар[17]. В науке первооткрывателем письменности литовских татар принято считать профессора А. Мухлинского, в работах которого приводятся отрывки польских и белорусских текстов, писанных арабским письмом[18].

Именно это направление, позже названное «китабистикой» (1990), в 60-е гг. становятся основным объектом научной деятельности профессора Вильнюсского университета Антона Константиновича Антоновича. Монографический труд «Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система» [1968] приносит ученому европейскую известность. Эта монография на многие годы стала настольной книгой для последующих поколений исследователей-китабистов.

В планы профессора входило издание хрестоматии с текстами XVI—XVII вв., составление словаря китабов, публикации расшифрованных текстов, с которыми могли бы работать не только лингвисты, но и историки, этнографы, фольклористы. Но этим планам не суждено было осуществиться — 17 января 1980 г. проф. А. К. Антонович скоропостижно умер. У него не осталось учеников, которые могли бы продолжить начатое им дело. И только благодаря тому, что рядом с А. К. Антоновичем в последний год его жизни оказался коллега по работе Валерий Николаевич Чекмонас, научные исследования китабов литовских татар не прервались, и традиция изучения славяноязычных арабскоалфавитных рукописей в Вильнюсском университете была продолжена. Профессор предлагал студентам также курсовые и дипломные работы, связанный с караимской проблематикой.

В 1998 г. автором статьи была защищена докторская диссертация «Древнейшие рукописи литовских татар (Графика. Транслитерация. Перевод. Структура и содержание текстов», ставшая

ности пророка Мухаммеда, описания обрядов и ритуалов, а также основных обязанностей мусульман, нередко также библейские легенды, нравоучительные рассказы, иногда даже восточные авантюрные повести.

[17] Луцкевіч І. «Ай Кітаб (З пасьмертнай спадчыны Івана Луцкевіча)», *Наша Ніва. Зборнік*, Вильня, 1920. С. 28—39; Станкевіч Я. «Адрывак з Аль-кітабу», *Крывіч* 8, Коўна, 1924. С. 46—52.

[18] Антонии Мухлинский. *Изслѣдованіе о происхожденіи и состояніи литовскихъ татаръ*. Санкт-Петербург, 1857.

основой опубликованного учебно-методического пособия для студентов[19]. Новый этап в исследованиях над славяноязычными арабоалфавитными рукописями литовских татар представляет и начатая в Вильнюсе работа по текстологическому анализу текстов[20]. В настоящее время эта работа ведется теми же авторами (Мишкинене, Темчин) в Институте литовского языка[21].

В советский период выходит немало статей и работ, в которых основной темой становится Восток. Не все работы можно отнести к фундаментальным и имеющим научную ценность. Среди наиболее важных следует упомянуть работы Р. Нейманта, Л. Шимкутес-Поцене[22].

Вскоре после объявления независимости в Литве (1991) в Вильнюсском университете усилиями кафедры Славянской филологии с 1991 г. турецкий язык становится предметом по выбору. В 1993 г. усилиями преподавателя японского языка Д. Швамбарите (1968) в Вильнюсском университете создается Центр востоковедения (http://www.oc.vu.lt/). Студентам была предложены программы по арабистике, синологии, индологии и японистике. С 2008—2009 учебного года Центром востоковедения при Вильнюсском университете предлагается новая программа «Сравнительных студий Азии (тюркология)». Набор студентов происходит один раз в два года. С 2000 г. центр выпускает свой журнал *Acta Orientalia Vilnensia* (с 2004 г. выходит на английском языке).

В течение 1999—2000 учебного года на филологическом факультете Вильнюсского университета разрабатывалась новая про-

---

[19] Miškinienė G. *Seniausi Lietuvos totorių rankraščiai: Grafika. Transliteracija. Vertimas. Tekstų struktūra ir turinys*. Vilnius, 2001.

[20] Мишкинене Г., Темчин С. «О текстологии рукописных китабов литовских татар: Диалог пророка Мухаммеда с шайтаном» (в печати).

[21] Об основных направлениях исследований рукописного наследия литовских татар и развитии китабистики в Вильнюсском университете подробнее см.: Галина Мишкинене. 'Развитие китабистики в Вильнюсском университете', *Slavistica Vilnensis* 2005—2009, Kalbotyra 54 (2). Vilnius, 2010, с. 219—226.

[22] R. Neimantas. *Nuo Nemuno iki Nilo. Iš Lietuvos-Egipto kultūros ryšių istorijos: šaltiniai, istoriografija*. Vilnius, 1986; *Rytai ir Lietuva*. Vilnius, 1988. L. Šimkutė-Pocienė. 'Tautosakos savitumai ir universalumas', Literatūra ir menas, 1989 m. vasario 25 d.

грамма бакалаврских студий «Литовская филология и иностранный (турецкий) язык». Четырехгодичная программа заработала с 2001 г. Студентам предлагается широкий курс, в который входят помимо *Современного турецкого языка* такие предметы, как *Турецкая культура и история*, *Введение в тюркологию*, *История турецкой литературы (XIX—XX века)*, *Введение в ислам*, *История турецкого языка*, *Стандартизация турецкого языка*[23].

Вместо заключения

Таким образом, после того, как был ликвидирован Восточноевропейский научно-исследовательский институт в Вильнюсе в 1939—1941 и после закрытия кафедры Св. Писания Вильнюсского университета вплоть до 1991 года в течение 50 лет не предпринималась ни одна попытка создания какой-либо кафедры, которая бы готовила специалистов-востоковедов. Несмотря на полное отсутствие подобной административной единицы в стенах Вильнюсского университета появлялись ученые, которые продолжали исследования в области востоковедения, а в частности по такой актуальной тематике как караимознавство и татароведение. Важным источником для познания Востока на протяжении всего времени были дневники и записки путешественников и эпизодически преподаваемые курсы.

С обретением независимости (1991) появилось больше возможностей ближе познакомиться с восточными странами. Все больше молодых людей хочет изучать восточные языки и культуру. Надежды связаны с учрежденным в Вильнюсском университете Центром востоковедения (1993) и созданными как в Центре востоковедения, так и на филологическом факультете программами, гарантирующими развитие востоковедения на современном уровне и в будущем.

---

[23] Подробнее о программе см.: Galina Miškinienė. 'Türkçe öğretiminde kullanılacak programın tanıtımı', *Ulasararası Dünya Türkçe Öğretimi Sempozyumu* 11-13 Mayıs 2000, İstanbul, s. 121—126; Galina Miškinienė. 'Litvan Filolojisi ve Yabancı Dil 'Türkçe' Programının Gerçekleştirilmesi', *TİKA I. Uluslararası Türkoloji sempozyumu*. Kırım, 2004. S. 40—42; Galina Miškinienė, Natela Nasibova. 'Litvanya Vilnius Üniversitesi (Türk Dili Merkezi'nin Çalışmaları ve Türkçe Öğretiminde Kullandığımız Metotlar)', *8. Dünyada Türkçe Öğretimi. Türkçeyi Yabancı Dil Olarak Öğrenciler Zirvesi*. 6—8 Mart 2009. Ankara, 2010, s. 108—112.

Литература

Каверин В. Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, Москва, 1965.

Луцкевіч Іван. Ай Кітаб (З пасьмертнай спадчыны Івана Луцкевіча), Наша Ніва. Зборнік, Вильня, 1920. С. 28—39;

Мишкинене Г., Темчин С. О текстологии рукописных китабов литовских татар: Диалог пророка Мухаммеда с шайтаном (в печати).

Мишкинене, Г. Развитие китабистики в Вильнюсском университете, Slavistica Vilnensis 2005—2009, Kalbotyra 54 (2). Vilnius, 2010. С. 219—226.

Мухлинский А. Изслѣдованіе о происхожденіи и состояніи литовскихъ татаръ. Санкт-Петербург, 1857.

Станкевіч Ян. Адрывак з Аль-кітабу / Крывіч 8, Коўна, 1924, с. 46—52.

Dubiński A. Początki zainteresowań językiem i literatūrą karaimską w nauce europejskiej do końca XIX wieku / Przegląd Orientalistyczny 1—4 (1959): 135—145.

Dziekan M. Od «Myśli Karaimskiej» do «Przeglądu Orientalistycznego» (materiał jubileuszowy) / Przegląd Orientalistyczny 1—2 (185—186). Warszawa, 1998. S. 75—78.

Kotwicz Wł., Kotwiczówna M. 'Orientalista Antoni Muchliński. Życie i dzieła', Collectanea Orientalia 8. Wilno, 1935.

Mikalauskas V. Lietuvos arabistika XIX—XX a. / Acta Orientalia Vilnensia 1, Vilniaus universiteto leidykla, 2000, s. 224—247.

Miškinienė G. Türkçe öğretiminde kullanılacak programın tanıtımı, Ulasararası Dünya Türkçe Öğretimi Sempozyumu 11—13 Mayıs 2000, İstanbul. Ankara: Ankara Üniversitesi basımevi, s. 121—126.

Miškinienė G. Seniausi Lietuvos totorių rankraščiai: Grafika. Transliteracija. Vertimas. Tekstų struktūra ir turinys. Vilnius, 2001.

Miškinienė G. Litvan Filolojisi ve Yabancı Dil 'Türkçe' Programının Gerçekleştirilmesi' / TİKA I. Uluslararası Türkoloji sempozyumu. Kırım, 2004. S. 40—42.

Miškinienė G, Nasibova N. Litvanya Vilnius Üniversitesi (Türk Dili Merkezi'nin Çalışmaları ve Türkçe Öğretiminde Kullandığımız Metotlar) / 8. Dünyada Türkçe Öğretimi. Türkçeyi Yabancı Dil Olarak Öğrenciler Zirvesi. 6—8 Mart 2009. Ankara, 2010. S. 108—112.

Miškinienė G. The Development of Turkish Studies at Vilnius University / Acta Orientalia Vilnensia, Vilniaus universiteto leidykla, 2010 (в печати).

Muchliński A. Zdanie sprawy o Tatarach litewskich, *Teka Wileńska*, t. 4, 241—272; t. 5, 121—179; t. 6, 139—183. Wilno, 1858.

Neimantas R. Nuo Nemuno iki Nilo. Iš Lietuvos-Egipto kultūros ryšių istorijos: šaltiniai, istoriografija. Vilnius, 1986.

Neimantas R. Rytai ir Lietuva. Vilnius, 1988.

Pedrotti L. Józef Julian Sękowski the genesis of a literary alien, University of California publications in modern philology, vol. 73, University of California press Berkeley and Los Angeles, 1965, S. 2—17.

Reychman J. Zainteresowania orientalistyczne w środowisku Mickiewiczowskim w Wilnie i Petersburgu / Szkice z dziejów polskiej orientalistyki. Red. Stefan Strelcyn. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1957. S. 69—95.

Šimkutė-Pocienė L. 'Tautosakos savitumai ir universalumas / Literatūra ir menas, 1989 m. vasario 25 d.

Szapszał H. S. Wypisy tureckie i słownik turecko-polski. Opracowane do użytku słuchaczy Wyższej Szkoły Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej w Wilnie. Wilno, 1932.

Yakar, Halil İbrahim. Türk Dili Araştırmalarında Polonya Türkoloji'sinin Yeri / Kazakistan ve Türkiye'nin ortak kültürel değerleri uluslar arası sempozyumu 21—23 Mayıs 2007. Bildiriler. Almatı, 2007, 177—192.

Zajączkowski A. Orientalistyka polska a Bliski Wschód, Szkice z dziejów polskiej orientalistyki. Red. Jan Reychman. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1966. S. 7—55.

Zjazdy orjentalistów polskich / Collectanea Orientalia 5, 6, 7, 9, 11, 13. Wilno — Lwów, 1934, 1935, 1938.

Мухаметзянова-Дуггал Р. М.
(Уфа)

Государственные институты, реализующие политику в сфере свободы совести в России и Индии

Деятельность государственных институтов, реализующих политику в сфере свободы совести в России и Индии, основана на конституционно-правовой базе этих стран в области свободы совести. Конституционный статус религии в рассматриваемых поликонфессиональных странах одинаков: Россия и Индия — страны светской государственности, однако понятие светскости государства или секуляризма различное, что, безусловно, накладывает серьезный отпечаток на взаимоотношения государственных институтов и религиозных общин. Институт светскости государства в России состоит из двух главных элементов — отделение религиозных объединений от государства и недопустимость установления общегосударственной религии. В Индии понятие «секуляризм» не нашло ни четкого определения, ни законодательного закрепления. Чаще всего оно толкуется как равное покровительственное отношение государства ко всем религиям и общинам.

В России на волне демократических преобразований 1990-х гг. были разрушены советские государственные структуры, осуществлявшие контроль над религиозными организациями. Был ликвидирован Совет по делам религий при Совете министров СССР и институт его уполномоченных на местах. Фактическое самоустранение государства от вопросов практического регулирования деятельности религиозных организаций в обществе привело к стихийному развитию религиозной ситуации в стране, в том числе к проявлению негативных тенденций. Одновременно перед государственными органами власти возникла необходимость решать множество проблем, вызванных быстрым ростом числа и усилением активности религиозных объединений. Это потребовало создания специализированных подразделений и должностей, ответственных за связи федеральных органов власти, в субъектах Российской Фе-

дерации и на местах с религиозными организациями. В результате, место бывшего Совета по делам религий занял целый ряд государственных и общественных структур, штаты которых вместе взятых превосходят численность аппарата бывшего Совета по делам религий. Сложившаяся ситуация затрудняет проведение единой политики в сфере свободы совести даже на уровне федеральных органов исполнительной власти.

В настоящее время в России государственные органы и подразделения, осуществляющие связи с религиозными объединениями действуют автономно друг от друга и не наделены исполнительно-распорядительными полномочиями. Это такие структуры, как Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ и др. Данные институты в целом выполняют две главные задачи: обеспечивают диалог органа власти, при котором они образованы, с религиозными объединениями; консультируют деятельность данного органа власти в пределах его компетенции и возможностей в сфере государственно-конфессиональных отношений. Федеральные органы по связям с религиозными объединениями не имеют региональных структур [1, с. 151].

Таким образом, в России продолжает оставаться актуальной проблема отсутствия координации деятельности различных государственных институтов, реализующих политику в сфере свободы совести. В целях обеспечения координации и управления отношениями государства с религиозными объединениями, реализации единой государственной политики в сфере свободы совести необходимо наличие федерального государственного органа по делам религиозных объединений.

На наш взгляд, заслуживает внимания изучение зарубежного опыта в решении тех проблем, с которыми сталкивается сегодня Россия. Особую ценность для России имеет изучение опыта Индии. Во-первых, как уже было отмечено, обе страны — Российская Федерация и Республика Индия являются светскими государствами. Во-вторых, в Индии не было мучительного распада связи времен. В ходе непрерывного развития в этой стране были созданы специальные государственные учреждения по делам меньшинств — Национальная комиссия по меньшинствам (1978 г.), Индийский комитет по хаджу 2002 г. (Haj Committee of India), Министерство по делам

меньшинств (2006 г.) и другие. В-третьих, государственная политика в сфере свободы совести в Индии проводится в условиях политической демократии. Индия признана мировым сообществом как государство, пользующееся репутацией «крупнейшей демократии мира». Поэтому любая демократическая страна, включая Россию, может непосредственно использовать ценные для нее элементы индийского опыта.

Государственная политика в сфере свободы совести в Индии главным образом нацелена на предотвращение и контроль религиозно-общинных распрей и насилия, на консолидацию всех слоев многонационального и многоконфессионального индийского общества. Наиболее острые конфликты в Индии происходят между индуистами, с одной стороны, и мусульманами, сикхами, христианами, — с другой. Религиозная община индусов согласно данным переписи населения 2001 г. составляет 80,5% населения. Все остальные религиозные группы, находящиеся за пределами индусской общины, являются религиозными меньшинствами. Это — мусульмане (13,4%), христиане (2,3%), сикхи (1,9%), буддисты (0,8%), джайны (0,4%), парсы (0,006%) и др. [2]. Религиозные меньшинства играют важную роль в общественно-политической жизни страны и государственные органы власти не могут не учитывать их интересы.

Государственная политика в отношении меньшинств в Индии изменялась в зависимости от политических сил, находившихся у власти. Индийский национальный конгресс (ИНК) всегда сохранял интерес к проблемам религиозных меньшинств. При Дж. Неру предпочтение отдавалось неинституализированным способам решения проблем меньшинств. При И. Ганди Конгресс встал на путь определения направлений своей политики в отношении меньшинств, что было реализовано в программе из 15-ти пунктов И. Ганди с добавлениями, сделанными впоследствии Р. Ганди. В 1990—2000 гг. ИНК пришел к пониманию необходимости институционализации защиты религиозных меньшинств, свидетельством чего является его поддержка работы Национальной комиссии по меньшинствам и создание в январе 2006 г. Министерства по делам меньшинств. Следует отметить, что с созданием последнего завершилась институционализация защиты прав религиозных меньшинств в Индии [3, с. 16].

Министерству по делам меньшинств Индии (Ministry of Minority Affairs) принадлежит главная роль в проведении всеобщей по-

литики в отношении религиозных меньшинств, в защите их прав, а также в планировании и координации программ, направленных на улучшение благосостояния и развитие общин меньшинств. Помимо этого к компетенции Министерства относится формулирование мер и политических инициатив, связанных с защитой меньшинств и их безопасностью; дела связанные с защитой и сохранением немусульманских святынь в Пакистане и мусульманских святынь в Индии, а также вопросы, связанные с общинами меньшинств в соседних странах в совместном ведении с Министерством иностранных дел. Министерство является центральным учреждением по реализации Новой программы Премьер-министра из 15-ти пунктов по подъему благосостояния меньшинств [4, pp. 1—3].

Министерство по делам меньшинств имеет конституционные, учрежденные законом, автономные организации, корпорации и комиссии: Национальная комиссия по меньшинствам (National Commission for Minorities), Центральный вакфный совет (Central Wakf Council), Национальная корпорация развития меньшинств и финансов (National Minorities Development & Finance Corporation), Образовательный фонд им. Маулана Азад (Maulana Azad Education Foundation) и др.

Центральное место среди этих организаций занимает Национальная комиссия по меньшинствам (НКМ). Она была создана в январе 1978 г. как Комиссия меньшинств. С принятием в 1992 г. Закона о Национальной комиссии по меньшинствам Комиссия приобрела статус законного органа и была переименована в Национальную комиссию по меньшинствам [5, p. 2]. Пять членов Комиссии, включая председателя, являются представителями общин меньшинств и назначаются центральным правительством сроком на три года [6, p. 2].

В октябре 1993 г. центральным правительством страны на национальном уровне меньшинствами были объявлены пять религиозных общин — мусульмане, христиане, сикхи, буддисты и парсы (зороастрийцы) [7, p. 28]. НКМ наблюдает за общим состоянием жизнедеятельности этих общин. Ее главными функциями являются — контроль за выполнением конституционных положений, гарантирующих права меньшинствам; выработка рекомендаций для эффективного выполнения этих гарантий, а также рассмотрение особых жалоб, связанных с лишением или ограничением прав меньшинств.

Кроме того Комиссия, выполняя свои главные функции, пользуется полномочиями гражданского суда и вправе: вызывать и требовать принудительного присутствия любого лица из любой части страны, а также допрашивать его под присягой; требовать обязательного предоставления документов, письменных свидетельских показаний, любых материалов судебного дела из любого суда или учреждения; допрашивать свидетелей [6, p. 5]. На практике Национальная комиссия по меньшинствам проводит в ряде случаев расследования коммуналистских беспорядков, выявляя зачинщиков схваток, дает всесторонний анализ происшествию и свои рекомендации по наказанию виновных, оказанию помощи пострадавшим и т. д.

Под руководством Министерства по делам меньшинств работает Центральный вакфный совет, который также как и Национальная комиссия по меньшинствам имеет статус законного органа. Совет был создан в декабре 1964 г. на основании Закона о вакфе 1954 г. (ныне — Закон о вакфе 1995 г.). Согласно этому закону к настоящему времени созданы и действуют вакфные советы в 29 штатах и союзных территориях страны. В них по территориальному признаку объединены вакфы (попечительские организации), которые управляют движимой и недвижимой собственностью религиозных институтов у различных групп индийских мусульман.

Центральный вакфный совет состоит из председателя, которым по должности является Министр по делам меньшинств, а также из других членов, назначаемых центральным правительством, общее число которых не должно превышать 20 человек. Главная функция Центрального вакфного совета — консультировать индийское правительство по вопросам, связанным с работой вакфных советов и осуществлять надлежащее управление вакфами в стране. Кроме этого Совет осуществляет деятельность способствующую развитию общества: выполняет программы по развитию городской вакфной собственности и распространению образовательных программ для мусульманской общины.

В повседневной жизни Совет проводит широкую благотворительную работу, включающую в себя открытие больниц, приютов, караван-сараев, библиотек, а также выплату стипендий малообеспеченным студентам, меры по попечению и реабилитации больных, регулярное денежное содержание бедных и одиноких людей.

Вакфом известным во всем мусульманском мире является Дарга-е-шариф — гробница суфийского святого Моинуддина Чишти (Durgah Khawaja Saheb Moin-ud-din Chishti), построенная в Аджмере (штат Раджастхан) в XII в. Дарга управляется согласно Закону о Дарге Кхауаджа Сахеб (Durgah Khawaja Saheb) 1955 г. Контроль и управление пожертвованиями дарги осуществляет Комитет дарги в Аджмере, созданный в 2007 г. Данный комитет состоит не менее чем из пяти и не более чем из девяти членов, все из которых мусульмане — ханафиты, назначаемые центральным правительством [4, p. 24].

Ежегодно в день рождения Моинуддина Чишти сотни тысяч паломников независимо от веры, касты и убеждений посещают его могилу. Они приносят служителям дарги солидные доходы. В соответствии с информацией предоставленной Комитетом дарги, в 2006 г. им был получен доход свыше 1,5 млрд. рупий в виде арендной платы за гостиницу, сдачу в наем собственности, денежных пожертвований и взносов [4, p. 24].

В настоящее время Комитет дарги с помощью центрального правительства, министерства по городскому развитию, а также при активном участии правительства штата Раджастхан, осуществляет проект по обеспечению жильем сотен тысяч паломников, которые посещают даргу в течение всего года. Приблизительные расходы по этому проекту составляют около 1 млрд. 360 млн. рупий, из которых 100 млн. рупий уже освоены на строительство жилых зданий и инфраструктуры [8, pp. 43—44].

Развитию экономической деятельности отсталых слоев меньшинств призвана содействовать Национальная корпорация развития меньшинств и финансов (НКРМФ), созданная в сентябре 1994 г. Для этого Корпорация предоставляет денежные средства на льготных условиях для «самозанятости» лицам, принадлежащим к общинам меньшинств и имеющим семейный доход вдвое ниже уровня бедности. Корпорация использует два способа для достижения конечных бенефициариев: через Направляющие агентства штатов (State Channelising Agencies), назначаемые соответствующим правительством штата (союзной территории), а также через неправительственные организации (НГО (Non Governmental Organizations)). Через первый канал финансируются проекты стоимостью до 500 тыс. рупий. С момента создания Корпорации таким способом

предоставлена финансовая помощь более 300 тыс. бенефициариям, проживающим в 25 штатах и 3-х союзных территориях на сумму свыше 12 млрд. рупий. По программе НГО предусмотрена выдача микро-кредита до 25 тыс. рупий. Она выполняется Корпорацией с 1998 гг. и на 1января 2010 г. по ней осуществлена общая выплата на сумму 349 млн. рупий около 177 тыс. бенефициариям [8, p. 46].

Однако опыт функционирования Корпорации показал, что, несмотря на то, что деятельность НКРМФ приносит пользу меньшинствам, общая сумма кредитов получаемых от НКРМФ по сравнению с другими финансовыми институтами чрезвычайно мала. Кроме того, получение поручительства от властей штатов остается самым большим препятствием при получении ссуд от Корпорации. Эти обстоятельства ограничивают воздействие помощи НКРМФ на экономическое развитие меньшинств. Главными препятствиями для эффективного функционирования НКРМФ являются также слабая инфраструктура Направляющих агенств штатов, предельно малые проценты в области микрофинансирования НГО.

Принимая во внимание необходимость совершенствования работы Корпорации, а также использования Корпорации в качестве инструмента государственного вмешательства индийское правительство с 2007 г. начало реализовывать программу, предусматривающую выделение субсидий Направляющим агентствам штатов для укрепления их инфраструктуры: на проведение информационных компаний, улучшение системы доставки, обучение кадров, взыскание долгов и т. д. По данной программе 90% расходов несет центральное правительство и 10% — правительства штатов [8, p. 46].

Формулированием и выполнением образовательных программ на благо образовательно отсталых слоев индийского общества, в частности меньшинств, занимается образовательный фонд им. Маулана Азад. Он был создан в 1989 г., как добровольная, неполитическая и некоммерческая организация. В настоящее время Фонд финансируется Министерством по делам меньшинств.

Основная деятельность Фонда им. Маулана Азад связана с оказанием финансовой помощи на создание и расширение школ, открытие учебных заведений по месту жительства; на строительство общежитий, приобретение лабораторного оборудования, мебели; на техническое и профессиональное обучение с акцентом на студентов девушек. Фонд также присуждает стипендии и награждает

премиями им. Маулана Азад одаренных студентов. Так, с момента своего создания и до 1 января 2010 г. Фонд выделил 970-ти неправительственным организациям по всей стране 1,278 млрд. рупий для строительства и расширения школ, колледжей, общежитий; закупки оборудования, машин, мебели, а также выплатил стипендий на общую сумму 301 млн. рупий около 27 тыс. девушкам-студенткам [8, p. 48]. Среди меньшинств основными получателями стипендий являются мусульмане и буддисты как наиболее отсталые в образовательном плане группы.

Для детального изучения различных аспектов политики в отношении меньшинств и разработки рекомендаций проведения соответствующей политики президент, парламент или правительство, как правило, создают комиссии или комитеты ученых, экспертов и специалистов в данной области. Эти комиссии работают как на постоянной, так и на временной основе. К временным комиссиям, созданным для изучения положения в той или иной религиозной общине и выработке рекомендаций по корректировке государственной политики в области религии, проведению реформ в отношении религиозных меньшинств, относятся: Комиссия Мандала 1979 г. гг. (Mandal Commission), Национальная комиссия по религиозным и языковым меньшинствам 2004 г. (National Commission for Religious and Linguistic Minorities), Комитет по мусульманской общине 2005 г. (Sachar Committee) и др. Результатом работы этих комиссий и комитетов являются развернутые доклады, содержащие характеристику положения той или иной религиозной группы, и рекомендации. Рекомендации комиссий воспринимаются индийским правительством серьезно, и обычно часть из них принимается и учитывается в соответствующей политике.

Таким образом, независимо от сущности государственной политики в сфере свободы совести, следует констатировать, что государство должно контролировать религиозную обстановку в стране. В Индии, в отличие от России, организационная структура и деятельность государственных институтов, реализующих политику в сфере свободы совести демонстрируют стремление государственных органов не только участвовать в общественно-политической и социально-экономической жизни религиозных общин, но и, во многих случаях, регулировать ее. Об этом свидетельствует и то, что ключевые посты в структурах, имеющих как государственный, так

и автономный статус, принадлежат лицам, назначаемым центральным индийским правительством. Так, президентом Образовательного фонда им. Маулана Азад, являющимся автономным органом, по должности является министр по делам меньшинств. Члены центрального вакфного совета, главной функцией которого является консультация правительства Индии по вопросам, связанным с работой вакфных советов и управление вакфами в стране, также назначаются правительством Индии. Вакф с мировой славой — Дарга Моинуддина Чишти управляется Комитетом дарги, члены которой назначаются центральным правительством Индии. Государственной структурой является Индийский комитет по хаджу и др.

Список литературы

1. Вероисповедная политика Российского государства. М.: Изд-во РАГС, 2003.
2. Census of India 2001 // Официальный сайт переписи населения Индии 2001 г. — http://www.censusindia.gov.in/Census_Data_2001/Census_data_finder/H_Series/Households_By_Religion.htm
3. *Топычканов П.* Формирование статуса религиозных меньшинств Южной Азии во второй половине XX — начале XXI веков (на примере Индии и Пакистана): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
4. Annual report 2006—2007. Ministry of Minority Affairs. Government of India. Delhi, 2007.
5. Information Handbook under The Right to Information Act, 2005. Government of India. National Commission for Minorities. Delhi, 2006.
6. National Commission for Minorities Act 1992 [Act XIX of 1992 as amended by the National Commission for Minorities (Amendment) Act 1995 — Act XLI of 1995]. Delhi. 2002.
7. Notification on "Minority Communities": 1993 // National Commission for Minorities Handbook of Laws, Rules and Regulations. Delhi, NCM Chairman's Office. 1998.
8. Annual report 2009—2010. Ministry of Minority Affairs. Government of India. Delhi, 2010.

Николаев В. П.
(ИВ РАН)

Об изучении российской диаспоры в странах Востока в Институте востоковедения РАН

Одним из приоритетных направлений научно-исследовательской работы Института востоковедения является «Россия и Восток». Среди проблем, изучаемых в рамках данного направления, первостепенное внимание уделялось и уделяется исследованию истории и современного состояния взаимоотношений России и СССР со странами Азии, Северной Африки, Азиатско-Тихоокеанского региона в экономической, политической и культурной сферах. Было опубликовано значительное количество статей, коллективных и индивидуальных монографий, защищены кандидатские и докторские диссертации на тему двусторонних отношений нашей страны с восточными государствами в разные исторические периоды.

Второй важной составляющей направления «Россия—Восток» является цикл исследований по российской эмиграции и российской диаспоре в странах Востока. По идеологическим и политическим мотивам полноценное изучение общин зарубежных россиян в советское время не поощрялось. Так, например, советские ученые — австраловеды уделяли первостепенное внимание революционной эмиграции в Австралию и деятельности там социал-демократов во главе с большевиком Артемом (Сергеевым). Практически не было работ, посвященных значительной части российской диаспоры в Австралии, состоящей из белоэмигрантов, лиц, перемещенных после окончания Второй мировой войны, беженцев из коммунистического Китая после провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г..

Отмена цензурных ограничений и открытие архивов в начале 90-х годов XX века стимулировали возрождение интереса к истории и современному бытованию наших зарубежных соотечественников. В Институте востоковедения начались исследования русских диаспор на Востоке, изучение вклада россиян в политику, экономику, науку и культуру стран, их принявших. Приведу лишь несколько примеров. А. Н. Хохлов давно и плодотворно разрабатывает тему о

российской диаспоре в Китае. С. Н. Утургаури ведет исследования о россиянах в странах Ближнего и Среднего Востока. Ею завершена монография «Белые русские на Босфоре». А. С. Петриковская занята изучением вклада россиян в науку и культуру Австралии и Новой Зеландии, что отражено во многих статьях и книге «Российское эхо в австралийской культуре» и завершенной монографии «Россия и Австралия (два века культурных связей)». В нынешнем 2010 г. вышла из печати книга В. В. Белякова «Эль-Аламейн, или русские солдаты в Северной Африке (1940—1945)». Доклады, представленные на эту конференцию А. А. Кириченко, А. В. Сарабьевым, А. А. Соколовым, Е. В. Бойковой, Н. С. Скоробогатых, Т. Н. Загородниковой, свидетельствуют в пользу того, что в Институте востоковедения есть специалисты, интересующиеся темой российской диаспоры и готовые к продолжению изучения данной проблемы.

Задача первой международной конференции «Российская диаспора в странах Востока» состоит в том, чтобы произвести своеобразный «смотр сил» и объединить специалистов по этой тематике, дать определенный импульс для продолжения исследований. Следует рассмотреть возможность создания вертикальной межотдельской группы по изучению восточного российского зарубежья в Институте востоковедения. В планы работы группы нужно включить организацию научных конференций с участием ученых из научно-исследовательских и университетских центров России, а так же с привлечением зарубежных коллег. Материалы конференции должны быть размещены на сайте института, изданы в виде сборников статей, а так же стать основой для написания коллективной монографии «Восточное российское зарубежье».

Важными для изучения представляются следующие темы:

- Причины и характерные особенности массовых и индивидуальных эмиграций из России и СССР на разных исторических этапах, включая современную эмиграцию из Российской Федерации;
- Российские общины в восточных странах и деятельность эмигрантских организаций;
- Вклад россиян в политическую, экономическую, научную и культурную жизнь, принявших их стран;
- Проблемы сбережения и распространения русского языка и культурного своеобразия.

- Роль и значение православия в эмигрантской среде и миссионерская деятельность русской церкви на Востоке.

Естественно, что приведенный список не исчерпывает всех исследовательских тем и может быть продолжен.

К своей работе предлагаемая группа сможет привлечь коллег из институтов и университетов страны. Например, Дальневосточный государственный университет организовал несколько конференций по изучению российской диаспоры в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Недавно Г. И. Каневская успешно защитила докторскую диссертацию и опубликовала монографию «Я бездомный, но зато на воле»...Русские перемещенные лица в Австралии (1947—1954 гг)».

В Санкт-Петербурге изучением истории российско-австралийских связей и российской диаспоры занимается А. Я. Массов — автор ряда книг по этой теме. Как показывает список участников конференции, в университетах Урала, Сибири и Дальнего Востока, есть специалисты, ведущие исследования по проблематике, близкой к теме восточного российского зарубежья.

Вертикальная группа сможет наладить плодотворное сотрудничество с зарубежными центрами по изучению российской диаспоры на Востоке. Так, в Японии создана и активно работает Ассоциация по изучению восточной ветви русского зарубежья. С докладом о ее деятельности выступит профессор Университета Аояма П. Э. Подалко. Он автор монографии «Япония в судьбах россиян», опубликованной по планам НИР Института востоковедения, и готовит к изданию мемуары Ю. П. Васкевича — одного из первых российских ученых — японистов.

В Австралии изучением австралийско-российских связей занимается группа ученых Квинслендского университета во главе с Т. Пулом. К 200-летию начала отношений между Россией и Австралией была опубликована коллективная монография, подготовленная австралийскими и русскими учеными, «Встреча под Южным Крестом: два века российско-австралийских отношений, 1807—2007». В работе над ней с российской стороны участвовали А. Я. Массов, А. С. Петриковская, Г. И. Каневская. Среди авторов книги — Е. В. Говор, в прошлом сотрудница Института востоковедения, ныне работающая в Австралийском национальном университете. Ее монографии посвящены исследованию истории российской диаспоры на австралийском континенте: «Мой черный брат: история Ильиных,

российско — аборигенской семьи», «Русские Анзаки в австралийской истории» и др.. Научные контакты сложились с исследователями в Новой Зеландии — О.Б.Опара и Колесовой. Предстоит установить взаимополезные связи с другими зарубежными организациями и учеными.

После распада СССР список восточных стран, в которых существуют российские диаспоры значительно расширился за счет новых независимых государств Центральной (Средней) Азии и Кавказа (Закавказья). Эти вновь возникшие диаспоры образовались не в результате переселения, а как следствие государственно-территориального размежевания между Россией и бывшими советскими республиками. Эти диаспоры имеют свои проблемы и отличительные особенности. В Институте востоковедения развернуты исследования по изучению положения русских в этих странах, по статусу русского языка и вопросам сохранения культурно-исторических традиций.

Научные исследования, проводимые в Институте востоковедения по изучению российской диаспоры, имеют важное научно-теоретическое и научно-практическое значение. В этом плане, надо надеяться, что материалы конференции будут интересны для специалистов, осуществляющих практическую деятельность, а так же, что нынешняя конференция послужит укреплению сотрудничества с Фондом «Русский мир», успешно осуществляющем деятельность по распространению изучения русского языка в странах зарубежья, сбережению русских культурных ценностей, сохранению и развитию связей соотечественников с Россией.

Салакая С. Ш.
(Сухум)

Присоединение Абхазии к России в абхазской историографии

Такой переломный момент в истории Абхазии, как присоединение к России, не мог остаться без внимания местных исследователей. Абхазская историческая наука фактически складывается лишь в советское время. Поскольку после победы Советской власти в Абхазии не было профессиональных учёных-историков, первые исторические работы были написаны общественными деятелями — просветителями Д. И. Гулиа, С. М. Ашхацава, К. Д. Кудрявцевым, С. П. Басария.

Интересующий нас период рассматривается в работах двух последних авторов. Хотя позднейшие исследователи отмечали, что Кудрявцев придавал чрезмерное значение влиянию внешних сил на развитие Абхазии, а Басария, наоборот, превозносил местные особенности, оба автора традиционно для историографии 1920-х гг. негативно относились к царской России.

Работа К. Д. Кудрявцева «Сборник материалов по истории Абхазии» (1922) — одна из первых попыток подготовить относительно связный материал по истории Абхазии. Присоединение к России он рассматривал в контексте борьбы двух империалистических держав за Кавказ. Политика Келеш-бея, владетеля Абхазии, предпринявшего первые шаги к сближению с Россией, его убийство, процесс включения Абхазии в состав Российской империи описываются Кудрявцевыми на основе российских письменных источников.

Гораздо более радикально написана книга С. П. Басария «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении».

Крайне негативно расценивается вхождение Абхазии в состав Российской империи. Политика царских властей называется бесчеловечной и беспринципной, приведшей к исчезновению многих кавказских народов, в т. ч. большинства абхазов.

В Абхазии на рубеже 1930-х гг. формируется марксистская школа историков. Одним из первых историков-марксистов Абха-

зии был А. В. Фадеев, который начал активно печататься с начала 1930-х гг. В своих работах этого времени он показывает, что Абхазия прошла все этапы социально-экономического развития, в духе того времени характеризует русский царизм как военно-феодальный империализм.

Главной работой «абхазского периода» научного наследия А. В. Фадеева является «Краткий очерк истории Абхазии». Он написан вполне в духе господствовавших тогда в советской исторической науке теорий. Уже название главы, посвящённой этому периоду, говорит само за себя — «Захват истории русским царизмом». Весьма высокую оценку получает деятельность Келеш-бея. Интересный вывод делает автор о ситуации, наступившей в Абхазии после убийства Келеш-бея: «Междоусобица детей Келеш-бея — Сафар-бея и Аслан-бея — вызывает в стране политический кризис, заканчивающийся захватом Абхазии русским царизмом» .

Говоря о присоединении Абхазии к России, А. В. Фадеев указал на значительную роль мегрельских князей в этом процессе и отметил, что Л. Дадиани был союзником Сафар-бея (Георгия) в борьбе с Аслан-беем, сумев захватить при этом Самурзакан в качестве вознаграждения за поддержку.

В конце 1930-х — нач. 40-х гг. началась научная деятельность крупнейшего абхазского историка Г. А. Дзидзария. Высокую оценку получила его дипломная работа «Завоевание Абхазии русским царизмом», содержащая богатый фактический материал. Вскоре выходит его первая самостоятельная работа «Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века» (1940). В ней рассматривается борьба ведущих держав за Кавказ и Абхазию в частности. Учёный отмечал, что хотя процесс вхождения Абхазии в Россию принёс немало бед абхазскому народу, нахождение в составе султанской Турцию грозило Абхазии физическим уничтожением.

Сталинские репрессии и начавшаяся Великая Отечественная война нанесли науке Абхазии колоссальный урон. Были репрессированы многие учёные, в т.ч. авторы первых книг по истории Абхазии С. М. Ашхацава, С. П. Басария, А. К. Хашба и многие другие. А. В. Фадеев, подвергнутый критике как «лакобовский приспешник», вынужден был уехать из Абхазии. За годы Великой Отечественной войны не было написано ни одной работы по истории Абхазии.

После Великой Отечественной войны научная жизнь Абхазии стала более интенсивной. Вместе с тем работа историков Абхазии испытывала серьезные трудности, главным образом в связи с политическим курсом руководства Грузии, направленном против истории Абхазии и вообще этнической самостоятельной абхазского народа. В 1949 г. появилась статья грузинского литературоведа «Георгий Мерчуле — грузинский писатель XI века», в которой подчёркивалось этническое различие средневековых абхазов и современных «апсуйцев». Несмотря на основательную критику, в т.ч. и со стороны грузинских исследователей, в 1950-е гг, «теория Ингороква», к сожалению, становится ведущей в современной Грузии.

Однако и она не вполне удовлетворила грузинское руководство. И было сделано ещё одно «научное» открытие: оказывается, абхазы — это этнографическая группа грузин, которая в силу различных исторических причин забыла о своем происхождении. В силу этого изучение истории Абхазии могло проводиться лишь в неразрывной связи и как звено истории Грузии.

Целый ряд историков Абхазии (Д. И. Гулия, А. А. Олонецкий, И. Г. Антелава и др.) были вынуждены отказаться от своих прежних взглядов. Одна из центральных фигур абхазской истории Келеш-бей Чачба—Шервашидзе был объявлен реакционером, причем одним из главных обвинений против него стал его «сепаратизм», стремление к самостоятельности Абхазии.

После смерти Сталина абхазский народ и его история получают «право» на самостоятельность. Начинается возрождение абхазской исторической науки.

В 1960 г. к 150-летию знаменательной даты выходит капитальная монография Г. А. Дзидзария «Присоединение Абхазии к России и его историческое значение». Это первое специальное издание по данному вопросу. Присоединение Абхазии к России рассматривается в тесной связи с развитием «восточного вопроса» на широком фоне сложной и быстро меняющейся в начале XIX века обстановки в регионе. В данной работе Г. А. Дзидзария придерживается мнения, что присоединение к России являлось единственно правильным решением, избавившим абхазский народ от окончательного порабощения Турцией, этнической раздробленности и междоусобных воин. Тем самым он, не без влияния господствовавшей тогда исторической концепции, отказался от своих предыдущих взглядов

относительно завоевания Абхазии царской Россией. Присоединение Абхазии к России, по мнению Г. А. Дзидзария, несмотря на реакционную колониальную политику царизма, стало прогрессивным явлением абхазской истории.

Теория прогрессивности вхождения Абхазии в состав России, активно разрабатываемая Г. А. Дзидзария, стала господствующей в абхазской исторической науке. Она нашла отражение в целом ряде монографий Г. А. Дзидзария. («Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетии», «Формирование абхазской дореволюционной интеллигенции» и др.) и в работах его последователей, а также в «Очерках истории Абхазской АССР» и первом учебном пособии «История Абхазии» (1986).

В 1990 г. вышла работа историка новой волны С. З Лакоба «Очерки политической истории Абхазии», в которой был отражен новый взгляд на политическую историю Абхазии XIX — начала XX века. Однако в вопросе добровольности вхождения Абхазии в состав России, автор соглашается с общепринятой точкой зрения. Эта же позиция нашла отражение и в новом учебном пособии «История Абхазии» (1991), выход которого вызвал огромный общественный резонанс в стране.

После грузино-абхазской войны 1992—1993 гг., нанёсшей колоссальный ущерб Абхазии, историческая наука переживала весьма непростые времена, особенно усугубившиеся в связи с варварским сожжением здания АбНИИ и Центрального Государственного архива Абхазии. Тем не менее абхазская историческая наука возрождается. Неудивительно, что такой важный вопрос, как присоединение Абхазии к России, вновь оказался в центре внимания историков. В 1999 г. С. З. Лакоба опубликовал работу «Асланбей», в которой пересмотрел свои взгляды на вопрос присоединения Абхазии к России, и связанные с ним события. В ней, в частности, предпринята попытка обелить Аслан-бея. Автор указывает, что в смерти Келеш-бея виноват не Аслан-бей, а русское военное командование на Кавказе и мегрельские князья, заинтересованные в устранении слишком самостоятельного абхазского владетеля. Исходя из этого, автор ставит под сомнение правомерность притязаний Сафар-бея (Георгия) на владетельскую власть и, следовательно, законность грамоты Александра I от 17 февраля 1810 года и добровольность присоединения Абхазии к России. Эти положения С. З. Лакоба были

в дальнейшем повторены и усилены в школьном учебнике по истории Абхазии для 10—11 классов и в отдельной монографии (обе совместно с О.Х.Бгажба). Эта точка зрения разделяется многими абхазскими историками. Вместе с тем по-прежнему в ходу и традиционная точка зрения на образ Келеш-бея и его сыновей, а также на добровольность и законность вхождения Абхазии в состав Российской империи.

Вопрос об убийстве Келеш-бея является весьма трудно разрешимым из-за недостаточности источниковой базы. Что касается притязаний Аслан-бея и Сафар-бея на владетельскую власть, то законность обоих вызывает сомнения. Что касается присоединения Абхазии к России , то этот акт можно считать юридически верным, но сама кандидатура, на которой остановились русские власти, оказалась малоудачной. Сафар-бей (Георгий) и его потомки не пользовались популярностью среди населения, и их безоговорочная поддержка со стороны России вызвала рост антирусских настроений. Тем не менее, 1810 год является одной из коренных и переломных дат в истории Абхазии, а само присоединение привело к значительным и даже решающим изменениям в последующем развитии страны, требующих тщательного изучения.

Использованная литература

Агрба З. А., Хашба А. К. Вместо предисловия // А. В. Фадеев. Краткий очерк истории Абхазии . Ч. 1. Сухум, 1934.

Антелава И. Г. Очерки истории Абхазии XVII—XVIII вв. Сухуми, 1949. 2-е изд., 1951.

Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А., Куправа А. Э. История Абхазии. Уч. пос. Сухуми, 1986.

Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум, 1905.

Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. учебник для 10—11 класса. Сухум, 2006.

Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. Сухум, 2007.

Дзидзария Г. А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. Сухуми, 1960.

Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми. 1975.
Дзидзария Г. А. Труды. Т. 1. Сухуми, 1988.
Дзидзария Г. А. Завоевание Абхазии царской Россией. // Труды. Т 3. Сухуми, 2006.
Домения И. Х. Историография истории народов Северного Кавказа XIX—XX вв. СПб., 2000.
История Абхазии. Учебное пособие. Сухуми, 1991.
Кудрявцев К. Д. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1922.
Куправа А. Э. Олонецкий А. А. Краткий обзор изучения истории Абхазии за 40лет // Труды АИЯЛИ. Т. XXXII Сухуми, 1961
Куправа А. Э. Изучение проблем истории Абхазии за 50 лет. // Абхазскому институту 50 лет. Тбилиси. 1985.
Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.
Лакоба С. З. Аслан-бей. Сухум. 1999.
Салакая С. Ш. Вопросы истории Абхазии XIX — начала XX века в абхазской и советской историографии. Сухум, 2009.
Фадеев А. В. К вопросу о феодализме в Абхазии. Сухум, 1931
Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч.1. Сухум, 1934.
Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М. 1960.

❁

Сафаргалеев И. Ф.
(Институт стран СНГ)

Институт стран СНГ (диаспоры и интеграции) и актуальные вопросы востоковедения

Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции) — это автономная некоммерческая организация, которая была учреждена относительно недавно, 11 апреля 1996 года.

Непосредственное руководство Институтом и его научной деятельностью осуществляет директор Затулин Константин Федорович, депутат Государственной Думы РФ, первый заместитель председателя Комитета Госдумы по делам СНГ и связям с соотече-

ственниками. Именно по его инициативе в 1996 году и был создан наш Институт.

Среди его учредителей — институты Российской академии наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России и др.

В число основных потребителей информационно-аналитических докладов, исследований и прогнозов Института входят органы государственной власти Российской Федерации (Госдума и Совет Федерации РФ, Совбез и Администрация Президента России, Правительство и российский МИД), исследовательские центры Российской Академии наук, неакадемические государственные институты, аналитические центры, крупные коммерческие структуры, имеющие интересы на постсоветском пространстве.

В штате Института на постоянной основе работают более 20 специалистов-экспертов, в том числе 3 доктора и 10 кандидатов наук в различных областях. Мы практикуем привлечение в свои временные творческие коллективы экспертов из других исследовательских учреждений для участия в подготовке докладов и проведении мероприятий.

В Институте работают отделы: Диаспоры и миграции, Социологии, Украины, Молдавии и Приднестровья, Белоруссии, Казахстана и Средней Азии, Кавказа, Прибалтики. Активно действуют также филиалы в Ереване, Бишкеке, Киеве и Представительство в г. Севастополь.

Главной целью Института является определение и научное обеспечение российских интересов на территории бывшего СССР. Для этого его сотрудниками ведется комплексное изучение процессов, происходящих в новых государствах — бывших союзных республиках, прогнозирование их внутренней и внешней политики, разработка моделей экономической, политической, военной и культурной интеграции на постсоветском пространстве.

Институт занимается правозащитной деятельностью на территории стран бывшего СССР, выступая в поддержку русского языка, русской культуры и русского населения. Поэтому важное значение уделяется сбору и обработке информации о положении соотечественников в ближнем зарубежье, поддержанию связей с русской диаспорой и эмиграцией за рубежом. Мы также осуществляем мо-

ниторинг этносоциальных и военно-политических конфликтов на постсоветском пространстве, вырабатываем рекомендации по их разрешению и предотвращению.

Сотрудниками Института создана уникальная электронная база данных русских общин в ближнем и дальнем зарубежье и переселенческих организаций в России «Соотечественники». Успешно функционирует созданный и поддерживаемый Институтом информационно-аналитический интернет-портал «Материк.ру» (www.materik.ru).

Как было уже отмечено, являясь Институтом диаспоры и интеграции, исследовательский центр на протяжении многих лет ведет информационно-аналитическую работу по вопросам жизни российской диаспоры за рубежом, по реализации политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, и их миграции, в том числе по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

В рамках этого направления деятельности ведется постоянная активная работа со студентами московских вузов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Московского государственного открытого университета, Московского государственного областного университета).

На основании заказов российских министерств и ведомств, а также госконтрактов проводятся значимые научно-исследовательских работы.

Среди них хотелось бы особо отметить две.

Первая представляет собой проведенное в сентябре — декабре 2008 года по заказу МИД России социологическое исследование, охватившее 4 страны СНГ. Его результаты опубликованы в книге: «Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в Центрально-Азиатском регионе (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан)»[1].

---

[1] Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в Центрально-Азиатском регионе (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан) — По заказу МИД Рос-

Данное исследование имело целью получение объективной социологической информации о социально-политическом и экономическом положении современной российской диаспоры в Центрально-Азиатском регионе в условиях действия программы переселения, а также достоверных данных о возрастном, национальном и профессиональном составе, уровне образования, квалификации соотечественников в целом и отдельно тех, кто выразил желание участвовать в программе переселения (в количественном и процентном соотношениях).

Полученная достоверная информация позволяет представить социально-демографический портрет современного соотечественника, проживающего в странах исследования, и потенциального участника Программы из данного региона.

Выявленные степень информированности о Программе; мотивации переселения; предполагаемые сроки переезда в Россию, желаемые территории вселения в пределах России, а также обстоятельства, препятствующие переезду, позволяют оценить примерный потенциал переселенцев в Россию из Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана и сформулировать рекомендации о мерах, которые могли бы положительно сказаться на эффективности программы переселения в Россию из этих стран.

Объектом социологического исследования в странах являлись представители диаспоры народов России, граждане названных стран, идентифицирующие себя как российские соотечественники, граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за рубежом.

Предмет мониторинга — этнополитические, этносоциальные, этнокультурные и этнопсихологические процессы и совокупность факторов, влияющих на формирование переселенческих мотиваций российских соотечественников.

Задачи мониторинга состояли в выявлении мнений и оценок респондентов об их национальной самоидентификации, гражданской принадлежности, адаптированности в странах проживания, о владении русским языком, о степени включенности в реализацию Программы добровольного переселения, также факторов, препятствующих формированию мотивации на переезд и собственно переезду.

сии. Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). — М., 2008. — 270 с.

Исследования проводились в местах компактного проживания русскоязычных жителей Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана в октябре-ноябре 2008 года.

Для решения задач проекта использовались эмпирические методы исследования — количественные (массовый опрос) и качественные (фокус—группы). Использование количественной и качественной методологий, успешно дополняя друг друга, позволило получить необходимую информацию.

В ходе количественного исследования было опрошено 3700 человек. В том числе: в Казахстане — 1000 человек, в Киргизии — 900, в Таджикистане — 900 человек, в Узбекистане — 900 человек.

Для сбора первичной социологической информации при проведении массовых опросов был использован метод личного интервью. Этот метод является наиболее эффективным для решения задач данного исследования. Он обеспечивает высокий уровень досягаемости респондентов, качественное заполнение анкет, а также соблюдение принципа репрезентативности выборки. Необходимые категории исследования, отражающие основные характеристики изучаемого объекта, были операционализированы в виде доступных для респондентов формулировок вопросов анкеты. Опросная анкета состояла из 50 вопросов. Практически все вопросы анкеты закрытые. В среднем ответы на вопросы анкеты в процессе интервью занимали 40 минут.

В исследовании использовалась квотная выборка, репрезентирующая взрослое население стран, в которых проводилось исследование, по месту проживания (городская или сельская местность), полу и возрасту. Осуществлялся 10% контроль качества сбора и ввода данных.

Для обработки данных использовались общестатистические процедуры и общая схема обработки. Для решения основных задач исследования применялись следующие методы статистики: анализ вариационных рядов, проверка значимости различий, дискриптивный анализ.

Качественным методом, который применялся в исследовании, был метод фокус-групп. Фокус-групповые дискуссии проведены во всех странах исследования. Всего проведено 32 фокус-группы. Участниками фокус-групп стали активисты общественных объединений российских соотечественников в странах проживания. Кри-

терии отбора участников: 1) возраст (20—39 лет или 40—60 лет); 2) образование (среднее или высшее). Фокус-группы проводились по единому сценарию[2].

Другая научно-исследовательская работа «Русскоязычные в Центральной Азии. Социальный портрет», также изданная в виде книги, содержит результаты исследования, проведенного Институтом стран СНГ в августе — сентябре 2009 года на средства пожертвования Фонда «Русский мир» в 4 постсоветских государствах Центральной Азии: Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане[3].

В качестве целей исследования были определены:

- получение объективной информации о социально-политическом и экономическом положении российской диаспоры в странах СНГ;
- выявление факторов и каналов, которые влияют на политическое поведение диаспоры народов России в государствах, охваченных настоящим исследованием.

Задачи исследования состояли в выявлении мнений и оценок соотечественников об их национальной самоидентификации, гражданской принадлежности, адаптированности в странах проживания, о владении русским языком, о занятости и материальном положении, о возможностях и механизмах защиты прав, об отношении к России и российским политикам, о степени миграционных настроений.

Исследование также как и первое проводилось количественными (массовый опрос) и качественными (фокус-группы) методами, которые успешно дополняли друг друга.

Всего в ходе количественного исследования было опрошено 3700 человек. В том числе: в Казахстане — 1000 человек, Кирги-

---

[2] Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в Центрально-Азиатском регионе (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан) — По заказу МИД России. Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). — М., 2008.— 270 с.

[3] Русскоязычные в Центральной Азии. Социальный портрет. — Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). — М., 2010. — 288 с.

зии — 900 человек, Таджикистане — 900 человек, Узбекистане 900 человек.

Для сбора первичной социологической информации при проведении массовых опросов был использован метод личного интервью.

Респонденты опрашивались по их домашним адресам при помощи анкеты, разработанной Институтом стран СНГ. Есть некоторые различия в наборе вопросов анкеты для разных стран. В частности, чтобы избежать проблем при организации исследования в Узбекистане, из анкет был изъят ряд вопросов, касающихся правозащитной тематики.

В центре внимания разработчиков инструментария находились следующие центральные категории исследования, отражающие основные характеристики изучаемого объекта:

- политика государства проживания в отношении этнических меньшинств и в отношении России;
- деятельность корпоративных организаций соотечественников в странах проживания, федеральных и региональных государственных и неправительственных учреждений РФ в отношении соотечественников за рубежом;
- социально-экономическое положение диаспоры в странах проживания;
- включенность диаспоры в социально-политический процесс стран проживания;
- межнациональные отношения;
- наличие миграционных настроений.

Эти категории были операционализированы в виде доступных для респондентов формулировок вопросов анкет.

В среднем ответы на вопросы анкеты в процессе интервью занимали 30 минут.

Межрегиональная сопоставимость результатов мониторинга была изначально запланирована при проектировании исследования.

Сопоставимость обеспечивалась за счет:

- использования единого инструментария исследования;
- унифицированного для всех регионов шаблона базы данных и общей схемы ввода данных;
- общей схемы (процедуры) статистической обработки данных;
- общей формы статистического отчета;
- общей для всех регионов структуры аналитического отчета.

- общих требований к контролю сбора социологических данных.

Исследователи в регионах реализовывали общую схему обработки данных и получали сопоставимые результаты, отличающиеся лишь формой их конкретного представления.

Сопоставимость региональной эмпирической статистики, а также удобство сравнения данных, полученных различными исследовательскими группами, достигалась путем стандартизации формы представления результатов статистической обработки массивов данных. Этой цели служил макет статистического отчета.

В исследовании использовалась те же самые, что и в первом социологические методики.

Оно, с целью обоснования востребованности, предваряется констатацией: несмотря на то, что с момента актуализации проблемы российской диаспоры и диаспоральной политики России, пик которой пришелся на вторую половину 90-х гг. прошлого столетия, отечественным экспертным сообществом, политологами, обществоведами пройден значительный путь, результируемый солидным багажом научных наработок и полемического материала, современное состояние вопроса, как в академическом, так и в практическом контексте, далеко от завершенности.

Отсутствие ясности на этом важном участке гуманитарного знания обуславливает не только наличие серьезного пробела в научном представлении о современном обществе, но и дает дополнительный карт-бланш всякого рода спекулянтам от политики, всем тем, кто хотел бы «погреть руки» у костра нерешенных проблем постсоветского общежития. И это социологическое исследование является очередной попыткой анализа точек зрения, позиций в этой теме, которая, думается, поможет определить тупиковые и перспективные направления ее разработки.

Понятие «российская диаспора» тесно связано с другой научной, и даже цивилизационной, проблемой, выходящей на общий историко-культурный пласт национальной идеи. Речь идет, по сути, о формировании основания российского социума, важнейшей составляющей которого является верный ориентир в определении содержания фундаментальной дефиниции — «российский народ». Этот общественный феномен представляет собой необходи-

мый гносеологический посыл в исследовании его диаспоральных производных[4].

Мировоззренческий вопрос социальных характеристик, качественных черт и содержания понятия «российский народ» далеко не только предмет научных дискуссий, но, прежде всего, инструмент политического противоборства. Поэтому спектр имеющихся на него ответов настолько широк, насколько широка палитра современных взглядов российского политического истэблишмента. Например, вполне предсказуемо выглядит позиция евроцентристов и «ультралибералов», которые вслед за своими западными учителями утверждают, «если нет демократии и гражданского общества, а есть подданные в путинской России, то нет и российской нации»[5].

Общая логика политического развития страны в начале 90-х гг. прошлого столетия в сторону «местечковых суверенитетов» дала благодатную почву для представления о российском народе как конгломерате этносов, входящих в состав государства, исключающее главное содержание «российскости», или, другими словами, то, что позволяет идентифицировать эту историческую общность[6].

Вместе с тем, опрос коренного населения Узбекистана, проведенный в 2008 г., показал, что более трети опрошенных ощущают свою сопричастность с российской историей, культурой и общими с россиянами ценностями[7]. И это при том, что история российско-узбекских отношений имеет не только позитивные прецеденты, а Узбекистан развивается как суверенный субъект международного права уже в течение почти двух десятилетий. Надо ли после этого доказывать наличие российской социокультурной идентичности у народов в ныне объединяемых нашим государством?

В своем выступлении на Всемирной конференции соотечественников 31 октября 2008 г. директор Института стран СНГ К. Ф. Зату-

---

[4] Русскоязычные в Центральной Азии. Социальный портрет. — Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). — М., 2010. — 288 с.

[5] Э. А. Паин. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. — М., 2004.

[6] См., например: *Р. Г. Абдулатипов*. Принципы национальной политики. Вариант концепции для Российской Федерации. — М., 1994. И др.

[7] Текущий архив Института стран СНГ. Отдел Центральной Азии и Казахстана. 2008 г.

лин предложил внести изменение в содержание трактуемого федеральным законом 1999 г. этого понятия. По мнению К. Ф. Затулина, российскими соотечественниками должны быть признаны люди, «которые живут за пределами Российской Федерации, сделали свободный и добровольный выбор в пользу признания своей культурной и духовной связи с нею, и принадлежат по своему происхождению, как правило, к национальностям, исторически проживающим на территории России»[8].

Функциональное поле дефиниции «соотечественник» достаточно рельефно следует из данного определения и становится еще более очевидным, исходя из предложенного К. Ф. Затулиным варианта, ее практического применения: зафиксировать в этом качестве всех, кто подает Декларацию, подтверждающую наличие родственных связей с Россией, или рекомендацию Координационных советов соотечественников. Одним словом, академический и практический смысл дефиниция «соотечественник» имеет только в контексте учета состояния и потенциала развития российской диаспоральной базы или, если позволить эвфемизм — «диаспорального материала».

Российская диаспора остается предметом научных исследований и нескончаемых дискуссий. Несмотря на то, что в направлении изучения этой общности пройден достаточно сложный путь, имеющий свои достижения и результаты, остается неясным и потенциально полемическим большое количество вопросов: механизма консолидации диаспоры, институциональных качеств коммуникативных, трансграничных и внутридиаспоральных свойств и т. д. Отсутствие устоявшейся точки зрения на эту проблему не является следствием обнаружения исследователями непознаваемого феномена или его существования исключительно в научных абстракциях.

Такое положение дел обусловлено рядом объективных и субъективных обстоятельств. К субъективным следует отнести присутствие диаспоральной проблематики не только в академическом, но, прежде всего, в политическом пространстве, включенность в общий дискурс национальной и международной политики Рос-

---

[8] Оперативный мониторинг положения российских соотечественников по текущим событиям общественно-политической жизни стран пребывания (ноябрь, 2008). — Институт стран СНГ, М., 2008. С. 75.

сии. Объективной доминантой, определяющей процесс научного освоения темы, является динамичное состояние самого предмета исследования, которое, в свою очередь, опосредовано процессами, происходящими как в материнском государстве, так и в «принимающих» странах.

Формирование в общественном сознании представления о российской диаспоре будет происходить по мере проявления во многом феноменальных институциональных черт, сколько-нибудь полная картина которых, особенно в странах СНГ, сложится не скоро. Однако «непознанность» этого общественного феномена — не повод разделять точку зрения скептиков о том, что проблема не заслуживает внимания по причине отсутствия у России когда-либо прочной диаспоры и невозможности складывания таковой в перспективе[9].

Особым исследовательским приоритетом в работе Института стран СНГ является Украина и в рамках рассматриваемых актуальных проблем отечественного востоковедения — Крым, где в г. Севастополь находится российская военно-морская база. На данном направлении Институтом проводится целый комплекс как исследовательских работ, так и мероприятий, которые в большей степени имеют отношение к политике, чем к востоковедению, которое в рамках нашего исследовательского центра носит исключительно практический характер.

Так, наш Институт регулярно проводит международные конференции и «круглые столы» по различным аспектам, имеющим отношение к Крыму, как в историческом, так и в политологическом плане.

Ведется активная работа с организациями российских соотечественников. Самые авторитетные из них — «Российская община Севастополя» и «Русская община Крыма». Осенью 2009 г. на базе Русской общины и Гражданского союза было создано движение, а затем и блок «Русское единство».

Институт поддерживает и принимает участие в проведении ежегодного Международного Фестиваля «Великое русское слово», который открывается 6 июня в день рождения А. С. Пушкина, а также в праздновании Дня ВМФ России в Севастополе и Дня Черно-

[9] Русскоязычные в Центральной Азии. Социальный портрет. — Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). — М., 2010. — 288 с.

морского флота. И, несмотря на наличие в деятельности Института на этом направлении элементов реализации российских внешнеполитических и военно-политических интересов, следует констатировать, что все это является закономерным продолжением большой исследовательской работы по мониторингу внутриполитических, социально-экономических, межэтнических и межконфессиональных процессов на полуострове, проводимого с целью нейтрализации возможных негативных для России последствий[10].

Институтом стран СНГ с момента его образования ведется работа по изучению внутриполитических процессов и внешнеполитической сферы пяти постсоветских азиатских республик. Особое внимание уделяется рассмотрению вопросов национальной безопасности Центрально-Азиатского региона, включая ее внешнеполитические, оборонные и энергетические составляющие. Разрабатываются прогнозные оценки внутренней и внешней политики постсоветских азиатских республик, модели их экономической, политической, военной и культурной интеграции в пространстве региона.

Осуществляется мониторинг этносоциальных и военно-политических конфликтов на территории постсоветской Азии и регионов, граничащих с этим пространством, вырабатываются рекомендации по их разрешению и предотвращению.

Обозначая исследовательские приоритеты на данном направлении, следует обратить внимание на следующие важные обстоятельства:

- новые независимые государства (ННГ) постсоветской Азии получили суверенитет без каких-либо личных усилий, что существенно отличает элиты Центральной Азии от правящего класса стран Балтии, Закавказья или Украины;
- десятилетие, прошедшее после формального провозглашения независимости для всех пяти азиатских государств — Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркмении и Таджикистана — не стало временем формирования подлинной государственности. Флаги, гербы, гимны и иные атрибуты полноценных

[10] Материалы предоставлены 07.09.2010 г. *Гойденко В. Г.*, экспертом отдела Украины Института стран СНГ (диаспоры и интеграции).

государственных образований до последнего времени остаются неким «декоративным элементом».

- после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне, США, ранее достаточно безразлично относившиеся к Центрально-Азиатскому региону, сконцентрировали свое внимание на процессах, происходящих в этом пространстве (включая, примыкающие к ЦАР субрегион Каспия и все Закавказье);
- исторически сложившиеся евразийские центры силы на начальном этапе активизации Запада в Центрально-Азиатском регионе не могли определить своего отношения к процессу выработки стратегии, отвечающей их интересам и пониманию континентальной стабильности. Однако, по мере ухудшения ситуации в Афганистане и Пакистане, наблюдаются постепенные шаги по выработке консолидированной позиции Москвы, Пекина, Тегерана и Дели по отношению к процессам, происходящим в Центральной Азии;
- внешняя политика постсоветских стран Центральной Азии — это, прежде всего, продукт желаний и действий правящих элит. Общественное мнение в республике хотя и играет некоторую роль, все же мало влияет на решения, принимаемые властями. Почти во всех этих государствах (за исключением, может быть, Киргизии) выстроена жесткая вертикаль власти и все значимые решения прямо замыкаются на президента страны и его ближайшее окружение[11].

Среди всех пяти центрально-азиатских государств безусловным приоритетом для России, а следовательно и предметом приложения основных исследовательских усилий нашего Института, является Казахстан.

Для Москвы Казахстан является не только стратегическим партнером, одним из ведущих экономических партнеров на постсоветском пространстве, местом нахождения ключевых военно-космических структур, но и геостратегическим предпольем, ограждающим Россию от вызовов с юга. Не следует забывать и о таком «нематериальном», но весьма значимом факторе, как столетия, прожитые двумя народами совместно (и позитивные примеры, и трагический опыт, в

[11] *А. В. Грозин.* «Новое восточное обозрение. 08.04.2010 г.

равной мере объединяют и русских, и казахов), а также многочисленные нити личностных связей, пронизывающих социумы РФ и РК.

Россия и Казахстан в силу многочисленных объективных и субъективных причин остаются чрезвычайно «взаимоувязанными» государствами. Для РК российская территория остается главным транзитным пространством, российский внутренний рынок — основным потребителем казахстанской продукции, а экономика РФ — ведущим экономическим партнером.

Республика продолжает оставаться основным политическим и экономическим партнером России в регионе, участником СНГ, ЕврАзЭС, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), и создающегося Единого экономического пространства (ЕЭП) — с января 2010 г. Москва, Астана и Минск приступили к практической реализации строительства Таможенного союза (ТС). РК является надежным партнером РФ в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Внешняя политика Казахстана — это, прежде всего, продукт желаний и действий правящих элит. Общественное мнение хотя и играет некоторую роль, все же мало влияет на решения принимаемые властью. В республике выстроена эффективная вертикаль власти и все значимые решения прямо замыкаются на президента страны и высшее чиновничество РК.

Российские позиции в Казахстане еще сильны, а потому Москва имеет значительное влияние на политику республики. Наиболее сильно влияние России на экономику РК, что объясняется рядом причин: глубокой технологической завязанностью на Россию, значительной долей русскоязычного населения и пр. Серьезная транспортная и товарная зависимость Казахстана от России остается постоянной величиной.

Россия заинтересована в сохранении такого положения не только по соображениям материального свойства (тарифные и налоговые отчисления, контроль над потоками конкурентного сырья, поступающего на традиционные для российских сырьевых экспортеров рынки и пр.), но и в связи с необходимостью сохранения своих геополитических позиций.

Несмотря на значительное сокращение русского и русскоязычного населения в РК, их доля в структуре населения республики остается значительной. Данные последней переписи населения

(2009 г.) РК указывают на наличие почти 30% европейского населения. В то же время, этнократическое давление на русскоязычных сейчас намного слабее, чем в 90-е годы XX века. Не смотря на то, что фактор культурно-информационного доминирования России в постсоветской Азии постепенно сокращается, видна тенденция его долгосрочного сохранения в Казахстане.

Казахстан, по собственным статистическим данным, продолжает оставаться страной ориентированной в значительной мере на российскую экономику. Достаточно сказать, что Россия до «кризисного» 2009 года удерживала первое место в мире в качестве главного потребителя казахстанского экспорта. Россия пока остается лидером по объему импорта в Казахстан — около 40% от общего объема импорта в 2008 г. Затем, следовали Германия (9%), Китай (5—6%), США (4—5%), Великобритания, Италия, Турция, Украина, Республика Корея, Франция, Нидерланды, Узбекистан, Япония и пр. В 2009 г. ситуация изменилась: объем российского импорта в РК серьезно «просел» (страны ЕС также снизили аналогичные показатели), а КНР нарастила масштабы импорта в Казахстан и вышла на второе место, почти сравнявшись с российскими показателями.

Казахстан до 2009 г. входил в десятку основных внешнеторговых партнеров России и остается одним из основных торговых партнеров России со странами СНГ. Казахстанско-российский совместный товарооборот в 2002 г. составил около $4,4 млрд., в 2003 г. достиг $5,5 млрд., в 2004 г. перешагнул отметку в $6 млрд., в 2005 г. был оценен официальной Астаной в $8 млрд. В 2008 г., эта цифра приблизилась к $20 млрд., но в 2009 г., по официальным оценкам, снизилась на 30%.

На настоящий момент взаимоотношения России и Казахстана, по нашему мнению, не отвечают объективно сложившимся требованиям сотрудничества двух государств и народов. Чрезмерная политизированность двусторонних отношений не раз приводила к напряженности по таким вопросам, как аренда космодрома «Байконур» и полигонов, выбор маршрута транспортировки каспийской нефти, положение русскоязычного населения в Казахстане и др. Очевидно, что и в дальнейшем можно будет наблюдать конфликты интересов отдельных бизнес-групп двух стран (например, по тарифной и таможенной политике в рамках ТС, вопросов расширения

КТК, перспектив Омского ГПЗ или сотрудничества в области атомно-промышленных комплексов двух стран, партнерства в освоении космоса и т. п.), которые будут трактоваться всеми заинтересованными сторонами (и внутри наших государств, и вне их) как «межгосударственные противоречия».

Сложившаяся ситуация требует сбалансированных взаимных уступок для достижения взаимоприемлемого и взаимовыгодного уровня сотрудничества, тем более, что обе страны одинаково обеспокоены мировыми финансово-экономическими макропроцессами и угрозами национальной безопасности.

В условиях нарастания тревожных тенденций в Центрально-Азиатском регионе, развертывание процессов глобализации на фоне циклических кризисов мировой экономики и появление новых для постсоветского пространства вызовов, дальнейшая выработка взаимоприемлемой линии поведения РФ и РК и в отношениях друг с другом, и в связях с другими государствами становится насущной необходимостью.

Подобными мероприятиями, способными преломить негативные тенденции, могли были бы быть активизация военно-технического и военно-политического сотрудничества; развитие двусторонней интеграции в сфере экономики и финансов; культурно-информационный обмен; более глубокое сотрудничество в области образования и науки.

Нынешний уровень экономической интеграции (в том числе и недостаточная, по нашему мнению, проработанность вопросов взаимодействия в рамках ТС) все еще не отвечает потребностям национальных экономик РК и РФ. Имеющиеся на сегодня факты экономического взаимодействия между предпринимателями двух стран следует, на наш взгляд, оценить как нуждающиеся в серьезной корректировке.

И Россия, и Казахстан должны принять меры, способные стимулировать более глубокий уровень взаимовыгодного сотрудничества (как в рамках ТС, так и по линии двустороннего партнерства). Унификация таможенного, налогового законодательства, единая тарифная политика, создание условий для реально работающих консорциумов (ТЭК (включая переработку и транспортировку углеводородов), цветная и черная металлургия, транспорт (авиационный и железнодорожный), атомная энергетика), представление режима

благоприятствования для СП — основные направления экономического взаимодействия двух государств на перспективу.

Ни экономическая комиссия при Экономическом совете СНГ, ни Исполком Союза Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Белоруссии и России в настоящий момент не могут оказать серьезного воздействия на интеграционные процесс, поскольку являются многосторонними организациями и вынуждены учитывать слишком широкий спектр мнений. Требуется именно двусторонний рабочий орган, уполномоченный правительствами Казахстана и России, который способствовал бы развитию торговых, финансово-банковских, инвестиционных отношений, унификации законодательства и т. п. Такой орган, на наш взгляд, мог бы взять на себя вопросы досудебного арбитража, страхования рисков и т. д.

Сегодня существует ряд текущих проблем в экономических отношениях субъектов двух государств, которые требуют именно правительственного участия (на президентском уровне такого рода вопросы традиционно решаются, но качество исполнительской дисциплины часто усложняет разрешение проблем).

Обе страны имеют однотипную стратегию в такой сфере как добыча, транспортировка и торговля углеводородами: увеличение экспорта при росте мировых цен на нефть. Подобная зависимость от состояния мирового рынка чревата возможными ценовыми кризисами наподобие августа 1998 г. или ситуации 2008 года.

Преодоление превалирования сырьевого экспорта над другими отраслями должно стать одной из задач экономической интеграции — требуются совместные усилия по развитию высокотехнологичных экспортно-ориентированных производств, созданию на этой основе СП, ФПГ и т. н. технологических парков.

В данной связи, отдельный вопрос, нуждающийся, по нашему мнению, в коррекции — сопрягаемость российской и казахстанской программ «инновационно-прорывного» характера. К сожалению, сейчас шаги по коренной модернизации национальных экономик Москва и Астана принимают и планируют к реализации без учета опыта партнера. Представляется, что, как минимум, полезной была бы максимально возможная координация шагов двух стран по изменению сырьевого профиля своих экономик. Вероятно, необходимо создание некоего межгосударственного органа (в рамках ТС или двустороннего, казахстано-российского) для данной координаци-

онной работы. Даже на начальном уровне взаимодействия в таком, условно говоря, «Межгосударственном совете по координации инновационных моделей развития экономики» в краткосрочной перспективе можно не только осуществить полезный обмен идеями и научными наработками, но и сэкономить значительные средства: нет необходимости тратить собственные ресурсы если интересующие наработки есть у партнера или существует возможность достичь его в кооперации.

Поскольку близкий уровень оборонного потенциала двух государств, схожесть военных доктрин, единообразие военной инфраструктуры (включая систему командования, ПВО), наличие на территории Казахстана ряда ключевых объектов бывшей Советской Армии (космодром «Байконур», полигоны и пр.) в результате дезинтеграции СССР могут быть утрачены. Вследствие этого требуются скорейшие и безотлагательные двусторонние меры по стабилизации обстановки.

Наиболее реалистичным, на наш взгляд, является более тесная интеграция военных систем двух стран. В первую очередь, это, безусловно, система ПВО: соглашения о сотрудничестве в этой сфере уже подписаны, необходимо их неукоснительное, детальное и постоянное исполнение обеими сторонами.

Как для России, так и для Казахстана, потенциальной угрозой является ухудшение международной обстановки в Южной Азии, Ближнем и Среднем Востоке. Поскольку ряд стран данного региона обладают ОМП и средствами его доставки (или близки к этому уровню), то создание и укрепление системы (как минимум) раннего оповещения является насущной необходимостью. В силу этого, требуется провести определенную подготовительную работу, связанную с повышением уровня сотрудничества между системами ПВО-ПРО двух стран, проведение совместных учений (причем, периодическое). Удачный пример сотрудничества между Астаной и Москвой позволит стимулировать и ВТС стран СНГ.

Принципиально важным является в целом военно-техническое сотрудничество. А именно: восстановление связей национальных ОПК, обмен технологиями двойного назначения, участие новейших типов российской техники в переоснащении казахстанской армии (особенно, в ВВС и ПВО). Общественное мнение Казахстана и России должно воспринимать это сотрудничество не как получение од-

ной из сторон необоснованных выгод за счет партнера, а как взаимоприемлемое и взаимовыгодное партнерство на паритетных началах.

Стороны должны проводить совместные военные учения, осуществлять подготовку и переподготовку командного состава, оптимизируя структуру управления ВС.

Говоря о военно-политическом сотрудничестве, надо отметить и определенный субъективный момент: для российского руководства (президент, премьер-министр) вопросы национальной безопасности являются одним из основных приоритетов. Возможным начальным этапом в новом уровне интеграции и ВТС может стать создание двусторонней комиссии по региональной безопасности между Советами безопасности двух стран. Такая комиссия позволила бы с одной стороны, сблизить национальные военно-стратегические концепции, с другой, стать рабочим органом по координации ВТС.

После того как мировые экономические неурядицы нанесли серьезный удар по самой благополучной в Центральной Азии казахстанской экономике, перспектива превращения Казахстана в региональную сверхдержаву несколько отдалилась, но, по нашему мнению, совершенно не утратила своей актуальности. И дело не в амбициях: объективная реальность, помноженная на экономический потенциал РК и сегодняшние геополитические трансформации мира, способствует развитию ситуации в регионе в этом направлении.

Во многом укрепление российско-казахстанских взаимоотношений связано с резко изменяющейся ситуацией в регионе. Обозначившаяся после серии террористических актов в Ташкенте и Фергане (март-апрель 2004 г.), попытки мятежа в Андижане (май 2005 г.) и, особенно, новой «киргизской революции» и июньскими межэтническими столкновениями на юге, перспектива дальнейшей дестабилизации ситуации в Киргизии (а, в перспективе, и Таджикистана) представляет прямую угрозу для экономических и военно-политических интересов Москвы в регионе. Также и для Казахстана потенциальной угрозой является ухудшение международной обстановки в Южной Азии, Ближнем и Среднем Востоке. Не стоит забывать и о том, что после череды «цветных революций» элиты Казахстана и России, почувствовали вероятность вспышек инспирированного извне общественного недовольства. Ясно, что механизмы «цветного манипулирования» ситуацией просто временно

законсервированы, но отказываться от их использования «цивилизованный Запад» не собирается. Это надо четко понимать и быть готовым к отстаиванию собственных национальных интересов в любой ситуации.

С учетом вышесказанного Москве, по нашему мнению, следует четко и недвусмысленно указать на ряд принципиально важных моментов:

- Казахстан был и останется для России главным и безальтернативным партнером в Центральной Азии;
- интеграционные региональные инициативы Астаны отвечают российским национальным интересам, лежат в русле региональной политики Москвы, и должны быть поддержаны РФ;
- Россия должна ориентироваться на минимально лимитированное (в связи с соображениями государственной безопасности), расширенное партнерство с РК в «чувствительных» высокотехнологичных сферах (ОПК, космос, атомпром, транспорт и коммуникации);
- все вышеозначенные подходы становятся актуальными при аналогичной оценке Казахстаном России, ее места и роли в регионе и в самой республике. Тесное союзническое партнерство в различных сферах — «улица с двусторонним движением».

Естественно, у РК могут быть обоснованные опасения по поводу вероятности «чрезмерного» усиления влияния РФ на республику. Но, на наш взгляд, в долгосрочном плане Россия не является серьезной угрозой для казахстанской государственности. В обозримом будущем ни в экономическом, ни в военном, ни в демографическом плане она не готова к восстановлению ни СССР, ни Российской империи. В России нет и не предвидится избыточного населения для продолжения политики экспансии через переселение, а экономические интересы ведущих элит РФ, не смотря на декларации, лежат за пределами постсоветского пространства.

Уровень сотрудничества в области культуры достаточно высок в отличие от образования. Языковая политика Казахстана, некоторое несоответствие образовательных стандартов и учебных методик представляется проблемами, требующими постепенного взвешенного политического решения, которое одинаково позитивно оценивалось бы общественным мнением и России и Казахстана.

Предложения Н. Назарбаева, озвученное еще несколько лет назад, о создании эффективно действующего Фонда содействия и развития русского языка на постсоветском пространстве, не потеряло актуальности и в случае его реализации (опасность «забалтывания» перспективной идеи с учетом опыта СНГ 90-х годов кажется весьма высокой) может привнести во взаимоотношения двух государств дух взаимопонимания и партнерства. Данное положение особо актуально в связи с тем, что в РФ традиционно уделяется большое внимание вопросам положения русского языка и русской диаспоры на пространстве Содружества.

Ясно, что весьма интересные возможности (непредвзятая информация, формирование положительного имиджа РК на регулярной и рационально выверенной основе и пр.) открываются в последнее время и в сфере медиа. Намерение российского руководства расширить доступ в свое медиа-пространство для партнеров по СНГ, безусловно следует использовать в максимально возможной мере. Тем более, что после недавней реорганизации правительства перед новым Министерством связи и информации РК президентом прямо была поставлена задача действовать «наступательно» для «обеспечении информационной безопасности страны в тесном взаимодействии со всем журналистским сообществом». Использование перспективной во многих отношениях российской информационной сферы помимо нематериальных дивидендов при правильной постановке партнерства даст и конкретную финансовую и технологическую отдачу.

Особый интерес, по нашему мнению, представляет возможность активизации научного сотрудничества российского и казахстанского экспертного сообществ. На сегодня, в России ситуация российско-казахстанских взаимоотношений представлена, по нашему мнению, не достаточно емко. Значительные успехи по созданию адекватного образа Казахстана в российском общественном мнении за последние годы были достигнуты, но следует четко осознавать, что малейшее ослабление внимания к данной теме ведет к тому, что «всплывают» различные неадекватные (а иногда и прямо маргинальные) точки зрения и на ситуацию в РК и РФ, и на межгосударственное партнерство двух стран. В данной ситуации более продуктивным было бы налаживание и укрепление прочных двусторонних контактов на уровне экспертов и аналитиков.

Реально данное положение можно было бы реализовать, образовав некий казахстано-российский неформальный институт (например, клуб ведущих экспертов двух государств). Подобная структура, реализовывая издательские программы и используя Интернет, может заложить основы «взаимовыгодного» сотрудничества политологов, социологов, историков и политтехнологов РФ и РК. Данное взаимодействие позволит не только выработать адекватное представление и оценку процессов, протекающих в ЦАР, но и вывести отношения России и Казахстана из области субъективной и официозной на более объективный, прагматичный и, главное, научно обоснованный уровень. На его основе можно перейти к расширению научного (а на его основе и политического) обмена по различным направлениям.

На наш взгляд, большинство проблем в двусторонних отношениях вызвано субъективными подходами правящих элит, зачастую не имеющих под собой адекватного и объективного представления о реальном положении вещей. Если подобный подход будет превалировать и далее, то развитие двусторонних отношений может зайти в тупик. Предложенные нами двусторонние межправительственные комиссии и советы, облеченные соответствующими полномочиями, вполне способны сблизить различные подходы и методики, выработать конкретные меры по интеграции двух государств при безусловном сохранении суверенитета и взаимной выгоды[12].

Другим приоритетным направлением исследовательских усилий Института стран СНГ является Киргизия. И, в связи с этим, не случайно в 2008 году именно в Бишкеке был открыт региональный филиал Института, который, планируется сделать научно-аналитическим центром по широкому спектру проблем всей Центральной Азии.

Системный кризис в Кыргызстане — результат суммы внутренних факторов, сделавших страну неустойчивой к внешнему воздействию, внутренне «пустотелой».

Становится очевидным, что вся «государственная машина» Кыргызстана нуждается в капитальном ремонте, а саму страну в ее сегодняшнем виде и границах может спасти лишь чудо[13].

---

[12] *А. В. Грозин*. Интернет-портал «Матрик.ру». 08.09.2010 г.

[13] *А. В. Грозин*. Псевдогосударство Киргизия. 24.06.2010 г.

И дело не в пресловутом «противостоянии Севера и Юга». К несчастью, погромы, начавшиеся в ночь с 10-го на 11 июня, наглядно показали, что дело обстоит гораздо хуже: реализуется своеобразный сценарий превращения страны во «флибустьерскую республику». Обычная криминализация всего без исключения спектра общественной жизни Киргизии — настоящее и наиболее вероятное будущее этого государства, все более превращающегося в «территорию», на которой периодически резкие фазы всевозможных конфликтов неожиданно возникают в самых разных регионах и формах.

Дифференциация основных центров силы в стране происходит по основному мотиву, составлявшему, как видно, основную суть и «революции тюльпанов-2005» и «революции-2010» — захват власти как инструмента контроля над легальными и, особенно, иллегальными финансовыми потоками и всеми сколько-нибудь значимыми ресурсами Киргизии.

Рядовые граждане республики все последние годы получали каждодневные «сюрпризы» в виде убийств парламентариев, бизнесменов и известных спортсменов, постоянных, неумело скрываемых разногласий в элитах, «народных волнений» и рейдерства, а в последние дни — межэтнических погромов с сотнями зверски убитых граждан страны.

Очередной конфликт происходит в то время, когда не утихли еще волнения по поводу предыдущего обострения, затем происходит следующее и так до бесконечности. Периодически, как печально шутят в Бишкеке, «озверевшая толпа погромщиков вновь посетила Дом правительства с очередным рабочим визитом».

Сегодня не секрет, что именно криминал обеспечил и первую (в большей мере) и вторую (в меньшей степени) «революции» необходимыми средствами и «живой силой» для проведения акций протеста и захвата Дома правительства. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно криминальная составляющая и стала главной сутью всех процессов, происходящих в республике. И в погромах в Оше, Джалал-Абаде, под Сузаком четко прослеживается все тот же криминальный «след». И «элита» Киргизии, похоже, не видит в подобном ничего из ряда вон выходящего.

Роль Бакиева и его Семьи в событиях на юге КР представляется как очень вероятная в плане «первотолчка», но не определяющая.

В не меньшей, а даже в большей степени виновна сама «новая» власть, неспособная ни на что, кроме пустой болтовни.

В Киргизии продолжается вялотекущая гражданская война среднеазиатского типа — погром по этническому принципу. Далеко не первая в этом регионе, тянущаяся в Ферганской долине где-то с середины XIX века. В данном случае киргизы, подстрекаемые собственными вождями и нанятыми «бакиевцами» провокаторами и наемниками, срывают зло за свою экономическую несостоятельность и грабят чуть более состоятельных узбеков. Плюс годами вбиваемая разными доморощенными идеологами мысль о величии кыргызов, «Манасе Великодушном» и родной земле, на которую зарятся «пришельцы-сарты», за спиной которых маячит тень Ташкента. Киргизская политика и политики вообще чрезмерно эмоциональны и истеричны. Провокаторы только начали, а с энтузиазмом и воодушевлением продолжили «простые люди».

В перспективе крайне низкий уровень политического сознания «революционной элиты» и «патриотической толпы» будет, похоже, по-прежнему определять и тактику, и выбор средств в продолжающейся борьбе за власть и мы долго будем наблюдать в Киргизии использование толп земляков, родни и «спортсменов», заказные убийства, погромы, неприкрытое вовлечение криминалитета и наркобаронов в сферу публичной/непубличной политики...

Разочарование в результатах таких «революционных перемен» может стать предпосылкой уже для внутренних потрясений более высокого порядка и интенсивности (путча силовиков, новых всплесков межэтнических столкновений, очередных «стихийно-погромных» смен власти и т. д.). Рейтинги «временных» лидеров Киргизии уже сейчас — ниже некуда, а впереди парламентские выборы и новый всплеск межклановой борьбы: эксперимент по превращению страны в парламентскую республику вряд ли благотворно скажется на стабильности в стране.

При этом ресурсы Киргизии весьма ограничены, и надежды на преодоление перманентного социально-экономического кризиса не сбудутся. Нет у «ново-старой власти» и какой-либо концепции экономических преобразований. Осенью/зимой в стране, «прогулявшей» за революцией и погромами посевную, скорее всего, начнется голод. «Временные» вынуждены будут опять продолжать просить другие страны об оказании материальной помощи, «гуманитарных

поставках», кредитах и т. д. Опасность раскола страны, когда юг станет де-факто независимым от центра, после недели погромов лишь усилилась. Фактически в районах и на местах складывается тенденция к дальнейшему развитию процессов, неконтролируемых центральной властью. Каждый аким района или мэр крупного города все меньше и меньше подчиняется центру и становится подобен «полевому командиру» или афганскому «губернатору».

В этой ситуации в Кыргызстане по-прежнему не исключена фрагментация страны на находящиеся в состоянии перманентных конфликтов регионы, управляемые «удельно-криминальными» элитами. Все большее распространение в центрально-азиатском экспертном сообществе получает понятие «афганизация Кыргызстана».

Следует также отметить, что в отношении погромов на юге Киргизии российские власти заняли наиболее разумную позицию. Поскольку, с одной стороны, был соблазн ввести свои войска в эту страну, чтобы закрепить здесь безоговорочное российское влияние. Но Москва разумно не пошла на такой шаг (к которому, как ни странно на первый взгляд, РФ активно подталкивали наши «западные друзья»).

Ясно, что подобную российскую услугу никто не оценит, наоборот, вмешательство подчеркнет полную ущербность и никчемность киргизского нового руководства, компенсировать которую часть из его членов на предстоящих парламентских выборах будет антироссийской риторикой.

Война всегда была и есть крайнее средство политического действия, когда все другие способы решения проблемы исчерпаны. Зачем вводить войска, если под рукой другие эффективные рычаги замирения? Судя по тому, как быстро и без всякого заметного внешнего вмешательства «сдулся» конфликт в своей открытой фазе (без применения силы) эти рычаги и были задействованы и по линии ОДКБ, и по линии ШОС.

Впрочем, ясно, что нормализация ситуации на юге носит временный характер и в любой момент может смениться очередной «вспышкой».

В Киргизии механизмы взаимодействия институтов и общества все в большей мере работают уже не на уровне государства, а на уровне конкретных кланов и племенных групп. У каждого из членов правительства и у их оппонентов из «контрэлиты» есть свои

рычаги влияния и «опорные регионы». Система власти в Киргизии за последние годы перестроилась из «президентской вертикали» в «горизонталь» паутины неформальных родовых связей. Теоретически государство Республика Кыргызстан еще есть, но оно деградирует из года в год, сквозь него прорастают корни племенной организации. Суверенная Киргизия — пример ремодернизации, транзита государства и общества наоборот — «назад, к истокам».

В случае с Киргизией не видно серьезных позитивных сценариев, пока государственная власть в стране не будет способна взять под контроль ситуацию в республике. А перспектив этого пока совершенно не просматривается. Реакция временного правительства рефлекторна, заторможена, а соответствующие госструктуры деморализованы. Вся государственная машина нуждается в капитальном ремонте, если не в полной замене. Сделать это самостоятельно новая киргизская власть не способна.

Спасти Киргизию может только масштабное, многостороннее, срочное и системное внешнее вмешательство — «внешнее управление». Впрочем, этого не происходит и вряд ли произойдет. Пока ясно одно: киргизскому обществу остается только посочувствовать[14].

Рассматривая исследовательские приоритеты в Центральной Азии, нельзя не отметить возросшую в последнее время активизацию в отношениях Узбекистана с США. Это и политические консультации по различным вопросам сотрудничества между двумя государствами и визиты в республику высокопоставленных американских чиновников.

В подписанный План действий по укреплению двустороннего сотрудничества между Республикой Узбекистан и США на 2010 год вошли реализация совместных академических и образовательных программ, открытие филиала одного из американских вузов в Ташкенте, продвижение исторического и культурного наследия Узбекистана в США и развитие сотрудничества в сфере здравоохранения и масс-медиа[15].

Сотрудничество в сфере безопасности предусматривает организацию подготовки и переподготовки офицерских кадров Узбекиста-

[14] *А. В. Грозин.* Псевдогосударство Киргизия. 24.06.2010 г.

[15] *А. В. Грозин.* Лавирующий Узбекистан. Февраль 2010 г.

на (учебные курсы и тренинги) в ведущих военно-образовательных учреждениях США, в том числе в рамках программы «Международное военное образование и обучение» (IMET). Ташкент и Вашингтон договорились сотрудничать в области обеспечения безопасности границ и нераспространения, противодействия терроризму, а также в рамках программ «Зарубежное военное финансирование» (Foreign Military Financing) и «Передача излишков вооружений» (Excess Defense Articles). Стоит отметить, что сотрудничество в данной сфере не прекращалось даже «после Андижана», так что, ничего принципиально нового и здесь не наблюдается. Возможно, речь идет об увеличении объемов партнерства.

В рамках сотрудничества в обеспечении мира и стабильности в Афганистане Узбекистан и США собираются «обмениваться информацией об угрозах и мерах по их предупреждению, связанных с транзитом невоенных грузов через Северную Распределительную Сеть в Афганистан, в том числе в рамках реализации проекта строительства железной дороги «Хайратон-Мазари-Шариф».

На первый взгляд действия узбекской стороны могут смотреться как «переориентация на США» и даже некий вызов российским интересам в Центральной Азии. В реальности все, как всегда, гораздо сложнее.

Если проанализировать поведение узбекского руководства с момента распада СССР — ничего странного не наблюдается. Ташкент изначально проводит линию на «многовекторную» политику и лавирование между мировыми центрами силы (точно так же как и все остальные страны региона, правда, делает это более «коряво», менее профессионально, например, Казахстана).

Узбекские внешнеполитические «зигзаги» уже давно мало кого удивляют. Самый резкий и яркий пример — май 2005 г., когда Ташкент жестоко подавил попытку мятежа в Андижане. За это Исламу Каримову и его окружению (Алматову, Иноятову и др.) грозили большие неприятности со стороны Запада, не исключая и чего-то похожего на Гаагский трибунала. Если бы не Россия (в большей степени) и Китай (в меньшей), узбекский лидер вполне реально мог разделить участь Слободана Милошевича. Впрочем, как известно, в политике оказанная услуга ничего не стоит — понятно, что России не стоило испытывать никаких иллюзий по поводу долгосрочности

признательности узбекского руководства за содействие в выводе Ташкента из международной изоляции.

Такие шараханья и метания объясняются достаточно просто: у страны не так много политических и любых других ресурсов для того, чтобы иметь возможность реализовывать те громадные амбиции, которые есть у руководства этой республики. «Великоузбекские амбиции» и претензии на особое, центральное место в постсоветской Азии необходимо подкреплять политической поддержкой. И получать такую поддержку Узбекистан намерен из всех возможных направлений. Что Каримов, собственно, никогда и не скрывал.

Европейцы еще пару лет назад поняли, что США их просто использовали, «продавив на санкции» против Ташкента, и начали выстраивать отношения с Узбекистаном и в экономической, и политической сферах, постепенно отменяя санкции. Судя по всему, вскоре можно ожидать возобновления и военного партнерства по линии Узбекистан — НАТО. Но пока более активны американцы. Теперь, когда отношения с Западом потеплели, вновь наметилось стремление выстроить отношения «стратегического партнерства» не только с РФ (документ, включающий взаимные военные и оборонные гарантии, подписан в Москве в 2005 г.), но и с США и ЕС. Это «потепление» вызвано двумя причинами: энергоресурсы и Афганистан. Первое — это нужда Запада в узбекском газе, золоте, уране и хлопке. Кроме того, Узбекистан наряду с Казахстаном является потенциальным лидером всего Центрально-Азиатского региона. Это — государство, которое располагает самым большим демографическим и серьезным оборонным потенциалом.

И второе. В связи с активизацией талибов «северный транзит» (маршрут, по которому НАТО снабжает свою увеличивающуюся афганскую группировку), стал для альянса особенно важен. И главную роль в нём играет Узбекистан, территория которого используется как перевалочная база и основной наземный маршрут (для авто- и железнодорожных перевозок).

Впрочем, политические маневры Ташкента нестабильны и выглядят порой грубовато. Нельзя исключать того, что завтра (после какого-либо очередного «андижана») узбекское руководство опять возьмет курс на РФ и/или КНР[16].

---

[16] *А. В. Грозин.* Лавирующий Узбекистан. Февраль 2010 г.

Особо хотелось отметить такие страны как Туркмения и Таджикистан в плане необходимости больших исследовательских усилий как Института стран СНГ, так и экспертного сообщества в целом. Применительно к Туркмении важное значение для России имеет вопрос транспортировки энергоносителей. Для Таджикистана особенно актуален вопрос социально-экономического положения населения, его миграции и стабильности режима президента Эмомали Рахмона. В этой связи, важное значение мы придаем постоянному мониторингу экономической ситуации этих государствах и в Центрально-Азиатском регионе в целом (еженедельный обзор и ежемесячный анализ экономической ситуации в странах Средней Азии и Казахстане публикуется на Интернет-портале Института стран СНГ — «Матрик»).

Немаловажное значение Институтом уделяется кавказским исследованиям. И это вполне закономерно, так как в последние годы Южный Кавказ превратился в главную болевую точку постсоветского пространства. Именно здесь сплелись в сложный клубок интересы основных глобальных игроков, региональных держав и кавказских народов. Именно здесь внешнеполитические конкуренты России попытались прорвать «линию фронта», выйти к Каспию и замкнуть кольцо геополитического окружения нашей страны. И именно здесь в августе 2008 года Россия впервые за долгие годы дала решительный отпор своим внешнеполитическим противникам.

Институт стран СНГ находится на острие этой геополитической борьбы. В нем ведется работа на данном направлении в различных формах. В основе ее лежит углубленный анализ политических процессов в странах Кавказского региона и вокруг него. На основе этого анализа Институт регулярно готовит научно-практические материалы: доклады, записки, справки и предложения для Государственной Думы России, Администрации Президента, Правительства Москвы, Министерства иностранных дел, других российских ведомств и организаций, а также крупного бизнеса.

Ведется широкая информационно-идеологическая работа, разъясняется позиция Института в печати, на радио и телевидении, в интернет-изданиях и в личных беседах с иностранными дипломатами, экспертами и политологами.

Отрадно отметить, что в 2008 году эта работа увенчалась весомыми политическими результатами. Мы считаем, в том числе и своей заслугой, что позиция России по грузинскому вопросу претерпела принципиальные изменения и произошло долгожданное признание независимости Абхазии и Южной Осетии.

Таким образом, на Южном Кавказе возникает новая обстановка. Вытеснению России из региона, которой без малого два десятилетия не без успеха занимались США и Евросоюз, впервые противостоит возрастающая российская активность. Есть основания говорить, что после августовской войны 2008 года отступление России сменилось обратным ходом: расширением её присутствия в Закавказье. Это проявило себя в признании Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, заключении с ними военных договоров и соглашений об охране границ, создании российских военных баз на их территории и укреплении безопасности двух новых независимых кавказских государств, в ограничении возможностей для новых вооружённых поползновений с грузинской стороны и общем ослаблении международных позиций Грузии — западного протеже на Южном Кавказе. Существенны также более интенсивные посреднические усилия России в карабахском урегулировании, договорённость с Арменией о продлении сроков действия военной базы в Гюмри до 2044 года при сохранении хороших отношений с Азербайджаном и Турцией. Расклад сил выглядит по-новому, благоприятнее для России, чем два-три года назад.

Едва ли не главное теперь — закрепиться на новых позициях. Иначе говоря, быстро выиграв войну 2008 года, выиграть мир, что во многих отношениях сложнее. Речь идёт, прежде всего, об Абхазии и Южной Осетии, где наряду с очевидным укреплением государственности и развитием связей с Россией заметны возникающие негативные тенденции. В Абхазии это появившиеся антироссийские настроения, связанные, пожалуй, в первую очередь (хотя и не только) с однобокой, необъективной интерпретацией т. н. «мохаджерства», т. е. исхода абхазов в Турцию и на Ближний Восток в 19 веке. В Южной Осетии это, помимо коррупции, проблемы, возникающие по причине недостаточной заселённости территории.

Тема исхода абхазов в 19 веке нуждается во внимательном научном и экспертном анализе. В ней немало слабо исследованных сторон, оставляющих место для идеологически заданных антирос-

сийских спекуляций. И в целом прошлое Абхазии в отдельные, причём довольно длительные периоды — это «терра инкогнита». Здесь для исторической, а также археологической науки открыт широкий простор. Недостаточно исследован и период, когда решением Сталина Абхазия была включена в состав Грузии. Это время стало полем жёстких идеологических столкновений. Тем более актуальны были бы посвящённые ему новые исследовательские работы.

Вопросы международного признания Абхазии и Южной Осетии как независимых государств нередко выносятся на первый план, особенно в СМИ. Хотя по сути это не вполне оправданно, ибо главный вопрос такого признания для двух этих стран решён Российской Федерацией. Объективно нет другого государства, чьё признание было бы для них столь же жизненно необходимо. Тем не менее вопрос стоит, Абхазия и Южная Осетия добиваются своего полноценного включения в систему международных отношений, и надо разбираться, с чем связаны основные трудности на этом пути. Здесь неизбежно возникает вопрос о Косово, и объективное сопоставление этих двух ситуаций в исторической, политической, экономической и других плоскостях имеет немалую ценность как научного, так и вполне прикладного порядка.

Отдельно стоят вопросы, относящиеся непосредственно к Грузии. Куда восходят корни того явления, которое можно определить как чрезвычайно азартное антироссийское поведение политической элиты Грузии со времени распада СССР — и при Гамсахурдия, и при Шеварднадзе, и при Саакашвили? Как произошло, что получившая независимость Грузия фактически не обнаружила желания договариваться с абхазами и югоосетинами, но, считая их своими этническими меньшинствами, провела против них шесть войн за 18 лет? Чем это объяснить? Каковы предпосылки этого случая, уникального на пространстве СНГ? Полем идеологической борьбы стала уходящая в глубину веков история российско-грузинских отношений. Её нельзя отдавать на откуп заряженным на противостояние с Россией профессорам Тбилисского университета. Может быть, наиболее актуальна история двух последних столетий Грузии, а также возникновения Грузинской ССР. Жизнь Грузии в составе российского государства рассматривается ныне в Тбилиси как результат сначала оккупации царским режимом, а затем — большевистской Россией. И хотя вал фактов опровергает такую постановку

вопроса, наша наука недостаточно им занимается. Как недостаточно противодействует переписыванию истории периода Великой Отечественной войны, в которой сегодняшние грузинскими идеологи тщатся обелить и героизировать грузин, воевавших на стороне гитлеровской Германии.

Исключительно своеобразная обстановка складывается в треугольнике Азербайджан — Россия — Армения. У России хорошие отношения с обоими государствами, конфликтующими между собой. С Арменией — это союзнические отношения, с Азербайджаном — стратегическое партнёрство. Иногда можно слышать: мол, Россия балансирует между ними. Это неверно. Балансирование — категория пассивной политики, в которой определяющую роль играют независящие от России обстоятельства. Между тем, для нас решающее дело — обеспечение условий стабильности и мира на Южном Кавказе, а тут нельзя полагаться на логику противоборства между не примирившимися государствами, ставить себя в зависимость от неё. То есть Россия не балансирует, а занимается посредничеством, примирением, активно воздействуя на обе стороны. Но это значит, у нас должна быть своя собственная точка зрения на вопросы, лежащие в основе конфликта. Иначе говоря, необходимы исследования по истории Карабаха, а более всего — глубоко разработанная, объективная, научно обоснованная картина возникновения карабахского конфликта, т. е. причин и предпосылок его возникновения.

Серия вопросов связана с присутствием западных государств на Южном Кавказе. В чём состоят интересы США и Евросоюза в этом регионе? Возможно ли здесь сотрудничество между Россией и западными странами? Между Западом и теми странами СНГ, которые хотели бы шире использовать Кавказ в качестве удобного транспортного коридора? Если возможно, то на каких направлениях и на каких условиях? К Южному Кавказу проявляют интерес соседние Турция и Иран. Каковы возможности сотрудничества с ними для России, а также для стран Центральной Азии? В общем, вопросов, требующих вдумчивой и упорной работы на кавказском направлении немало[17].

---

[17] Материалы по Южному Кавказу предоставлены 03.09.2010 г. Станевским Ф. И., заведующим отдела Кавказа Института стран СНГ (диаспоры и интеграции).

Отдельного исследовательского внимания, на наш взгляд, требует мониторинг активности стран Ближнего и Среднего Востока, а также Юго-Восточной Азии на постсоветском пространстве и в государствах Центральной Азии и Казахстане в особенности.

Резюмируя тему востоковедческих исследовательских приоритетов Института стран СНГ, следует отметить необходимость объединения разрозненных усилий российских исследовательских центров с целью более эффективной практической реализации интересов России в Центральной Азии, на Южном Кавказе и Причерноморье.

Синецкая Э.
(ИВ РАН, Москва)

Эффективный источник по новой социальной истории — литературное произведение

Стремление понимать историю «через человека» (или как записано в проекте Университета «Туран» Казахстанга — «написание истории "снизу"»[18]) — это продолжение практик «Школы Анналов» с присущей ей предрасположенностью к конкретному, повседневному в истории. Новая социальная история позволяет произвести разграничение между реальностью как таковой, даже, вернее, таковой, какой она предстаёт в фиксированном официально виде (нормативных, законодательных актах, правительственных документах, описание великих битвах и великих людей и прочем), и тем, как она осмысляется и передаётся современниками и как будет пониматься потомками. Изучение психологии, поведенческих форм, социальных практик, материального бытия, ценностных ориентаций, вплоть до желаний и фантазий человека как индивида, отдельных групп и общностей — самый плодотворный путь изучения общества в целом. И один из необходимых источников такого подхода

[18] www.university.kg/index.php?...

к истории — произведения искусства. Ортега-и-Гассет признавал произведение искусства частью «общей исповеди интимных человеческих тайн своего времени», новым «истолкованием человека», частью того «тайного», что уже созрело, но ещё не проявилось в реальной жизни, однако уже стало зримым, добавим — зримым художнику, а потому стало социально значимым[19]. «Освежающая ценность искусства, — написано было в одном нашем «толстом» журнале, — новизна сдвига реальности по отношению ко взгляду широкого читателя. Последний не имеет своего взгляда: уровень его глаз совпадает с уровнем моря, то есть предшествующего эстетического достижения. Сдвиг, а не действительность является самоценным: отпечаток от вхождения в сырой и рыхлый материал действительности»[20]. И именно этот сдвиг, в том числе, фиксируют художественные произведения. Конечно, литература говорит об отдельных людях, о частностях, что, казалось бы, может представляться с точки зрения традиционной истории любого социального феномена мелким, единичным, деталями. Бытует мнение, что «**истор**ия враждебна **истор**иям, а распознать людей можно только в их историях», утверждает один известный немецкоязычный писатель и общественный деятель[21]. И, по мнению социологов[22], крупные процессы лучше всего иллюстрируются именно мелочами. К тому же, как утверждают наши культурологи Урновы, говоря о развитии ренессансной идеологии — гуманизма, «гуманизм как целостная система представлений был доступен узкому кругу лиц. Гуманистов было немного, но гуманистическое, освобождающее от средневекового догматизма мироощущение оказывалось достоянием целой эпохи»[23].

Я пришла к выводу о плодотворности использования произведений искусства, и, прежде всего литературных произведений, начав заниматься изучением феминизма в Китае. Лотман писал, что

---

[19] *Хосе Ортега-и-Гассет*. Размышления о «Дон Кихоте». М., 1997. С. 155.

[20] *Михаил Берг*. Веревочная лестница // Дружба народов. 1993. №7. С.178.

[21] *Питер Биксель*. Пятая Франкфуртская лекция «Читатель. Повествование. Истории, написанные жизнью // ИЛ, 2008. С. 170.

[22] *Всеволод Вильчек*. Проблемы охловедения // Московские новости, № 37, 24—30 сентября 2002 года. С. 5.

[23] *М.В. и Д. М. Урновы*. Шекспир. Его герои и его время. М., 1964 (цит. по: *Н. И. Конрад*. Запад и Восток. М., 1972. С. 248).

«женский портрет не может быть полным без глубоких чувственных отражений», к тому же «женщина с её напряжённой эмоциональностью живо и непосредственно впитывает особенности своего времени, в значительной мере обгоняя его»[24]. И именно литература (особенно произведения Мао Дуня[25]) предоставила мне данные о первых эмансипированных женщинах Китая (естественно, в основном молодых). Они начитались журналов (все начинавшиеся со слова *синь* — «новый»), проповедовавших новые идеи, новую мораль, новые формы жизни; наслушались студенческих дебатов и лозунгов (где наряду с патриотическими призывами были популярны лозунги за свободную любовь между мужчиной и женщиной)[26]. Эти первые эмансирэ несколько лет потратили, чтобы «преодолеть в себе стремление к семейной жизни, свойственное женщине, и желание стать матерью». Они учились, они поступали на работу (чаще всего учительницами в стремительно увеличивающееся количество школ для девочек, мелкими служащими, функционерами в партийных женских организациях) — то есть отвергали традиционные формы женской социализации. «История, — заметил еще полтора столетия тому назад французский политический деятель Алексис де Токвиль, — похожа на картинную галерею, где мало оригиналов и много копий»[27]. Это более чем подходит к истории эмансипации женщин: в любой стране происходят сходные процессы (разнятся лишь сроки и скорости). В произведениях Мао Дуня прежде всего примечательно то, как полно и выпукло на многих страницах он показал, что новые женщины Китая стремились (как и во всех странах, на всех континентах) едва ли не в первую очередь сменить свой имидж, поменять архетип женщины, сложившейся исторически. Как и в других странах, китаянки, избравшие путь эмансипации, стригли волосы (как бы освобождаясь от привычного того самого длинного волоса, который во многих культурах рифмовался с коротким умом). Они переставали бинтовать грудь, как принято в

---

[24] *Лотман Ю. М.* Женский мир // Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 46

[25] *Мао Дунь.* Рассказы. М., 1960; *Мао Дунь.* Сочинения. М., 1956.

[26] Правда, есть свидетельства очевидцев, что под «свободной любовью» подразумевалась лишь свобода выбора брачного партнёра, отрицание сватовства-сговора родителей.

[27] *Токвиль де А.* Старый порядок и революция. М., 1997. С. 57.

китайской (и японской) культуре. Они меняли стиль одежды, макияжа и, самое главное, стиль поведения, чем, естественно, вызывали «разные толки», и их обвиняли в легкомыслии и распущенности, и отнюдь не все даже их передовые единомышленники-мужчины признавали за ними, прежде всего, «глубокое понимание событий своего времени, передовую идеологию, цельный характер». Вокруг них было немало людей, которые воспринимали их эмансипированность более чем примитивно, и даже вульгарно. А им претила такая реализация их свободы.

Внешний вид эмансипированных женщин являлся идентификационным знаком, прежде всего, для своих. Но, к сожалению, это было также знаком и для не-своих, а потому самые предусмотрительные эмансипэ (были они таковыми по мировоззрению или лишь отдавали дань моде, как многие жёны гоминьдановских функционеров и новых «полуевропеизированных» предпринимателей) имели в запасе парик для камуфляжа на случай занятия местности милитаристскими войсками. И в столкновении с последними эти женщины (независимо, по каким причинам они приняли новый стиль) расплачивались одинаково: при занятии города милитаристскими отрядами именно по этим внешним признакам многие женщины не просто лишались жизни, они подвергались каким-то садистским убийствам; их и насиловали-то вовсе не для удовлетворения похоти, а как бы ритуал совершая, им вырезали груди и творили прочие зверства; их иногда скальпировали. Их уничтожали не просто как врагов, а как нечто демоническое, как исчадие ада, как нечистую силу. (Не исключено, что эти новые женщины Китая, эмансипэ, феминистки вызывали такую священную ненависть антиреволюционеров, да и просто ретроградов не в последнюю очередь потому, что идеология равноправия женщин в определённом смысле связывалась с варварским учением — с христианством.)

Что же эти молодые женщины, в сущности, хотели? Мао Дунь в романе «Радуга»[28] пишет о своей героине: «Четкого представления у нее не было. Точно разбуженному и недоспавшему ребенку, ей всё казалось не так, всё вызывало раздражение». А подруга героини, пытаясь понять её метания и пессимизм, приходит к выводу: «Громкими голосами призывают подняться молодых борцов, но

[28] *Мао Дунь*. Соч. Т.1. С. 189 и далее.

ещё вовсе не приготовили того лучезарного мира, который должен был вместить этих беженцев» (из традиционной культуры, я так понимаю). Мне представляется, очень верная характеристика женщин (да и вообще людей), которые примыкают к борцам за право человека самому определять свой жизненный путь. Однако по прошествии непродолжительного времени их былая эйфория от ощущения (вернее, **пред**ощущения) свободы угасала, и от цены, которую приходилось платить за осуществление желаемого, и от медленности достижения ожидаемого.

Мне представляется, что определённое социальное нетерпение, если его можно так назвать, играет важную роль в этой потере энтузиазма, ибо нас часто не удовлетворяет скорость наступления ожидаемого радужного будущего. Очень интересным мне представляются объяснения молодой женщины из Маньчжурии в начале 40-х годов прошлого столетия её весьма деятельной симпатии к коммунистам: «В школе она узнала, что лишь одна политическая партия — коммунисты — обещают в корне преобразовать жизнь». Эта девушка видела при гоминьдане «лишь незначительные перемены к лучшему в положении китайской женщины», и в том числе поэтому начинает «испытывать всё большую ненависть к гоминьдану». Она понимала, что всё «тонет в море всесильных предрассудков», но «обещания коммунистов положить конец несправедливому обращению с женщинами особенно ее привлекали»[29]. С приходом коммунистов в Маньчжурию она довольно быстро поняла, что давление «всесильных предрассудков» значительно корректирует обещания новой власти. Девушка выходит замуж за молодого функционера КПК. С точки зрения традиции, брак представлял собой договор между двумя семьями — ни гражданской регистрации, ни свидетельства о браке не существовало. «Но отныне для тех, кто "участвовал в революции" партия играла роль главы семьи», и для замужества этой молодой пары было необходимо получить разрешение горкома, а учитывая высокий ранг в партийной иерархии молодого человека — ещё и в провинциальном комитете. (Девушка при этом подумала, что «компартия стала новой патриархальной силой».) Героиня поступает работать в Женскую федерацию, и сталкивается с весьма косными коммунистками из необразованных крестьянских

[29] *Юн Чжан*. Дикие лебеди. Три дочери Китая. СПб., 2008. С.117.

семей, сохраняющих весьма традиционные точки зрения на многие проблемы женского равноправия. К тому же эти функционерки к «хорошеньким городским девушкам», получившим образование, испытывали здоровое классовое чувство. А именно «чиновницам с такими косными взглядами и было поручено осуществлять политику партии в деле раскрепощения женщин»[30].

Что качается нынешнего внутреннего метания женщин, пошедших по новому пути современного самоопределения, иного статуса женщины в обществе, свидетельствуют китайские художественные произведения конца прошлого века. Характерно, пожалуй, произведение тайваньской писательницы Чэнь Юйхуй[31]. В фильме «Брачное объявление», сделанном по этому произведению, чрезвычайно доходчиво показано специфическое восприятие самой женщиной очень распространённого среди современных эмансипэ противоречия между её профессиональной деятельностью и её же личным счастьем. В результате ряда перипетий, поняв, что хочет быть женой и матерью (**«как все!»**, восклицает она в отчаянии), героиня, будучи очень квалифицированным офтальмологом, уходит с работы, как бы обвиняя эту свою профессиональную реализованность в неудачах построения «личной жизни», и начинает публиковать объявления о знакомстве. При этом она ни в коем случае не хочет, чтобы предполагаемый претендент в мужья был врачом — создаётся впечатление, что ей непереносимо упоминания о своей прежней жизни состоявшегося блестящего специалиста.

Современные китайские повести и рассказы неплохо иллюстрируют и такую проблему: соотнесение «Закона о браке Китайской Народной Республики» и продолжающих существовать и поныне обычаев, связанных со сватовством и заключением браков, особенно, как говорится, в глубинке. Как видно из, к примеру, повести Чжан Сюань «Любовью забытый уголок»[32], и в 80-х годах

---

[30] Там же. С. 167.

[31] *Завидовская Е. А.* Проза тайваньских писательниц: поиски родины и этнического самоопределния // Материалы IV Международной научной конференции «Проблемы литератур Дальнего Востока». СПбГУ, Востфак., Фуданьский университет, Факультет Китайской филологии. СПб., 2010. Т. II. С. 357.

[32] *Чжан Сюань*. Любовью забытый уголок. // Иностранец в деревне. М., 1990.

прошлого века в сельской местности всё ещё требуется проводить собрания «против браков по расчёту». И поныне дочь в сердцах кричит матери «Ты свою дочь как вещь продаешь!» Ибо мать всё старается убедить её в выгодности предполагаемого по сговору замужества: жених на железной дороге работает, более 50 юаней зарплату получает, при окончательном сговоре даёт 500 юаней кроме вещей, деньги же крайне необходимы на ремонт дома. Но в далёких 50-х годах, «когда вместе с долговыми расписками помещику сжигалась и феодальная мораль», мать точно те же слова кричала своей матери, в свою очередь настаивающей на выгодном замужестве. Это первое, на что обращаешь внимание: прошло в сущности тридцать лет — и ничего не изменилось, расценки на невест только, как явствует из текста, повысились: за мать тогда должны были заплатить 50 юаней!

Впрочем, величина выкупа за невесту зависит не только от текущего курса юаня и кредитоспособности семьи жениха, но и от ряда привнесённых обстоятельств. Так, в другом рассказе того же сборника[33], действие тоже происходит в сельской местности, но действующие лица иного уровня: интеллигентная семья была выслана в деревню в 1957 году. Через 10 лет ссылки их старшая дочь «после многих лет унижений, тяжелого труда» поняла, что надо забыть о своем бывшем статусе «отпрыска всеми уважаемого профессора» и смириться, что ей «удачно» выйти замуж не суждено. В 27 лет на очередных смотринах она согласилась пойти в жёны за тщедушного, болезного, бедного крестьянина, старшего сына в семье. Причем дальше из рассказа выясняется, что как «дочь вредителя» она обошлась мужу в полтора раза дешевле, чем если бы таковой не была; при этом в семье, в которую она вошла, прекрасно понимали, что в иных обстоятельствах им никогда не иметь такой образованной невестки. Родители не то, что бы силком её заставляли идти замуж, но настойчиво повторяли, что им де тоже тяжело (судя по всему, они отнюдь не пренебрегли выкупом).

Да, художественные произведения подтверждают, что продолжает существовать система сговора родственников (или содействия знакомых в сватовстве), но, впрочем, такие нюансы человеческой жизни находятся вне правового поля, поскольку сватовство и зна-

---

[33] *Чжан Пин*. Старшая сестра. С. 30 и далее.

комство (с какими угодно намерениями) чаще всего не отменяют согласия вступающих в отношения сторон, поскольку люди смиряются, ибо «таков был путь, привычный для этих мест и считавшийся правильным»[34].

Не менее продуктивным оказывается обращение к этому типу материалов — художественным произведениям и при изучении современного социально—психологического состояния молодёжи «нового—нового поколения» крупнейшего мегаполиса Китая — Шанхая, как это происходит, к примеру, на материале нашумевших романов Чжоу Вэйхуй «Бэби из Шанхая» и «Замужем за Буддой». Возьмём для примера вопрос выбора супруга. Конечно, среди представителей описываемого социального слоя роль родителей в этом процессе практически сведена к нулю. Отец, скажем, главной героини — университетский профессор истории ненавязчиво и безрезультатно пытается вводить её в кампанию своих аспирантов. Но молодые образованные горожане нередко думают о старших как о старомодных людях. У молодых уже иные жизненных ценности и иной образ жизни. Свобода, предоставленная молодежи в этом вопросе, нередко приводит к неблагоприятным результатам, Героиня пыталась даже вскрыть себе вены, когда выбранный ею кандидат в мужья оказался мафиози (слава богу, всё закончилось в полном смысле не смертельно, как большинство попыток самоубийств среди женщин!). Вторая попытка героини выйти замуж тоже не увенчалась успехом: прежде всего, она оказалась полностью не приспособленной к ведению хозяйства (несмотря на полную оснащённость квартиры её нового претендента современной бытовой техникой). Но этот грех, судя по всему, человек, которого она полюбила, — полуяпонец-полуитальянец, прекрасно адоптировавшийся в Америке и вовсе не порывавшей со своей восточной культурой, мог бы ей простить. Не простил он героине часто не скрываемого ею пренебрежительного отношения к обслуживающему персоналу гостиниц и ресторанов, что он считал не допустимым (как и принято в «цивилизованных» странах), ибо человек, обладающий собственным достоинством, не может попирать достоинства иного человека, каков бы ни был его статус. Очередное фиаско с замужеством закончилась поездкой в буддистский мо-

[34] *Чжан Сюань*. Любовью забытый уголок. С. 5.

настырь для долгих бесед с Учителем. И в этих разговорах она достигает «состояния отстранённости, кармы и благодати», «понимания того, что найти постоянную обитель и остаться в ней — это именно то, что надо». Естественно, разговор отнюдь не идёт о монастырской келье, разговор идёт об отстранённости от той суетной жизни, которую она вела ранее. (Однако, судя по всему, в дальнейшем не так уж изменился стиль жизнь героини.) До этого стресса героиня прибегала к иным антидепрессантам — алкоголь, наркотики, секс, психоанализ.

Её кузина, дважды сделавшая неправильный матримониальный выбор, решает впредь не предпринимать новых попыток, считая, что иметь сына (рождённого во втором браке) и прекрасную работу в иностранной фирме уже является счастьем. Но через какое-то время она, не исключено, почувствует женское одиночество, да и воспитание сына в так называемой неполной семье, как показывает опыт, чревато определёнными негативными последствиями.

- В прогрессирующем процессе распада прежних органических форм совместной человеческой жизни, «новые общественные формы и рожденные ими человеческие взаимосвязи... могут, конечно, не без успеха разжигать коллективные страсти, «заполняющие» человеческую жизнь, но они не дают былого ощущения стабильности. Обострившееся чувство одиночества заглушается и подавляется деловыми заботами, но стоит человеку, оторвавшись от суеты, войти в своеобычное лоно действительной жизни, он сразу узнает всю глубину этого одиночества, а став лицом к лицу с коренными вопросами своего бытия, изведает и всю глубину человеческой проблематики»[35].

Можно сделать вывод, что нередко реализация свободы в брачных отношениях чревата большими разочарованиями, возможно, утере определённой уверенности в своих силах, что является явно непродуктивным чувством. Между тем, анализ брачных предпочтений позволяет оценить систему ценностных ориентаций и является одним из наиболее популярных направлений кросскультурных исследований.

---

[35] *Т. Ю. Сидорина*. Философия кризиса. Антропологический кризис. М., 2003. С. 169.

Есть ещё немалое количество вопросов, на которые дают ответ или уточнения художественные произведения. В том числе, читая их, мы получаем иллюстрацию и подтверждение мнения китайских медиков и социологов, что суицид стал одной из главных причин смертности среди людей в возрасте от 15 до 34 лет. Романы показывают весьма сильную вестернизацию мировоззрения «нового-нового поколения» молодёжи мегаполисов КНР, одновременно фиксируя комплексы ущемлённости человеческого достоинства, присущие жителям бывшей так называемой полуколонии, могущие выходить на поверхность при самых незначительных поводах. Они же, художественные произведения, раскрывают причины и формы специфического обращения к традиционной религии.

Итак, художественные произведения дают весьма, представляется, репрезентативную картину интересов, гуманитарных предпочтений различных слоёв китайского общества, и прежде всего — молодого поколения горожан, в том числе крупнейшего мегаполиса Китая.

Как именно формируются все составляющие понятия ментальной истории (особенно в трансформирующемся обществе) — это практически не разработанная тема. А, между тем, устойчивые сети взаимоотношений на разных уровнях, в которых действуют люди, и связанные с ними паттерны (повторяющиеся действия или типы действий) поведения объясняют многое (скажем, провалы реформ на примере нашей, российской провинции, поскольку основы классической экономики и политологии построены на предпосылке, что поведение человека рационально).

Те явления, которые столь зримо, выпукло освещаются, в том числе, и в романах Чжоу Вэйхуй, примечательны ещё и тем, что разговор в них идёт о представителях «нового-нового поколения», жителях мегаполиса, представителях культурной элиты будущего, образованной и интуитирующей прослойки общества. И это не может не вносить определённую пессимистическую ноту в оценку будущего развития страны. Поскольку, прежде всего, они иллюстрируют ту печальную истину, что человек, попадающий из закрытого общества в открытое, воспринимает этот переход, эту трансформацию как позитивную, и воспринимает её с энтузиазмом. Однако по прошествии времени очень часто это оборачивается большим разочарованием и, что не менее важно, — если не полным отторжением всего нового, то большой апатией.

To doluptio. Namus. Aliqui dollanti dipiende officillut digendendae volore volori blam eoste veniate ntemporum aut is magni sitatur? Qui dem erum et restione ne secturiaerum explibus.

Mod milluptas con corem everepe lignia idunt, et, cuptur aspe ella di reictaepudae nis exero to est, omnis demporum ilitest, to cus sit, aut quam laccab intur aut int aut occusdaniam si omnitatam quodis doluptionsed ulpa doluptas sit aceribus ani dollamus eum quos pa et asin nonet qui bla qui ut ellorest occabor eritate ne nestis excerio necessin nobisque plam quiberio quamustis pliquo molut fugia net volore nis dicaborent ut harum dolupti repudio repudi omnis ant que peles repelique re ne vererferro dipid explamuscit molorecte nos eum vel eum ipiet officita se quiat fugitatur alitiur ad entiorum aces quianis sequasperios dolestiis conesti onsecest, cus voluptatur sequos il estium aut exerisc iandis earum cor audi inuscil itatio inctempelit que volorit autecus, serspellibus et fugia voloribea que explaut veliqui utat omnia ipitium rerehendio erspere ribus, et imagniatia con nos ut as es aliae niae molorem ducimusam que maioris enet autatur, coriti simus ullabor saerchi ctibus qui occat.

Eveles nis core pero omnis solupta suntibus il moluptas rerum rerchicta imporistrunt ratiorerum lam idesed quo expernate ommo et, sa sitius ipsam ut opta que nonsed expere, ulla videnih iligend aeperiore quas nati cuptatquiae plandan totaspitatis corem fuga. Usci cus sus, utat lab idit ari sum quuntem quidus ima cuptaqui debis volutem escius abo. Et imus, qui ut re eostrum aceratur, corepe vendipit volor molupta sit, iumqui blab int ium, vel id molorup ictiam ipicitet inci as dolupti oresciur ant aspiet earchici cuptatem. Et volores quis molupie niatur sime voluptam sit plicatus dolorio temo moluptat ius eatio officip sandere liquatibusci cullaborum et dolupit as venditati ium qui nobitet hariate nimusciis porempe rernamu scidus volor apicaecto es doluptin consererro quis dolo te exersperum adi aut es eum alia pro exerum sunt volectia aspella cerit, volum et que optaqua musam, utem. Agnia que repeliquibus es re et etum rerferum ulparum sernam aut des aliat volendes maios eaquo voluptiorume nisquatia volorum quatem et aut minctur serro magnamusant ut eatur suscium il earum eic tem reste volorehent am quis acestium vide ea dem se siti officient, occabo. Ris et volorepero maximet molorion perum latus voluptae. Nem facestis elenis estrum sandam fugit pro volorecta soloritiam, aliqui blab in poressi dolorro eic te sit estecto consed ut ma dolo maximi, omniminist, soluptam, atiis vellest, solupidit

laut modit que sum autem voluptatum quae nonsed maximus restis ut accus abo. Tem eos pliquam quo tem que quis duntiori officae cuptaqui in nobitis tiusapit etus dolorenditia conseribus, et laborrovid qui ommoles invenihicat vit volupta quatenti nobit vent alique omnis reheni abo. Con nonsequae numque ratur sectur? Quiatem quidel etur acepudam, quibus eius di beatiantiur res dundi del im volorionecum verro dolorerundae sus aut ut eum nectaquid ea dolorpo rerrovit estotaque occatintium accae pori ad quunt explate ea dusdam sa nobit dus dia sapis estium nia ipsunt ex eos dolorehenet que plias as dit quae placcus essimus unt voloria nobis earchicius magniscia nim voloritae. Nemque nonsequiame denihillore, omniminiatem quam harum volupti ommolup idenditassit ute min et et deliquundit aligendant, consequodit faccull upienis et optas ipsam, aceatiur sita quia dolutem sanimenis quatquias rem rerspis pelit utatia por as dit aut voluptati repella ndigeni musciis re qui blaborio quidunt omnis pelit volupti as ilicae nonsequ undae. Nam alique necto mi, sa poremo molupta adi con nonem evelignam, ut ut andio vendis solupti onsequi volupiet omniae laut endit, ullupta nulluptatior mollorem doluptae dolo exped ut harit, ommo eat.

At rerupta tiusapi squatem es illa dolorem elis et que minullaborum etur?

Ceaquat iandit omni num quunt essecerferio in peratquis sapiend ucimi, odi voloreium nonsers peribus enimet accae pel magniam istiant eost raturec tatem. Busam labo. Anda invenis esciae dis sum velluptaquia num et ab inverro videbis invellu ptatur?

Pudi solorat omnimus aeptatio te dolupis min num idel ipiendi squam, que porem. Ga. Facepta epudamet qui vendist, cus autetur, sunt ex et pla doluptiati ab idebis audae. Sequis sum rendae nis etur se necullatium intibust erunt magnimodis maxima sitatur?

Natur atus res autas coremqu asinto vent, voloria doluptatusa coris di rem net plabo. Ut quodit voluptatiam quaecto maximincit harum eictur, con plitationsed eri reribeaqui qui ullum del min rendam fugias eat.

Ficia volores arciis res mod unti acerum expla nonse aditaspit aut que etur miliqui tem il mil ium quiaeptiure adis volorist, odi sum rectinc iistiam, ide ped molest laboriti blab inctur, venimendit repudit ibusci culparchitam venimag niminci llibus, ipitiscium et, occus sinvers pelluptur?

Sed quaerch iligendi dolorro resequisi to to venture nditaquis niat is con pel mil ma nateni sus elignit atium, sunt liquo escipitatur, aborio.

Vid maios dolupta quibers peratem serspiendunt pliqui volorem con num conem vollut volorei ctaquuntibea et eum faccus eat am alit, to tem comnima ximpedi nusa quisit faccus ea cum el iuntemquis quia quiasperrum que numquis se offici omnist, aute peribus archilitat estoreribus alis que dolupta qui volum fugit et odi num quae sae prerrum et vendis que ium culpa conecti dicienda verum fugitium re et placcus nimagni stotate landit ex esseque estios as voloria tenditibus quo torernam qui iliquae nimo optibus mi, quaspel iquaspe rnatus maximil laturit aspiden discill ecatur arum qui dendam quis aruntotate omnis exererumenis mincto bla dolum quaerum in re vendam sequodi piduciaecto exerate molutem fuga. Itatemque volorporem quia sinvella sim quo miliam exero conserumqui verspit aepuditatio vellit moditat emporum quis eume sanim fuga. Optate dolo etus del ipsam, volut aliquodio te eici optae volupis invenem. Ne nobitatur, con perferisquid molupic iminti beritat empore, natios volecta sitatem quam rest fugitaquam re alitianihil eiciist, to et maio blat venihit evenihi litatus deliquidere voluptatem is inis aut re, cuptius quaeriti cus molupta turemod magnim idem inis nis autempo represtia conseriae eiciis delessi tibus, quidelia inus.

Doluptatur, omnimporat qui dolorib usdandundem quatestium nos moluptatur re mo cor a velenduciis denimus, corehendant aut omnimaio excest, simoluptiam, officium fuga. Et prehendam et, consendentia que consecatum quo des eatem. Et dolum que la sapidis inciatum nonsequossi tem. Officiis esequi torem res eostium quiducime dolo bea dolestibusda vent quam int et idiciat viducit assimpo rendignatas derundignati cum voluptia quam harciundipit veleceperum ad mo que nitam lanisci dionese quibea nihiciet inum aces velesti bustiae porpor aut faceataqui ut el illiquam que quatis arum re et re nobis et labores erferios evenis et rem que non esti ati od elic tem quam, voloruptio. Nemquatem rem in nem. Ut porianda sa id quunt officiis acerum nos re nectem aborion es siminul lacest, aut porro blam corepel iquiam voloremquam res is solor as ma que cum conet volupta de pra voluptassim quature, quis eles qui nonse mintio consect otasin ni officae volor rem aboruptat exerovid eaqui id etur ad ma si doloria musae. Dust acit abor rerunt magnat voluptio omnitat intibus modi as cone nus aut qui diorent doluptaquam deliassi aute veruptae sequam, solupta sendant aute porita que nullese ab ius et adion nonsed et dolupie ndendunt, ea sam dolum eaquo quibus aspit parias voluptasi ad unt acessitatia videles estrumq uisime sit molupic

iumqui aut vendaec ernamus apellabores resectem quia estium acia qui des si apidi untias es eicipsa quis maximen daestis et pos cullit escitatiae. Laborrum ut quis ducimeni ra dolorehento volorem rectint min res eaquibernam, conseque volut volorrum, eos et labo. Antum ditatus nullese dignis nis dicae simenimaio. Tae essim fugiat.

Ad ea derovidisto cus, cus moluptam, sunt vel ipsunt voluptas que andeliquo cuptata qui quaepudis aut repel eiciae praectum ex et fuga. Tem a poribusam velicilit ute re etus sum, quodiaest aut vere, officie ndandebitam, te es et quis s alique rerro ipitiam quodior rumquas inihitio volorae res disitior arunturio. Ab iliquia necte nus, solupta eptatio evellore nest, nis volecto il milliqu aepedit optibus am quiduntio enditaepta audior magnim et officatem. Aximus, sundam, nis pero berum landitem am que vit qui il illabor aut volupta cum sum fuga. Di doluptas ad quas sinis ditam vellectem qui omnimusda aceata nobit qui as audita voluptatem venima cust, cor aliquat quia samus cum labores etur? Qui cone nonem que diat aut hitibus vendandit volut omnis dolupti squiae diones aut re optatur itatecto eatatesci voluptas minis alique consere ssuntibus rem fugiti vendaecatem nonsequas im rem int audianis isi nonsece rorerib eatiaturibus excestibea sam reperchil ea que iusa qui atemosto volorecae vero exeribu stempos est atiorum reicillorro officatatiis sinullu ptaesto te vollautemped mo comnimod et mil il ium volorem inctas si alitatem quam et ullandamet faceari atetur aut fugit, qui quam aut eum nonsectis sequaepro eostias secusam es demquam as aliqui res ullam rem et ea accabor aut voloribus rere plaut int faceatio qui am, veriore con consecest vent, ex et, etur sundi con parchit mos excessinvent amus apid quiati coreprorem sollabore ipsam faceseque velest ea volor rempos duntium fugit lab ipsunte delitat ecerum aut mincti conet ani vel id eos sitaspis es porem et et lauta sitincimusda volorpo stibeatendam invendae el mi, que essunte ne volutatur magnate mperum ducipiet et vel expernatur apiciam autemquam liquatur? Aquia consequ aecesti occusa quosti deseceste pla nis mincipsam, est, quide sin re volum fuga. Nem faccus abore andae et occupta tiandit pel iliquae nostescid et et as conem qui volore veliquae ni optatemporem ex eumet ex et que none vel experspit eat.

Cius aturia pro bla num venim excerumquunt odignihic tecustem ipsapit de id ullatem simo odi blaborrovit remodia teniet mil impe non rem resto modis acid quae coreperum doluptate ne lignimus nobis experch illit, ut as ut volore, volorporesti quisinte mi, aut aut fugia ea volorecus nosantem quia id maionserendi tem undendis eos ea quiae magnis namus

non cus et, ut inullab orerem lis dolorum excestium ducius molore plab inctest eos eos aut ent odis esequi quis pliquidendus de vel in pos de magnist, officiusame dios doluptam, volut vitinte ctatemped quam dis aliti doleceri omnis es es quamus et as rat.

Ferecus atum necuptam, conse et ut auda dolorem olores ut ulla volliquam qui renim quia culliam voluptur?

Daepello omnisquis et quunt eumendi bla quo ipsunti scienit aquistiis debitatis maximen debissin experovit lic te netur? Nequamet ant, tem. Nemporem hilitatus nonsedi osapis sandae verum, ne doluptat.

Ut eumquuntem am nost, veliquae dolorehenda seque aut ped maximpor aut faccabo. Bitiaes eruptat entiis sitia nobit utecerori ipsam, et asperi occullu ptatur? Ipienti acepreiciis non consed ut moditia consedi inum ipsae occus alibus, to in num nistotam, te verum ad quia perit quatem ex ea paria ariassimus, culpa illabore voluptatur se volecum aut lanim inia comnisin pro que niet volum apitiis eum id que et a volut eicia qui doluptate dolorer cilluptur mo cus alique lignia corro comni coremporum fugita pra qui testia cum volupta tinctatiis quatque dolor asit qui rati quias aut omniam eiustiam rae od moluptatibus volest, susaectem fugiam entiam illecto quaecesed quam nimus.

Abore, optat ipid ut imo exerum fugitissi alit od mi, elia idunt accullaut faceper sperum quas et aborend itatur? Veritatur sam, coriatur aligenis doluptatur? Nequi re, officim ossitisquis dis pro dereceped magnat volum reiur sitatio restrum exere eium repudam in re volestrum quam voluptat.

Aspienet faccusda pra volesed milibus vid que inciunt et rerita corehen ducit, quibus sequis suntibero venitias pore exerchi liquid quis mi, seresed quis et ex es quo doluptat abores dollam fugiatenda dolora quiaspe rciatur aspelit is diatur, sollam facea consequatur aligeni hictur apel ium consed maio doloratem ium quam, qui ulla aut labor rendionsed molecatis earum dolectem rati occum qui sandessuntur aliquatur sedi volecae rferios aboribusdae voloresci accus a nonse invelicae natur?

Obiti doluptasit ea veni dest, sit voluta cust, volorum recabo. Ota nimi, sum di core et dolest, sit am verum rat.

Lupis des rest ut lit veles es quatiis et diorem conse mint, consequibus pliquae quassim nos adis ipsum inctiore nobit autessi dolorum autat autentur, officae laudit dolorestis etur, temporrorem facil et everovitas alit omnimolume cum aditas ex eliquo modis eos quis id quatio et labore, ut quam que cor re landuciist, ulparch itatissin nobit dusapid maxim

qui as dolupta sit eum fugit, sequodi aut mos endis ipidellorios eatae volorumquam fugiaes entiumet incia porempor sit et quid quatectur modi atem. Obistecus.

Aperum ne ium nectescipiet rem a sit estionsedi denturectia ducit, omnis nienis aciis asit pro estiur mod que porent voluptat a sustrunt eum dus destemolore, sunt acil et etum fuga. Obite esti blatum niaerum doluptam que volor autam ide re nonsera dolupta poratuscipid et esequiam sunt, que ipic te simenim poreped quas et aliquatem eosantur? Et et voluptaquist enimus sint officia tescitiati volorro ex et etusdandae et ullatusdam sectur, quam etur aliquae pore cum quid quisi doles aut quidebitati core dolorum et, omnis rate doluptae sequos a conet, quo venetur sa dolorum ea nati dolorporum re, sin pos ex etusa vit, velis simi, ut vendita tquatec tatiant eiunt eaqui comnita ssequi inctis niet es quatiae corpore, nonet pratur? Quis volut ut hillabo ribus.

Que laborrum sit fugia vel in remporiam autem dolo volupta dolor accus aut adi simet asi omnimpori dolorem natur? Quis aut antis volupta quidit landae que lam, si cus reped ut quame pro voluptae. Nam ime sus rem nistiur sum idestem quos aligenimus eatibusanto conem eaqui atur?

Dit poresecus, aut que voluptaercit et ut quas conempore quat et et fuga. Uptionseces ium dolor rem sitamet es num vitas velecepe ex exeribu saessitia voluptas alit ad enda cus dolorum in et ra veribus, cus serum et odipsus serfera qui cus.

Agnimolorit eicimpe roriorp orenihil mo molorestiist asit acese ommolorro offictus, inctectem utat pel incte poreprorest, voluptatur magni consequid quianda il iur? Evendit verchit, sinvel magnatur res magni offictem vollaceaque volor rat.

Faccae sunt quam volupti nctur? Sa corum de audam quid utature rnatus rem. Tis vendam si quate prat que verovitas volorum consequae dusandem volor aut res modignat as nossum sum lat venis aut ducia quunt, ut possit dus et, que maio. Adia suntios as sitio optisqu idellis ut id magnatq uisitem eaquae eos re cuptas conecus, temque volutaquam quatum net fugitat acim imporem pernati busdandi comnimagnia natquis asperiae doluptas modis voluptatium, que laut voluptatur alibus aut a debis aut lacepelent ad quias rem. Et offici nam, conseque rem harum que a vendam, eaturio bea consequos ides am quam debis alibusdandi con porerchillab illorep eliatem dest et quam necestem fugita perro blaborum aut quam hicium debitatur modipsapic te enist facipsae et eos estio veliquam alit, aut amusam excest, sam, num ides es netum a

voloria dolesserio ilis namusdae cum vent, sed expe ducimin ctenitius moluptatiis et facit quamus di omniet etur, quam, sectatur? Lupicip icidunt, conse sit, seque que explitas et quas remquuntur, aliquas a dolutatur magnataquat utem ratatur?

Magni ut atias ut vollend eliqui volorum et molut intiaectur acest et omnis ium que nectas solecaboriae evendene natur?

Nonsedis repudis rem sit aut et abo. Et ut imi, aperibus ati cor aut eic toraers peditae vendandio. Solor aut eostemolor ratem nonsenestis ut aut et acepta viditam ipsandi ut fuga. Pa voluptat lam rectaturitas sit eum accus moluptiam dolorrum qui si cum asim elibus exped mi, idio. Nam ex experov itatem at magnita quatus, volorer ovitatia nonsequiae nit lautem eos ellescit doluptat et aut expelecatas illuptatur? Tectatem am, quiandus arit, totatur autem niet velite nusam alit, omnitiatio. Ovid minusci endita cus voloreh enture, te re con premodis dellest facesent quis soluptur, cuptatenihil maximint ea consequi te suntemp orepellest, sitiber feribus temporibus sinciis rehendi omnis volorat.

Et vololuptam que et doluptaque plit vellam quibusa ndellac erspicitat mod quaspid itatiis ra voluptaspis dis se vel modi re exceatem volorit exped que nones audae que ium voluptur, essitatur?

Ferit latatio. Et is am volorehenim quae labo. Et voluptas con ratqui coremporum faccum aut perspiciam et aut que es dolorestrum ex et asitior molest veni dis sime pelibusam aut adi assim laut quias reperrumquo berspictur? Ceperi odignis conseque incti te coribus cipiet et la quodit omnisqu iasimai orepro od mod ut poratem fuga. Hario offici dolo omniminctio tem volupta tincit, apel el imil mos modignim harchil ius, incient odiam, ipis cus dolesequid qui del id es soloris prem num sunt aut eicabo. Ut fugit, quam, sam, tet volesciunte ipid que cus et odit re nonsernam estibusa velent escipic iandia voluptatus alis et andeliata conestium fuga. Runturi dolor aut veribus.

Rorum aut a volupta tiorianda conest officim volecto tem quam laboria sum reruptatur, offic tet res dolorempos delent mosam nullique nullut et aut exerferum doluptaque nempore perunt a volendus desequi ni dolutatur ad ut labo. It facessit hicae consed maxim aciment.

Ita earchil luptintiant quidelesti sim sunti audae vendit exernat uribusapis repedipsa cumquat emporibus, comnimi ntiusdae mil eos prat aliquos et apic tet qui odi quam denis as dit restrum faccus nimusdaes si as est quia dolupta volut experi venda vollect entiatus audigenduci omni reptatis volore sim nonsequi conet volupta consequam delibeat.

At. Liquis ducipsam adignist labo. Ad quidelibus dic to quam ate rehendam, iumque explibus.

Onestiosam, commoluptas cus ius destiam volut raeribus res ad quae verum, odis et quam sitas venieni enisque latias ea quis volorunt essimilles sum consed magnisse volore molut volor simolorro des corum ullaturere veniet experionse vella voluptas dolupta volupidem enestia ndante vernatur magnat.

Faceperios pratus, si dolessunt assum quatem. Nemquidestet ius inis mosaerum eic tem. Rionsequid que vent et magnitias expedi ut vellessedit fugiatemquis dolores ciaspelenis apel enditio mos eari cus etures resed qui ad eles ut velendunt et aut lantiassus et od et faccat ommoloreius nos vel mo conet odis digentus quod ute ex ea verem enda con exerciae comnis perferorem facepudit, volesed qui officiae volupiciis aut aut il ide corerferspe conseque postorerum quundan deruptati consequi dolorrovid everfer ovitatis dolenti unt aliandam audit pe iusantur, aut et facimust ma comnien diatur molor aut ea nisti aut esequi nos qui qui non re quisque molupta tusdaec tissincil ipsuntus.

Bitis doluptiume porporrum facest, quam volupisit fugiand aecest assinus velendi ratia siminus.

Optatur am estiscipsus, sintibus simaximodi suntur?

Nam vidist, quae. Nam atur, seniet enimpor ibusam harcium ipsae. Os nobisquod ut volorerio omnis nullam facera quiame volupta dolorum faccum velloresed excepellab ipsant, quiaepu ditasped quiatusa quunt ut vent labores sintios et eium doluptatis sam rerspienimus aut aperitatium iliquiasped qui suntium quideribus denihit et am inctem imaioribea simaion sequatia venis utatet que comnia dolor si cus, occus.

Dae omnis estissi ad que apienissunt event lita cus.

Iditem. Ovit int, ut quo blanim laborep eleseces serument etur? Quist que offic tem antur sitiunt.

Onseque exerciis accaepti il ium faccus alit, sam, con esequos et eos eicit, cus voloria que saperch iligendebit adit voluptat lia prem quis ius et ulparias id qui cusdae verro voloreh endellabori quia volupta tionessus as am, ut rerfera as niet que cus sunt labori volo totatus con nossumqui quis simin rendio. Et aut ipidis accum as simil is solo expernam atibus, sam cum dusae elentur?

Тимохин Д. М.
(ИВ РАН)

Монгольское завоевание Центральной Азии: современное состояние и перспективы историографических исследований

В современной исторической науке в целом, так и отдельных ее областях, наиболее сложными и требующими от исследователя значительных усилий нам видятся любые попытки историографического обобщения, по какой бы то ни было тематике. Вместе с этим подобного рода исследования, безусловно, важны для понимания с одной стороны того, чего уже успели добиться историки, а с другой — для выделения тех лакун, которые еще имеют место быть в истории. Историографические труды являются значимым элементом для исследования любой проблематики, однако, в рамках данного доклада, нам хотелось бы остановиться на рассмотрении значимости и необходимости историографических исследований монгольского завоевания Центральной Азии. В этом докладе мы не только постараемся выявить причины, которые, на наш взгляд, требуют такого рода исследований, но и предложить возможные направления историографических обобщений в русле указанной проблематики.

Прежде всего, необходимо кратко охарактеризовать современное состояние историографии относительно указанной выше проблематики, а именно монгольского завоевания Центральной Азии. Хотелось бы в первую очередь сказать об отечественных и зарубежных исследованиях, касающихся непосредственно монгольского вторжения в упомянутый регион, подчеркнуть их особенности и выяснить тот факт, насколько сама проблематика была изучена исследователями.

Говоря о первых исследованиях монгольского завоевания Центральной Азии и последующего господства в указанном регионе, следует выделить наиболее ранние труды по указанной проблематике. Такими исследованиями следует считать труды Ж. Дегиня «Всеобщая история Хуннов, Тюрок, Монголов и других восточ-

ных Тартар»[1], труд Клода Д'Оссона «История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана»[2], Г. Ховорта «История монголов с 9 по 19 столетие»[3] и Л. Каэна «Введение в историю Азии. Тюрки и монголы к 1405 году»[4]. Их объединяет попытка исследования истории монголов за обширный исторический период и интерес к завоеваниям этого народа. Исследователи использовали труды ранней арабо-персидской историографии, не все из которых в то время были известны и доступны зарубежным ученым. Так, В.В.Бартольд так писал о сочинении Дегиня: «Труд его имеет большое значение для истории восточной, чем для истории западной части Средней Азии; воспользовавшись в значительной степени китайскими источниками , Дегинь относительно мусульманской литературы должен был довольствоваться немногими компилятивными трудами»[5]. Говоря же о работе Клода Д'Оссона следует сказать, что начиная именно с этого исследования в зарубежной историографии проблемы наметился интерес к публикации источников о монгольском нашествии. Монографии Г. Ховорта и Л. Каэна базируются на сделанных переводах источников. Несмотря на жесткую критику этих работ, в частности В.В.Бартольдом[6], нельзя не отметить масштаб рассматриваемых авторами исторических событий и их глубокий анализ.

В историографии монгольского завоевания Центральной Азии XX века отметим монографию Иеремии Куртина «Монголы. История»[7], о слабых сторонах которой писал уже В.В.Бартольд, говоря об авторе: «Он никогда не упоминает своих источников, не говоря уже о каких-либо критических замечаниях об их отно-

---

[1] *Deguines J.* Histoire generale des Huns, des Turcs, des mogols et des autres Tartares occidentaux. Paris, 1756—1758. T. 1—4.

[2] *Д'Оссон К.* История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана / Пер.: Н. Козьмин. Алматы, 1996. 255 с.

[3] *Hovorth H.* History of the Mongols from the 9th. to 19th. century. London, 1876-1888. Pt. I — III.

[4] *Cahun L.* Introduction a l'Histoire de l'Asia Turcs et Mongols der origins a 1405. Paris, 1896. 347 p.

[5] *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1963. С. 108.

[6] *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1963. Т. 1. С. 109—110.

[7] *Jeremiah Kurtin.* The Mongols. A History. Westport. 1972. 426 P.

сительной важности»[8]. Отметим многотомное сочинение «История Ирана»[9] Эгбаля Аббаса, первый том которого посвящен истории этого региона со времени завоевательных походов Чингиз-хана до эпохи Тамерлана. Автором была использована как ранняя арабо-персидская историография, так и последующие научные изыскания европейских ученых. В исследовании «Краткая история Ирана»[10] М. Хеджази изложил историю Ирана с древнейших времен и до свержения династии Каджаров, однако, по всей видимости, в число авторских задач не входило подробное описание самого нашествия, поэтому здесь мы видим лишь схематичную картину этого события.

Особого внимания заслуживает труд английских историков «Cambridge History of Iran»[11], посвященный истории Ирана в Средние века. В нем задействован весь корпус источников о монгольском нашествии. Одним из основных исторических сочинений ранней историографии проблемы, на которое опирались авторы «Cambridge History of Iran» стало сочинение Ан-Насави. В «Cambridge History of Iran» изложена историографическая концепция монгольского нашествия на Центральную Азию английских и американских историков. В 1970 году было издано сочинение Абдаллаха Рази Хамадани «История Ирана»[12], где отдельная глава посвящена событиям монгольского завоевания Ирана и сопредельных регионов. Особенно следует отметить тот факт, что Абдаллах Рази опирается в своем сочинении, в основном, на более поздние арабо-персидские исторические сочинения. В монографии «История Ирана после распространения ислама»[13] А. Парвиз подробно рассматривает период монгольского завоевания Центральной Азии и Ирана, уделив этому событию целых три раздела: «Султан Мухаммад и разгром государства Хорезмшахов», «Вторжение монголов в Хорасан и сопротивление им Джалал ад-Дина Манкбурны» и «Борьба Джалал ад-Дина с монголами и конец его деятельности».

---

[8] *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1963. Т. 1. С. 111.

[9] *Agbal A.* Tarih-i mawsalei-e Iran. Az jomlei-e Chingiz ta tashkil doulate Timuri. Tehran, 1939. Vol. I. 409 c.

[10] *Hejazi M.* Holasei-e tarih-e Iran. Tehran, 1957. 248 p.

[11] Cambridge History of Iran / Red. : J.A. Boyle. Cambridge, 1968. Vol. 5. 763 p.

[12] *Razi A.* Tarihi Iran. Tehran, 1970. 940 p.

[13] *Parviz A.* Tarih-e Iran bad az Islam. Tehran, w.d. 320 p.

Отдельно хотелось бы отметить зарубежные исследования, в которых авторы рассматривали завоевание Центральной Азии в контексте монгольской экспансии в целом, а также исследования, в которых особое внимание уделялось изучению господства этих завоевателей в указанном регионе. Здесь можно выделить труды Д. О. Моргана «Средневековая Персия»[14], "Монгольская армия в Персии»[15], и «Монголы»[16], который исследовал монгольскую экспансию и военное присутствие монголов в Иране. В первой из указанных монографий автор обратил особое внимание на проблему монгольского управления в Иране и прилегающих к нему регионах. В статье «Монгольская армия в Персии» исследовал вопросы соотношения сил между Хорезмом и монголами накануне военного столкновения и состояние монгольской армии в период завоевания Центральной Азии. В монографии «Монголы» автор описывал историю монголов, начиная с раннего периода, и уделил внимание изучению монгольского государства после смерти Чингиз-хана. Отметим также монографию Бертольда Шпулера «Монголы в Иране. Политика, управление и культура Ильханов 1220—1350»[17], при написании которой были использованы, практически, все известные персидские, арабские и армянские источники. Изучая вопросы политического устройства, управления и культуры в завоеванном монголами Иране, Бертольд Шпулер посвящает целую главу монгольскому нашествию на Центральную Азию и его последствиям, опираясь в этом описании, в основном, на арабские и персидские исторические сочинения.

Итак, после краткого обзора зарубежной историографии проблемы, необходимо дать характеристику отечественным исследованиям истории монгольского завоевания Центральной Азии. В отечественной историографии проблемы монгольского нашествия на Центральную Азию основополагающим исследованием является

---

[14] *Morgan D. O.* Mediaval Persia 1040—1787. London, 1987. 540 p.

[15] *Morgan D. O.* The Mongol armies in Persia // Der Islam. 1979. bg. 56. heft 1. P. 81—96.

[16] *Morgan D. O.* The Mongols. Oxford, 1986. 560 p.

[17] *Spuler B.* Die Mongolen in Iran. Politik, verwaltung und kultur der Ilchanzeit 1220—1350. Berlin, 1968. 624 p.

труд В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»[18]. Нельзя не отметить также влияние упомянутого исследования на зарубежную историографию проблемы. Бартольд В. В. использовал все известные на тот момент мусульманские, китайские, монгольские, армянские и европейские исторические сочинения о монгольском нашествии, впервые создав, таким образом, стройную картину монгольского завоевания Центральной Азии и формирования государства Хорезмшахов-Ануштегинидов. Основными источниками при описании событий монгольского нашествия были труды ан-Насави, Джувейни и Рашид ад-Дина, причем последние два памятника дали возможность автору создать образ Чингиз-хана как величайшего правителя и полководца. При этом нельзя забывать и тот факт, что В. В Бартольд редко использовал более поздние источники, в связи с чем установленная им историографическая традиция описания монгольского нашествия нуждается в некоторой корректировке по целому ряду ключевых вопросов.

В 1977 году выходит сборник «Татаро-монголы в Азии и Европе», в рамках которого хотелось бы выделить целый ряд статей: Ш. Сандага «Образование единого монгольского государства»[19], Е. И. Кычанова «Монголо-тангутская война и гибель государства Си Ся»[20], М. Кутлукова «Монгольское господство в Восточном Туркестане»[21], М. Г. Пикунина «Чингиз-хан в Афганистане»[22] и А. Галстяна «Завоевание Армении монгольскими войсками»[23]. Безусловно, не все указанные выше статьи соотносятся напрямую с темой этого исследования, однако они наилучшим образом иллюстрируют не только события предшествующие монгольскому заво-

---

[18] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1963. Т. 1. 760 с.

[19] *Сандаг Ш.* Образование единого монгольского государства и Чингиз-хан // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 23—46.

[20] *Кычанов Е.И.* Монголо-тангутская война и гибель государства Си Ся // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 46—62.

[21] *Кутлуков М.* Монгольское господство в Восточном Туркестане // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 85—107

[22] *Пикунин М.Г.* Чингиз-хан в Афганистане // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 140—150.

[23] *Галстян А. Г.* Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 166—186.

еванию Центральной Азии, но и последствия монгольского вторжения. Следует отметить и тот факт, что значимость самого этого издания велика не только в рамках отечественной историографии, поскольку подобного рода исследования, где бы рассматривалась вся картина монгольских завоеваний, в зарубежной науке практически отсутствуют.

Отдельно можно отметить исследования И. П. Петрушевского: «Иран под владычеством монголов 1220—1236 г.»[24] и «Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия» [25]. В первой работе автор охарактеризовал основные исторические сочинения, повествующие о монгольском нашествии, среди которых отсутствовали ценные памятники, например, труд Мирхонда. Во второй работе не использован труд Рашид ад-Дина, отсутствуют упоминания сочинений Мирхонда и Казвини. Автор опирается в основном на труды ибн ал-Асира, Джувейни и Джузджани. Картина монгольского завоевания Центральной Азии и его последствий, созданная И. П. Петрушевским, отличается, в частности, от взглядов В. В. Бартольда. В частности, И. П. Петрушевский критически рассмотрел точку зрения В. В. Бартольда о причинах монгольского вторжения в Центральную Азию и скорректировал ее. Равным образом автором был подвергнут критике образ Чингизхана, как полководца и правителя, который создал в своем исследовании «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» В. В. Бартольд.

Подводя итоги рассмотрению существующих отечественных и зарубежных исследований по истории монгольского завоевания Центральной Азии, хотелось бы отметить в первую очередь тот факт, что за последнее время мы не видим практически ни одного исследования по данной проблематике. Большинство указанных работ написано в период до 1990-х годов, что говорит с одной стороны о том, что проблема кажется исследователям малоинтересной, а с другой — о некоей тенденции в отечественной и зарубежной науке, которая приводит к отказу от изучения столь широких научных проблем в пользу более узких по хронологии и масштабу.

---

[24] *Петрушевский И. П.* Иран под владычеством монголов 1220—1236 г. // История Ирана с древнейших времен до конца 18 века. Л., 1958. С. 164—211.
[25] *Петрушевский И. П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 107—140.

Хотелось бы подчеркнуть и тот факт, что в рамках указанной мировой историографии монгольского нашествия на Центральную Азию наметилась так же тенденцию, согласно которой исследователи в своих трудах опираются лишь на отдельные памятники ранней историографии, в то время как весь корпус арабо-персидских источников был задействован далеко не во всех вышеперечисленных научных трудах. Данная тенденция вызывает все больше тревоги еще и в силу того, что она наблюдается и в рамках современной исторической науки в целом.

Наконец, следует отметить и тот факт, что, не смотря на достаточно большое количество исследований по указанной проблематике, за все эти годы не было ни одной попытки каким-то образом обобщить имеющиеся научные достижения. Это так является на наш взгляд серьезной научной проблемой и об этом подробно будет сказано ниже.

Отдельно хотелось бы сосредоточить внимание на следующем немаловажном выводе, который напрашивается после рассмотрения существующей историографии монгольского завоевания Центральной Азии. А именно — при изучении истории монгольского завоевания Центральной Азии мы сталкиваемся с практически полным отсутствием историографических работ по этой проблеме. Если предпринимались попытки осмыслить раннюю историографию проблемы, хотя это были в большей степени источниковедческие исследования, то попыток обобщить достижения отечественных и зарубежных ученых в данной области, практически, не предпринималось.

Такое положение вещей представляется тем более удивительным в виду того, что и отечественные, и зарубежные востоковеды предложили научному сообществу значительное количество исследований по различным аспектам истории монгольского завоевания Центральной Азии. Безусловно, любая попытка научного обобщения такого богатого исследовательского наследия оказало бы неоценимую помощь в дальнейшем изучении истории монгольского завоевания Центральной Азии.

Существует и другой важный аспект указанной проблемы, а именно — наличие с одной стороны богатого отечественного и зарубежного исследовательского опыта изучения монгольского нашествия и его последствий. Таким образом, историографическое ис-

следование отечественных и зарубежных трудов по этой проблеме в первую очередь позволило бы сравнить достижения различных востоковедческих школ в этом направлении.

С другой стороны, такого рода историографическое обобщение позволило бы понять особенности исследовательских подходов отечественных и зарубежных ученых, корпус использованных ими в работах источников, и, наконец, понять какие аспекты монгольского нашествия особенно интересовали отечественных, а какие зарубежных востоковедов. Это же позволило бы выявить дискуссионные моменты, которые могли возникнуть между разными исследовательскими школами, а также малоизученные как в России, так и за рубежом сюжеты, связанные с монгольским завоеванием Центральной Азии.

В связи с вышесказанным, хотелось бы выделить следующие важные направления историографических исследований монгольского завоевания Центральной Азии. Это, в первую очередь, обобщение отечественного опыта исследования проблемы в целом, а также историографические исследования изучения отдельных аспектов монгольского завоевания Центральной Азии отечественными учеными. Далее, необходимо провести так называемое «компаративное» историографическое исследование отечественного и зарубежного опыта изучения монгольского нашествия, в ходе которого появилось бы возможность для сравнения достижений различных востоковедных школ по указанной тематике. Безусловно, и тот, и другой историографический опыт будет полезен, как для ученых непосредственно занимающихся историографией, так и для исследователей монгольского завоевания Центральной Азии.

Филоник А. О.

Проблемы Арабского Востока в зеркале российского востоковедения

1. При рассмотрении указанной темы следует исходить из того, что вопрос касается осевых тем, которые не теряют актуальности и требуют сил для их изучения. Однако ряд из них просто отставлен в сторону или минимизирован до крайности, или поднимается дискретно, время от времени.

Применительно к Арабскому Востоку это относится хотя бы к таким направлениям, как состояние государственного капитализма, эволюция теорий экономического роста и научно-технического прогресса, стратегий развития, проблем воспроизводства в странах региона. Фактически эти темы изучаются не блоками, что придает фундаментальность и основательность исследованиям, а разрозненными аспектами, приуроченными к отдельным поводам или ситуациям.

2. Если говорить о приоритетах арабистики, то, возможно, было бы уместным уделить внимание исследованиям по аграрной тематике, которые имели большой успех, но сошли на нет к 90-м годам прошлого века. Анализ отношений в деревне под углом зрения ее участия в революционном процессе также был продиктован идеологией. Но интерес к этому предмету ныне мог бы стать весьма актуальным с точки зрения решения проблем продовольственного обеспечения, демографической разгрузки восточных обществ, водной безопасности и ряда сопутствующих вопросов. Их острота настолько велика, что ставит под угрозу не только социальный мир в странах Азии и Африки, но и мирное сосуществование между государствами, особенно имеющими неравный доступ к одним и тем же источникам воды.

Существенный интерес может представлять становление гражданского общества в арабском мире. Этот процесс нельзя считать развившимся настолько, что он стал характерным для всех стран региона, но все же он так или иначе начинает проникать в ткань общественной жизни. На этот аспект развития реагируют многие организации в мире, в том числе и наши официальные структуры,

и российскому востоковедному сообществу следует, видимо, иметь свою точку зрения на все происходящее в этой области.

Вопросы, связанные с проблемами управления экономическими, социальными и иными процессами и принятием решений, также имеют немалое значение для Арабского Востока. Они прямо соотносятся с предыдущей темой, имеют высокую степень актуальности и в этом качестве должны стимулировать интерес и российских востоковедов к этой теме.

Серьезным занятием может считаться прогностическая деятельность. Ее актуальность проявляется уже в том, что она дает видение перспектив, облеченных в конкретные показатели. Наглядные данные полезны при расчете вариантов развития обстановки в наблюдаемом регионе, позволяют в какой-то мере предвидеть узкие места в развитии процессов разной этиологии, помогают откорректировать текущие, но обращенные в будущее, действия с целью минимизировать экономические, социальные, политические и иные издержки.

3. Вообще востоковедение, что бы о нем ни говорили, остается реальной, истинной наукой на стыке многих других наук. Комплексность востоковедения обусловлена многообразием процессов на Востоке, их мозаичностью и сложностью. Только соразмерный подход к столь масштабной тематике может дать позитивные результаты при изучении процессов и явлений в их множественности и разнообразии.

Восток как огромная часть мирового экономического, политического культурного пространства ныне превращается в весьма весомый и действенный фактор международной политики. Роль Востока в создании современных производств, участие в разработке новых технологий, в экспансии капиталов, товаров и рабочей силы, в распространении культурных ценностей и политических претензий значительно повысилась.

В определенной мере сходные процессы или их фрагменты регистрируются и на Арабском Востоке. В меньшей степени они характерны для капиталодефицитной его части. Но более богатые страны совершили качественный скачок в своем развитии. Правда, их экономическая роль ныне определяется в основном нефтяными ресурсами. Но в то же время они обрели признание как кредитно-банковский центр, теснейшим образом связанный с мировыми фи-

нансами. Они быстро набирают вес как крупнейший глобального значения транзитный пункт для грузо- и пассажиропотоков. За последнее время они превратились в колоссальную рекреационную зону и создали самую современную индустрию международного туризма. Не менее впечатляюще то, как быстро арабские нефтеэкспортеры приобрели все признаки мощного делового узла, на который ориентированы многие структуры трансконтинентального бизнеса. Знаменателен и тот факт, что они стали местом, где сосредоточиваются самые смелые инженерные проекты в области инфраструктуры, а сама она выросла в крупнейшую самостоятельную отрасль, ставшую ориентиром для стран, расположенных в географической близости.

Одновременно с экономическим вырастает и политическое значение арабского мира, которое усиливается за счет традиционных игроков на ближневосточной сцене, чье историческое прошлое, нынешнее влияние на региональную безопасность и скрытый потенциал увеличивают их авторитет в глазах мирового сообщества.

Другими словами, на Арабском Востоке происходят крупные изменения, ведущие с той или иной скоростью к распространению в них социально-экономического прогресса и к превращению их в серьезных игроков на мировой сцене. Их опыт заслуживает того, чтобы его препарировать, внимательно изучить и, может быть, перенести в нашу действительность наиболее удачные решения.

4. Подобная динамика арабской действительности требует особого внимания к явлениям, которые вызвали рост политической, финансовой и экономической значимости региона БВСА. Это важно еще и в свете заметного роста самосознания в этой обширной зоне и стремление к тому, чтобы заявить о себе не только как о растущем рынке, но как о гиганте, который претендует на полноправное участие в управлении процессами мирового развития.

Россия, имеющая огромное пятно контакта с Востоком, хотя бы волею одного этого обстоятельства, должна пристально наблюдать за событиями и явлениями, которые определяют суть и векторы движения восточных государств. Они прекрасно осознали свою восточную идентичность, обрели свои государственные интересы, определили свою роль в мировом экономическом и политическом процессе и требуют, чтобы с ними считались и учитывали их амбиции.

России же, чтобы сформулировать свои позиции, надо понять, чего хотят ее конкуренты или партнеры на Востоке вообще и в его арабских пределах, в частности, и чего желают для себя сами страны изучаемого региона.

При этом простая регистрация фактов, которые отражают возвышение тех или иных национальных сегментов на пространстве Востока, едва ли будет целесообразной и продуктивной. Необходим пошаговый, точный и взвешенный анализ того, что происходит на границах России и в сопредельных и в более отдаленных странах Востока. У России есть собственные национальные интересы, реализация которых обеспечивает ей жизнеспособность и выживаемость в сложнейших условиях текущего исторического этапа, в который она вступила ослабленной, переживающей наследие советского прошлого и трудности начальной стадии формирования капитализма. И при артикуляции этих интересов необходимо исходить из твердого знания того, как они коррелируются с позициями других стран, как те отзовутся на будущем России и каких последствий следует ожидать.

Современное российское востоковедение осознает важность исторического момента для страны и многое делает в своей области — от общего мониторинга ситуации на Востоке и траекторий развития отдельных стран до микроанализа явлений и событий, которые формируют фон нынешнего этапа в эволюции восточных обществ. Это тем более необходимо потому, что отношения с Востоком таят в себе некий элемент неопределенности и непредсказуемости. Понимание положения вещей и знание закономерностей, по которым развивается и функционирует восточное общество, может облегчить процесс принятия политических решений, подсказать власти действия, облегчающие получение нужного результата с наименьшими потерями.

5. Национальные интересы России, которые простираются за ее пределы и нуждаются в защите и продвижении, чтобы быть успешными, требуют четкого видения процессов и механизмов, управляющих развитием современного Востока в разных его частях. Одновременно необходимо понимание тонких взаимосвязей, определяющих баланс сил в конкретных случаях и в конкретных точках, соотношения формального и неформального начал во власти, пределы возможного для правящих кругов в движении навстречу российским инициативам и многое другое.

В связи с этим приоритетный характер имеет объективный анализ политических и экономических элит Востока, скорости и интенсивности изменений в хозяйственной и социальной сферах, направленности эволюции политических и общественных структур, вообще основных трендов в развитии Востока. Это нужно для выявления общих и частных моментов в динамике его регионов и отдельных стран. Для понимания того, к чему клонится знаменатель их развития — к гомогенности или к дифференциации в их среде, к коллективизму или индивидуализму в достижении целей. Знание этих и других особенностей, выявление противоречий или единства взглядов в рядах восточных государств позволяет лучше понять то, как они видят свое настоящее и будущее, какие позиции занимают в вопросах глобализации, регионализации, интеграции, во внешней политике, в отношении к наиболее значимым явлениям мировой действительности, а также к факторам, корни которых находятся на Востоке и влияют на положение дел в мире.

Безусловным приоритетом должны стать научные работы, которые выполняют функцию проводника идей и интересов российского государства. В равной мере это касается и материалов, предлагающих реальную оценку перспектив восточной политики России, возможностей получения позитивных результатов от её инициатив на Востоке, адекватности тех или иных решений вызвавшим их событиям и т. п.

Приоритет востоковедной науки состоит в теоретическом обосновании перспектив развития отношений между Россией и Востоком. Большая роль в этом принадлежит формулированию целей и задач, стратегии и тактики межгосударственного общения в условиях не сложившегося равноправия в отношениях между государствами, на этапе перехода к многополюсной системе связей и развернувшейся глобализации. Эти реалии сильно влияют на характер взаимодействия между субъектами международного права в мире, на положение самих этих субъектов, создают сложные конфигурации интересов, практических шагов, внешнеполитических акций, которые могут сказываться на позициях России.

Труды теоретического плана могут послужить существенным дополнением к изысканиям практиков, которые нередко руководствуются сиюминутными выгодами, оценками и настроениями, что оставляет поле для корректировок.

6. Для собственно востоковедения приоритетными можно считать направления, которые в концентрированной форме и с максимальной отдачей могут обеспечить мозговой штурм сквозных проблем, определяющих характер и темпы развития Востока. Многие направления научно-исследовательской работы строятся именно по такой схеме и позволяют добиваться ощутимых результатов.

Основное место здесь принадлежит постановке новых проблем, отслеживанию новейших тенденций, выявлению узловых противоречий, которые имеют тенденцию к нарастанию по мере углубления трансформации восточных обществ, обострения конкурентной борьбы в условиях глобализации, распространения рыночной экономики, усиления роли иностранного и частного капитала в развитии.

Еще одним важным приоритетом можно считать самосохранение российской ориенталистики как явления, которое отвечает духу самого российского устройства и удовлетворяет реальным потребностям всего российского общества, исторически признавшего востоковедение одной из ведущих для России отраслей науки.

❃

Хаматова А. А.
(ДВГУ)

О компетенциях востоковедов, необходимых им в переводческой деятельности

Переводческая деятельность в различных сферах, связанных с восточными языками, является одним из многочисленных видов деятельности, включённых в новые федеральные государственные стандарты высшего профессионального образования по направлению подготовки «Востоковедение, африканистика».

Известно, что владение иностранным языком является необходимым, но не единственным условием, чтобы стать переводчиком. Практика показывает, что хороший преподаватель иностранного языка может быть плохим переводчиком, а хороший переводчик

может оказаться плохим преподавателем иностранного языка, которым он виртуозно владеет как переводчик. Это объясняется тем, что преподаватель и переводчик — совершенно разные профессии, представители которых должны обладать как одинаковыми, так и разными компетенциями.

Необходимые переводчику знания и навыки слагаются из нескольких компетенций, к основным из которых специалисты относят языковую, предметную, лингвострановедческую, технико-трансляционную и коммуникативную. Каждая из этих видов компетенций предполагает определённый круг знаний и умений.

Языковая компетенция заключается в знании систем обоих языков и владении их нормами, предметная — в достаточных знаниях о предмете коммуникации и возможностях языковой реализации этих знаний. Лингвострановедческая компетенция предполагает знание обычаев, культурно-бытовых реалий, литературы, музыки, истории, экономики, политического устройства общества, технико-трансляционная компетенция заключается во владении техникой перевода конкретного типа текста и предполагает знание приёмов перевода и условий их применения при переходе от текста заданного типа на иностранном языке к тексту такого же типа на языке перевода, коммуникативная компетенция заключается в знании механизмов и законов коммуникации вообще и двуязычной, в частности, во владении нормами коммуникативного поведения.

Переводчик должен быть знатоком и мастером коммуникации, экспертом по общению между конкретными коммуникативными сообществами. При подготовке переводчиков в наших вузах главное внимание, как правило, уделяется овладению иностранным языком как системой, что вполне обосновано. Технико-трансляционной компетенцией студент овладевает на занятиях по теории и практике перевода, лингвострановедческой — на занятиях по этнографии, географии, истории, экономике, литературе, истории изучаемой страны, а коммуникативная компетенция — остаётся в стороне. В учебных планах нет специальных предметов, предусматривающих развитие этой компетенции. Именно поэтому Совет Восточного института посчитал необходимым включить в планы подготовки востоковедов курс «Профессиональная этика переводчика».

Цель курса — дать студентам представление об особенностях их будущей профессии переводчика, о месте перевода в системе

других средств коммуникации, о деловом, речевом этикете, культуре общения, о национально-культурной специфике речевого и неречевого поведения китайцев, корейцев, японцев и других представителей стран АТР.

По завершении обучения по дисциплине студент должен:

- знать, что такое перевод и место перевода среди других средств общения;
- чётко представлять, какими профессиональными компетенциями должен обладать переводчик;
- понимать специфику служебного долга и ответственность в профессиональной деятельности переводчика;
- знать о роли протокола и этикета в международном общении;
- понимать проблемы, связанные с особенностями коммуникативного поведения народов стран АТР.

Прежде всего, студенты знакомятся с такими понятиями, как этика, этикет, профессиональная этика.

Этика — философская наука, объектом изучения которой является мораль, нравственность как форма общественного сознания. Мораль — совокупность норм и принципов поведения людей по отношению к обществу и другим людям.

Этикет — совокупность правил поведения, регулирующих внешние проявления человеческих взаимоотношений: поведение в общественных местах, за столом, формы приветствия и обращения, манеры, одежда.

Профессиональная этика (профессиональная мораль) — кодекс поведения, предписываемый тип отношений, которые представляются наилучшими с точки зрения выполнения работниками своих служебных обязанностей в той или иной профессиональной сфере (в производстве продукции, в сфере оказания услуг).

Любое профессиональное общение должно протекать в соответствии с профессионально-этическими нормами и стандартами, овладение которыми зависит от ряда факторов. Их можно объединить в две группы:

первая группа — комплекс этических представлений о том, что такое добро и что такое зло, т. е. собственный этический кодекс, с которым человек живёт и работает, какую бы должность он ни занимал и какую бы работу ни исполнял;

вторая группа — нормы и стандарты, привносимые извне: правила внутреннего распорядка организации, этический кодекс фирмы, устные указания руководства, профессиональный этический кодекс.

Мы считаем необходимым включить в число рассматриваемых на занятиях вопросов правила поведения за столом, в обществе, общественных местах, на визитах, в гостях, вопрос о внешнем виде и привычках. В последние годы к этим темам правил этикета добавилась ещё одна — правила мобильного общения. Первые правила мобильного этикета появились в США в 2000 году, в России этикет общения по сотовому телефону только зарождается.

Переводчик в своей практике часто сталкивается не только с переводом во время приёмов различного уровня, в том числе государственного и дипломатического, но и с необходимостью принимать участие в организации и проведении таких приёмов. Поэтому в нашем курсе отводится время для освоения некоторых сторон дипломатического приёма. Студенты знакомятся с видами дипломатических приёмов, с их организацией: выбор вида приёма, составление списка приглашённых, оформление приглашений, их рассылка, приход на приём и уход с приёма, рассадка за столом, сервировка стола, меню приёмов, тосты и речи, одежда на приёмах.

В отдельную тему выделяется деловой этикет, где студенты подробно знакомятся, в том числе, с правилами работы с иностранной делегацией, учатся составлять программу приёма делегации, узнают правила знакомства с партнёрами. Здесь же обсуждается роль визитных карточек в деловом общении, затрагиваются вопросы функций подарков и сувениров в деловой жизни, этические требования к подбору и преподнесению подарков в служебной сфере. При рассмотрении этой темы студенты должны понять, что деловой этикет — важная составляющая деловых отношений, базирующаяся на многовековой мудрости, определяющей представление о духовных ценностях (справедливости, честности, верности слову и т. п.). Ознакомившись с темами, перечисленными выше, студенты должны понять, что в современном обществе никакие отношения (дипломатические, политические, культурные, экономические, деловые) не могут быть свободны от норм этикета. Требования этикета, с другой стороны, не носят абсолютного характера, они меняются с течением времени под влиянием самых различных факторов.

Одной из центральных тем курса является тема «переводчик и переводческая деятельность». Прежде всего, студентам объясняется, что перевод — это одно из средств общения, что перевод относится к особым вербальным средствам общения, поскольку представляет собой однонаправленный двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при которой создаётся вторичный текст, репрезентирующий первичный в другой языковой и культурной среде. Поняв сущность перевода и познакомившись с историей возникновения перевода, его видами, а также с так называемыми «парадоксами перевода», т. е. противоречивыми требованиями к переводу, отмеченными Т. Сейвори в книге «Искусство перевода», студентам предлагается ознакомиться с особенностями переводческой деятельности, с компетенциями, которыми должен обладать переводчик, с условиями работы переводчика, с требованиями, которые предъявляются к переводу, а, следовательно, и к переводчику. Студент должен понять, почему будущий переводчик должен постоянно заботиться не только о своих знаниях, но и о здоровье, физической выносливости, внутренней сдержанности, постоянно развивать свою память, речь, реакцию, постоянно повышать квалификацию, профессиональное мастерство, расширять и углублять эрудицию в различных областях знания, а также обращать внимание на свой внешний вид.

Сидер Флорин в своей книге «Муки переводческие» выделяет специальную главу «Переводчик во всеоружии», в которой отмечает, что переводчик без словарей — не переводчик. Студенты-востоковеды должны, на наш взгляд, иметь представление о том, какие словари они должны иметь в свой библиотеке, и для чего предназначен каждый из них. Все словари можно разделить на четыре группы:

I. Одноязычные словари исходного языка (в нашем случае — восточного языка), которые обязательно должны включать:
   а) толковый словарь исходного языка;
   б) краткий энциклопедический словарь исходного языка.

II. Одноязычные словари языка перевода (в нашем случае — русского):
   а) толковый словарь языка перевода;
   б) словарь иностранных слов в языке перевода;

в) словарь синонимов в языке перевода;

г) орфографический словарь языка перевода.

III. Двуязычные словари:

а) двуязычный словарь с исходного языка на язык перевода (максимально полный);

б) двуязычный словарь с языка перевода на исходный язык (для обратной проверки);

в) двуязычный фразеологический словарь (с исходного языка на язык перевода).

IV. Общие специальные словарь, глоссарии, справочники, указатели, энциклопедии и т. д.

В эту группу входят всевозможные специальные одноязычные и двуязычные словари, глоссарии, справочники, указатели, учебники и т. д.

Конечно, такую библиотеку собрать быстро невозможно, но озадачить студентов нужно с самого начала изучения ими языка. Кроме того, студентам объясняется, что они как можно раньше должны научиться пользоваться одноязычными словарями восточных языков.

Профессиональная этика занимает важное место в переводческой деятельности. Наши отечественные переводчики, имеющие большой опыт переводческой деятельности на самом высоком уровне, А. Чужакин и П. Палажченко, пишут «... эта профессия связана прежде всего с передачей информации, а не со сферой обслуживания, как считают некоторые. Следует чётко уяснить, что переводчик несёт полную ответственность за адекватность сведений, проходящих через него. В наш технотронный век владение информацией часто является залогом успеха (или неудачи), а её носитель имеет возможность использовать её в определённых целях, во вред или на пользу либо себе, либо какой-либо из сторон».

Определив переводческую этику как совокупность нравственных принципов, которым и должен следовать переводчик в своей работе, а переводческий этикет как совокупность норм поведения переводчика, регулирующих внешнее проявление его взаимоотношений в профессиональной деятельности, мы переходим к рассмотрению этих принципов и норм.

Рано или поздно перед каждым переводчиком встают этические дилеммы, часть из которых можно обсудить со студентами, чтобы они знали, с чем им придётся столкнуться:

- может ли переводчик принимать участие в дискуссии, которую он переводит;
- отвечает ли он за содержание того, что переводит;
- может ли переводчик переспрашивать говорящего;
- может ли переводчик показывать свою реакцию на содержание переводимого;
- должен ли переводчик «переводить» жесты участников коммуникации;
- может ли переводчик прерывать говорящего;
- должен ли переводчик переводить нецензурные выражения;
- может ли переводчик смягчить острые углы.

Студент должен в самом начале своего профессионального пути понимать, почему искусство говорить и искусство молчать — в одинаковой степени важны для переводчика. Помимо этого, есть много проблем не только этического, но и этикетного уровня, в том числе — от какого лица должен переводить переводчик, при ком из членов делегации должен находиться переводчик, за какое время до деловой встречи переводчик обязан явиться на своё рабочее место, имеют ли значение внешние данные переводчика, какими личностными качествами должен обладать переводчик. После лекций по теме студенты получают задание разработать кодекс переводчика, который бы включал не только этические, но и этикетные нормы, которым должен следовать переводчик в своей деятельности. Конечно, студенту, не имеющему опыта работы, сделать это не просто, но для этого и существуют замечательные книги людей, обладающих опытом как работы в качестве переводчика, так и опытом подготовки переводчиков. Прежде чем составить кодекс переводчика студенты знакомятся с работами В. Н. Комиссарова, Р. К. Миньяр-Белоручева, А. П. Чужакина и П. Р. Палажченко, Г. Э. Мирам и других. Следует заметить, что некоторые из разработанных студентами кодексов вполне бы могли быть взяты за основу для кодекса, разрабатываемого профессиональной лигой переводчиков. При анализе этих кодексов мы ещё раз подчёркиваем, что переводчик должен соблюдать корпоративную солидарность и профессиональную этику,

повышать престиж профессии и никогда не писать и не говорить, что в совершенстве знает иностранный язык.

Завершает курс тема «Речевой этикет, культура общения и проблемы межкультурной коммуникации».

Главная задача этого раздела курса — рассмотреть проблемы человеческого общения с особым внимание к языку как главному средству общения, с одной стороны, и к проблемам межкультурной коммуникации, к которым сейчас приковано всеобщее внимание, с другой стороны. Сейчас, когда смешение народов, языков и культур достигло невиданного размаха, когда остро стоит проблема воспитания терпимости к чужим культурам, ответственность за уважение к чужой культуре, адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам, лежит, в том числе, и на переводчике. Студент должен понять, что каждый урок восточного языка, даже если его ведёт наш преподаватель, а не только носитель языка (с чем сейчас сталкивается каждый студент), - это перекрёсток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир, иностранную культуру, и за каждым словом стоит национальное сознание, представление о мире. Будущий переводчик в силу специфики своей работы должен быть мастером коммуникации, экспертом по общению между коммуникативными сообществами, а для этого нужно знать не только правила коммуникации на родном языке, но и на иностранном, знать, что представитель другой страны обладает особенностями не только речевого, но и неречевого поведения. Ответить на вопросы — какие факторы помогают коммуникации, какие препятствуют ей и затрудняют общение представителей различных культур; как соотносятся между собой язык и культура; как отражаются в языке и формируется им индивидуальный и коллективный менталитет; почему мир озабочен проблемами межкультурной коммуникации — не так просто, но понять, что такие вопросы существуют, что о них всегда нужно помнить, будущий переводчик должен осознать с первых минут своей профессиональной подготовки.

В самом начале темы мы считаем уместным привести слова одного из директоров компании «Форд» Ли Якока: «В течение всей своей карьеры я отдавал лишь 20% времени всему, что связано с

коммуникацией, и 80% - остальной работе. Если бы я мог начать сначала, то сделал бы наоборот».

И здесь мы должны понять, что нынешний контингент наших студентов нуждается в особом подходе с точки зрения обучения их правилам речевого общения и другим видам коммуникации. Это поколение молодых людей не прошло школу чтения большого количества книг как отечественных, так и зарубежных классиков. Сегодня они черпают информацию не из книг, художественных фильмов, драматических спектаклей, и даже не из газет, а из боевиков, блокбастеров и интернета. И это не их вина. Это просто сегодняшняя реальность и с ней нужно считаться и быть терпеливым учителем и путеводителем в мире общения.

Прежде чем приступить к проблемам межкультурной коммуникации, мы знакомим студентов с элементарными правилами речевого этикета, принятого в нашем обществе: правилами говорения и слушания, употребления устойчивых формул и выражений в принятых и предписываемых обществом ситуациях «вежливого» контакта с собеседником. Даём понятие коммуникативного поведения — как совокупности правил и традиций вербального и невербального общения, сложившегося в том или ином социуме и реализуемых в процессе коммуникации.

Усвоение данной темы предусматривает написание небольшой (5-6 страниц) работы по особенностям вербального и невербального поведения представителей стран АТР, а затем обсуждение этих вопросов на семинарах. Но сначала студенты должны понять, что каждая национальная целостность — народ, страна, культура — имеет особое мировоззрение, уникальную шкалу ценностей. «Познай самого себя» - древняя сократова заповедь каждому человеку. Но реализуется она только в процессе познания окружающего мира. Двуединая задача и работа: познавай себя и познавай мир.

Перед написанием работы студенты знакомятся с вопросником по особенностям коммуникативного поведения народов мира, разработанными специалистами психолингвистики и теории коммуникации института языкознания РАН. Приведём структуру и некоторые вопросы из него:

I. Характеристика речи.

1. Общая характеристика темпа речи (по сравнению с русским).
2. Насколько в речи носителей данного языка частотны междометия и аналогичные им звуковые образования. Специфические междометия в речи данного языкового коллектива.
3. Способы заполнения пауз в речи.
4. Особенности «звуковых жестов», например, звуков-призывов.
5. Как член данного языкового коллектива разлагает слово, когда нужно его произнести замедленно или расчленено.

II. Мимика и жестикуляция.

1. Общая характеристика мимики и жестикуляции при разговоре в разных ситуациях общения (в каких ситуациях)?
2. Возможны ли (и какие) способы выражения при помощи мимики согласия, несогласия, сомнения и т. д.?
3. Могут ли жесты выступать в роли функциональных эквивалентов речи и какие именно?
4. Есть ли общеизвестные для членов данного языкового коллектива символические жесты, обозначающие определённую ситуацию, принадлежность к определённой социальной группе, организации и т. д.?
5. Каково использование жестов в различных формах этикета?
6. Каковы позы, допустимые в различных социальных ситуациях, особенно в беседе?
7. Существуют ли общеизвестные в языковом коллективе формы мимики или жестикуляции, используемые исключительно в искусстве (живопись, театр и т. д.).

III. Речевой этикет

1. Есть ли дифференцированные формы обращения? Какие и по каким принципам они дифференцируются?
2. Какие существуют запреты на употребление речи вообще или отдельных слоёв языка и в каких ситуациях?
3. Существуют ли отличные от положения в русском языке способы употребления речи в особых условиях общения?
4. Какие некоммуникативные, но общеизвестные семиотиче-

ские системы типа «языка цветов» существуют в данном языковом коллективе?

5. Каковы типовые темы неинформативной беседы, предназначенные для поддержания контакта?

IV. Проблема коннотаций

1. Существуют ли излюбленные в поэзии и прозе образы-штампы или «связанные эпитеты»?
2. Существуют ли излюбленные сравнения? Какие?
3. Каков важнейшие различия с русским языком в осмыслении внешне одних и тех же реалий?
4. Существуют ли излюбленные прозвища, клички, дразнилки и из какой сферы они берутся?

Эти и другие вопросы показывают, что при анализе национально-культурных особенностей существует очень много проблем и граней. Все эти вопросы подаются студентам с конкретными примерами, что помогает им выбрать тему работы и хорошо подготовиться к семинарам. На семинарах обсуждается очень много вопросов, некоторые из них могут показаться «мелочью», но важно, что студенты должны понять, что «мелочей» в общении не бывает. Поэтому важно знать и то, что очень многие современные жесты на Востоке имеют древнее происхождение, что многие символы, связанные с животным, растительным миром, цветоименованиями имеют совершенно отличное знание тех же символов в нашем языке. Студенты узнают, что словосочетание «чашка риса» имеет, помимо своего прямого лексического значения, ещё и переносный смысл — достаток, материальное благополучие. Обычаи, связанные с поведением за столом, сами по себе очень интересны и заслуживают отдельного разговора. Здесь можно говорить и о «табу», о которых всегда следует помнить, пользуясь палочками за столом. Почему, провожая гостей в дорогу, не следует им предлагать лапшу, но можно — пельмени. Каким правилам должно следовать, угощая гостя чаем, вином, сигаретой. Что скрывается за каждым цветом и жестом у актёров Пекинской оперы. Все ли ритуалы и традиции древнего Китая, Японии и других стран актуальны сегодня.

Студенты узнают, что такое «культурный шок» и почему его может испытать даже человек, подготовленный для работы в условиях чужой культуры. И, конечно, не менее важно понимать, как в

условиях глобализации и интернационализации достигать эмпатии. А эмпатия, как известно, базируется на признании культурных различий между странами и народами и строящихся на основе этого позитивных отношений.

Конечно, краткий курс в 34 часа не может включить в себя всех проблем профессиональной деятельности переводчика и проблем межкультурной коммуникации, но он может заинтересовать студентов, привлечь их внимание к этим проблемам, а помочь в их решении смогут замечательные книги на восточных и русском языках, которые в настоящее время издаются как в нашей стране, так и за рубежом не только опытными переводчиками и специалистами, но и различными центрами и институтами, занимающимися профессионально этими проблемами.

Литература

1. *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение. М.:ЭГС. 2002 — 424 с.
2. *Льюис Ричард Д.* Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию: Пер. с анг. М.: Дело, 1999 — 440 с.
3. *Миньяр-Белоручев Р. К.* Как стать переводчиком? М.: Готика, 1999. — 176 с.
4. Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1997 — 352 с.
5. *Флорин Сидер.* Муки переводчиские: Практика перевода. М.: Высш. шк., 1983 — 186 с.
6. *Чужакин А., Палажченко П.* Мир перевода, или вечный поиск взаимопонимания. М.: Валент, 1997 — 168 с.

Хохлов А. Н.
(Институт востоковедения РАН)

Торговля России с цинским Китаем в XVII—XX вв. — актуальная проблема современной историографии России и КНР

Как известно, торговля издревле служила действенным инструментом налаживания дружеских отношений между народами разных стран, особенно соседних. В этом отношении торговля, которую в течение двух столетий вели российские купцы с народами цинского Китая через Кяхту и другие пункты на русско-китайской границе в XVII—XIX вв., не была исключением. Заинтересованное в сохранении и развитии взаимовыгодной торговли, царское правительство всегда стремилось к поддержанию с цинским Китаем дружественных, добрососедских отношений, порой идя на серьезные уступки цинской стороне в случае возникновения конфликтных ситуаций, связанных с прекращением торговых связей.

Как свидетельствуют факты, интересами поддержания и расширения торговли с Китаем была пронизана практически каждая крупная внешнеполитическая акция российского правительства в отношении этой страны. Это явствует как из договоров, заключенных с Цинской империей, так и из официальной дипломатической переписки центральных учреждений и ведомств России со своими представителями на границе либо за рубежом. Достаточно отметить, что во всех русско-китайских договорах, начиная с Нерчинского 1689 г. и до С.-Петербургского 1881 г., есть статьи, касающиеся торговли, а соглашения (в виде правил), подписанные в феврале 1862 г. и в апреле 1869 г., целиком посвящены ей[1]. И хотя некоторые статьи и отдельные положения (из-за неточностей в переводе их на китайский язык) иногда подвергались сомнению либо оспаривались цинской стороной, особенно на провинциальном уровне, эти договоры и соглашения являлись основными законодательными актами, регулировавшими не только торговлю, но и права россиян и подданных Цинской империи.

Несмотря на то, что цинские власти, всячески уклонялись от установления с Россией отношений, основанных на равенстве и взаимной выгоде, и даже вынудили Ю. А. Головкина, направлявшегося

с посольством в Пекин, вернуться в январе 1806 г. из Урги в Кяхту, политика российского правительства в отношении Китая продолжала оставаться неизменно дружественной. Ее основы были достаточно ясно сформулированы главой Азиатского Департамента МИД К. К. Родофиникиным. В письме от 28 июня 1828 г. на имя директора Департамента внешней торговли Министерства финансов Д. Г. Бибикова он указывал: «Первое и весьма важное основание сношений России с Китаем, как и с другими азиатскими странами, есть торговля яко средство, содействующее сближению двух государств и утверждению взаимного дружества»[2]. В этом же духе им же 14 апреля 1833 г. было отправлено нижеследующее наставление главе Российской (православной) миссии в Пекине В. Морачевичу: «Главная и постоянная цель Российского Министерства в отношении к Китаю есть политическая и торговая; первая состоит в сохранении и укреплении дружественных с Китаем связей, как с государством, с коим мы граничим на столь значительном протяжении; вторая заключается в распространении и развитии торговых наших с китайцами отношений для пользы отечественной промышленности и взаимных выгод»[3].

О приоритетном значении торговли с Китаем в политике российского правительства в этот период можно судить по инструкции, данной чиновнику Азиатского департамента Н. И. Любимову в связи с его поездкой из Петербурга в Пекин в 1840 г. для замены старого состава Российской духовной миссии новым. В этом документе, утвержденном царем, в частности, подчеркивалось, что «торговля с Китаем составляет важнейший предмет и, можно сказать, главную цель наших политических действий в отношении к сему государству»[4].

Последовательность в действиях российского правительства в поддержании с Китаем добрососедских отношений наглядно проявилась в вопросе запрещения торговли опиумом, который интенсивно ввозили в Китай западноевропейские и американские купцы вопреки всем запретам цинского правительства. В самый разгар военных действий между Китаем и Англией в период «опиумной» войны (1839—1842) Николай I 12 апреля 1841 г. издал указ о «непропуске в китайские пределы опиума», что было положительно оценено цинским правительством.

В соответствии с миролюбивой, добрососедской позицией российского правительства в отношении Китая российские дипломаты

требовали от россиян — купцов, живших в этой стране либо приезжавших сюда на время торговли, строгого соблюдения договоров и соглашений, подписанных с цинским правительством, неукоснительного выполнения всех формальностей, связанных с передвижением караванов по китайской территории и собственно торговыми операциями. Однако иногда российские купцы нарушали установленные цинской стороной правила, особенно в Монголии и Синьцзяне, где из-за отсутствия переводчиков, знающих письменный язык, российские пограничные власти порой выдавали купцам свидетельства только на русском языке, что считалось нарушением установленного обеими сторонами порядка. Лишь после реорганизации таможенной службы в России в 90-х гг. XIX в. нарушения пограничного режима российскими торговцами практически прекратились.

Что касается торгового режима, установленного цинскими властями в городах, открытых для русской торговли, то его правила обычно соблюдались российскими подданными, причем честность в денежных расчетах и относительная аккуратность в выполнении заказов снискали основной массе российского купечества не только уважение китайских купцов, но и доверие со стороны местного населения многонационального Китая. О доверительном отношении китайцев к российским купцам писал, например, в 1902 г. (впоследствии управлявший российским консульством в Ханькоу) А. Т. Бельченко, видевший в этом благоприятный фактор для будущего развития русско-китайской торговли в связи с завершением ремонтных работ на КВЖД, пострадавшей во время восстания ихэтуаней (1898—1900). «Русские люди, отличаясь необыкновенной честностью в делах с китайцами, — констатировал русский дипломат, — приобрели уважение в сношениях с русскими купцами»[5].

Критическая оценка русской печатью состояния «российских дел» в цинском Китае, особенно в регионах, прилегающих к владениям царской России, дает основание полагать, что политическое значение российской торговли, осуществлявшейся главным образом (до ввода в эксплуатацию КВЖД) через Кяхту, определялось лишь поддержанием добрососедских отношений с народами этой страны на основе взаимного интереса и взаимной выгоды.

На фоне конкурентной борьбы западных держав в торговой и торгово-предпринимательской деятельности в Китае второй половины XIX в. — начала XX в. успехи российского капитала вы-

глядели более чем скромными, что особенно хорошо понимали российские дипломаты, аккредитованные в этой стране. Вопреки заявлениям русской столичной и сибирской печати о том, что главная чайная торговля — всего лишь «жизненная артерия, до ныне питающая малонаселенную Монголию» и дающая ее населению «значительный и единственный заработок», русские консулы утверждали, что торговые поселения российских купцов в Урге, Калгане, Улясутае и Кобдо «являются не только коммерческими предприятиями», но и «главнейшею связью России с Монголией».

Переходя от вышеприведенного краткого экскурса в историю вопроса к историографии, хотелось бы отметить, что проблемы истории русско-китайских отношений в XVII—XX вв. в последние два десятилетия привлекают всё бóльшее внимание российских и китайских исследователей (Подробнее см.: публикации Н. Е. Единарховой, Ми Чжэн-бо, Е Бай-чуань и других авторов). Этому благоприятствует как широта проблематики, так и наличие огромного архивного материала, отложившегося в центральных и местных архивах Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Это открывает широкие возможности для научного сотрудничества между специалистами этих двух стран в изучении истории русско-китайских отношений и в частности для обмена мнениями по вкратце затронутому выше вопросу о торговле как приоритетном направлении политики Российской империи в отношении Китая в период правления маньчжурской династии Цин (1644—1912).

Примечания

1 «Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате». 1881. № 89.С. 1447—1458; «Сборник договоров России с Китаем». 1689—1881. СПб., 1889, с. 225—236; Русско-китайские договорно-правовые акты (1689—1916). Сост. И. Т. Мороз и В. С. Мясников. М., 2004.

2 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. СПб. Главный архив 1—5, 1817—1840, д. 1, п. 1-а, л. 144.

3 АВПРИ, ф. СПб. Главный архив 1—5, 1823, д. 1, п. 9, ч. 1, л. 150.

4 АВПРИ, ф. СПб. Главный архив 1—5, 1840, д. 2, п. 16, л. 40.

5 АВПРИ, ф. Китайский стол, 1886—1906, д. 384, л. 118.

Худяков Ю. С.

Изучение процессов взаимодействия и взаимного влияния в военном деле русского, тюркских и монгольских народов в Северной и Центральной Азии в эпоху позднего Средневековья и начале Нового времени*

Этническое и культурное разнообразие человечества является важным условием его адаптации к разным условиям природной среды обитания. Однако, на протяжении своей истории ареалы расселения и адаптационный потенциал многих этносов и этнических групп не оставался неизменным. Проблемы взаимодействия и взаимовлияния этносов, принадлежащих к различным культурно-хозяйственным типам и носителей разных культур, занимают важное место в изучении этнокультурных процессов на территории Евразийского континента. Особый интерес среди этих проблем представляет исследование особенностей взаимодействия и взаимовлияния пришедшего из-за Урала в Северную Азию русского населения с населявшими южные, степные и лесостепные районы Сибири, тюркскими и монгольскими этносами и этническими группами, поскольку эти процессы обеспечили совместное проживание и этнокультурное развитие этих народов в составе Российского государства на последующие столетия. В отечественной историографии изучению процесса присоединения Сибирского региона к России уделялось значительное внимание. Благодаря собранному в XVIII в. Г.Ф.Миллером в ходе работы Великой Северной экспедиции обширному фонду русских письменных источников этому ученому удалось восстановить последовательность исторических событий в ходе продвижения отрядов русских казаков и служилых людей в южные районы Сибири [1]. При анализе причин успешного продвижения русских землепроходцев в эти районы исследователи XVIII — XIX вв. основное внимание уделяли военно-техническому превосходству, выразившемуся в обладании огнестрельным ору-

* Работа выполнена по проектам РГНФ № 07-01-00434 и РНП № 2.2.1.1/1822

жием [2]. В советской историографии возобладало представление о преимущественно мирной, крестьянской колонизации Сибири. В последние годы, наряду со сведениями письменных исторических источников, для изучения военного дела русского, тюркских и монгольских народов Северной и Центральной Азии периодов позднего Средневековья и Нового времени стали привлекаться археологические и иконографические материалы [3]. Исследователи стали обращать внимание и на этнокультурные контакты русских казаков и служилых людей с тюркскими этносами Западной и Южной Сибири в области военного дела [4]. Межкультурные контакты и взаимодействие русского населения с тюркскими и монгольскими народами не ограничивалось военной сферой жизнедеятельности. В составе предметных комплексов этих народов представлены различные орудия труда, охотничье оружие, конское снаряжение и другие вещи, заимствованные в процессе таких контактов и взаимного влияния. В исторических источниках имеются важные свидетельства о привлечении представителей коренных сибирских этносов на службу в состав казаков и служилых людей и об их непосредственном участии в присоединении новых земель к Российскому государству.

Задачи целенаправленного изучения процессов взаимодействия и взаимного влияния культур русского населения и тюркских и монгольских этносов осуществлялись в рамках проекта, выполнявшегося группой сотрудников ИАЭТ СО РАН и НГУ при поддержке РГНФ в течение ряда лет. В силу важности данной проблематики для понимания закономерностей межкультурного взаимодействия между народами, относящимися к разных культурно-хозяйственным типам, языковым и конфессиональным группам, работы в этом направлении осуществлялись в рамках проекта РНП.

В процессе реализации этих научных проектов их участниками были изучены труды российских и европейских ученых, путешественников и собирателей древностей XVII — начала XX вв., в которых были освещены основные события в рамках процесса присоединения южных районов Сибири к Российскому государству, охарактеризованы взаимоотношения русских казаков и служилых людей с различными тюркскими и монгольскими этносами. В этих научных трудах были выявлены информативные иконографические и этнографические материалы, включая описания компонентов предметного комплекса, поселений и оборонительных сооружений

тюркских и монгольских народов. По результатам поисков и раскопок археологических памятников культур коренного населения и изучения музейных коллекций в городах Сибири был выявлен и проанализирован значительный и информативный фонд вещественных источников, анализ которого позволил реконструировать особенности предметного комплекса и проследить характер этнокультурных контактов русского, тюркских и монгольских этносов в Южной Сибири и Центральной Азии. В результате изучения собранных материалов удалось выявить особенности комплексов военного дела тюркских и монгольских народов и установить, что оно развивалось в тесном взаимодействии между этими этносами и при взаимном влиянии с русским населением [5].

Сравнительный анализ оружейных комплексов тюркских и монгольских этносов показал, что на протяжении эпохи позднего средневековья и Нового времени развитие военного дела у этих кочевых народов, проживавших в южных степных и горных районах Сибири и Центральной Азии, происходило в постоянном и тесном взаимодействии и взаимном влиянии. В течение этого же периода, со времени появления на южных рубежах Сибири военных отрядов русских казаков и служилых людей в конце XVI — начале XVII вв., в результате неоднократных военных столкновений и постоянных торговых контактов, русские воины также стали оказывать определенное воздействие на изменения в военном деле тюркских и монгольских кочевых народов.

Предпринятый опыт наглядно продемонстрировал, что вооружение и военное искусство сибирских татар, енисейских кыргызов, кыштымов, телеутов, тувинцев в позднем средневековье развивались в постоянных контактах и взаимодействии с монгольскими народами, государственные образования которых в этот период занимали доминирующее положение в Центрально-Азиатском регионе. Тюркские этносы Западной и Южной Сибири испытывали значительное воздействие со стороны военного дела государств западных и восточных монголов. Отряды кыргызских, кыштымских, телеутских и тувинских воинов регулярно принимали участие в военных действиях в составе армий халха-монголов и ойратов, совершали совместные походы по территории Саяно-Алтая и сопредельных районов северо-западной Монголии, участвовали в сражениях вместе с монгольскими войсками на стороне своих сюзеренов [6].

Монгольское влияние на военное дело тюркоязычных кочевников Саяно-Алтая и Западной Сибири имело достаточно длительный, всеобъемлющий и разносторонний характер в течение продолжительного исторического периода, охватывающего несколько столетий, с рубежа эпохи развитого средневековья и вплоть до Нового времени. В течение данного периода это влияние стало особенно значительным со времени включения саяно-алтайских тюркских кочевых народов в состав государств Алтын ханов и Джунгарского ханства [7]. Оно сохраняло свое определяющее значение вплоть до присоединения южных районов Сибири к Российскому государству, а территории Монголии и Тувы к маньчжурской империи Цин.

В комплексе средств ведения дистанционного боя, применявшихся тюркскими номадами в позднем средневековье и Новое время, монгольское влияние выразилось, прежде всего, в заимствовании, широком и повсеместном освоении, и регулярном использовании для прицельной стрельбы скорострельных луков «монгольского типа» со срединными фронтальными костяными, или роговыми накладками, иногда дополненными плечевыми фронтальными накладками, а также в применении широкого спектра плоских железных наконечников стрел, характерных для монголов форм: с асимметрично-ромбической, удлиненно-ромбической, боеголовковой, секторной и овально-крылатой формой пера. Также как и у монголов, у тюркских номадов в рассматриваемый период стали достаточно широко использоваться бронебойные и универсальные наконечники стрел упрощенных конфигураций, с четырехгранным, трехгранным, прямоугольным и линзовидным сечением пера [8].

Луки «монгольского типа» и других, близких по своим конструктивным особенностям, форм найдены в археологических комплексах, относящихся к культурам сибирских татар, телеутов, а также кыргызских кыштымов. В позднесредневековых памятниках енисейских кыргызов остатков луков не было обнаружено, поскольку из-за распространенного у этого народа обряда кремации тел умерших сородичей, костяные предметы в кыргызских курганах не сохраняются. Не обнаружено к настоящему времени и остатков луков в изученных памятниках тувинских кочевников эпохи позднего средневековья и Нового времени. В тоже время полностью сохранившиеся луки и стрелы представлены в этнографических материалах тюркских и монгольских народов Сиби-

ри и Центральной Азии. В составе предметных комплексов в археологических памятниках всех групп тюркских и монгольских номадов найдены железные наконечники стрел, характерные для монгольских лучников. Помимо монгольских типов наконечников стрел воины некоторых южносибирских народов использовали в период позднего средневековья и Новое время и некоторые другие формы железных наконечников. Определенное сходство прослеживается между типами плоских железных наконечников стрел кыргызских кыштымов и стрелами, применявшимися воинами и охотниками из числа самодийских племен таежной зоны Западной Сибири [9]. В изучаемый период отдельные железные наконечники стрел у народов Забайкалья и Южной Сибири украшались чеканным золотым, или серебренным орнаментом. Вероятно, такие стрелы служили символом властных полномочий, либо исполнения посольских поручений, подобно тому, как это было у тюркских номадов в эпоху раннего средневековья [10]. В истории военных столкновений между отрядами русских казаков и енисейских кыргызов известны случаи, когда кыргызские военачальники посылали русским воеводам специальные «стрелы с грозами», означавшими вступление в войну [11]. Широкое распространение среди воинов тюркских и монгольских государственных образований Сибири и Центральной Азии получили кожаные футляры для хранения и ношения луков и стрел: налучья и колчаны вычурных форм, внешняя поверхность которых богато украшалась металлическими накладками. Отдельные находки остатков таких кожаных колчанов обнаружены в памятниках Западной Сибири и Саяно-Алтая [12]. Кожаные налучья и колчаны — саадахи, описаны в фольклорных источниках коренного населения Минусинской котловины — хакасов [13]. Помимо стрел у некоторых тюркских народов для поражения противника на дистанции применялись и метательные копья — дротики.

Судя по формам стрел, наиболее характерные типы оружия дистанционного боя были восприняты западносибирскими, саяно-алтайскими и восточносибирскими номадами у монголов еще в ходе завоевательных войн, которые вела в XIII в. Монгольская империя в правление Чингис-хана и его наследников. Аналогичные стрелы продолжали применяться тюркскими номадами в течение всего периода позднего средневековья и начала Нового времени. Сходство

форм луков и стрел на территории Центральной Азии и Саяно-Алтая наглядно демонстрирует единый процесс развития средств и тактических приемов ведения дистанционного боя у монгольских и тюркских номадов на завершающей стадии эволюции военного дела в кочевом мире [14]. Другие виды метательного оружия, такие как дротики, также применялись монгольскими воинами в эпоху развитого средневековья. Вполне возможно, что в рассматриваемый исторический период в составе оружейных комплексов южносибирских кочевников они также могли оказаться не без влияния военного дела монголов.

Существенное сходство прослеживается также в наборе наступательного оружия ближнего боя у халха-монгольских и ойратских, а также татарских, кыргызских, телеутских, тувинских воинов. В ближнем бою конные воины этих воинственных тюркских и монгольских народов сражались однотипными ударными копьями с удлиненно-ромбическими наконечниками и коническими втулками, рубящими и колющими палашами с прямыми однолезвийными клинками и рубяще-режущими саблями со слабоизогнутыми клинками. Наличие в составе оружейного набора схожих форм древкового колющего и клинкового оружия может объясняться не только общими тенденциями в тактике ведения ближнего боя в конном строю, но и одними и теми же источниками поступления оружия к монгольским и тюркским кочевникам из городских и ремесленных центров Восточного Туркестана и Средней Азии, а также из Кузнецкой котловины. Изделия, получаемые в качестве податных сборов от шорских кыштымов, не только брались на вооружение, но и поставлялись другим кочевникам [15]. Шорские мастера-оружейники поставляли оружие енисейским кыргызами и телеутам, а при их посредстве оно попадало также к их монгольским сюзеренам: халха-монголам и джунгарам. Предметы вооружения изготавливались шорскими кузнецами-оружейниками по наиболее распространенным в рассматриваемый период привозным образцам холодного оружия. Определенные отличия наблюдаются между данным оружейным набором и вооружением кыргызских кыштымов, в составе которого присутствуют архаичные мечи и преобладают топоры русского производства, использовавшиеся также телеутами и тувинцами, но не применявшиеся халха-монголами, ойратами и енисейскими кыргызами. Эти различия обусловлены характером и интенсивностью внешних

контактов кыштымов, которые в значительно большей степени, чем тюркские и монгольские кочевники, взаимодействовали с русскими людьми. В состав комплекса вооружения ближнего боя у телеутов и кыштымов в эпоху позднего средневековья и Нового времени вошли некоторые виды оружия ближнего боя российского производства: ударные копья с боковыми завитками на шейке, широколезвийные секиры, булавы и кистени [16].

В наборе защитного вооружения монгольских и тюркоязычных номадов Саяно-Алтая и Восточной Сибири присутствовали близкие по конструкции доспехи: пластинчатые панцири-куяки и пластинчато-нашивные внутренние панцири, пластинчато-кольчатые комбинированные доспехи, кольчуги, сфероконические и сфероцилиндрические шлемы. Сведения о различных типах кыргызских доспехов содержатся в русских письменных источниках, в которых русские воины высоко оценивали их качество [17]. Отдельные находки позднесредневековых панцирей, кольчуг и шлемов обнаружены в разных районах Западной и Южной Сибири. В отношении некоторых из этих находок в научной литературе высказывались различные оценки. Отдельные исследователи относят находки сфероконических шлемов из предгорной и горной части Алтая к монгольскому времени [18]. Однако, судя по конструктивным особенностям, данные шлемы должны относиться к эпохе позднего средневековья. При этом у халха-монголов и джунгар были на вооружении и другие виды доспехов, средств дополнительной защиты и боевых наголовий, которых не имелось у енисейских кыргызов, их кыштымов, телеутов и тувинцев. В области средств защиты позднесредневековые монгольские воины имели определенное преимущество над своими тюркскими вассалами, населявшими Саяно-Алтайское нагорье. Судя по имеющимся источникам, в составе войск монгольских государств тяжеловооруженных панцирных всадников было значительно больше, чем в дружинах богатырей, которые могли выставить княжества енисейских кыргызов, телеутов и тувинцев. Благодаря своему превосходству в средствах ведения ближнего боя и защиты, воины монгольских государств превосходили бойцов из саяно-алтайских владений тюркских народов по своей ударной мощи, что обеспечивало политическое доминирование монгольских правителей над другими кочевыми народами Центрально-Азиатского историко-культурного региона.

В целом, несмотря на определенные региональные отличия комплекс вооружения тюркских и монгольских воинов, входивших в состав войск кочевых государств Южной Сибири и Центральной Азии был в значительной степени единым. Он включал основные виды оружия дистанционного и ближнего боя и защитные средства, которые были характерны для всего рассматриваемого историко-культурного региона. Наличие в составе оружейных наборов разных тюркских и монгольских народов схожих форм луков и стрел, древкового колющего и клинкового оружия, а также средств защиты, может объясняться не только общими тенденциями в тактике ведения конного боя, но и одними и теми же источниками поступления оружия из городских и ремесленных центров Восточного Туркестана и Средней Азии, а также получением оружия от шорских кыштымов Кузнецкой котловины. Шорские мастера-оружейники платили подати железными изделиями, в том числе оружием князьям енисейских кыргызов и телеутов, от которых часть предметов могла попадать к халха-монголам и джунгарам.

Некоторые отличия прослеживаются в наборах оружия кочевников, проживавших на окраинах этого региона. Комплекс вооружения сибирских татар имел значительное сходство с набором оружия воинов государств Средней Азии, откуда в Западную Сибирь поступали изделия местных оружейников [19]. Определенным своеобразием отличались комплексы оружия ближнего боя и средств индивидуальной металлической защиты у бурятских и якутских воинов, ввиду ограниченности внешних контактов и ориентации на подобный набор вооружения восточных монголов.

Структура военной организации в монгольских государствах Центральной Азии и тюркских княжествах Саяно-Алтая, основанная на азиатской десятичной системе деления войска и народа, имела большое сходство, поскольку восходила к общей военно-культурной традиции. Тактические приемы ведения конного боя с использованием холодного оружия дистанционного и ближнего боя, для воинов монгольских государств и их тюркоязычных вассалов, также были во многом схожи. Военная организация улусов енисейских кыргызов помимо военных отрядов отдельных княжеств, включала ополчения, составленные из вассальных племен — кыштымов. Основную ударную силу войск тюркских и монгольских народов Сибири составляли дружины, составлен-

ные из профессиональных воинов — батыров, из которых были сформированы военные отряды, являвшиеся опорой власти ханов и бегов. В состав войск сибирских ханов в период существования Сибирского ханства, помимо военных отрядов, набранных из ногайцев, сибирских татар и башкир, привлекались вспомогательные отряды, составленные из подвластных угорских и самодийских народов.

Тактическое искусство ведения сражений конными армиями у тюркских и монгольских народов и государств Северной и Центральной Азии в эпоху позднего средневековья и Нового времени основывалось традиционных приемах ведения конного боя кочевниками, включавших применение рассыпного строя и массированного обстрела противника с дистанции полета стрелы и атаки лавой отрядами панцирной конницы построения противника в ближнем бою. Как показал опыт военных действий сибирских татар, енисейских кыргызов и телеутов, подобная тактика оправдывала себя в ходе военных столкновений против других номадов или таежных народов, но оказалась малоэффективной и устаревшей в борьбе с военными отрядами русских казаков и служилых людей.

Однако влияние монголов на вооружение и военное искусство тюркских номадов Саяно-Алтая в позднем средневековье нельзя считать односторонним. Военное искусство монголов развитого средневековья унаследовало многие воинские традиции тюркских кочевых народов Центральной Азии, сложившиеся в предшествующее древнетюркское время. Военные отряды тюркских номадов во главе со своими военачальниками принимали непосредственное участие во всех крупномасштабных войнах Монгольской империи со времен Чингис-хана и его ближайших преемников. Среди монгольских полководцев было немало представителей тюркских народов, в том числе такие выдающиеся военные деятели эпохи монгольских завоеваний, как урянхайцы Субудай и Бурундай, кыпчак Тутуха, и другие крупные военачальники. Как было отмечено выше, на протяжении периодов развитого и позднего средневековья Саяно-Алтай был важной ремесленной базой железоделательного и оружейного производства не только для вооруженных сил тюркских кочевых народов, но и для монгольских государств Центральной Азии. Поэтому, воины как тюркских, так и монгольских кочевых народов достаточно широко использовали холодное оружие и

доспехи, изготовленные шорскими мастерами-оружейниками, населявшими южные районы Кузнецкой котловины.

Появление в конце периода позднего средневековья на границах Западной, а в дальнейшем и Южной Сибири, отрядов русских казаков и служилых людей существенным образом изменило традиционную линию развития военного дела тюркских и монгольских кочевых народов Центрально-Азиатского историко-культурного региона. Суровым испытанием для кочевников стала военная политика маньчжурской империи Цин, сосредоточившей для борьбы с номадами ресурсы всего многочисленного населения и экономической базы Китая. Маньчжурским властям удалось противопоставить друг другу разные группы правящей элиты западных монголов, умело воспользоваться острыми противоречиями в монгольском кочевом обществе, и привлечь на свою сторону значительную часть знати южных и восточных монголов, что обеспечило успех в завоевании всей территории Монголии.

В это время кочевникам пришлось столкнуться с хорошо вооруженными, обладавшими огнестрельным оружием и большим боевым опытом вооруженной борьбы против номадов, могущественными противниками, имевшими иные, в большей степени соответствующие новым историческим условиям, вооруженные силы и военные традиции. Большая часть кочевых государственных образований не смогла на равных противостоять превосходящим силам и вооруженным огнестрельным оружием армий крупнейших евразийских империй. В эпоху позднего средневековья и начальный период Нового времени в кочевом мире Центральной Азии наиболее успешные попытки перевооружения своих войск огнестрельным оружием и применения новых тактических приемов ведения боя предприняло политическое и военное руководство последней кочевой империи — Джунгарского ханства. Джунгары попытались организовать собственное производство и освоить в значительных масштабах применение новых для себя видов огнестрельного оружия — ружей и артиллерии. Они усовершенствовали тактику полевых сражений с использованием такого оружия. С помощью иностранных, европейских и русских специалистов создать собственное производство пушек, ручного огнестрельного оружия и боеприпасов. Тюркские кочевые народы Западной и Восточной Сибири, и Саяно-Алтая также попытались заимствовать некоторые виды

холодного и огнестрельного оружия у русских казаков и служилых людей и использовать их в своей военной практике [20]. Среди этнических групп, чаще иных контактировавших с русским населением, выделялись кетские и самодийские племена, жившие на периферии Минусинской котловины и находившиеся на положении кыштымов в кыргызских княжествах. Кыштымы смогли в наибольшей степени обеспечить свои нужды изделиями русского производства, но при этом они попали в положение «двоеданцев» и «троеданцев» по отношению к своим более сильным соседям. Характерно, что воинам из числа кыштымов пришлось использовать в качестве оружия приобретенные у русских людей железные топоры, которые у русского населения служили орудиями труда. Енисейские кыргызы и телеуты, оценив по достоинству высокую эффективность огнестрельного оружия, стали ориентироваться на приобретение и оснащение своих воинских отрядов этим оружием. Однако решить эту задачу им в полной мере не удалось. Не имея соответствующей требованиям времени производственной базы для изготовления сложных в техническом отношении видов оружия и боеприпасов, полностью обеспечить в необходимом объеме свои воинские формирования новыми видами вооружения они не смогли.

Русские воины, оказавшиеся в непростых для себя условиях в отдаленных от экономических центров Российского государства районах Западной и Южной Сибири, несмотря на нехватку людских и материальных ресурсов, и наличие превосходящего по численности вражеского окружения, смоги мобилизовать все свои силы и возможности, чтобы успешно противостоять своим воинственным противникам и удержать вновь присоединенные территории. Важную роль в достижении военных успехов отрядами русских воинов сыграло не только определенное военно-техническое преимущество, обеспеченное наличием в арсенале боевых средств артиллерии и ружей, но и умение передвигаться на судах и в короткие сроки преодолевать крупнейшие водные артерии Сибирского региона, а также возводить хорошо укрепленные остроги, оказавшиеся надежным средством обороны против нападений военных отрядов кочевнической конницы. Наряду с огнестрельным, русские воины активно использовали в своей боевой практике и традиционные виды холодного наступательного оружия и защитного вооружения, которые они приобретали, обменивали, или получали в счет податей у

местных жителей. Особенно высоко ценились русскими казаками и служилыми людьми пластинчатые и комбинированные панцири, наручи и другие предметы индивидуальной металлической защиты воинов, которых в арсеналах царских воевод в Сибири часто не хватало и поэтому добывать их приходилось самим воинам. Нередко, при этом нарушались царские указы, и защитное вооружение приобреталось в обмен на ружья и боеприпасы, хотя продавать их сибирским «иноземцам» было категорически запрещено [21]. Использовались русскими воинами и некоторые тактические приемы ведения боя, успешно применявшиеся кочевниками. В составе военных отрядов российских войск в Сибири служили представители коренных народов. Они выполняли обязанности проводников, переводчиков, разведчиков. Ввиду постоянной нехватки людских резервов российские власти в Сибири постоянно принимали в состав казачьих войск сибирских татар, казахов, бурят и других тюркских и монгольских кочевых народов. Поэтому влияние в сфере военного дела между русским населением в Сибири и тюркскими и монгольскими народами было взаимным.

В создавшихся новых условиях в результате постоянно возрастающего военного давления извне, со стороны крупнейших евразийских держав, изменить в свою пользу ход событий военной истории изучаемого региона южносибирским и центрально-азиатским кочевникам оказалось не под силу. Утратив свое былое военное преимущество над армиями стран оседло-земледельческой цивилизации в численности, возможности мобилизации значительной части взрослого мужского населения в состав своих воинских сил, а также мобильности и маневренности на полях сражений, кочевые народы Южной Сибири и Центральной Азии стали часто терпеть поражения в войнах с превосходящими их по вооружению, технической оснащенности и организованности войсками своих грозных противников. В дальнейшем, в ходе военных действий, происходивших в течение периода Нового времени, тюркские и монгольские номады попали в сферу влияния и были включены в качестве подвластного населения в состав крупнейших мировых держав: Цинской и Российской империй. В последующий исторический период военные силы номадов стали использоваться российскими и маньчжурскими властями в качестве иррегулярной, или вспомогательной конницы в составе имперских войск в ходе военных дей-

ствий, которые вели эти государства против своих противников на территории Евразии.

В эпоху позднего средневековья и Нового времени в развитии военного дела центрально-азиатских и южносибирских тюркских и монгольских номадов произошли важные изменения, существенным образом повлиявшие вооружение и военное искусство в кочевом мире. Наряду с традиционными направлениями внешнеполитической активности и источниками заимствования технических инноваций в военной сфере жизнедеятельности из стран Среднего и Дальнего Востока, стал активно действовать приток новых видов вооружения и технологий их производства, а также способов их применения из Восточной Европы, находившейся к этому времени в составе крепнущего Российского государства. С включением южных районов Сибири в состав России существенно изменился доминирующий вектор торговых и культурных связей коренного населения, который стало определять этнокультурное взаимодействие с пришлым русским населением. В рассматриваемый период существенно изменился характер взаимоотношений между кочевниками и оседло-земледельческими народами. Если на протяжении предшествующих исторических эпох именно кочевники были активной наступательной силой, распространявшей свое политическое господство и влияние в области военного дела на страны с оседло-земледельческим и городским населением, то в период позднего средневековья и Нового времени сами кочевые народы стали объектом военного давления и были включены в состав крупнейших мировых империй Евразии.

В процессе изучения конского снаряжения, относящегося к предметному комплексу культур коренного населения Южной Сибири эпохи позднего средневековья и Нового времени удалось выяснить, что развитие сбруйных принадлежностей в это время происходило по пути универсализации. В составе предметов конского убранства появились некоторые детали, происхождение которых можно связывать с развитием этнокультурных контактов с русским населением, появившемся в южных районах Сибири на рубеже Нового времени. Конская сбруя, характерная для коренного населения Минусинской котловины, приобрела в это время общие для всего региона формы и конструктивные особенности [22]. В то же время, по сведениям русских источников, сами русские казаки и служилые

люди охотно приобретали и использовали предметы конской сбруи, изготовленные местными кузнецами и ремесленниками.

В рассматриваемый период коренное население Южной Сибири активно приобретало у русских людей эффективные орудия обработки дерева, железные, вислообушные, широколезвийные топоры. Подобные топоры использовались кыштымами и тувинцами не только для хозяйственных, но и для военных целей. Наряду другими железными изделиями российского ремесленного производства, топоры ввозились русскими людьми в Сибирь с первых лет освоения этого региона. Они были включены в состав «государева жалования», которое выплачивалось коренным народам в обмен на поставляемый ими ясак пушниной. С развитием русского ремесленного производства в Сибири технология изготовления таких проушных топоров была освоена и местными кузнецами. В качестве одного из видов товаров, которые охотно приобретались местными жителями у русских купцов, были железные черешковые однолезвийные ножи [23] Однако, широкое использование русских топоров и ножей в качестве оружия приводило к временным запретам на их продажу местным жителям.

В памятниках культур коренного населения Южной Сибири обнаружены проушные молотки, косы-горбуши и серпы русского ремесленного производства, которые стали использоваться местными жителями под влиянием контактов с русскими людьми. После включения южных районов Сибири в состав Российского государства и снятия запретов на продажу огнестрельного оружия местным жителям, многие охотники стали приобретать в качестве орудий охоты фитильные и кремневые ружья. В памятниках Горного Алтая и Минусинской котловины обнаружены ружейные стволы, детали спусковых механизмов и свинцовые пули от охотничьих ружей. С первой половины XVIII в. отдельные группы коренного населения стали пользоваться бытовой утварью русского ремесленного производства. В обиход местного населения вошли различные виды привозных украшений, счетные жетоны и монеты российского и европейского производства, которые были предметом обмена с русскими купцами и использовались местными жителями в качестве украшения одежды. В исследованных к настоящему времени погребальных комплексах, принадлежавших представителям разных этнических групп тюркского населения Южной Сибири, были об-

наружены нательные кресты. Эти находки свидетельствуют о начале процесса христианизации коренного населения [24].

В то же время изучение памятников русского населения Нового времени в Южной Сибири показало, что и русские переселенцы, освоившие южные районы Сибирского региона, заимствовали некоторые элементы традиционной культуры у тюркских и монгольских и других народов. К числу таких заимствований необходимо отнести некоторые орудия и приемы охоты и рыбной ловли, применявшиеся местными жителями, различные принадлежности конского снаряжения, отдельные приспособления для жизни в походных условиях, предметы бытовой утвари, верхней одежды и обуви, в наибольшей степени приспособленные для проживания в суровых условиях Сибирского региона.

Изучение исторического опыта взаимодействия разных народов и государств, относящихся к различным хозяйственным и культурным типам и цивилизациям, на примере контактов русского населения и тюркских, и монгольских этносов, в период присоединения южных районов Сибири к России, имеет важное значение для понимания исторических процессов, поскольку позволяет проследить особенности происходивших процессов в разных сферах материальной и духовной культуры. Несмотря на определенные периоды враждебных отношений и военных столкновений с тюркскими и монгольскими номадами, русским казакам и служилым людям, пришедшим в Сибирь на рубеже эпохи позднего средневековья и Нового времени, удалось с течением времени наладить мирные и взаимовыгодные отношения, регулярные торговые и культурные связи, основанные на признании верховной власти российского царя и уплате ясака в государственную казну, при условии защиты от внешних нападений и сохранении внутреннего самоуправления, обеспеченной российскими властями.

Литература

1. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 1999. Т. I. С. 21-293; *Миллер Г. Ф.* История Сибири., 2000. Т. II. С. 32—38, 55—74, 106—134.
2. *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995. С. 89.

3. *Бобров Л. А.*, *Худяков Ю. С.* Опыт изучения защитного вооружения русских воинов XVI — XVII вв. в Сибири // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005. С. 268—275; *Бобров Л. А.*, *Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII в.). СПб., 2008. С. 44—53, 66—79; *Митько О. А.* Люди и оружие (воинская культура русских первопроходцев и коренного населения Сибири в эпоху позднего средневековья) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2004. Вып. I. С. 165-206; *Скобелев С. Г.*, *Шаповалов А. В.* Оборонительные сооружения Саянского острога // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 138—148; *Худяков Ю. С.* Кистени — ударное оружие русских воинов, служивших на южных рубежах Сибири // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2008. С. 308-314.
4. *Худяков Ю. С.*, *Бобров Л. А.* Этнокультурные контакты и взаимодействие русских с тюркскими этносами Западной и Южной Сибири в военном деле в XVI — XVII вв. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. С. 103—128.
5. *Бобров Л. А.*, *Борисенко А. Ю.*, *Худяков Ю. С.* Контакты и взаимовлияние русских казаков с тюркскими народами Саяно-Алтая в военной области в эпоху позднего средневековья и Нового времени // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 года. Новосибирск, 2009. Т. XV. С. 220—223; *Борисенко А. Ю.* Немецкие исследователи XVIII века о военном деле и военных столкновениях енисейских кыргызов с русскими в позднем средневековье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3. Археология и этнография. С. 58-62; *Борисенко А. Ю.*, *Худяков Ю. С.* Изделия шорских оружейников в арсенале русских служилых воинов в Южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 года. Новосибирск, 2007. Т. XIII. С.184—187; *Борисенко А. Ю.*, *Худяков Ю. С.* Традиции переоформления оружия у населения Хакасско-Минусинской котловины (от средневековья до этнографической современности) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 3.

С. 255—259; *Борисенко А. Ю., Белинская К. Ы., Худяков Ю. С.* Развитие охотничьих промыслов и оружия у тюркских этносов Южной Сибири под влиянием контактов с русскими в позднем средневековье и Новое время // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2008. Вып. 7. С. 102-109; *Скобелев С. Г.* Сложение в XVII — XVIII вв. единого комплекса предметов материальной культуры коренного и русского населения Приенисейского края // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3. Археология и этнография. С.255-265; *Скобелев С. Г.* Предметное содержание русских влияний на материальную культуру коренного населения Приенисейского края в позднем средневековье и начале Нового времени (по данным археологии) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 3.Археология и этнография С. 231-250; *Худяков Ю. С.* Эволюция комплекса вооружения кочевников Южной Сибири в позднем средневековье и Новое время под влиянием контактов с русскими людьми // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2007. С. 125—154.

6. История Тувы. Новосибирск, 2001. Т. I. С. 177, 181.
7. *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635-1758). М., 1983. С. 148.
8. *Худяков Ю. С.* Эволюция комплекса вооружения кочевников Южной Сибири в позднем средневековье и Новое время под влиянием контактов с русскими людьми. С. 127, 132, 139, 146.
9. *Гемуев И. Н., Соловьев А. И.* Стрелы селькупов // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 42—49.
10. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 229.
11. *Потапов Л. П.* Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. С. 46.
12. *Дьяконова В. П.* Поздние археологические памятники Тувы // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л., 1966. Т. II. С. 357; *Кочеев В. А.* Погребение II тыс. н. э. у с. Ело // Археологические исследования в Горном Алтае в 1981-1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 155; *Молодин В. И., Соболев В. И.. Соловьев А. И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990. С. 64.
13. *Бутанаев В. Я.* Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 191.

14. *Худяков Ю. С.* Эволюция комплекса вооружения кочевников Южной Сибири в позднем средневековье и Новое время под влиянием контактов с русскими людьми. С. 129.
15. *Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Изделия шорских оружейников в арсенале русских служилых воинов в Южной Сибири. С. 184—187.
16. *Худяков Ю. С.* Эволюция комплекса вооружения кочевников Южной Сибири в позднем средневековье и Новое время под влиянием контактов с русскими людьми. С. 133, 147.
17. *Бахрушин С. В.* Енисейские киргизы в XVII в. // Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. II. С. 182.
18. *Горбунов В. В., Тишкин А. А.* Вооружение населения лесостепного Алтая в монгольское время (XIII—XIV вв.) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. С. 262-266.
19. *Худяков Ю. С.* Военное дело Сибирского ханства в позднем средневековье (в аспекте взаимодействия с русскими) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3. Археология и этнография. С. 245.
20. *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Этнокультурные контакты русских с тюркскими этносами Западной и Южной Сибири в военной сфере в позднем средневековье // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2004. С. 263—266.
21. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. С. 176.
22. *Выборнов А. В.* Реконструкция конского снаряжения населения Среднего Енисея позднего средневековья — начала Нового времени // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 5. Археология и этнография. С. 249.
23. *Скобелев С. Г.* Сложение в XVII—XVIII вв. единого комплекса предметов материальной культуры коренного и русского населения Приенисейского края. С. 258.
24. Там же. С. 262.

Чудодеев Ю. В.
(ИВ РАН)

Некоторые идеологические проблемы во взаимоотношениях РФ и КНР (1878—2008 гг.)

Современная историческая наука в КНР за последние годы проделала значительные шаги в своем развитии. В полной мере это относится и к изучению в Китае истории СССР и России в постсоветский период, а также истории взаимоотношений СССР и России с Китаем. Этим темам, изучение и анализ которых китайские историки считают для себя весьма сложными, в современной КНР уделяется пристальное внимание. За последние годы были подготовлены значительные кадры новых молодых специалистов, специализирующихся на данной тематике (в начале 80-х гг. их было не более 50 человек, в настоящее время — уже несколько сотен). Были созданы специальные научные центры в рамках институтов Китайской академии общественных наук (КАОН), а также при ведущих университетах в различных провинциях (прежде всего в Пекине, Шанхае, провинции Хэйлунцзян и др.). В частности, появился Китайский центр изучения истории китайско-российских отношений. В 1985 г. было создано Всекитайское общество по изучению истории СССР и стран Восточной Европы. На его открытии присутствовали специалисты из 33 вузов и научных учреждений КНР (аналогичный сектор возник в рамках Института всемирной истории КАОН). В Пекине возник специализированный Институт по изучению России, стран Восточной Европы и Центральной Азии, имеющий филиалы в ряде провинций. В 1988 г. при Пекинском университете был создан Институт изучения России во главе с профессором Ли Минбинем.

В конце XX и в начале XXI века в связи с явным всплеском интереса в КНР к истории наших двусторонних отношений большое внимание было уделено изучению, переводу и изданию новых открывшихся архивных материалов. В 1997 г. вскоре после появления в российском журнале «Исторические архивы» документов июньского пленума 1957 г. и октябрьского пленума 1964 г. ЦК КПСС все эти материалы были переведены на китайский язык и опубликованы. Были также выпущены «Советские исторические архивные ма-

териалы» (в 2002 г., в 34-х томах под редакцией проф. Шэнь Чжихуа), «Сборник постановлений КПСС и Советского правительства по экономическим вопросам» (в 15-ти томах) и др. [9, 14].

Тематика научных исследований, в частности, советского периода оказалась весьма широкой и разнообразной, связанной с переосмыслением китайскими историками старых идей и положений, в частности «Истории ВКП(б). Краткого курса». Были изданы новые монографии об Октябрьской революции, о роли в ней партии «левых» эсеров, о «военном коммунизме», о новой экономической политике, о внутрипартийной борьбе в КПСС в 20—30-х годах (в 1986—1988 гг. были выпущены в свет биографии Троцкого и Бухарина), о социалистическом строительстве в период правления И. Сталина, наконец, о развитии СССР и России в период правления Н. Хрущева, Л. Брежнева, Б. Ельцина, М. Горбачева и др.

Безусловно, в настоящее время китайские историки преодолели и переосмыслили многие стереотипы, выдвинутые китайской пропагандой в период «культурной революции» (например, о реставрации капитализма в СССР, о социал-империалистическом характере советского государства и т. д.). Сегодня китайские историки пишут о «необходимости отказаться от однобокостей и откровенной лжи во время «культурной революции» по отношению к вопросам истории СССР» (добавляя, что « в то же время нужно отказаться и от мифа, что все в истории СССР было прекрасно») [13, с.142]. Однако целиком и полностью преодолеть влияние маоистских воззрений, прежде всего на характер взаимоотношений наших двух стран, им не удалось.

Сегодня многое изменилось в двусторонних отношениях. Поблекли или совсем отвергнуты многие на протяжении десятилетий представлявшиеся незыблемыми и основополагающими принципы, на которых строились отношения, скажем, в 20—50-х гг., да и в определенной степени вплоть до последнего времени. Имеются в виду, в частности, тезисы о «союзе с Россией» (Сунь Ятсен), о «залпах Октябрьской революции, которые донесли до Китая марксизм-ленинизм» (Мао Цзэдун), о выводе «идти по пути русских», а далее о «вечной и нерушимой дружбе», о «братских дружественных отношениях» СССР и КНР, о «старшем брате», о том, что «ваш (СССР) сегодняшний день — это наш (КНР) завтрашний день», о «бескорыстной помощи» и т. п.

Сегодня больше нет союзных отношений между двумя государствами. Почти все это, так или иначе, отвергнуто либо реальным развитием событий, либо вообще историей, — кануло в лету. На первый план вышло то, что проверено временем и практикой, а именно — вечный мир, полная самостоятельность и независимость каждой стороны в этих отношениях и их полное равноправие. В этой связи безусловно заслуживает внимание освещение и интерпретация в современной китайской историографии целого ряда вопросов, касающихся взаимоотношений СССР и России с Китаем, а также истории нашей страны. Нам хотелось бы выделить и остановиться на следующих:

— оценка российско-китайских договоров;
— оценка пограничного разграничения двух стран;
— роль И. Сталина и характер «сталинской модели» социализма;
— о «холодной войне»;
— о причинах распада СССР и пр.

1. Оценки в китайской историографии первых двух вопросов тесно связаны. К сожалению, до недавнего времени китайские историки продолжали повторять маоистский тезис о том, что по «неравноправным» договорам царская Россия якобы отторгла от Китая 1,5 млн кв. км территории и, кроме того, Советский Союз в 1921 и 1944 гг. также «захватывал» китайские территории и такого рода участки насчитывают 35 тыс. кв. км (см., например, трехтомник «Дипломатия нового Китая 50 лет» под редакцией бывшего министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня и «Историю внешней политики КНР» в трех томах, Пекин, 1998—1999). Естественно, без одобрения со стороны высшего руководства КНР этот тезис вряд ли получил бы хождение. В мае 1989 г. во время беседы с М.С.Горбачевым в Пекине Дэн Сяопин, хотя и выдвинул задачу «закрыть прошлое и открыть будущее», согласившись начать нормализацию отношений между КНР и СССР, но при этом подтвердил позицию Мао Цзэдуна 1964 г. о российском территориальном долге в 1,5 млн кв. км. Современные китайские исследователи ссылаются на слова Дэн Сяопина, сказанные в той же беседе с М.С.Горбачевым, что СССР и после Октября 1917 г. «осуществлял агрессию против Китая и нанес величайший урон интересам Китая». Предъявленный китайским лидером территориальный «счет» к нашей стране был

моментально растиражирован в китайских, западных и японских СМИ и привел к всплеску в Китае исторических «изысканий», развивавших брошенный Мао Цзэдуном тезис о захвате Россией якобы китайских земель (см. [2, с. 206—227]).

В КНР, например, до сих пор издаются буклеты с картами территорий бывших китайских империй, владения которых якобы заходили в нашу Сибирь и на наш Дальний Восток (см.[12]), выпускаются книги о «войнах» Китая с Советским Союзом, где, в частности, повествуется о событиях на о. Даманский, естественно, в китайской интерпретации (кстати, на самом о. Даманский — в соответствии с последними пограничными разграничениями он отошел китайской стороне — в настоящее время функционирует китайский музей «боевой славы»). В интерпретации китайской историографии вплоть до последнего времени поставленный руководством КНР вопрос о границе был связан с вопросом о территориях, т. е. территориальными претензиями к нашей стране. Вот образчик такого рода рассуждений — в изданной в 1996 г. книге «И все-таки Китай способен сказать нет» («*Чжунго кэи шо бу*»), подготовленной группой молодых политологов и ставшей своего рода манифестом так называемой «рассерженной молодежи» (националистов из группировки «новых левых»), читаем: «В истории Китай утратил очень большую часть своего суверенитета; следствием многих неравноправных договоров является положение, при котором не хватает сил, чтобы вернуть свои горы и реки... Вот если бы Хайшэньвэй (Владивосток — Ю.Ч.) по-прежнему находился в наших руках, тогда мы обладали бы нашей самой северной великолепной гаванью... Однако китайцы зарезервировали за собой право памяти...» [16]. Судя по всему, в научной, учебной и массовой исторической литературе КНР продолжает сохраняться стереотип России времен «холодной войны» и межгосударственной конфронтации — будто бы наша страна всегда стремилась к одному — к владычеству и контролю над Китаем.

Показательно, что подобные трактовки характерны как для учебной литературы, на которой воспитываются сегодня учащиеся средних школ и высших учебных заведений КНР, так и для экспозиций ряда исторических музеев. Так, в пекинском Музее китайской революции на карте якобы «отнятых» у Китая иностранными державами земель указывалось, что Россия «отторгла» у Китая территории на Памире, земли до оз. Балхаш (включая Туву) и в За-

байкалье (территории Приморского и Хабаровского краев), а также остров Сахалин. К сожалению, приходится констатировать, что в сегодняшнем Китае существуют условия для сохранения старых, антироссийских стереотипов среди части населения.

Безусловно, окончательное урегулирование болезненного вопроса о пограничном разграничении между КНР и Россией, осуществленное в начале нынешнего века (признанная обеими сторонами законная линия прохождения границы на всем ее протяжении)[1], приглушило накал этих проблем в китайской историографии, но вряд ли сняло их вовсе. Их могло бы снять подписание нашими сторонами нового договора о границе (вместо всех ныне существующих договоров о границе). В этом случае все вопросы о характере нынешних договоров о границе могли бы отойти в прошлое, стать предметом изучения их историками и не были бы частью межгосударственных отношений. Но китайская сторона пока воздерживается от такого шага.

2. В китайской историографии последних лет прозвучали голоса, имеющие целью преуменьшить значение жертв нашего народа, принизить роль нашей страны в победе во Второй мировой войне и, в частности, в войне против японских оккупантов. По мнению китайских историков и политиков китайцы, начиная с 1931 г., воевали с Японией 14 лет, понеся самые большие жертвы во Второй мировой войне, а Советский Союз воевал с японцами всего несколько дней; СССР, якобы, незаконно, пользуясь своим превосходством, после войны вывез из Маньчжурии промышленное оборудование и т. д. Китайские историки (Сюе Сяньтянь, Шэнь Чжихуа и др.) явно игнорируют тот факт, что когда Китай оказался один на один с японскими оккупантами, из всех великих держав только СССР пришел ему на помощь и направил в Китай и вооружение и своих военных. В свою очередь ликвидации созданной японцами промышленной базы в Маньчжурии обеспечивала в условиях того времени интересы и Китая и нашей страны. Характерно, что в экспозиции пекинских исторических музеев вообще отсутствует упоминание о взаимопомощи, о союзе наших двух стран во Второй мировой войне; особенно о реальной военной, материальной и финансовой помощи с нашей стороны Китаю, да и о значении нашего вклада в разгром держав оси — Германии и Японии. Между тем такого рода выставки и экспозиции в плане пропаганды иной раз играют даже большую роль, чем соответствующая литература.

Особо стоит остановиться на сегодняшней оценке в КНР Договора между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанном в Москве в феврале 1950 г. Видные китайские историки и политологи (Ли Фэнлинь, Лю Цунькуань, Шэнь Чжихуа и др.) продолжают оценивать его как «неравноправный для Китая». По их мнению, не могло быть равноправия в отношениях между странами (СССР и КНР), находящихся в то время в разных «весовых» категориях; что СССР в отношении Китая, используя договор, «проявлял великодержавный шовинизм и национальный эгоизм и руководствовался ими», и следовательно «унаследовал традиционную антикитайскую политику царствовавшей династии Романовых». Судя по всему, некоторые китайские историки хотели бы представить нашу страну и историческим врагом и историческим должником Китая и при этом полностью зачеркнуть положительное значение периода советско-китайских связей, даже когда обе стороны поддерживали союзные и дружественные отношения. Например, профессор Цзян Чанбинь, руководитель центра изучения международной стратегии Центральной партийной школы КПК, в статье, опубликованной в 2008 г. в центральном пекинском внешнеполитическом журнале «*Шицзе чжиши*» («Знания о мире», № 21), характеризовал политическое мышление в России как «захватническое, агрессивное и экспансионистское», отягощенное самомнением, порожденным и усиленным представлением о значении Октябрьской революции для всего человечества. Соединение экспансионистской внешней политики государства с религиозным сознанием (православием), претендующим на то, чтобы «спасать все человечество», и формирует, с точки зрения китайского ученого, «традиционную политическую культуру» России (см.[1, с.42—44]).

3. Китайские историки, в частности Ли Цзунъюй, Лу Чжичао и др., считают, что «нельзя списать громадные заслуги Сталина» в формировании советской социалистической модели, которую они характеризуют как гиперцентрализованную политическую и экономическую систему, а также исторически «прогрессивную роль сталинской модели в тех условиях». По их мнению, Сталин в свое время сумел сочетать марксизм с реальным положением в Советском Союзе [6, 7]. В настоящее же время, утверждают китайские исследователи, следует рассматривать исторические процессы в СССР «на высоте сегодняшнего развития марксизма, т. е. теории Дэн Сяо-

пина, важной идеи о трех представительствах и научной концепции развития». С точки зрения ряда историков, сверхцентрализованная политическая и экономическая система в СССР («сталинская модель») со свойственными ей ошибками в теории и практике предопределила неустойчивость режима и всей системы в целом.

4. Автор вышедшей в КНР в 2005 г. монографии «Сталин и происхождение холодной войны» Чжан Шэнфа считает, что «холодная война была двусторонним процессом». Он считает, что хотя холодная война была развязана США против СССР в одностороннем порядке, в конечном счете она стала результатом взаимного противостояния и сдерживания между США и СССР, начавшись с двух субъектов поведения. Окончательный вывод автора: «Не только США, но и СССР в равной степени были источником холодной войны» [11, с. 497][2].

В ряде работ, изданных в КНР за последнее время, сделана попытка рассмотреть отношения СССР и стран Восточной Европы в период холодной войны через призму интернационализма, государственного национализма и политической культуры. Авторы считают, что структурными недостатками в этих взаимоотношениях были идентичность в идеологии вместо дифференциации государственных интересов и смешение межпартийных и межгосударственных отношений [5, 15].

5. Огромное внимание китайских историков и политологов привлекла в последние годы проблема, связанная с причинами и уроками распада СССР. Эта проблема была очень остро и болезненно воспринята в общественно-политических и партийных кругах КНР. Только за десять лет с 1992 по 2001 г. в газетах и журналах Китая на эту тему было опубликовано более 600 статей. издано 30 монографий и сборников статей. Из самых последних отметим монографию Чжоу Синьчэня и Чжан Сю «Причины и уроки распада СССР» (Пекин, 2008). Был выпущен специальный восьмисерийный телефильм «Живя в спокойствии, думать об опасности: исторические уроки гибели КПСС».

Видный китайский философ и политолог Пань Давэй (Шанхай) оценивает развал СССР как национальную катастрофу, произошедшую в нашей стране, историк Чжоу Синьчэнь — как «трагедию Века». Форсированный переход от тоталитаризма к демократической модели западного типа, утверждают китайские ученые, ведет к

ослаблению государства, правовому хаосу и т. д. Китайские специалисты, прежде всего сторонники течения «новых левых», считают этот урок великим предостережением для Китая, который тоже испытывает давление центробежных сил.

Относительно причин и предопределенности распада СССР были высказаны различные точки зрения. Часть ученых считает, что сложившаяся при Сталине сверхцентрализованная политическая и экономическая система со свойственной ей ошибками в теории и практике предопределила неустойчивость режима, сделав распад страны неизбежным. Другие видят основную причину распада и крушения социализма в СССР в ошибочности проводимом М. С. Горбачевым курса реформирования, в реализуемой им «гуманно-демократической линии», которая, по их мнению, противоречила основным принципам марксизма, реальному положению в Советском Союзе и напрямую вела к распаду СССР. Вместе с тем они считают, что нельзя упускать из вида множество проблем, накопившихся исторически в советской и партийной системах, которые, в конечном счете, послужили началом всех бед. Наконец, третья группа китайских ученых полагает, что трансформация советской социалистической системы была неизбежна и необходима, однако ее крушение и распад советского государства не являлись закономерными, их можно было предотвратить.

Обращает внимание стремление ряда китайских историков, анализирующих эту острую для Китая проблему, выйти за рамки традиционных методов. Так, историки Хуан Лифу и Го Чуньшэн, используя междисциплинарный подход, предприняли попытку выявить причины распада СССР сквозь призму формирования и эволюции выделенных ими шести «социально-политических классов» в Советском Союзе — высшего класса руководителей, привилегированного класса, интеллигенции, «диссидентства», национальной элиты, рабочих и крестьян. Они проанализировали перераспределение социальных ресурсов и вызванных им противоречий и конфликтов в СССР, приведших к его распаду [4, 10]. Другой исследователь(Син Гуаньчэн) эту же проблему пытается раскрыть посредством анализа процесса принятия решений высшим руководством СССР (от Ленина до Горбачева) [8]. Теоретические истоки политики М. С. Горбачева китайские исследователи усматривают в решениях XX съезда КПСС и курсе, проводимом Н. С. Хрущевым.

Оценивая нынешнее состояние российско-китайских отношений, многие китайские специалисты указывают на определенную недооценку Россией значения отношений с Китаем, отмечая, что основное внимание Москвы сосредоточено на взаимосвязях с США и Западом.

Представленные проблемы российско-китайских отношений, их интерпретация в китайской историографии и в настоящее время имеют не только сугубо научный, но в известной степени и политический ракурс. В отечественной историографии наша позиция неоднократно получала отражение в трудах отечественных историков-китаеведов и политологов (академиков С.Л.Тихвинского, М.Л.Титаренко, В.С.Мясникова, проф. Ю.М.Галеновича и др.). Полагаем, что эта работа будет продолжена как в научных, учебных трудах, так и в научных дискуссиях.

Примечания

1) В 2004 г. было подписано соглашение о линии границы у города Хабаровска и на реке Аргунь. В 2008 г. была завершена демаркация линии прохождения российско-китайской границы на всем ее протяжении.

2) Отметим, точка зрения китайского историка в последнее время получает поддержку и в российской историографии. В связи с публикацией новых архивных материалов как в РФ, так и на Западе в конце 80-х и в 90-х годах XX в. фактически начался качественно новый этап в историографии холодной войны. Открытые для исследования многочисленные новые материалы убеждают в том. что переход к холодной войне и конфронтации между СССР и странами Запада во главе с США представлял собой сложный и многоплановый процесс, который был обоюдным и развивался с обеих сторон (3, с. 751—756).

Литература

1. *Галенович Ю. М.* Китай. Как тратуется «традиционная политическая культура» России — Азия и Африка сегодня, 2009, №11. С. 42—46.
2. *Тихвинский С. Л.* Восприятие в Китае образа России. М.: «Наука», 2008.
3. *Чубарьян А. О.* О происхождении холодной войны (новые материалы и дискуссии) — Восток-Россия-Запад. Исторические и культурологические исследования. К 70-летию академика В. С. Мясникова. М., 2001.
4. *Го Чуньшэн.* Шэхуй чжэнчжи цзецэн юй Сулянь цзюйбянь — 20 шицзи 60—90 няньдай Сулянь гэ шэхуй чжэнчжи цзецэн яньцзю (Социально-политические классы и распад СССР — советские социальные классы 60—90-х годов 20-го века). Дандай шицзе чубаньшэ, Пекин, 2006.
5. *Ли Син.* Цун цюаньмянь цземэн дао фэнь дао ян бяо — Лэнчжань шици дэ Сулянь юй Дун Оу гуаньси яньцзю (От общего союза до полного разлучения — отношения СССР и стран Восточной Европы в период «холодной войны») — Ухань дасюэ чубаньшэ, 2000.
6. *Ли Цзунъюй дэн.* Сулянь моши яньцзю (Изучение советской модели). Чжунъян бяньцзэ чубаньшэ, Пекин, 1999.
7. *Лу Чжичао, Ван Чжэнцю чжубянь.* Сыдалинь юй шэхуйчжуи — Шицзе диигэ шэхуйчжуи моши пэйси (Сталин и социализм — анатомия первой в мире модели социализма). Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, Пекин, 2002.
8. *Син Гуанчэн.* Сулянь гаоцэн цзюецэ 70 нянь (Принятие решений в высшем эшелоне власти Советского Союза за 70 лет). 1—5 цэ. Шицзе чжэнши чубаньшэ, Пекин, 1996.
9. Сулянь гунчаньдан хэ Сулянь чжэнфу цзинцзи вэньти цзюеи хуэйбянь (Сборник постановлений КПСС и Советского правительства по экономическим вопросам). Цзюань 1—15. Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, Пекин, 1983 нянь ци чубань.
10. *Хуан Лифу.* Сулянь шэхуй цзецэн юй Сулянь цзюйбянь яньцзю (Исследование по советской социальной стратификации и причинам распада СССР) — Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, Пекин, 2006.
11. *Чжан Шэнфа.* Сыдалинь юй лэнчжань циюань (Сталин и происхождение холодной войны). Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, Пекин, 2005.
12. Чжунго лиши чжаодай цзяню шииту (Границы Китая в период правления исторических династий (221 г. до н.э. — 1820 г.). Чжунго миньцзу шэин вэньи чубаньшэ, Пекин, 2006.

13. *Чэнь Чжихуа.* Три десятилетия изучения истории СССР в КНР (1978—2008 гг.) — Проблемы Дальнего Востока, 2009. № 5. С. 141—152.
14. *Шэнь Чжихуа цзун чжубянь.* Сулянь лиши данъань сюаньбянь (Советские исторические архивные материалы). Ди 1—34 цзюань. Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, Пекин, 2002 нянь ци чубань.
15. *Шэнь Чжихуа чжубянь.* Лэнчжань шици Сулянь юй Дун Оу дэ гуаньси (Отношения СССР и стран Восточной Европы в период «холодной войны»). Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2006.

Интернет — ресурсы

16. http:/nvo/ng/ru/realty/1_pekin/html.

Шаумян Т. Л.
(Центр индийских исследований
Институт востоковедения РАН)

Из истории установления советско-индийских дипломатических отношений: роль личности в истории

Народы России и Индии традиционно относились друг к другу с взаимным интересом и взаимным уважением. Неудивительно поэтому, что дипломатические отношения между Советским Союзом и Индией были установлены еще в апреле 1947 г., т. е. до официального провозглашения независимости Индии (15 августа 1947 г.) Это факт справедливо рассматривался как оказание Советским Союзом существенной помощи Индии в деле утверждения ее международных позиций.

Однако становление и развитие советско-индийских отношений в первые годы после достижения Индией независимости проходили непросто. Это объяснялось как объективными обстоятельствами, связанными с началом «холодной войны», так и субъективными,

сугубо личностными факторами. Внешнеполитические подходы Индии во многом определялись ее признанным лидером и первым премьер-министром Джавахарлалом Неру; советская позиция в отношении Индии на первом этапе находилась под воздействием позиции И. В. Сталина, у которого выработалось своё отношение к национально-освободительному движению в целом и индийскому — в частности.

Еще до окончания Второй мировой войны Дж.Неру высказывал мнение, что в послевоенном мире статусом великой державы будут обладать четыре страны: США, СССР, Китай и Индия. Великобритания, как он считал, сохранит свой статус лишь при условии, что ей удастся удержать хотя бы часть «разрушающейся империи»[1] .

5 марта 1946 г., ровно за семь лет до смерти И. В. Сталина, У. Черчилль произнес знаменитую Фултоновскую речь, определившую параметры «холодной войны». За день до этого в Палату общин Великобритании поступил запрос относительно заявления лорда Чорли на митинге Индийской лиги в Лондоне о том, что «независимая Индия должна быть готова встретиться с возможностью нападения на нее со стороны России»[2]. В том же 1946 г. страны Запада неоднократно предостерегали Индию о «советской пропаганде» в Кашмире и т. д. В условиях «холодной войны», создания системы военных союзов в непосредственной близости к границам Индии и вовлечения в них Пакистана, с которым у Индии и без того существовали острые нерешенные проблемы двусторонних отношений, формировалась индийская политика неприсоединения к военным блокам. Неру определял эту политику как «сохранение за Индией свободы принимать по всем возникающим для нее внутренним и международным вопросам самостоятельные решения, исходя из конкретных обстоятельств в каждом отдельном случае и не присоединяясь ни к одному из военных блоков, не заключая военных союзов ни с какой страной»[3].

В письме от 2 января 1947 г. видному индийскому дипломату, одному из первых послов Индии в СССР К. П. Ш. Менону, Дж. Неру определял в качестве основного принципа внешней по-

---

[1] *Subrahmaniam K.* Nehru and the India-China Conflict of 1962 // Indian Foreign Policy. The Nehru Years. New Delhi, 1990. P. 109.

[2] Цит. по: СССР и Индия. Москва, 1987. С. 119.

[3] Цит. по: *Шаумян Т. Л.* Из истории формирования принципов внешней политики Индии.

литики Индии необходимость «избегать вовлеченности в политику великих держав и не присоединяться ни к одной из их группировок» [4]. Дж.Неру полагал, что при осуществлении внешней политики Индия должна руководствоваться четким осознанием своих национальных интересов, не отступая при этом от своих идеалов. Национальные интересы, как он считал, могут быть обеспечены созданием оптимальных внешних условий для самостоятельного национального развития, укреплением суверенитета, территориальной целостности и безопасности страны. Что касается идеалов, то, как считал Дж. Неру, Индия должна стремиться к укреплению всеобщего мира, самостоятельно определять свою позицию по вопросам международной жизни, способствовать делу свободы, как национальной, так и личной, добиваться устранения расовой дискриминации, нищеты, болезней и неграмотности большинства населения страны[5].

Однако с первых дней независимости Индия столкнулась с необходимостью демонстрации не столько идеализма, сколько жесткого реализма и прагматизма. Этого требовали острые экономические и политические проблемы, внутренние кризисы, вооруженные конфликты на границах Индии, реальная угроза терроризма и сепаратизма, нерешенность спорных проблем с соседями, в том числе, территориальных. Особенно остро вставал вопрос о необходимости укрепления обороноспособности страны.

В своем первом обращении по всеиндийскому радио 7 сентября 1946 г. в качестве председателя временного правительства Индии Дж. Неру заявил, что свободная Индия будет делать все возможное для укрепления мира, «свободного сотрудничества свободных народов». Он обратился к Англии, с которой, «невзирая на конфликты в прошлом», Индия намерена поддерживать отношения дружбы и сотрудничества; приветствовал народы США, «которым судьба уготовила важную роль в международных делах». Руководитель новой Индии упомянул «великую страну современного мира» — Советский Союз, с которым Индии «неизбежно придется решать много

---

[4] *Джавахарлал Неру.* Воспоминания, исследования. М., 1989. С. 182

Menon K. P. S. India and the Soviet Union // Indian Foreign Policy. The Nehru Years. / Ed. By B.P.Nanda. Nehru Memorial Museum &Library. Radiant Publishers New Delhi, 1990. P. 134.

[5] Jawaharlal Nehru's Speeches. 1949—1953. Delhi, 1954. P. 398.

общих задач и иметь дела друг с другом». Наконец, он высказал надежду, что дружба с Китаем — могучей соседней страной — «сохранится и окрепнет»[6].

Дж. Неру осознавал, что внешняя политика «является результатом экономической политики, и пока Индия не выработает надлежащим образом свою экономическую политику, ее внешняя политика будет, несомненно, неопределенной»[7]. В письме М. К. Ганди (1945 г.) Неру отмечал необходимость уделять особое внимание «проблеме независимости и защиты от внешней агрессии, как политической, так и экономической». «Я не думаю, — писал он, — что Индия может стать действительно независимой, пока она не превратится в технологически развитую страну». При этом Неру имел в виду не только укрепление военного потенциала страны, но и «развитие науки» [8].

Известный индийский политолог К. Субраманиам, анализируя процесс формирования внешней политики Дж. Неру, писал, что индийский руководитель осознавал необходимость осуществления такого внешнеполитического курса, который сможет обеспечить национальную безопасность страны на основе «взаимоуравновешивающего» баланса сил в регионе. «Учитывая геостратегическое положение США, Советского Союза и Индии, — пишет далее К. Субраманиам, — учитывая интерес американцев к Пакистану и их поддержку колониалистских и нео-колониалистских сил», Неру после серьезных размышлений пришел к решению «использовать Советский Союз как уравновешивающий фактор»[9].

Обращение Дж. Неру к Советскому Союзу не было случайным. С момента первого краткого визита в Москву в 1927 г. он с большим интересом относился ко всему, что происходило в этой стране. Многое было воспринято им позитивно, но было и то, с чем он не мог согласиться. Тем не менее, он пришел к убеждению, что в России «поставлен» огромной важности эксперимент, и, в любом

---

[6] Jawaharlal Nehru's Speeches. 1949—1953. Delhi, 1954. C. 29—32.

[7] Там же. С. 58.

[8] Цит. по: *Subrahmanyam K.* Nehru and the India-China Conflict of 1962 // Indian Foreign Policy. The Nehru Years. New Delhi, 1990. P. 110.

[9] *Menon K. P. S.* India and the Soviet Union // Indian Foreign Policy. The Nehru Years. Ed. By B. R. Nanda. Nehru Memorial Museum & Library. Radiant Publishers New Delhi, 1990.

случае, между Индией — азиатской страной, и Россией, расположенной на территориях Европы и Азии, «могут сложиться отношения или дружбы или враждебности: равнодушие в данном случае исключено»[10].

Дж. Неру, другие руководители Индии, придерживались твердой точки зрения, что после Второй мировой войны Советский Союз будет играть важную роль в мировой политике, и Индия была заинтересована в установлении с ним отношений сотрудничества. Сразу же после формирования в сентябре 1946 г. временного правительства Индии Дж. Неру предпринимал попытки установить дипломатические отношения с СССР и делал все возможное, чтобы «растопить лед», характерный для позиции сталинского руководства в отношении Индии. Для Дж. Неру установление дружеских отношений с СССР стало частью его стратегического плана формирования отношений дружбы и сотрудничества со всеми странами, независимо от их идеологии и политичекой системы.

В сентябре-октябре 1946 г. состоялись встречи советских и индийских дипломатических представителей на мирной конференции в Париже, где министр иностранных дел СССР В.М.Молотов встретился с известным индийским дипломатом В. Кришна Меноном, и в Нью-Йорке, где обсуждались перспективы установления дипломатических отношений. Конфиденциальные переговоры проходили также между дипломатами СССР и Индии в Пекине.

Созданию благоприятной атмосферы для установления отношений способствовала позиция СССР на 1-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в октябре-декабре 1946 г., когда делегация временного правительства Индии, возглавлявшаяся сестрой Дж.Неру Виджайялакшми Пандит, предложила включить в повестку дня сессии вопрос о расовой дискриминации индийцев в Южно-Африканском Союзе (ЮАС). Представитель ЮАС при прямой поддержке США и Великобритании пытался вообще не допустить обсуждения этого вопроса, считая его внутренним делом своей страны. И только благодаря усилиям советской и индийской делегаций Генеральная Ассамблея в декабре 1946 г. одобрила резолюцию, осуждающую

---

[10] *Menon K. P. S.* India and the Soviet Union // Indian Foreign Policy. The Nehru Years. Ed. By B. R. Nanda. Nehru Memorial Museum & Library. Radiant Publishers New Delhi, 1990. P.133.

расовую дискриминацию индийцев в ЮАС. Выступая на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи, В.М.Молотов высказался за необходимость признания «справедливых требований Индии». В.Пандит расценила это выступление как «знак понимания и дружбы» между двумя странами. Благодарность советской делегации была высказана в специальной телеграмме от иностранного департамента ИНК. В марте 1947 г. Дж.Неру направил письма благодарности в МИД СССР, а также Белоруссии и Украины, за поддержку позиции Индии в ООН[11]. Симпатии Дж. Неру к СССР не прошли незамеченными в США, и Дж. Ф. Даллес, который участвовал в заседаниях ООН в январе 1947 г., отмечал, что «советский коммунизм оказывал серьезное влияние на деятельность временного правительства» Индии[12].

Стремление Дж.Неру установить дипломатические отношения с СССР до 15 августа 1947 г. наталкивалось на прямое или косвенное противодействие британских властей, которые, по крайней мере, формально, продолжали определять внешнюю политику Индии. Несомненно, в позиции Лондона продолжал давать себя знать синдром «большой игры» — англо-русского соперничества в Азии, обострившийся с приходом к власти в России большевиков. К. П. Ш. Менон писал: «Русское пугало было облечено в красные одежды большевизма, в результате оно стало выглядеть еще ужасней. По существу Британия установила то, что в подлинном смысле слова может быть названо железным занавесом между Индией и Россией»[13].

Тем не менее, переговоры и встречи высокопоставленных дипломатов двух стран продолжались, и 14 апреля 1947 г. было опубликовано совместное заявление, в котором говорилось: «Стремясь к сохранению и дальнейшему укреплению дружественных отношений, существующих между СССР и Индией, Правительство СССР и Правительство Индии решили обменяться дипломатическими представительствами в ранге Посольств»[14]. Провожая в Москву первого посла Индии, свою сестру В.Пандит, Дж.Неру сказал: «Вы

---

[11] Подробнее см.: СССР и Индия. С. 127—129.

[12] Там же.

[13] Цит. по: Скосырев В., Горошко Г. Береза и баньян. // Российско-индийские отношения: вчера, сегодня, завтра. М., 2004. С. 13—14.

[14] См. СССР и Индия. С. 132.

отправляетесь в дружественную страну, от которой нас отгораживали иноземные властители. Надо наверстать упущенное и укрепить наши связи с Советским Союзом, ибо мы с ним соседи и у нас много общего. Между нами нет и никогда не должно быть противоречивых интересов»[15].

Становится очевидным, что индийская сторона была реально заинтересована в установлении отношений взаимопонимания и сотрудничества с СССР и делала со своей стороны все возможное, чтобы преодолеть существовавшие в тогдашнем сталинском руководстве недоверие и подозрительность в отношении независимой Индии и ее руководителей.

Действительно, в Москве на первом этапе после провозглашения независимости Индии преобладал «сталинский» подход к национальной буржуазии как «соглашательской», а к Индийскому национальному Конгрессу — как к «вступившему в сговор с империализмом». В статье о М. К. Ганди в опубликованном в 1952 г. 10 томе Большой Советской Энциклопедии было сказано как об «авторе реакционной политической доктрины» — гандизме, который в период пребывания в Южной Африке «решительно отвергал совместные действия индийцев с другими угнетенными национальностями Южной Африки», «реакционере», роль которого «отражала предательскую позицию крупной индийской буржуазии и либеральных помещиков». М. К. Ганди «предавал» народ, помогал империалистам «подавлять» революционные выступления. Наконец, авторы статьи приводят цитату из политического отчёта И. В. Сталина XVI съезду ВКП(б) (июнь 1930 г.). Говоря о нарастании революционного движения в странах Востока, Сталин сказал: «Господа буржуа рассчитывают залить эти страны кровью и опереться на полицейские штыки, призвав на помощь людей вроде Ганди»[16].

Посол Индии в СССР К. П. Ш. Менон вспоминает, что вскоре после своего приезда в Москву он «вынужден был» посетить МИД и выразить протест в связи с «оскорбительным» отношением советской прессы к признанному национальному лидеру, «отцу нации» Махатме Ганди. В ответ он услышал ссылки на то, что индийская

---

[15] См. СССР и Индия. С. 133.

[16] Ганди // БСЭ. 2-ое изд. Т. 10. М., 1952. с. 203.

печать также позволяет себе «оскорбительные» замечания в адрес Ленина и Сталина. К. П. Ш. Менон не счел возможным согласиться с такого рода аргументацией, мотивируя свою точку зрения тем, что в Советском Союзе пресса прямо отражала мнение руководства страны, в то время как индийская пресса свободна и не зависит от позиции властей. Спорить с подобной аргументаций советского руководства индийский посол не мог, однако был озабочен тем, как при таких взглядах Москва может реально думать об установлении дружественных отношений с Индией[17].

Что касается Джавахарлала Неру, то и его Сталин не воспринимал как лидера действительно независимой страны, а Индию продолжал считать экономически и политически зависимой от «западного империализма»: именно так воспринималось сохраняющееся членство Индии в Содружестве. Как пишет Н. С. Хрущев в воспоминаниях «Время. Люди. Власть», советское руководство не понимало, почему Неру «терпимо относится к англичанам, своим вчерашним поработителям»[18]. После объявления о том, что Индия остается в составе Содружества, посол СССР в Индии посетил К. П. Ш.Менона и сказал ему, что этот день «является печальным для Индии и для всего мира». Имя Неру и факт передачи власти от правительства Великобритании практически не упоминались в советской печати, а первый посол Индии в СССР Виджайялакшми Пандит не была удостоена чести личной аудиенции Сталина. Характеризуя обстановку того периода, К. П. Ш.Менон писал: «Холодная война была в разгаре. Обе стороны обычно думали: тот, кто не с нами, тот против нас. Советский Союз приветствовал независимость Индии, но он не был уверен, будет ли Индия действительно независимой, или же экономически она останется спицей в колеснице Запада»[19].

Как пишут В. Скосырев и Г. Горошко в опубликованной в 2004 г. книге «Береза и Баньян», «Сталин в глазах индийцев был не просто вождем, но олицетворением всех ветвей власти в СССР». Видимо, поэтому, составляя верительные грамоты для В. Пандит, чиновники индийского МИДа адресовали их Сталину, а не Н. М. Швернику, председателю Президиума Верховного Совета СССР. Известный

[17] *Menon K. P. S.* India and the Soviet Union // Indian Foreign Policy. P. 136.

[18] *Хрущев Н. С.* Воспоминания. Время. Люди. Власть. Том 3. М., 1999, с. 317—339.

[19] *Скосырев В., Горошко Г.* Береза и баньян. С. 13.

индийский дипломат Т. Н. Кауль, работавший в первом посольстве Индии в СССР, вспоминал, что накануне отъезда В. Пандит из Москвы он поинтересовался, не хочет ли она нанести прощальный визит Сталину, на что она ответила: «Почему я должна обращаться с такой просьбой? Он мог бы сам пригласить меня, если бы захотел»[20]. Т. Н. Кауль замечает: «Она, возможно, была права в том, что Индии не следует на коленях вымаливать милостей у советской стороны»[21].

Мнение о том, что «сталинская Россия вряд ли понимала новую Индию», как считал Т. Н. Кауль, подтверждалась и реакцией советских властей на трагическую гибель М. К. Ганди. Он пишет: «... Я был потрясен и удивлен, узнав, что не было даже направлено соболезнования в связи с убийством Махатмы Ганди 30 января 1948 г., и никого — подписать книгу соболезнований в посольстве. По своей собственной инициативе, просто из добрых чувств к Советскому Союзу я отправился к заведующему Отделом Южной Азии МИД СССР Михайлову и сказал ему совершенно неофициально, что это — серьезное упущение, которое произведет очень неблагоприятное впечатление в Индии. Он ответил безапелляционно: «Ганди говорил, что Советский Союз для него загадка. Ну что же, а он — загадка для нас». Лишь через три дня после случившейся трагедии советский посол в Дели подписал книгу соболезнований. «Этот случай, — пишет Т. Н. Кауль, — поколебал мою веру в компетентность и разумность сталинской бюрократии. Они не соприкасались с индийской реальностью и смотрели на Индию через свои догматические очки. Для них Индия ещё была не подлинно независимой, а только придатком Британии... Советская пресса была настроена в отношении Индии откровенно критично и называла её «лакеем и цепным псом британского империализма»[22].

В своих мемуарах Н. С. Хрущев отмечал также, что проводимую Дж. Неру политику «рассматривали во времена Сталина как нечто, близкое к пацифизму. Учение Ганди о непротивлении злу и другие его толстовские высказывания в том же духе нас не привлекали». Сталин, как пишет Хрущев, «относился к Индии без особого внима-

---

[20] *Скосырев В., Горошко Г.* Береза и баньян. С. 40—41.

[21] Там же.

[22] *Скосырев В., Горошко Г.* Береза и баньян. С. 42—43.

ния, причем незаслуженно. Такая страна должна была бы привлечь его внимание. Он ее недооценивал и, видимо, событий в ней толком не понимал». Далее Н.С.Хрущев отмечает: «Из сообщений, которые попадали в советские газеты, вытекало, что направленность развития Индии — капиталистическая. Ничто не свидетельствовало о строительстве там социализма. Это нас отталкивало»[23]. Вызывала сомнение способность нового государства противостоять давлению извне и сохранять свою независимость и территориальную целостность, укреплять свои международные позиции. Советским генералитетом высказывались предположения, что в случае начала мировой войны Индия, будучи членом Содружества, выступит против СССР, а ее аэродромы и другие военно-стратегические объекты будут использоваться для нанесения бомбовых ударов по территории южных республик Советского Союза.

Наш коллега историк-индолог В.П.Кашин обнаружил в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) документ, который свидетельствует о том, что среди сотрудников внешнеполитического ведомства СССР можно было встретить и более объективную оценку процессов, происходивших в Индии[24]. Речь идет об «Отчете» первого посла СССР в Индии Кирилла Васильевича Новикова (1905—1983), с которым он выступил на заседании Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) 5 июля 1949 г. Перед послом была поставлена задача не просто дать глубокий анализ ситуации в Индии, а обнаружить в этой стране наличие признаков революционной ситуации. Этого К.В.Новикову сделать не удалось: он был убежден в том, что выступления индийских рабочих и крестьян под руководством Коммунистической партии проходили исключительно под экономическими лозунгами и не затрагивали основ политической системы Индии.

В «Отчете» К.В.Новиков писал: «Перед отъездом в Индию я имел указания товарища Сталина помнить о том, что индийское правительство пришло к власти 15 августа 1947 года в результате сделки индийских национальных буржуазно-феодально-помещичьих кругов с британским империализмом». Однако посол прихо-

[23] *Хрущев Н. С.* Воспоминания. Т. 3. С. 318.

[24] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 128, д.1187. См.: *Кашин В. П.* Независимая Индия и Советский Союз (по материалам рассекреченного архива) // Восток. 2001. № 1. С. 42—48.

дит к заключению, что после провозглашения независимости вся власть в стране перешла в руки национальной буржуазии, и первые действия нового правительства отнюдь не могли расцениваться как «политический фарс». К.В.Новиков отмечает: «С 15 августа 1947 года обстановка изменилась в Индии не только по форме, но и по существу... фактически дело обстоит так, что судебная, законодательная, политическая, административная власть в стране находятся в руках индийской национальной буржуазии, феодалов, помещичьих кругов и от этого никуда не уйдешь. Индийские буржуазно-помещичьи круги могут по своей воле решать те или иные политические, государственные и прочие вопросы». К.В.Новиков высоко оценивал политическую роль Дж. Неру как лидера освободительного движения, как тонкого и умного политика, пользующегося большим авторитетом в своей стране. Советский посол выразил от имени своего правительства и МИДа соболезнования в связи с трагической гибелью Махатмы Ганди, а позднее подверг критике позицию И.В.Сталина, который, в отличие от Трумэна, Черчилля и других глав правительств и государств, не прислал своего соболезнования. «С точки зрения конъюнктурной, — отмечал К.В.Новиков, — это принесло нам ущерб».

Можно предположить, что члены Внешнеполитической комиссии без энтузиазма отнеслись к выступлению К.В.Новикова, который продемонстрировал «объективность, принципиальность и личное мужество» при освещении общественно-политического положения в Индии[25]. Правда, отозван он был с должности посла лишь в 1953 г., после смерти Сталина и прихода к руководству страной Н.С.Хрущева. Впоследствии он занимал второстепенные посты в МИДе, а в 1973 г., в возрасте 68 лет, ушел в отставку.

Следует упомянуть еще одну причину, по которой отношения между СССР и Индией на первом этапе складывались столь непросто. Речь идет о позиции СССР и КПСС в отношении мирового коммунистического движения вообще и в Индии — в частности. Известно, что еще в 1946 г. СССР поддерживал сотрудничество коммунистов с национальной буржуазией на этапе борьбы за не-

---

[25] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 128, д.1187. См.: *Кашин В.П.* Независимая Индия и Советский Союз (по материалам рассекреченного архива)// Восток. 2001. № 1. С. 47

зависимость. Однако затем перед коммунистами была поставлена задача встать во главе национальных фронтов и развернуть борьбу против империалистов и национальной буржуазии, связанной с иностранным капиталом[26]. Как отмечал К. В. Новиков, после своего второго съезда (март 1948 года) Коммунистическая партия Индии «отказалась от политики поддержки индийского правительства и поставила борьбу против нынешнего режима в Индии наряду с борьбой против британского империализма»[27]. Действия индийских коммунистов, направленные на открытое противодействие правительству Дж. Неру, расценивалось руководством страны как крайне опасные, «поскольку могли привести к созданию широкомасштабного хаоса». Начались аресты коммунистов, в ряде штатов Индии Коммунистическая партия была запрещена. Некоторые органы массовй информации Индии публиковали критические статьи в отношении СССР и Сталина. Реакция советской стороны была крайне негативной, и отношения между двумя странами серьезно осложнились[28].

С обострением «холодной войны», советское руководство постепенно приходило к пониманию того, что с точки зрения стратегической, интересам СССР на южном направлении отвечала стабильная сопредельная страна, которая в состоянии осуществлять независимый внешнеполитический курс без риска оказаться под влиянием враждебных СССР сил. В то же время, необходимо было учитывать и то обстоятельство, что конфликтующий с Индией Пакистан был ориентирован на США и позднее, в 1954 г. вступил в СЕАТО, в 1955 г. в СЕНТО, и в 1954 г. подписал прямое военное соглашение с США.

Советский Союз поддержал мирную инициативу Дж. Неру, направленную на урегулирование конфликта на Корейском полуострове, что вызвало благоприятный отклик в общественных кругах Индии. В июле 1950 г. в послании на имя Сталина Неру указывал, что «цель Индии заключается в том, чтобы локализовать конфликт и содействовать быстрому мирному урегулированию». В ответном послании Сталин высоко оценил мирную инициативу Индии и ука-

---

[26] *Скосырев В., Горошко Г.* Береза и баньян. С. 46

[27] *Кашин В. П.*. С. 45

[28] *Скосырев В., Горошко Г.* Береза и баньян. С. 46—47.

зал, что разделяет точку зрения «насчет целесообразности мирного урегулирования корейского вопроса через Совет Безопасности с обязательным участием представителей пяти великих держав». Сталин счел необходимым заслушать также и представителей корейского народа[29]. В июле 1953 г. после подписания перемирия в Корее СССР поддержал кандидатуру Индии как участника предстоявшей политической конференции по Корее[30].

В 1952 г. советская делегация в ООН прервала свое молчание по кашмирскому вопросу и поддержала позицию Индии. Через три месяца после этого И. В. Сталин впервые принял в Кремле посла Индии С. Радхакришнана. Дж. Неру высоко оценил этот шаг и, со своей стороны, позднее выразил соболезнования в связи со смертью советского вождя[31].

После 1953 г. новое руководство СССР во главе с Н. С. Хрущевым провозгласило осуществление нового внешнеполитического курса, важной составной частью которого стали отношения с неприсоединившимися странами. Как писал Б. Р. Нанда, бывший в середине семидесятых годов XX в. директором Мемориального музея и библиотеки Дж. Неру в Дели, «сердечность» в отношениях между Индией и СССР стала возможна благодаря «отказу Кремля — в жестких условиях атомного века — от двух основополагающих ленинских доктрин: неизбежности войны между капитализмом и социализмом и насильственной революции как «повивальной бабки» социализма[32]». Следствием этого стала политика мирного сосуществования со странами Запада и признание конструктивной роли национальной буржуазии в экономически слаборазвитых и дипломатически не признанных странах. В этих условиях Дж. Неру выдвинул концепцию неприсоединения новых независимых государств Азии и Африки как альтернативу военным союзам, преследовавшим цель «сдерживания» СССР[33]. Эта концепция должна была отвечать стратегическим интересам Советского Союза.

---

[29] См.: СССР и Индия. С. 136.

[30] Там же.

[31] *Subrahmaniam K.* Nehru and the India-China Conflict of 1962. P.111.

[32] Так у Б. Р. Нанда.

[33] *Nanda B. P.* Introduction // *Indian Foreign Policy. The Nehru Years*. Radiant Publishers, New Delhi, 1990. P. 15.

СССР развивал контакты с Индией, и взаимодействие с Дели постепенно становилось одним из приоритетных направлений внешней политики СССР. Руководство новой независимой Индии также придавало большое значение отношениям с СССР. Так, выступая 22 июня 1955 г. на митинге индийско-советской дружбы на стадионе «Динамо» в Москве во время официального визита в СССР, Дж. Неру, в частности, отмечал: «Хотя в своей борьбе под руководством Махатмы Ганди мы шли иным путем, нежели вы, мы восхищались Лениным, и его пример оказал на нас большое влияние, Несмотря на различие наших методов, наш народ никогда не питал недружелюбных чувств к народу Советского Союза»[34]. Он сказал далее: «Нет никаких причин, по которым страны с различными политическими, социальными или экономическими системами не могли бы сотрудничать, если только они не будут при этом вмешиваться в дела друг друга, навязывать свою волю или пытаться установить свое господство»[35].

В последующие десятилетия Советский Союз неоднократно демонстрировал поддержку позиций Индии на международной арене. Приведем два примера: отношение СССР и его лидеров к проблемам индо-пакистанских отношений и к индийско-китайскому пограничному спору [36].

При обсуждении на различных форумах, в том числе и в ООН, кашмирской проблемы — основной спорной проблемы в индо-пакистанских отношениях — СССР, по крайней мере, с начала 50-х г.г., занял благоприятную с точки зрения интересов Индии позицию признания решенности в принципе кашмирского вопроса, принадлежности Кашмира Индии и незаконности оккупации Пакистаном части его территории. Точка зрения Советского Союза была изложена советским представителем в ООН Я. А. Маликом в Совете Безопасности ООН в январе 1952 г.[37] и подтверждена в выступле-

---

[34] *Джавахарлал Неру.* Внешняя политика Индии. Избранные речи и выступления 1946—1964. М., 1965. С. 153.

[35] Там же. С. 155.

[36] Подробнее см. : *Белокреницкий В. Я.*, *Москаленко В. Н.*, *Шаумян Т. Л.* Южная Азия в мировой политике. М. Международные отношения 2003; *Кузык Б. Н.*, *Шаумян Т. Л.* Индия-Россия: стратегия партнерства в XX1 веке — М., 2009.

[37] «Правда». 18 января 1952.

нии заместителя министра иностранных дел В. А. Зорина на Генеральной Ассамблее 23 декабря 1952 г.[38]

В Архиве внешней политики России хранится «Обращение главы временного правительства Свободного Кашмира к правительству СССР с просьбой о признании». В телеграмме от 4 ноября 1947 г. из Равалпинди на имя И. В. Сталина глава временного правительства Свободного Кашмира Сардар Ибрагим писал: «Четыре миллиона населения Кашмира ходатайствует о поддержке со стороны свободолюбивого правительства и народа Советского Союза в этот критический час нашей борьбы за свободу против феодальной аристократии Магараджи, которого поддерживает Индийский Союз. Признание Вами нашего временного правительства окажет значительную помощь нашему благородному делу, а также вдохновит все прогрессивные силы мира в их борьбе за действительную свободу»[39]. Судя по всему, советское руководство предпочло воздержаться от ответа на это обращение, чтобы не ставить под сомнение территориальную целостность Индии.

В ходе визита в Индию в 1955 г. Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина была подтверждена позиция СССР по проблеме Кашмира, а выступая по итогам встреч с руководством Индии в Верховном Совете СССР Н. А. Булганин заявил, что «Советский Союз поддерживает политику Индии в кашмирском вопросе, ибо она полностью отвечает интересам укрепления мира в этом районе Азии»[40]. Именно на этом этапе Советский Союз сделал свой «исторический выбор» в Южной Азии в пользу Индии, что и определило южноазиатскую политику Москвы на будущие десятилетия.

При обсуждении в апреле 1956 г. и январе 1957 г. кашмирской проблемы в Совете Безопасности ООН, начатом по инициативе Пакистана и поддержанном странами Запада, представитель СССР высказался за ее урегулирование путем прямых переговоров, а 24 января и 18 февраля 1957 г. при новом обсуждении предложения об использовании в Кашмире войск ООН и проведении плебисцита под контролем ООН заявил, что такое развитие событий может

---

[38] Official Records of the Security Council of the United Nations. Yr. 7, Mtg 611. 1952, p. 1.

[39] АВПРИ, Опись 1, пор. 2, инд. 111, папка 1а, дело 111-ИН.

[40] Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва. Четвертая сессия (24—29 декабря 1955 г.). Стенографический отчет. М., 1956. С. 475—476.

«вызвать местные конфликты и обострить международную обстановку в районе»[41]. В конечном счете советский представитель наложил вето на предложенную резолюцию. Ситуация повторилась в ноябре и декабре 1957 г., когда советской стороной было заявлено, что она будет и впредь противодействовать попыткам «прикрыть и узаконить иностранное вмешательство в кашмирскую проблему и во внутренние дела Индии с тем, чтобы нанести ущерб ее национальному суверенитету»[42].

В 1962 г. по настоянию Пакистана и при поддержке США вопрос о Кашмире вновь обсуждался в Совете Безопасности ООН, и советский представитель вновь отверг идею плебисцита как «открытого вмешательства в дела Индии», заявив, что в Кашмире уже трижды проводились выборы, в ходе которых население штата — а это три четверти населения всего Кашмира — «с успехом и свободно выразило свою волю»[43]. Советский представитель вновь воспользовался правом вето, и осуществление идеи плебисцита было таким образом заблокировано.

Обострение отношений между Индией и Пакистаном к началу 1965 г., вооруженные столкновения в пограничных с Кашмиром районах привели к полномасштабному вооруженному конфликту в сентябре 1965 г. В момент серьезного обострения ситуации на индо-пакистанской границе в районе Кашмира Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин 17 сентября предложил премьер-министру Индии Л. Б. Шастри и президенту Пакистана М. Айюб Хану провести в Ташкенте двустороннюю встречу, и 4 января 1966 г. конференция начала свою работу. Проходила она непросто: делегации Индии и Пакистана находились в разных помещениях, а документы и материалы передавались из одной комнаты в другую референтами и помощниками. В конечном итоге 10 января 1966 г. встреча завершилась принятием Ташкентской декларации, где Индия и Пакистан обязались не прибегать к силе и решать спорные проблемы мирным путем, продолжать свои отношения на основе принципа невмешательства во внутренние дела друг друга, отвести войска на позиции, занимаемые ими до 5 августа 1965 г., соблюдать

---

[41] Official Records..., 12th Session, Mtg 768, 18 February, 1957.

[42] Там же. Mtg 799, November, 1957.

[43] Там же. Mtg 1015, 21 June 1962, Mtg 1016, 12 June 1962.

условия прекращения огня, нормализовать дипломатические и прочие связи, договориться о репатриации военнопленных и т. д.

9 августа 1971 г. в момент резкого обострения индо-пакистанских отношений, был подписан советско-индийский договор, укрепивший международные позиции Индии и подтвердивший военно-политическую, моральную, дипломатическую и экономическую поддержку Москвой ее позиций. Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко заявил по этому поводу, что «никто уже не может строить свою политику — будь то в отношении Советского Союза или в отношении Индии — без учета этого договора»,[44] а премьер-министр Индии Индира Ганди была убеждена в том, что этот договор «охладит авантюризм тех стран», которые проявляют по отношению к Индии «патологическую враждебность»[45]. Подписание советско-индийского договора 1971 г. не только укрепило международные позиции Индии, но и способствовало формированию и укреплению образа СССР как друга и союзника Индии.

Отношения Советского Союза с Индией, активно развивавшиеся с середины 1950-х г.г., контрастировали с обострением разногласий в советско-китайских отношениях как по линии межгосударственных, так и межпартийных связей. Индийско-китайский конфликт стал одним из факторов, осложнявших отношения Москвы и Пекина.

9 сентября 1959 г. было опубликовано Заявление советского правительства, в котором выражалось сожаление по поводу напряженности на гималайских границах и указывалось, что обострением индийско-китайских отношений воспользуются реакционные силы, которые «стремятся опорочить идею мирного сосуществования государств с различными социальными системами и помешать укреплению солидарности азиатских народов в борьбе за упрочение национальной независимости».

Н. С. Хрущев, стоявший у истоков развития и укрепления советско-индийских связей и ассоциировавшийся с началом советско-китайской конфронтации, по-своему трактовал события, происходившие на индийско-китайской границе. Он, в частности, отмечал, что «в китайской печати поносили Неру как противника

---

[44] «Правда». 14 августа 1971.

[45] *Индира Ганди.* Статьи, речи, интервью. М., 1975. С. 24.

социализма и как врага Китая номер один... Мы не разделяли их точку зрения, а наша печать проявляла сдержанность, заняв такую позицию: дескать, разразился неожиданный конфликт между народами дружественной нам Индии и братского Китая. Именно такие употреблялись слова: дружественная Индия и братский Китай, Мы показывали тем самым, что Китай нам ближе. Так ведь по существу и было: Китай действительно стоял ближе к нам по идеологии, по целям развития в сторону социализма и коммунизма. Индия таких целей во времена Неру не провозглашала. Поэтому соответственно мы и разделяли словесно две страны» [46].

В опубликованной в 2000 г. в Индии книге «Индия и Китай. Далеко впереди после «Войны Мао с Индией»[47], ее авторы — послы С. В. Ранганатхан и Винод С. Кханна — отмечают, что большинство исследователей индийско-китайского конфликта как в Индии, так и за рубежом, акцентируют внимание на двух проблемах — события в Тибете и спор вокруг территорий, в гораздо меньшей степени касаясь воздействия внутренней ситуации в руководимом Мао Цзедуном Китае в 50—60-х гг. на состояние китайско-советских и китайско-индийских отношений. Они считают, что для Мао «проучить Советский Союз было почти так же важно, как предпринять карательную экспедицию против Индии». Авторы делают вывод, что обострявшийся китайско-советский конфликт, связанный самым тесным образом с идеологическими баталиями в КПК, борьбой за власть и внутриэкономической политикой китайского руководства, сыграл решающую роль в выработке поведения Пекина при разрешении проблем с Индией. То обстоятельство, что Советский Союз не занял четкую «классовую позицию» в конфликте между «социалистическим Китаем» и «буржуазной Индией», вызвало негодование китайского руководства. В книге «Индия и Китай» приводится цитата из конфиденциального письма ЦК КПК руководству ЦК КПСС от 13 сентября 1959 г.[48], в котором китайские лидеры об-

---

[46] *Хрущев Н. С.* Воспоминания. С. 83.

[47] *Ranganathan C. V., Khanna Vinod C.* India and China. The Way Ahead After "Mao's India War". New Delhi, 2000.

[48] См. доклад российского ученого М. Прозуменщикова «Китайско-индийский конфликт, кубинский ракетный кризис и раскол между СССР и Китаем в октябре 1962 г.: новые документы из российских архивов», подготовленный для конференции участников Международного проекта по

виняют советское правительство в «приспособленчестве и компромиссе по важным принципиальным вопросам» и утверждают, что «заявление ТАСС продемонстрировало всему миру наличие разногласий между Китаем и Советским Союзом по поводу инцидента на индийско-китайской границе, что вызвало явное ликование и восторг индийской буржуазии и американских и английских империалистов, которые всеми возможными способами пытаются вбить клин между Китаем и Советским Союзом»[49].

Н.С.Хрущев не был согласен с оценкой Мао Цзедуном китайско-индийского конфликта как «важного элемента классовой борьбы на международной арене» и не поддерживал призывы Пекина об оказании ему поддержки со стороны «братских партий». Не совпадали советские и китайские оценки индийского лидера Дж. Неру: для Н.С.Хрущева возглавлявшаяся Дж. Неру Индия являлась важным фактором в глобальной стратегии мирного соревнования с США, в то время как для Мао Неру представлялся как «полу-человек, полу-дьявол» [50]. Наконец, уже в тот период в Москве опасались, что воинственные действия Мао против Индии могут распространиться и на советско-китайскую границу. Не случайно в сентябре 1959 г., когда противоречия по пограничной проблеме между Китаем и Советским Союзом еще не выплеснулись на поверхность, советский министр иностранных дел А.А.Громыко представил руководству КПСС записку о положении на советско-китайской границе, уже тогда, по-видимому, предвидя возможность возникновения противоречий по этому вопросу [51].

В ходе встречи с Мао Цзедуном 2 октября 1959 г., на которой присутствовали и другие высшие руководители двух стран, Н.С.Хрущев заявил, что советское руководство «не понимает» таких направлений внешней политики Китая, как, например, отношения с Индией или вопрос о Тайване, но как «союзник Китая» СССР хочет иметь представление о том, что китайское руководство намерено предпринимать во внешнеполитической области. В ответ

истории «холодной войны». Гонконгский университет, январь 1996 г. Там же. P. 15—16

[49] Там же. P. 15

[50] Там же. P. 16

[51] Там же.

китайские руководители подтвердили «правильность» своей линии в отношении правительства Дж.Неру [52].

Сам Н.С.Хрущев пишет, что китайская сторона, в особенности китайский министр иностранных дел Чэнь И, «допускал всевозможные унизительные выражения, вплоть до личных оскорблений Неру». Н.С.Хрущев не мог «согласиться с такой оценкой социальной роли Неру и его личности». Он «доказывал, что у нас другая точка зрения, что мы иначе относимся к господину Неру и считаем, что из всех буржуазных деятелей Индии он как раз самый прогрессивный человек, который проводит антиимпериалистическую политику и не заключал никаких договоров с США, в то время как сосед Индии Пакистан заключил с США военный союз». Советский лидер высказал также китайской стороне непонимание «причин нынешнего военного конфликта двух стран: районы, за которые идет война, слабо населены, лежат высоко в горах и вообще неизвестно, представляют ли они какую-либо ценность. Вопрос о них следует решать мирным способом». Однако, по утверждению Н.С.Хрущева, Чэнь И продолжал «твердить», что «китайцы будут вести войну, пока не разгромят армию Индии»[53].

Таким образом, позиция китайских руководителей в отношении Индии поставила советское руководство перед необходимостью сделать выбор: поддержать неоправданные действия Мао ради сохранения «все более и более иллюзорного советско-китайского альянса» (за счет отношений с Индией и странами Запада) или занять «сбалансированную позицию» с риском открытого раскола с Мао Цзедуном и Китаем.

Между декабрем 1959 и февралем 1960 гг. Индию посетили Н.С.Хрущев и президент США Д. Эйзенхауэр. Эти визиты должны были подчеркнуть позитивную роль Неру в ослаблении «холодной войны». США проявляли интерес и к состоянию индийско-китайских отношений. Советская сторона еще раз подчеркнула необхо-

---

[52] См. доклад российского ученого М. Прозуменщикова «Китайско-индийский конфликт, кубинский ракетный кризис и раскол между СССР и Китаем в октябре 1962 г.: новые документы из российских архивов», подготовленный для конференции участников Международного проекта по истории «холодной войны». Гонконгский университет, январь 1996 г. Р. 18

[53] *Хрущев Н. С.* Воспоминания. С. 85

димость переговоров для разрешения погранично-территориального вопроса.

Вопреки прогнозам Пекина, Советский Союз не поддержал своего блокового союзника — Китай — в его конфликте с Индией. Москва выступила с призывами прекратить огонь и начать переговоры о мирном урегулировании конфликта. «Такое решение, — писала «Правда» 5 ноября 1962 г., — отвечало бы интересам китайского и индийского народов, служило бы делу сохранения мира в Азии и во всем мире». Позиция СССР была высоко оценена в Индии.

Таким образом, первый этап становления и развития отношений между СССР и Индией не был безоблачным, и действия двух стран несли на себе отпечаток личных взглядов их руководителей, которые далеко не всегда руководствовались объективностью и логикой.

Научное издание

БЮЛЛЕТЕНЬ ОБЩЕСТВА ВОСТОКОВЕДОВ РОССИИ
ВЫПУСК 18

К VIII СЪЕЗДУ РОССИЙСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ: ТРУДЫ

Составители:
К. В. Бабаев, Д. Д. Васильев, М. С. Мейер, А. А. Столяров

Подписано в печать 4.09.2012. Бумага офсетная № 1.
Формат 60x90 1/16. Гарнитура Times. Усл. печ. л. 19,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 3494.

Изд-во «Рукописные памятники Древней Руси»
ОГРН 10677464301102.
Тел.: 8 495 959-52-60. E-mail: lrc.phouse@gmail.com
Site: www.lrc-press.ru, www.lrc-lib.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Буки Веди»
Москва, ул. Сущевский Вал, д. 49

ISBN 978-5-9551-0587-1

